

СМОЛНА

«СНЫ ЗОЛОТЫЕ» • ИСПОВЕДИ НАРКОМАНОВ

ЧТО МОЖЕТ «ИНВЕСТИЛ»

ГОРДОН МАКГИЛ • АРМАГЕДДОН-2000

Т. МАРТЕМЬЯНОВ •

9'92

«МАЛАНЬИНА СВАДЬБА»

(Читайте стр. 70).

9'92

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.06.92.
Подписано к печати 28.07.92.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 244 400 экз.
Заказ № 1851.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
212-23-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

9 (1535) СЕНТЯБРЬ

© Издательство «Пресса»
© «Смена», 1992.

В НОМЕРЕ:

Проза

80

ИГОРЬ КУЗНЕЦОВ. ОСИРИС — ВЛАДЫКА ПРЕКРАСНОГО
ЗАПАДА
Рассказ

170

ГОРДОН МАКГИЛ. АРМАГЕДДОН-2000
Мистическая повесть

Поэзия

16

ИРИНА ПУТЯЕВА, ЛАРИСА ТАРАКАНОВА

122

**НИНА МАРКГРАФ, АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ,
ДМИТРИЙ ЛЕКУХ**

Человек и общество

4

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. ПОЛЕТЫ ПО ЗЕМЛЕ

114

«ИНВЕСТПУЛ»: ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

136

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ГУБЕРНИЯ САХАЛИН

Мораль и право

22

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. СНЫ ЗОЛОТЫЕ
Исповеди наркоманов

Культура, музыка и искусство

70

АЛИНА ЧАДАЕВА. ТОПОРНАЯ РАБОТА

100

ПТИЧКА ВЫЛЕТЕЛА
Фотовернисаж

126

ЮРИЙ ПАНИН: «ВЫЙДЕМ ЛИ МЫ ИЗ ПОДПОЛЬЯ?..»

На нашей
обложке:
фотозюд
ВЛАДИМИРА
ОГЛОБЛИНА

154

Т. МАРТЕМЬЯНОВ. «МАЛАНЬИНА СВАДЬБА»

167

ЧЕТВЕРКА ИЗ «ШЕБУТНОЙ КОМПАНИИ»

67, 152

ВАШИ ПИСЬМА

282

КРОССВОРД, ШАХМАТЫ

10-92

3

■ **ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД.** «ЖРЕБИЙ ФЛЕТЧА»

Грегори Макдональд уже знаком читателям «Смены». В 1989 и 1991 годах мы публиковали романы, главный герой которых — талантливый и обаятельный репортер Ирвин Флетч. Серия о Флетче стоит в ряду лучших произведений детективного жанра благодаря захватывающему сюжету, занимательной интриге и легкости изложения.

И вот снова на страницах журнала встреча с Флетчем, сохранившим присущие ему находчивость и смекалку...

■ **НИНА ФЭРУЭЛЛ.** «КАК ВЫСКОЧИТЬ ЗАМУЖ»

Книга английской писательницы Нины Фэруэлл — своеобразное руководство для современных девушек, мечтающих о браке и о любимом мужчине. Надеемся, что читательницы найдут в этой книге ответы на многие вопросы и прислушаются к советам Нины Фэруэлл, утверждающей, что «каждая девушка имеет право выйти замуж, так как каждая, у которой в голове есть хоть одна извилина, сумеет полюбить предложившего ей руку мужчине!»

■ **НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ.** «ЗЛОСЧАСТНАЯ ЦАРЕВНА»

Забывтый очерк выдающегося русского историка о трагической судьбе дочери Бориса Годунова.

АНОНС:

ПОЛЕТЫ ПО ЗЕМЛЕ

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

ФОТО ЕВГЕНИЯ СТЕЦКО

— Проклинаю тот день, когда впервые увидел вертолет, — в сердцах вырвалось у подполковника ПЕТРА ДИКУСАРА, командира эскадрильи.

Каждое утро после построений, на которых командир полка ставит задачи на день, эскадрильи расходятся по классам подготовки к полетам.

Приступают к исполнению штатных обязанностей офицеры штаба — в большой и пустынной комнате, где в интерьере господствует стол для настольного тенниса, расстилаются оперативные карты, графики учебных полетов и боевых дежурств, схемы взаимодействия с наземными средствами обеспечения полетов и с запасными аэродромами...

Поступают данные метеослужбы.

Отлаженно действует связь с вышестоящим штабом. С привычным тщанием ведется текущая документация. В общем, все, как должно быть в частях и подразделениях Военно-Воздушных Сил.

И нет только одного. Нет полетов.

И никто, включая командира полковника Шабанова, не знает и не ведает, когда винтокрылые машины отдельного вертолетного полка, чуть более года назад передислоцированного из Германии под Рязань, поднимутся в небо...

Говорит начальник штаба майор Виктор Рязанов:

— Каждый из нас отправлялся служить в Германию не новичком, успел до того хлебнуть жизни в том или ином гарнизоне или военном городке... Но то, что, вернувшись на Родину, окажемся в таком, прямо-таки провальном положении, вряд ли кто-то мог и помыслить...

Рязанов сидел спиной к окнам, за которыми открывалась панорама аэродрома с длинной шеренгой зачехленных вертолетов.

Издали они выглядели затаившимся строем пятнистых, бронтозавроподобных существ, готовых в любое мгновение взречь и устрашающе подняться с земли. Потом, вблизи, когда мы, сопровождаемые капитаном Сергеем Томилиным, ездили вдоль взлетно-посадочной полосы, выскивая точки для фотосъемки, спеленутые брезентом боевые машины вызывали что-то вроде жалости — столько было в их облике безысходности, отторгнутости от всего людского...

Ну, а какие чувства при этом должны испытывать пилоты, штурманы, «технари» — люди, у большинства из которых за плечами годы афганской войны, профессиональной службы, да и просто налетанное мастерство?

Нам показали любительский видеофильм (в Германии многие, естественно, обзавелись отличной аппаратурой), запечатлевший хронику передислокации вертолетного полка. Вот в цветном кадре подполковник Петр Дикусар. Он выходит из строя. Печатает шаг в направлении трибуны, полкового знамени. Генерал вручает командиру эскадрильи почетную грамоту и памятный подарок. Солнечно. Красиво. В каре построен полк. У кромки летного поля, к которому подступает изумрудно-искрящийся ухоженный лес, собралась вся «советская колония» — жены, дети авиаторов. Стоят нарядные, с цветами в руках.

Это аэродром под Альмштедтом. Май прошлого года. Проводы полка. Командующим генерал-полковником Бурлаковым уже произнесены слова о том, что го-

степриимную немецкую землю покидает один из лучших в составе Западной группы войск полков армейской авиации, на протяжении многих лет не имевший ни одного ЧП, с честью выполнивший поставленные задачи. Перед заключительными пожеланиями продолжать боевые традиции, сохранять воинское братство, а также чистого неба и мягких посадок говорилось с парадной трибуны о том, что командование будет следить за дальнейшей судьбой прославленного подразделения, заботиться о его обустройстве на Родине. (Не был обойден вниманием и жилищный вопрос — сказано было без обиняков, что каждая офицерская семья получит отдельную квартиру.)

В декабре прошлого года полк перелетел под Рязань, в Протасово, на аэродром учебно-авиационного центра ДОСААФ (уже не существующего), для базирования боевых вертолетов МИ-8 и МИ-24, мягко говоря, не совсем пригодного.

— Где нашли твердое место, там и сели, — говорит замкомандира полка по летной подготовке подполковник Геннадий Шмелев. — Нет оборудованных стоянок — специальная техника, обеспечивающая наземное обслуживание вертолетов, уже наполовину разграблена, пришла в негодность. Добрались грабители до запчастей и до самих вертолетов. Охрану-то несем без оружия! Как сдали его при перебазировании, так и не получили до сих пор (разговор шел в начале апреля. — В. М.).

А как оценить кадровые потери? Из прежнего состава в эскадрилье Дикусара, например, осталась лишь половина — пишут рапорты, уходят на гражданку лучшие профессионалы, асы. Есть такие, кому (с учетом афганской выслуги)

осталось всего ничего до пенсии. Эти стараются перевестись на службу поближе к родным пенатам — кто на Украину, кто в Казахстан... Кто решил податься в фермеры, кто — в кооператоры. Есть даже без пяти минут брокер — проходит специальные курсы.

И слава Богу, как говорится! Хорошо, что люди, профессионально подготовленные для ратного дела, столь естественно «конвертируются» в новый порядок гражданской жизни. Ну, а с точки зрения государственных интересов какво? «Летчик — это золото нации!» — сказал однажды американец Смит. Экономист был далек от поэтических метафор и мыслил сугубо прагматическими категориями. Имея в виду в данном случае, что подготовка летчиков обходится любой стране слишком дорого, чтобы вот так запросто их терять.

— Но имею ли я моральное право их задерживать? — задается вопросом командир полка. — Разве может им кто-нибудь сейчас обеспечить жизнь, не то что сравнимую с жизнью коллег где-нибудь в Англии или Швеции, а даже с тем, что имели они, служа в Германии?..

Внешне гарнизонный городок в Протасове (авиационный центр, чьи аэродромы и помещения заняты ныне вертолетным полком) выглядит опрятно, а по сравнению с другими виденными мной даже щеголевато. Привязанность к Самарской автостраде. Компактная, удобная для ориентации планировка. Коттеджи, где живут офицерские семьи. Пятиэтажные солдатские казармы. Деревья кругом...

В гарнизоне расквартированы десантники, связисты, автомобилисты, строители, воины ПВО.

В той части, где вертолетчики, рядом с двухэтажными коттеджами и длинными одноэтажками припаркованы машины — «Жигули» нестарых моделей, иномарки.

Но на этом идиллия заканчивается...

Из пятисот семей полка только немногим более семидесяти обеспечены относительно нормальным жильем. (Это значит — квартира на две семьи.) Остальные устроены в так называемых общежитиях — бывших овощехранилищах, разделенных на секции-пеналы. Еще снимают квартиры: кто в Рызани, до которой километров пятнадцать, кто в соседних деревнях — Листвянке и Скурлатове. Таким какую-то долю арендных расходов возмещает воинская часть. Цены на жилье — под стать московским...

Жесткая рука рыночной экономики проявилась и в отношении тех, кто пользуется служебным жильем: за «общагу» — по 60 рублей с человека, газовый баллон, которого едва хватает на полмесяца, стоит 43 рубля. И это не прихоть квартирно-эксплуатационной службы. Армейские хозяйственники, как и их гражданские коллеги, сейчас озабочены все тем же: как спасти свое хозяйство в условиях инфляции, непрекращающегося роста цен. Ведь никакие бюджетные подкочки за ними не успевают. Приходится залезать и в офицерский кошелек.

Есть ли выход из создавшегося положения, хоть какой-то просвет?

Полковник Шабанов сказал, что наконец-то в Минобороны решен вопрос о финансировании жилищного строительства. Полку в одиночку программу не осилить, а время силовых методов влияния на областное начальство, как вы понимаете, кончилось. Потому пришлось проработать самые

Результатам сд
Новому месту
и после длительн
важные соглаше

перс
БП

- И
- И
- Иже

различные варианты — с выходом на руководство района, на рязанскую мэрию. И вот заключено несколько договоров на долевое участие в жилстроительстве: уже в будущем году должно состояться около ста армейских новоселий.

Ну что ж, начало обнадеживающее. Хотя, кто знает, сколько завтра будут стоять проекты, материалы и строительные работы, земельные участки, наконец. При том, что уже нынче, по свидетельству генерал-майора Александра Грошева, заместителя командующего Московским военным округом, строительство одного квадратного метра солдатской казармы обходится в 22 тысячи рублей. Чтобы подобные вопросы решить во всероссийском масштабе, необходимо их законодательное регулирование. Но пока не то что закона — нет и каких-либо решений, принятых на правительственном или президентском уровне. И все жилищное строительство для военных идет на самостоятельных, неотрегулированных началах. А ведь сколько частей еще предстоит выводить из-за границы...

Общественный комитет женщин полка, видя, что и намека нет на выполнение обещаний, которые звучали в Германии, в марте этого года отправил делегацию в Москву, к маршалу Шапошникову.

Главкома повидать не довелось, но привезенное послание, судя по всему, до него дошло: с женщинами встретился высокопоставленный работник военного ведомства.

Выяснилось, как они мне рассказывали (и это повторил полковник Шабанов), что, оказываясь, полк выводили из Германии, не разработав четкого плана перемещения...

Первоначально вывод полка намечался на 1994 год. Но в конце декабря 90-го, когда полком еще командовал Жигалин (Шабанов вступил в эту должность в апреле 91-го), в полк прибыл представитель командования с приказом готовиться к передислокации (которая и свершилась, как мы знаем, в мае прошлого года). Чем была вызвана спешка? В недрах то ли оборонного, а скорее всего, дипломатического ведомства родилась мысль вывести подразделение именно из Альмштедта — родины канцлера ФРГ. Так сказать, в виде подарка ко дню рождения Коля. Презент в международном плане, может, и многозначительный, но имеющий слишком уж «совковую» окраску.

Что тут говорить об офицерских детях-одинадцатиклассниках, которым не дали закончить школу, когда не было даже определено место базирования полка, не решен вопрос, кому он должен оперативно подчиняться — округу ли, главному штабу ВВС?..

Ни в Торжке, ни в Протасове не были подготовлены соответствующие условия для размещения боевых экипажей. Еще хуже обстояли дела с грузовыми самолетами, увозившими жен и детей для «временного» размещения в Москву, Киев, Самару. Оказалось, что эти борты некому даже было встретить, разгрузить, обеспечить прилетевших питанием и ночевкой.

Полк не был своевременно включен в бюджетное финансирование, но при этом всерьез говорилось о высокой боеготовности и моральном духе.

Да полноте, товарищи генералы, какой уж тут дух, когда в полку семьи стали распадаться, чего раньше никогда не было!..

Так почему генеральный штаб (или какая-то параллельная структура в военном ведомстве) не

смог за целых пять месяцев проработать и осуществить не такую уж сложную вещь — план вывода и размещения полка? Что это — проявление профессиональной непригодности или глубинно заложённая попытка инспирировать в войсках недовольство переменами?

Вопрос другой, но побочно при-мыкающий к предыдущему: на что расходуются деньги, которые платит Германия в порядке компенсации за вывод наших войск с ее территории? В свое время речь шла о том, что какая-то часть из этой суммы будет направляться на семейные нужды офицеров и прапорщиков.

Это правило осталось в силе? Германская сторона обязалась построить на территории Союза 36 тысяч квартир. Не будем вспоминать газетный скандал, вызванный тем, что для реализации этого плана нашей стороной велся поиск подрядчиков в третьей стране. Но вот факт, о котором я услышал из уст одного генерала: в этом году в Подмоскowie военным ведомством было принято и заселено 510 квартир. Очень бы хотелось, чтобы компетентные лица уточнили: на какие средства столь оперативно были построены эти квартиры? Кому они предоставлены?

И, наконец, последнее: думает ли военное ведомство компенсировать материальные и моральные потери, что несут гражданские лица в России от процесса передислокации войск? О том, что вертолетный полк, прибыв в Протасово, мягко говоря, потеснит учебный авиацентр, договаривались еще Язов и генерал-полковник Маслов, один из бывших руководителей бывшего ДОСААФ. Не прибегая к деталям и тонкостям, можно сказать, что в апреле центр уже фактически прекратил свое

существование. Тогда же и предупредили его персонал: летом закроется финансирование. Хотя раньше утверждалось: полк и учебный центр, как родственные организации, будут сосуществовать рядом, сообща пользоваться аэродромом и наземным оборудованием (это, несмотря на некоторые неудобства, теоретически и практически возможно).

— И центр разогнали, и полк развалили,— произнес кто-то из женщин полка, заполнивших учебный класс, где проходила наша беседа с общественным комитетом. Половину класса занимал экземпляр самолета Л-29 со снятой обшивкой. С другой стороны в простенке между окнами висели покосившиеся портреты Ленина и Горбачева...

Женщины говорили о бытовых, семейных трудностях. Вопросы боевой подготовки, несения службы, понятно, вне их компетенции. Но, хочешь не хочешь, проблемы эти слиты воедино. От того, как они будут решаться, зависит главное: сумеют ли вертолетчики набрать прежнюю высоту — в прямом и переносном смысле.

Недавно первым министром обороны России стал генерал армии Павел Грачев. В интервью, сопровождавших вступление в должность, он всякий раз говорил о том, что вывод российских войск из стран ближнего и дальнего зарубежья будет осуществляться только на договорной основе, строго по плану, при тщательной штабной проработке всех деталей и условий передислокации.

Но ведь подобное звучало и прежде. Не получится ли и на сей раз, что затяжка с выводом (которая будет осложнять взаимоотношения с соседними государствами) станет удобным прикрытием бездеятельности. Пока что нет

даже определенности в том, будут ли все вопросы, связанные с передислокацией многих тысяч военнослужащих и их семей, боевой техники, сконцентрированы в одной оперативной структуре Министерства обороны, или будут по-прежнему распылены по многим главным управлениям и штабам...

Какой урок вынесем из новейшей истории отдельного вертолетного полка, так бесславно «обескрыленного» под Рязанью?

Души людей или камней
 в черных камнях?
 Так остывать в этом огне
 я не умею.

И мастерство тут ни при чем.
 Лучше скажи-ка:
 жизнь или смерть
 вспять потечет
 в черных прожилках?

Сто тысяч лет
 этот секрет
 не разгадают:
 в каменный мрак,
 в каменный свет
 души впадают?..

Ваши резцы
 тоньше иглы.
 Профиль
 прекрасен.
 Но за чертой этой игры
 каждый —
 неясен.

Вечный пир на погосте —
 провожай да встречай.
 Как незваные гости,
 мы зайдем невзначай.
 Там свои старики,
 адвокаты и судьи,
 и летят черепки,
 как разбитые судьбы.
 То ли явь,
 то ли снится:
 проступают века,
 как слеза сквозь ресницы,
 как сквозь рощу река.
 Там Четвертый Иван,
 средь раскольников Никон,
 кружит голову вам
 безголовая Ника.
 Мне, увы, не распутать
 генетический код...
 Точно Гришка Распутин,
 бьется сердце об лед.

Мы вышли из берлог.
Нам крыльев не занять.
Мы в западне дорог.
И кровь течет в нас вспять.

Берутся научить
смотреть в зрачки огня...
О, дважды вам меня
уже не приручить!

Лес чернеет недвижим,
миновав цветенья век.
Так становится чужим
самый близкий человек.

В натюрмортах зим и лет
сердце тлеет на ходу,
как надкусанный ранет,
кем-то брошенный в саду.

Любимый, тише —
дай раздеться...
Меня пугает вид огня —
наверно, так же билось сердце
в груди Троянского коня.

И эта страсть,
и этот голод...
И я поверить не могу,
что ты войдешь в меня,
как в город,
пустым оставленный врагу!

Поклонники и бенефисы,
воспоминанья о былом
латает бережно актриса,
как обветшалое белье.

Еще магнолиями дышит
тот мир виньеток и гитар,
где пожелтевшая афиша,
как допотопный пеньюар.

Для чужих, точно ларь,
это место сокрыто.
В этом храме любви,
отрешаясь от быта,
низводя до нуля,
все, что помнили прежде,
как листву октября,
отторгаем одежды.
И пространство смыкается
в точку меж нами —
ты вырастает в меня,
точно в землю корнями.
Отчего тяжелеют
в постели объятия?..
Лишь взлетает душа,
как голубка с распятья.

Что-то смутное снилось —
не вспомню точь-в-точь...
Придорожный цветок поутру прослезился.
И однажды ушедший в осеннюю ночь
с того света случайно ко мне прозвонился.
И возникла свеча,

что сгорела дотла,
и знакомые вывели гаммы ступени.
В ноги бросился город,
в котором жила,
может, в веке другом
иль ином измереньи.

.....
Что-то вспомню спросонок,
что забуду потом:
точно детство босое
бродит в доме пустом...

ЛАРИСА ТАРАКАНОВА

БЕЗ НАЗИДАНИЙ

Поговорили. Разошлись.
Одних любя, иных ругая.
С одной бедой разобрались,
Глядь — замаячила другая.

Пошли стучать в колокола,
Взывать к раздавленному Богу:

Пускай из темного угла
Укажет ясную дорогу.

А жизнь кипела и текла,
Менала облики и краски.
И совершалась, как могла, —
Без назиданий и указки.

Из тьмы, где звездные громады
Горят и блещут без конца,
На робкий свет моей лампы
Летят крылатые тельца.

Созданиям крохотным и хилым
Я не завидую ничуть:
Что солнце выбрали по силам,
Преодолев несложный путь.

За то, что выются как шальные
И в пламя лезут целиком.
Их оперенья слюдяные
Развеет первым сквозняком...

А мы сидим и все мечтаем,
О, как бы нам сгореть дотла!
И не летаем. Не летаем.
И бережем свои тела.

Глядим на небо из окошек.
Порхаем в солнечной пыли.
За что же вдруг — как этих мошек —
И нас сотрут с лица земли?

МОДЕЛЬ

Ты — русская? — тычутся ели.
Так где же твои бубенцы?
Во что тебя так раздели-
Обули купцы-продавцы?

Вчера телогрейку таскала.
А нынче из денежных стран
Улыбка — подобье оскала —
Диор, Кутаиси, Лоран...

На блески, на голые тряпки
Без удержу, точно спьяна,
Сменяла тугие охапки
Живого простецкого льна.

Да в этом ли, милая, горе!
Рядись. Улыбайся. Живи.
Входи в лучезарное море.
Плещись, ожидая любви.

Дитя, обольстись шоколадкой,
Ужель заслужило упрек?
Ты — русская, помни украдкой
И вольно ступай поперек.

За эту судьбу и мытарства,
За этот загадочный взгляд
Когда-то сулили полцарства.
Глядишь, и теперь посулят.

Ведь стыдно трястись за копейку.
Румянься, пока молода.
А встанет надеть телогрейку —
Наденем. Какая беда!

В САДУ

В саду, где все миролюбиво:
Скворечник, яблоня, крапива,
Гороха пламенная плеть, —
О жизни, мчащей торопливо,
Убого, бешено, крикливо,
Нам будет незачем жалеть.

В саду в прекрасном беспорядке
Цветы, кустарники и грядки
Цветут, зовут, плодоносят.
И в полдень, солнечный, дремотный,
Мерцающая в зелени неплотной,
Грибные дождики висят.

Судьба грозит, как непогода,
Гремит и буйствует с восточа,
Сквозной выстуживает май.
Возьми — крикливую, больную,
Непоправимую, шальную
Жизнь. Только сад не отнимай!

Пусть в прекрасном беспорядке
Цветы, кустарники и грядки
Сильнее хаоса и тьмы.
Напившись воздуха без меры
(Тому есть многие примеры),
В саду мы вырастем людьми.

ОНИ И МЫ

С вином, с газетой, с табаком,
С гашеткой и педалью «газ»
Открыто, весело, тайком
Мужчины справятся без нас.
И всякий день, и всякий час
Мы зябнем где-то в стороне,
Пока в порыве и в оше
Они справляются. Без нас.
У них — сверкают топоры.
С судьбой смыкается судьба,
И политической игры
Не прекращается борьба.
Они — свершают. И творят.
Они — исследуют. А мы
Наряд меняем на наряд,
Смирненно спрятавши умы.
Мы сами гвоздь вобьем в стене,
Наладим жизнь без долгих фраз,
Покуда в горней вышине
Они справляются без нас.
Два мира носятся в тьме,
Друг друга славя и топча,
Не расчленяемы в уме,
Не разрубаемы сплеча.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Когда наедятся детдомовцы в серых углах,
И чукчи клубнику изведуют прямо горстями,
И будут десерты сверкать
на доступных столах —
Мы сможем заняться искусствами или гостями.

Входите, пришельцы! Сдвигайте пределы судьбы,
Потешные стройте гримасы:
Уже не голодные мы и уже не рабы.
Итак, угощайтесь:
Вот рябчики, вот ананасы.

И вот на столе самаркандский блестит каравай,
И Вильнюс горячие шлет цеппелины.
Товарищ Баку, винограды свои подавай!
О Крым, раскупоривай черные вина!

Так хочет Господь, и шаман, и, конечно, Аллах —
Чтоб злые мечи не покинули ножны.
Тогда благородные замыслы станут возможны,
Когда наедятся детдомовцы в серых углах.

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

исповеди наркоманов

22

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос возник сразу: почему? Первые же читатели исповедей наркоманов с первых же страниц откладывали в сторону рукопись и недоуменно спрашивали: почему они тебе все это рассказывали? С какой стати? О грязи, ужасах и мерзостях ведь не чьей-то чужой, а своей жизни. Откуда такая откровенность? Не говоря уже о том, что она для них небезопасна...

Действительно, ведь и врачи считают, что наркоман — интроверт, то есть человек закрытый, обращенный внутрь, наружу у него только три чувства: просто страх перед всеми, страх ломок и страх остаться без наркотика; наркоман никогда и никому не изливает душу.

И тем не менее — исповеди.

Встречаясь с наркоманами в больницах, в притонах, в городах и поселках на марихуанном пути от Чуйской долины до Москвы, на рынках, на пятачках, где собираются свои люди, я сам никогда, по неведению, не задавался таким вопросом. Первым и главным условием разговора была абсолютная анонимность, изменение имен и фамилий, что само собой разумеется. Но ведь одного этого явно недостаточно для полной откровенности — на уровне исповеди.

И вот теперь, когда уже все позади, я сам задумываюсь: так почему же?

Скорее всего, как раз потому, что наркоман живет в постоянном страхе, он закрыт, то есть одинок, как никакой другой человек на свете. Весь мир враждебен ему, и он враждебен всему миру. Может, они и рассказывали все потому, что в кои-то веки человек из того, враждеб-

ного мира пришел к ним не с милицейской повесткой, не с проклятиями или нравоучениями, а просто поговорить и, еще важнее, послушать. В кои-то веки кто-то проявил к ним не милицейский или медицинский, а просто человеческий интерес: интерес к их судьбе, жизни, к их мнениям и суждениям о себе и о людях, о кошмаре, в который они сами себя ввергли.

И потом, я сразу говорил им о замысле книги, о том, что пишу ее для четырнадцатилетних и шестнадцатилетних, для тех, кто еще не пробовал анаши и ни разу не «уколотся», то есть для их младших сестренок и братишек, и просил их помочь, рассказывать всю правду, поскольку лишь полная правда может убедить, дойдет до умов и сердец мальчишек и девчонок.

Как и почему подростки становятся наркоманами? Причин много. И одна из них в том, что и они, и нынешние подростки ничего не знали и не знают; у них не было и нет выбора. Взрослые наркоманы-искусители обещают им золотые сны, на их языке — кайф. Что такое кайф, мальчики и девочки примерно представляют. А вот чем и как им придется расплачиваться за него, они не знают. Вот и идут на первый укол и первую затяжку просто потому, что возраст такой: все хочется попробовать...

Расплачиваться же им придется образом жизни. А какой он, образ жизни наркомана?

Вот это и есть тайна, которую взрослые наркоманы-совратители подросткам никогда не выдают и не выдадут. В лучшем случае скажут, что да, трудно бывает, когда вмазаться нечем, ломка и все прочее, но тут главное — быстро достать, вмазаться, и снова начнется кайф...

На самом же деле все, конечно, страшнее.

Если хотите знать правду, чтобы иметь право осознанного выбора, то наберитесь мужества и прочитайте до конца эти исповеди. Это неприятно, это изнанка жизни, но все-таки прочитайте, хотя бы из чувства болезненного любопытства. А, может быть, на что я больше всего надеюсь, и ради самосохранения.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Света Кривцова, 22 года, медсестра, С.-Петербург

Если наркоман живет с наркоманкой — это проклятая пара неразлучников. В глазах нормальных людей они лютые враги, два человека, которые стремятся сделать друг другу как можно хуже, оскорбить, унижить. Это действительно так. Но в то же время расстаться они уже не могут. Потому что наркоман — ущербный человек, он живет в постоянном страхе и в постоянной зависти к другим, к нормальным. И ему надо для успокоения иметь рядом, вокруг, таких же, как он. Вроде бы тогда все хорошо, все такие же, как и мы... Наверное, отсюда и идет это — совращение подростков.

Последние два года я жила с одним вором... Богатый был, на руках золотые цепи, вся квартира набита кайфом, маковой соломкой то есть. А я все-таки дура была романтическая, хотя к тому времени уже три года на игле просидела. И дура, и боялась, что его в тюрьму отправят. А что я тогда буду делать? Или сама пойду по рукам, или они меня подомнут, будут делать со мной все, что захотят. А так он мой защитник был, покровитель, не позволял... Я его долго уговаривала не воровать, говорила, что денег я найду, заработаю. Я к тому времени немало нафарцевала. В общем, уговорила. И начали мы проживать мои деньги, а потом и вещи. И настал день, когда нам и поесть было не на что. А кайф был, запаслись заранее.

И вот выходим мы как-то ночью побродить по улице, проходим мимо парикмахерской, а он остановился и показывает молча на открытую форточку. И говорит мне: фены вынесем, полякам толкнем. А с нами были еще два его приятеля и подружка. Они тоже загалдели: вынесем, толкнем! Достали где-то бутылку пива, дали мне выпить, а я под кайфом, да еще под пивом, мне море по колено... Меня поставили на стремя, а сами полезли, начали подавать мне тюки, фены, завернутые в простыни. Тюков шесть или семь я приняла. А они пошли за такси, опять же меня оставили сторожить. Выворачивает из проулка такси, мне из него рукой уже машут: мол, все путём. И тут с двух сторон менты. Я кидаюсь к нему, к сожителю моему, спастись. И вдруг вижу: такси перед моим носом разворачивается — и по газам! Улетели мои верные товарищи! Оставили меня.

Конечно, менты меня взяли, как говорят, с поличным. Привезли к себе, раздели, издевались, оскорбляли, как только хотели. Я набросилась на них, кому-то по морде дала, меня избили...

В общем, тогда-то я их всех окончательно возненавидела. И ментов подлых, и своих... друзей, что ли. Только у наркоманов друзей не бывает. И предательства у них нет. Это я их возненавидела за предательство, а на самом деле предательства не было. По нашим понятиям, это — обычное дело. Каждый сам за себя и сам по себе. Это

у вас говорят: дружба, любовь, порядочный человек, непорядочный человек, добрый, благородный... А там таких слов нет. Ни слов, ни понятий, ни поступков. Совсем нет. Пустота. Понимаете, там, где у нормальных людей какие-то человеческие отношения, у наркоманов пустота. Там даже слова «подлость» нет, а есть «подляна», и оно означает что-то свое, совсем другое, чем у вас. Я где-то читала про колымскую лагерную жизнь в тридцатые годы, что там был один закон: умри ты сегодня, а я завтра. Так и у нас...

Но в общем-то получилось даже лучше, что они уехали, бросили меня. Потом он приходил ко мне, мой сожитель. Много денег принес, умолял, чтобы я его не выдавала. Денег я не взяла, но и про него ничего не сказала. Не потому, что я такой хорошей хочу показаться, а просто мне адвокат посоветовал. Если сказала бы про них — получилось бы групповое ограбление, по предварительному сговору, в компании с рецидивистами. А так я пошла по делу одна, да не за ограбление, а за попытку...

Я считала, что попала в их мир просто по глупости и по доброте. А вот недавно узнала, что у меня отец тоже наркоманом был, четыре года кололся. Значит, есть что-то наследственное. Хотя глупости и доброты тоже было хоть отбавляй. Это правда, я девочка добрая была. И училась хорошо. Первый курс медучилища закончила с отличием, и мне в порядке исключения разрешили на каникулах поработать санитаркой.

В моей палате лежал один больной, взрослый уже человек, лет тридцать ему было, разговорчивый, ко мне так хорошо относился. А я была примерной санитаркой, умелой, мне даже доверяли уколы ставить. Однажды прихожу я к нему с уколom, а он говорит: «Оставь, я сам себе сделаю...» Ну, сам так сам. А потом он стал просить дополнительной дозы, чтобы я достала. Ну думаю, человеку тяжело, надо облегчить боль... Но потом обратила внимание: все друзья, что к нему приходят, какие-то грязные, неумытые. Это я сейчас знаю, смогу за версту отличить наркомана по виду, по его неряшливости, запущенности, по запаху. Особенно тех, кто варит. Да что там человека, я квартиру, где варят, по запаху изо всех отличу. А тогда же я ничего не знала и говорю ему: что это у тебя друзья такие, ну, неумытые?.. А он-то думал, что я все понимаю, что я тоже колюсь, и говорит: «Ты, наверное, дружишь только с теми, кто на стекле сидит, а мы сами варим». Я удивилась: что это такое? Он объяснил: это те люди, что имеют возможность достать чистый, фабричный наркотик, в ампулах. А они сами варят, из опийного мака, из всякой химической гадости. Ну, рассказал он мне все и предложил уколоться. Мне так интересно было, я и укололась. И, правда, хорошо стало. Я ведь нервная уже была, работа тяжелая, не для шестнадцатилетней девчонки: кровь, грязь, бинты, отделение-то было травматологическое, это ужас. Приду домой — уколюсь, и вроде бы легче. Так и втянулась.

А потом он, знакомый мой, выписался, позвонил, к себе пригласил, с друзьями познакомил. А они все вежливые, обходительные, когда прикурить дадут, то спичку подносят, а не так, что сама тянешься, как жираф. Взрослые люди, по тридцать и сорок лет, умные, интересные, со мной, с девчонкой, как с равной: знаки внимания, комплименты. Мне так лестно было, прямо голова кружилась. А уж на своих сокурсников я после этого смотрела как на щенков, с превосходством таким...

Дура, это я только сейчас понимаю, что я им была нужна, вот они

меня и обхаживали. Я ведь в больнице работала, имела доступ к наркотикам. Только потом начала понимать, что там, в том мире, ничего просто так не делается, никто ни для кого даже пальцем не шевельнет, если он в этом человеке не заинтересован. Там ничего нет, что обычно бывает между людьми. Никаких понятий о дружбе, помощи, ничего человеческого. И в то же время все держатся одной кучей. Такое невозможно представить: в одной квартире чуть ли не месяц живут люди, не связанные друг с другом ничем, готовые в любую минуту продать, сдать, утопить друг друга.

Я правильно говорю: чуть ли не месяцами. Это называется «зависнуть». Бывает, на пять, десять дней зависают. А у нас было по месяцу. Запирались в одной квартире, запасали маковой соломки, и все, никуда оттуда ни ногой. Потом выползаешь на улицу, а идти не можешь, отучилась ходить. Придешь в притон зимой, а уходишь — на улице солнце, люди в платьях, а ты в шубе и шапке. Или было так: я из дома ушла, сорвалась во время ломок, в ночной рубашке и в халате и пришла в таком же виде, но только зимой, по снегу...

А идти по городу, по улице страшно. Наркоманы всего боятся. Если на улице какой-нибудь человек случайно подойдет к наркоману, попросит, допустим, прикурить, тот вспотеет от ужаса. А уж при виде милиционера... Да многих наркоманов можно сразу узнать: вертит головой во все стороны...

От этого, от страха, и совершаются часто невыносимые жестокости. У нас одного заподозрили, что он ментам стучит, и «опустили». Ну, это самое страшное наказание у уголовников: сделать мужика «петухом», то есть изнасиловать. А они все, почти все мои последние знакомые, были уголовниками чистыми, по два-три раза в зону «сходили». Не знаю точно, доказали или нет, что заподозренный, и вправду стучит, но заманили его на хату, оглушили и начали насиловать. При мне. Меня тошнит, кричу: «Отпустите меня, я смотреть не могу!» — а мне сказали: «Сиди!» Попробуй послушаться. Сидела. Смотрела. А у того парня, которого «опускали», была девчонка, он вместе с ней пришел. Так она убежала от ужаса на кухню и открыла газ. Я ее потом откачивала.

А еще самое страшное, что со всеми случается, — это когда глюки находят, то есть галлюцинации, крыша начинает съезжать, то есть с ума сходишь. Часто специально делают, чтобы крыша поехала. Допустим, укололся он, впал в кайф, а тут телефон звонит. Он снимает трубку и слышит: «Это я, твоя смерть!» Шутка такая. А у него уже крыша поехала, всюду чудится смерть. Или одного парня у нас запугали, что вот-вот менты придут, он простоял неподвижно восемь часов у дверного глазка, пока не свалился. Ну, а третий сам с ума сошел. Все ему мерещилось, что он заболел какой-то страшной болезнью, раздевался, подходил к зеркалу, нас подзывал и говорил: «Посмотрите, насквозь же видно, вот она, болезнь!» Мы его жалели, три дня не давали колоться, чтобы очнулся. Но он так и не очухался, увезли в психушку.

У меня, конечно, тоже крыша ехала не раз. Один раз инoplanетянин приходил. Открываю глаза, а он стоит и смотрит, белый. И осторожно так прикасается к колену, у меня колено из-под одеяла высывалось. Я сразу и отключилась. Очнулась, все помню, смотрю на колено, а оно красное...

Мне еще повезло, первые годы я работала в больнице, сама могла доставать, и меня не трогали, зависели потому что от меня. А потом

появился этот, вор, покровитель мой. Но все равно всякое было. Один раз я без денег осталась, без кайфа, попросила, а мне говорят: вот нас здесь десятеро, дашь всем десятерым — получишь дозу. Я отказалась, они озверели, свалили меня, начали резать. У меня до сих пор на животе шрам. Ну, как увидели кровь — очухались. Наркоманы при виде крови сразу опоминаются, в себя приходят. Некоторые даже специально вены режут, чтобы успокоиться.

Ну, а если одна, если нет авторитетного сожителя, тогда, конечно, один путь. Мужчины, понятно, воруют, чтобы денег достать, а девушки при них, как у нас говорят, присасываются. Допустим, чтобы одну среднюю дозу на день набрать, девушке надо лечь под пятерых. Под пятерых грязных, не мытых месяцами скотов. Но там уже девушки не разбираются, там уже все безразлично, лишь бы получить свою порцию.

ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА

Александр ЗЕЛИЧЕНКО, начальник службы по борьбе с наркобизнесом МВД Кыргызстана

Чуйская долина — это север Кыргызстана, юг Джамбулской и Чимкентской областей, это громадные пространства от Ташкента на западе до Алма-Аты на востоке, от кыргызских гор на юге до пустыни Муюн-Кум на севере. Это три с лишним миллиона гектаров, занятых дикорастущей коноплей. Особой коноплей, имеющей особые наркотические свойства, каких нет ни у какой другой конопля, обычного сорняка на полях Сибири и Центральной России, Северного Казахстана и Поволжья... Что такое три с половиной миллиона гектаров? Вспомним: вся страна осваивала целину, и усилиями всей страны в Казахстане было распахано, окультурено восемнадцать миллионов гектаров... Вот и сравнивайте.

В Юго-Восточной Азии есть так называемый «Золотой треугольник», где выращивается и готовится львиная доля героина, который распространяется затем по миру. Чуйская долина в масштабах страны тот же «Золотой треугольник». Да и не только в масштабах страны. Весь мир сейчас обеспокоен положением дел у нас, не случайно Международная организация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом разработала специальную программу под названием «Чуйская долина» и недавно выделила на ее реализацию 6 миллионов долларов и 67 миллионов рублей.

Конопля — вековечное растение, самое неприхотливое, самое стойкое. Будет жара, сушь, засуха — она выживет. Начнется ливень, всемирный потоп, грязь, болото — она прорастет. Ничего с ней нельзя сделать. С корнями не вырвешь, корни глубоки. Распахать — поди попробуй. Во-первых, горючего всего региона не хватит, во-вторых, все равно бесполезно, пробьется, а в-третьих, конопля здесь растет не сама по себе, она выполняет свою экологическую, природой уготованную роль. Своей мощной корневой системой она удерживает пески. Стоит только уничтожить, свести ее на каких-то пространствах — а на ограниченных участках это возможно, — как начинается наступление песков на села и аулы. Видите, какая получается сложная ситуация?

В Казахстане, на громадных пространствах, где на сотнях тысяч гектаров конопля стоит стеной выше человека, применяют гербициды,

поливают ее нещадно ядохимикатами с самолетов. Но и там урон для природы невосполнимый. А у нас на малых площадях при большой плотности населения и вообще невозможно применение химии. Ведь гербициды сжигают все — и коноплю, и траву, то есть пастбища, и все живое там погибает — звери, птицы, скотина там больше не будет пастись, человеку туда уже не ступить ногой.

Вот какая проблема.

Американцы, правда, нашли способ. Вот я взял у своих американских коллег (достает из ящика горсть необыкновенно красивых, как игрушки, синих, красных, розовых кубиков со сглаженными углами. — С. Б.) несколько гранул. Это экологически безвредные гербициды в желатиновой оболочке, которые действуют только на коноплю. Одна гранула — один цент. Они выстреливаются специальной пушкой. Желатин растворяется, жидкость вытекает, обволакивает растения, ведь конопля ранней весной всего лишь низенькая-низенькая травка, и затормаживает процесс фотосинтеза. Одним залпом накрывается площадь в четыре гектара, один залп обходится в восемьсот долларов. То есть только для обработки гербицидами на Чуйскую долину необходимо от восьмисот миллионов до одного миллиарда долларов. Как минимум. Не считая сопутствующих расходов.

Так что пока остаемся реальной силой в основном мы, милиция. Но, должен честно сказать, силы наши... мягко говоря, более чем недостаточны по сравнению с территорией, которую надо контролировать. Раньше, пока Союз не распался, было легче: мощное МВД Союза всегда помогало, хотя бы теми же вертолетами. А сейчас вся тяжесть легла практически на плечи двух республик, да вот международная ассоциация материально поддерживает. Чтобы представить масштаб работы, приведу такой пример... В конце июня, в июле и августе, когда в Чуйскую долину устремляются гонцы, группы, банды со всей страны, мы здесь проводили чуть ли не войсковые операции, полки выходили на оцепление... И все равно не справлялись: по только им известным тропкам, ложбинам, тайным дорогам заготовители утекали, просачивались, как вода между пальцев. Мы перехватывали лишь малую часть...

В прошлом году в результате одной операции установили рекорд страны за все семьдесят пять лет ее существования — так я думаю. Задержали группу, у которой изъяли две тонны (!) марихуаны.

Долгая была операция. Мы следили здесь за местными дельцами. С ними вышла на связь группа гастролеров с Кавказа — восемь человек. Это уже были акулы. Каким-то образом — сейчас следствие выясняет — и, разумеется, за крупные деньги они прямо с конвейера автосборочного завода сняли восемь грузовиков, закупили кирпич, цемент, доски, другие дефицитнейшие стройматериалы, пять тонн сахарного песка, сотни ящиков коньяков, водки, шампанского. Все это загрузили на машины, между ящиками в мешках упрятали две тонны марихуаны и уже готовы были вывезти все за пределы республики. А там ищи их свищи...

Только один этот факт очень ярко говорит о том, какого полета птицы кружатся над Чуйской долиной. Это ведь не гонцы с чемоданами и рюкзаками, про них даже нельзя сказать, что это люди, имеющие громадные деньги. Это люди с капиталом.

Конечно, такие гастролеры — редкость. Исключительный случай.

В основном же над долиной кружат птицы калибром помельче, зато количеством несметным. Как воронье!

В этой связи я хочу сказать вот о чем: о несовершенствах нашего уголовного законодательства, судопроизводства и вообще об отношении общества, общественного сознания к наркомании в целом и к наркобизнесу в частности. Мне мои американские коллеги рассказывают: суд присяжных там все может принять во внимание, с самым матерым, закоренелым преступником, с убийцей разбираются. Где убил, как убил, какой была его жизнь, несчастное детство, бедность, гетто, родители-пьяницы, личная месть... — все принимают во внимание и все обсуждают. Но как только речь заходит о наркотиках, о торговле наркотиками — тут суд присяжных абсолютно беспощаден. Что, продавал детям кокаин? Покушался и подрывал мозг, интеллект, генофонд, будущее нации? Все. Максимальный срок. Если девяносто лет — он просидит в тюрьме все девяносто лет. Если пожизненно, то до конца дней своих будет видеть небо в крупную клетку. И никаких условно-досрочных освобождений. А у нас к дельцам наркобизнеса все еще относятся как к незначительным преступникам, витает в нашем обществе некое не то благодушие, не то, простите меня, элементарное непонимание и глупость: продавал, мол, и продавал, а ты не покупай...

И что еще очень печально и тревожно: перемена в настроениях местных жителей. Раньше они нам помогали, поддерживали. Ведь «гонцы» и им не давали покоя: угоняли машины, мотоциклы, скотину угоняли, посеы травили... А сейчас между ними наметился союз. Местные занялись заготовкой. Приезжаешь на чабанскую точку, а там неподалеку стоит стожок скошенной конопли. Подходишь к чабану: «Аксакал, почему не сожгли?» А он отвечает: «Сельсовет с меня требует, вы с меня требуете, а у меня бензина нет! Приезжай и сам жги!» Так и получается: он выжидает, кто первым придет. Если мы, то сожжем. Если «гонцы», то они возьмут уже готовый, высушенный товар, а ему заплатят водкой, деньгами, чаем...

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Игорь Дацко, 18 лет, учащийся ПТУ, Минеральные Воды

У меня друг был, мы с ним с детства, с детского сада вместе. Всю жизнь. Это даже не брат, это больше брата, как второй «я» — вот он кем был для меня. И вот он умер, 15 февраля, месяца не дожидаясь до восемнадцати лет. Передозняк, как у нас говорят.

Мы с ним и курить вместе начали, с девяти лет. В смысле анашу курить, травку. У нас все курят. А первый раз я уколосся в четырнадцать лет, четыре года назад, и было это, как сейчас помню, 13 апреля. Перед этим к нам с другом приехали знакомые ребята и стали говорить, что у них начинаются ломки, а денег нет, чтобы соломы купить. Стали у нас просить. А у нас деньги были: мы ребята кавказские, уже тогда зарабатывали разными способами, имели... Мы им дали. Они предложили нам уколосся. Мы, конечно, отказались. На следующий день то же самое, деньги просят. И на третий день тоже. И как-то у нас одновременно с другом мысль появилась: вроде деньги мы даем, а получать ничего не получаем, как в яму. Как бы жалко, что ли, мол, хоть что-то да получить бы... И решили попробовать.

С того дня и началось. И ничего особенного, вроде так и надо. Я вообще мальчонка общительный, знакомых у меня много. И половина из них колется. Обычное дело.

Но я лично никого не уколол, никого не соблазнял, не уговаривал. Не хочу, чтобы потом человек считал меня своим врагом, проклинал, как я тех пацанов, которые меня уговорили. Это — самое гнилое дело. Хотя нет: самое гнилое — это барыги, которые сами не колются, а только продают, деньги делают.

А я сам жулик. Никогда не воровал, не фарцевал, не барыжничал и презираю это дело. Даже когда мы в Москву переехали жить и я здесь стал как бы новенький, то и здесь не потерялся. Говорю же: я мальчонка общительный. Сразу вычислил, где и как можно делать деньги, кого обжужливать. Нашел товарища с машиной, тоже жулик-мошенник, наладили мы с ним разные игры, наперстки и прочее. И неплохо зарабатывали.

Здесь, в Москве, доза у меня выросла до полутора стаканов в день. Это много. И еще я всегда оставлял на утро, чтобы раскумариться. Это вроде похмелья, как у алкашей. У нас называется «кумар». То есть кайфа уже не было. Понимаете, вначале ловишь кайф, а потом привыкаешь, и уже нет ничего, только бы раскумариться. Вначале кайф, а потом вся жизнь идет на то, чтобы только стать нормальным. Уколешься с утра — и вроде голова прояснилась, глаза все видят, соображаешь, а о кайфе уже и речи нет. И как бы получается, что овчинка не стоит выделки.

Хотя можно и потом ловить кайф. Это если перейти на более сильный наркотик. У меня был случай, когда я за двенадцать тысяч закупил большую партию ташкентского опиумного мака. Это — совсем другое дело, не то что московский мак-самосей. Можно переехать в Ташкент и вновь начать кайф. Но я отвечаю за свои слова, что там, перейдя на ташкентский мак, человек больше двух лет не протянет.

Конечно, случалось, что и у меня не было денег. И мака тоже. То есть начинались ломки. Ну как их описать? Это зубная постоянная боль во всех мышцах. А кости, суставы как будто сверлит зубная бормашина. Человека всего выворачивает из суставов, если на кровати лежит, то до потолка подлетает. Это страшно, когда у тебя ломки начинаются и ты видишь, что стоит раствор, а ты не можешь его взять, нет денег. Это страшно.

Первый раз я задумался, когда позвонили из Минеральных Вод и сказали, что от передозировки умер мой друг. Он был для меня всем, и вот так вдруг уйти. А второй раз, когда однажды проснулся дома в одном пальто на голое тело. Стал вспоминать. Из дома я ушел, как всегда, в костюме и в галстук. Денег не было. Вспомнил, что на Даниловском рынке отдал барыге за одну дозу и костюм, и рубашку, и галстук. А домой, значит, пришел вот в таком виде.

Я всегда считал себя крепким пацаном, который никогда не будет унижаться, крысятничать, то есть из дома тащить или с себя снимать. А тут такая история. И я подумал: а что же дальше будет, если даже моих денег не хватает?

Всем известно, что будет. Для начала станешь шестеркой. У барыги. Барыга тебе скажет: хочешь получить дозу, приведи, найди мне людей, которые купят, которым надо. Побежишь искать, никуда не денешься. Но так много не набегаешь, доза нужна каждый день. Рано или поздно

увидишь открытое окно в магазине, какую-нибудь вещь на прилавке, которая лежит и дразнит: вот она, кучу денег стоит, схватил и убежал! И попал в зону...

Все это я подумал, представил, ясно, очень ясно увидел.

И еще: среди наркоманов есть такие, которые на какой-то определенной стадии перестают есть. Совсем. Я к ним отношусь, как выяснилось. Мне восемнадцать лет, рост — 181 сантиметр. Когда меня привезли в больницу, весу во мне было 39 килограммов.

ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА

Виктор Драйд, зам. начальника районного угрозыска

Да, местные становятся главными поставщиками, заготовителями марихуаны. Местные — это все: кыргызы, русские, украинцы, немцы, корейцы... В основном, конечно, молодежь занимается. Но и старики не чураются. Те же чабаны, я их имею в виду. Что ему, трудно взять косу, серп да скосить верхушки конопли во время цветения? Просушил, набил в мешки, отвез в укромные местечки, спрятал. Он-то каждый камешек и каждый кустик в своих владениях знает. Пришло время, приехали из Сибири, из России его постоянные клиенты. Обработали массу, вытащили палочки, всякий разный мусор — и вот она, готова, марихуана, а по-местному — шала.

Да если б только чабаны — это не беда, их не так уж и много. Беда в том, что в таких селах, допустим, как Асмара, Чалдыбар, практически все взрослое население занимается заготовкой шалы, все быстро поняли вкус легких денег. На этих деньгах, мы ведь знаем, и двухэтажные особняки построились, и машины, и прочее богатство появилось.

Вот, например, поступила к нам информация, что приехали из Омска на большегрузном КамАЗе-трейлере, по всему району рыщут, хотят купить большую партию. У нас часто бывают такие машины из всех концов, особенно из Сибири. Лук созреет — везут туда, к себе, лук; первые фрукты появятся — везут фрукты. Ну, фруктами они загрузились, теперь начали промышлять марихуану.

А мы следим за ними. Направились они в Чалдыбар: грузовой КамАЗ и «жигуленок» по селу. В каждый двор (!) они заходили, подряд, не пропуская, и из каждого двора (!) выносили по мешку. Когда мы их взяли, они «заготовили» уже двести килограммов шалы...

Конечно, и они сами, люди из дальних краев, выезжают на заготовки. Тут у нас в сезон настоящие боевые действия бывают. Они ж с обрезам. Советская пушка: обрез двенадцатого калибра, начиненный пулями или жаканами. Вот эту машину, «уазик», в двух местах пробили.

Но все равно времена сильно изменились. Это раньше приезжие все сами делали: и машины угоняли, и коноплю срезали, высушивали. Теперь он, человек из России, из Москвы, из Сибири, приезжает сюда просто с «дипломатом», набитым деньгами, и с пустыми чемоданами. Отдает деньги своему постоянному заготовщику из местных, набирает чемоданы марихуаной и так же солидно отбывает на поезде. Поди проверь всех на железной дороге...

Местные заготовщики делятся в основном на две категории. Это «старики» лет под тридцать, которые, как правило, один срок уже отсидели за продажу или употребление наркотиков. И молодежь шестнадцати — двадцати лет, их еще называют «бычки». У «стариков» свой

транспорт, мотоциклы с коляской, они угонами не занимаются. Всю округу знают как свои пять пальцев. Залез в заросли, заготовил, спрятал, а потом едет спокойно через пост.

Ну, а в коляске у него, естественно, удочки! Рыбак!

Другая категория — молодежь. Эти отчаянны и безрассудны. Как только начнется июль — пойдут угоны машин и мотоциклов. У них же своего транспорта нет, вот и угоняют, уезжают на заготовки. А потом поджигают или сбрасывают в озера.

По всей стране «бомбят» аппаратуру, аудио и видео. Куда она идет? К нам, к нам, у нас оседает. Видео еще не дошло, но магнитофонов, стереофоники в достатке. Приезжает парень из Европы, как у нас говорят, то есть из России, с двумя чемоданами аппаратуры. И говорит местному пацану: вот тебе двухкассетник за пятьсот стаканов шалы. А пацану семнадцать лет, у него глаза горят, в их компании это высший шик, дело престижа иметь такую аппаратуру. Так он весь сезон будет в конопляных зарослях пластаться, чтобы этот двухкассетник заиметь. Такой вот бартер...

И есть те, кто занимается заготовкой вначале как бы по дружбе. Это чаще всего демобилизованные солдаты. В армии ведь тоже курят, и еще как курят. Демобилизованный парень приехал к нам, к себе на родину. А ему вскоре письма от армейских друзей со всех концов страны: принимай, земля, встречай, еду к тебе... И вот уже один человек как бы становится во главе, вернее, в основе целой группы, которая может доставить наркотик в любой город: где живет, туда и везет...

В целом же, по моим прикидкам, мы перехватываем процентов пять заготовленного наркотика. Не больше... Укреплять надо нашу службу, не стричь всех под одну гребенку: если район тяжелый, криминогенный, то и штаты увеличивать, а не так, чтобы везде одинаково.

А что делать вообще, в глобальном, так сказать, масштабе — это уже другой вопрос. Мы — сыщики, наше дело — ловить, пресекать, доставлять, куда надо. А что делать и как быть, пусть решают, думают депутаты, правительство, службы профилактики. Это их работа, их обязанность. Пусть каждый занимается своим делом — я так считаю.

ДЛЯ СПРАВКИ

В Казахстане под дикой коноплей занято 4 миллиона гектаров.

В России — 1,5 миллиона гектаров.

Только в Москву ежегодно завозится, в самой Москве производится и продается до 16 тонн различных наркотиков.

Из них милицией изымается 1 тонна.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Борис Варзобов, 36 лет, начальник станции техобслуживания автомобилей, Ставропольский край

Страшно — это не то слово. Этого не объяснить и не рассказать, можно только заснять на пленку и показывать, чтобы люди получили представление, что такое ломки. Мне повезло, я во сне обломался, а вот сосед по палате не выдержал, выбил окно и выпрыгнул со второго этажа, побежал искать... Ну не смог человек, не вынес.

Когда меня начало крутить и ломать, от меня врачи двое суток не отходили. Я приехал сюда уже на ломках, дома укололся последний раз — и в путь. Поезд пришел вечером, пока добрался, пока нашел, а мне тут говорят: без разрешения заведующего не можем положить. Я кричу им: да вы что, да я с ума сойду, меня уже ломает всего. Начали искать заведующего по телефону, нашли у знакомых, слава Богу, он разрешил. Начали меня колоть разными лекарствами, а ничего не помогает. Дурняк начался, то есть передозировка, крыша могла поехать, или просто бы не проснулся, сердце бы не выдержало передозировки. То есть их лекарства, американская методика и то не могли снять ломок. Я так думаю, что у меня был свой опиум, отборный, особо сильный. А у них слабей. Крепости нет, а доза большая, вот и провел я двое суток на краю. Хорошо еще, что без сознания был, то есть во сне.

А потом, когда переломался во сне, тоже надо выдержать. Начинается вроде бы отходняк, психоз. Самый опасный момент. В этом состоянии все случается. И вены режут, и из окна выпрыгивают. Не для того даже, чтобы убиться, покончить с собой, а вроде бы из себя выпрыгнуть, сотворить с собою что-нибудь. Послушать истории, какие здесь и вообще с наркоманами, так у самого здорового человека крыша поедет. Уже после того, как ломки сняли, ходят невменяемые, сознание спутанное. Кто мак собирает, кто мышей отлавливает, кто мух. Мальчик Сережа был, двадцати лет, из хорошей, приличной семьи, рисовал очень хорошо, прямо как волшебник. Так вот, он в психозе закрылся в туалете и вскрыл себе вены. Лена была, девочка, на вид лет двенадцать, прямо куклолка. Увидела мужчину, который пришел к ней на свидание, и головой в окно. Говорят, он был главарь их, увидела и испугалась...

Я на иглу сел в восемьдесят седьмом году. Конечно, по молодости покуривал, но потом отошел: и по должности вверх пошел, стал человеком солидным, и вообще... Но в восемьдесят шестом году попал в аварию и у меня стала рука сохнуть. Криком кричал — такие иногда боли накатывали. И стал потихоньку колотиться, снимал боль. И, конечно, втянулся, уже не мог без этого. А ведь я — человек на виду, да еще в маленьком городе. Ну сами понимаете, что такое начальник станции техобслуживания в наши времена. Мне надо держаться, у меня работа. А какая работа, когда только об одном думаешь: как бы приготовить и уколоться. А когда уколешься — тем более не до работы.

Конечно, многие видели, что со мной неладно, но я отговаривался тем, что рука сохнет, вроде бы врачи прописали. И счастье мое, что я на такой должности, деньги есть, что там говорить. И возможности есть. Я садился в свою машину и ехал на Украину, там у меня были постоянные поставщики опиумного мака, скупал его мешками. Стоил он дешево, бабульки им торговали, да и сейчас торгуют. Только деньги уже бешеные. Говорят, сейчас в Москве стакан опиумного мака — до тысячи рублей.

Раньше мне одного стакана хватало, а в последнее время дошел до двух стаканов. Причем лучшего, отборного мака, а не какой-нибудь воды. Короче говоря, ни в нашем городе, ни в наших краях обо мне почти ничего не знали: я не покупал, я в компании, где хором на игле сидят, не ходил. Так, подозревали слегка, но, в общем, я репутацию держал.

Однако держи не держи, а это все равно не жизнь. Кайфа уже нет, доза постоянно растет, организм перенасыщается. Ты сам для себя уже

не человек, а какая-то обуза, тебе самому себя тяжело и противно тащить по жизни. Вот примерно такое чувство испытывает каждый наркоман.

И когда я узнал, что в Москве есть такая лечебница, где врачи при помощи лекарств выводят человека из ломок, я на следующий же день все бросил и примчался сюда. У нас же там не знают, что можно помочь человеку, что есть лечебницы. Наркоман боится ломок, живет в постоянном ужасе, а если ему помочь, то многие постараются бросить. Я здешним врачам прямо сказал: вернусь домой и пришлю сюда целый вагон наркоманов, которые хотят, но не могут бросить, нет им помощи ниоткуда. И это все очень солидные люди, при высоких должностях. То ли по глупости, то ли по недоразумению сели на иглу, и все, не могут сойти. Тот же мой друг, директор центрального гастронома в нашем городе. Все есть, недавно женился на молоденькой девушке — живи да живи! А какая у него жизнь? Такая же, как была у меня. Плачет при встрече, зубами скрипит, говорит: сам себя в тюрьму посадил и не могу выйти! Вот в этом и кошмар жизни моих знакомых, да вообще это человеку тяжело, когда хочешь, а не можешь. Чувствуешь себя, как последний червяк.

Но мы-то ладно, мы, опиумщики, люди богатые, благополучные, мы позволяем себе чистый кайф, можно сказать. А пацаны-то не могут покупать опиумный мак. И делают, варят себе всякую дрянь из химии, первинтин* придумали. А этот первинтин — чистая смерть. Я часто езжу по городам Северного Кавказа и вижу: косяками вымирают пацаны двадцати—двадцати пяти лет. Кварталами. Полгода не был в городе, приезжаешь, а там уже целого квартала нет, как метлой вымело.

ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА

Виктор Драйд, зам. начальника районного угрозыска

Несколько лет назад в наших краях орудовала банда налетчиков. Самая настоящая банда. Черные маски, обрезы и прочее. Работали по четким наводкам. Врывались ночью в богатый дом, сгоняли всех в одну комнату, под дула обрезов. Выбирали одного члена семьи, как правило, ребенка, оголяли электропровод и пытали, где золото, где ценности, где деньги. В общем, нелюди...

Мы шли по их следам, агентура работала. Аккуратно взяли одного члена банды. Знали, что наркоман. Расчет был такой: если его и спохвоятся, то сначала паники не будет — ну, наркоман, завис где-нибудь под кайфом. А мы его тем временем расколем и выйдем на всю банду.

Не тут-то было. Молчит. День допрашиваем, другой. Молчит. Мы знали, что это один из самых жестоких членов банды. Упорный. Но не думали, что до такой степени упорный. Мы уже в панике. Его ведь ищут. Насторожились. А может, уже объявили тревогу и уходят. Ищи их теперь по всей стране.

На третий день у него начались ломки. С утра начал беситься. На лице пот, всего колотит. Но крепится, держит себя перед нами. Однако

* Здесь и далее мои герои часто употребляют это слово и жаргонное производное от него — «винт». На самом же деле препарат правильно называется — первинтин.

с каждым часом все слабее и слабее. Чуть ли не головой о стенку начинает биться.

А у нас был чемоданчик с конфискованным кокнаром. Кокнар — так в наших краях называют высушенную маковую соломку.

Понимаю, что этот поступок, метод такой, наверное, не очень-то красит нас, сыщиков. Но что поделаешь: так было. И потом, на одной чаше весов жизни людей, на которых завтра или послезавтра нападут бандиты, а на другой — наша щепетильность перед преступником.

В общем, достал я тот чемоданчик, поставил на стол, раскрыл. Как он вскинулся. Криком кричит: «Что хотите! Что хотите! Дайте! Дайте!! Дайте!!!»

В первую минуту я обрадовался: наконец-то! А когда взглянул на него, радость моя куда-то исчезла и стало просто-напросто страшно. Это ж самая настоящая трагедия человека. Какой-то вывихнутый порядок в их мире, страшный и непонятный порядок. Выходит, этого бандита, жестокого, безжалостного, упорного человека, с которым два дня не мог сладить весь уголовный розыск, можно купить за одну ложку кокнара...

Как сыщик, я знаю, что почти все наркоманы — преступники. Такая уж цепь тут неразрывная: чтобы достать, надо нарушить закон, чтобы купить, надо украсть, и так далее. Да, преступники. Не все, конечно, но большинство.

А как просто человек, я понимаю, что это несчастные, глубоко несчастные люди. Быть может, самые несчастные люди на свете. Потому что не принадлежат себе.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Валерий Жданович, 26 лет, бизнесмен, Москва

35

Сразу после института я завел собственное дело. Сейчас у меня предприятие, фирменный магазин. Пошли деньги. Бешеные деньги, я вам скажу.

И начал я вести жизнь московского плейбоя. Но оказалось, что ничего особого в ней нет, все приедается. Или натура у меня была такая: все время искал чего-то нового, каких-то острых ощущений, всего, что только можно получить за деньги. И вот в нашу компанию попал человек, который вышел из зоны, сидел за наркотики. И говорит: «Давай попробуй». Расписал мне целую гамму чувств, ощущений, впечатлений. Я человек впечатлительный, да и сам ведь искал, так что попался сразу. Скажу так: вверг себя в пучину.

Вначале, как у всех, нормально. А потом начинается такое, что не объяснишь, это за гранью, в другой плоскости, нечеловеческой. Если выдержишь — умрешь своей смертью, но опустишься. Не выдержишь — сойдешь с ума и выбросишься в окно.

Можно колоться по-разному. Можно на пятьсот рублей в день. стакан «соломы» сейчас как раз от пятисот до тысячи. Я колотся на пять тысяч рублей в день. То есть пропускал через себя до десяти стаканов раствора. За два года всего нагнал такую дозу. Таких доз не было ни у кого из моих знакомых, и я даже не слышал...

Конечно, кайф был. Но есть мгновения, когда начинал думать, и это было самое страшное. Первый час после укола, после «вмазки», самый

тяжелый. Наркотическое опьянение еще не наступило, но голова прошла после кумара, ум ясный, начинаешь соображать, и хочется кончить с собой. Потому что ясно видишь тупик жизни. Я, во всяком случае, его видел.

А сейчас вот пытаюсь выбраться из него. Полтора месяца держусь. Ломки — это боль физическая, это пустяки. Страшнее для меня тяга к наркотику. Сидит в голове, грызет мозг: «Дай! Дай! Дай!» Вот это мне страшно: неужели не выдержу, неужели сломаюсь! Ведь телефон под рукой: стоит мне позвонить — и через час привезут все, что хочешь. Но я держусь полтора месяца и верю, что выдержу.

У нас была довольно странная группа: хиппи, и семейные, и пятидесятилетние холостяки, и семнадцатилетние девчонки и мальчишки, которые только-только «присаживались». Считается, что наркоман всегда старается втянуть в это дело других, молодежь, но я — никогда. Наоборот, я разговаривал с этой девчонкой, с Аленой, когда ее привели к нам. Кто привел, зачем привел тринадцатилетнюю девчонку — не знаю, не помню, там как-то стараются не спрашивать. Мне на них, на тринадцатилетних — семнадцатилетних, смотреть было больно. Но говорить с ними бесполезно, я пытался. Когда человек влезает в эту жизнь, в этот кошмар, то обратного пути у него... не знаю, у кого как получится. И вот эта Лена, судьба, как у всех... Представьте себе однокомнатную квартиру, в которой живут муж, жена, два ребенка и две собаки, квартиру, которую никогда не подметали и не мыли в ней полы. Муж и жена вечно пропадают на кухне, варят мак. Они — барыги. Но из тех барыг, которые и сами колют, всегда в тумане. Можете себе представить мужика и бабу, которые никогда в жизни не расчесывались, не мылись и не снимали с себя одежды. А тут же и дети, и собаки. Сюда же приходят наркоманы, кто взять дозу, кто уколоться, а кто и зависает, живет там по нескольку дней, да не один. Я не мог... Я даже захожу туда брезговал, получал в прихожей то, что надо, и тотчас уходил, тошнота к горлу подкатывала от одного только запаха. И вот, зайдя однажды, увидел там Лену. Она там жила на правах наложницы, второй жены, черт знает кого. И по виду — как будто родилась и выросла здесь, разве что чуть поумней. Но еще немного — и не отличить.

В общем, нравы там такие жестокие. Если есть деньги большие, как у меня, — проживешь. А нет — надо добывать, воровать или присасываться, как там говорят. К тому, у кого деньги, кто может достать, ограбить, к тому, кто варит и продает, к барыге. Вот Лена присосалась к барыге: и ей удобно — не надо заботиться о кайфе, не надо бояться, — и ему: и сам пользуется, и подкладывает нужным людям.

Конечно, жалко, но что делать, это такая судьба, не моя судьба. Если все, что знал и видел, пропускать через себя, не фильтровать, то это невозможно, с ума сойдешь...

Я вовремя остановился, нашел силы... Родители ведь у меня чуть с ума не сошли, в самом прямом смысле. Сын — наркоман, да что же это такое? Разве для этого они меня рожали?

Дочку не видел, не знаю. Жена уже не то чтобы не разговаривает, а только одно твердит: посмотри на себя, что же ты за человек? Ты же не-человек!

А я докажу ей, что я могу. А то ведь раньше, когда появились деньги, машину купил, дачу, я перед ней был королем, а теперь что?

В конце концов путь один. В конце концов я проширяю все деньги,

проширяю свою фирму, свой магазин и пойду кого-нибудь убивать, грабить, воровать, доставать кайф. Это реальный логический путь любого наркомана, каким бы он ни был богатым. Я же видел, как другие, немногим беднее меня, профукали все деньги, ломанули коммерческий магазин и получили срок. Один путь. Любого. Любого! Нет другого пути. Просто его нет. Вот в чем дело. А зачем мне это надо? Что я, хуже других? Нет, жизнь показала, что не хуже, а во многом и получше, посильнее, оборотистее. Не каждый ведь сделал такую фирму, как у меня. Так в чем тогда дело? Жизнь наступает жестокая. У меня жестокая вдвойне. Значит, надо бороться. А если не в состоянии бороться, то надо сделать себе передозняк, пустить по вене максимум и откинуться. Чтoб не мучить себя и других. И только об одном думаю: на кого дочку оставляю?

ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА

*Александр Зеличенко, начальник службы по борьбе с наркобизнесом
МВД Кыргызстана*

В прессе это не нашло отражения, но наша республика весной 1992 года буквально потрясла и заставила трепетать двадцать четыре ведущие державы мира. Переполох в международном сообществе был немалый. Что там говорить, чего бы доброго, а испугать мир, насторожить его и встревожить — это мы умеем.

А суть в том, что в Кыргызстане практически решено было возобновить посевы опийного мака. До 1974 года мы возделывали в районах Прииссыккуля две тысячи гектаров плантаций. Разумеется, самым примитивным способом. Как всегда, в разгар сельхозкампании выгоняли в поле школьников... А это же вредная, очень опасная для здоровья работа.

Охраны, разумеется, практически не было, воровали все кому не лень. Таким образом, Киргизия была главным, глобальным поставщиком опия на всесоюзный рынок.

В 1974 году посевы опийного мака в Киргизии прекратили.

И вот спустя почти двадцать лет решено было их возобновить. Понятно: природные богатства республики скудные, источников валюты практически нет. А опий — ценнейшее сырье, на международном рынке за него можно получить миллионы и миллионы долларов.

Но международное сообщество, организация по борьбе с наркобизнесом, в которую входят двадцать четыре ведущие державы мира, заявило решительный протест. По их мнению, это стало бы трагедией для всей Европы, да и не только для Европы. При полном распаде межгосударственных связей, при поднявшейся волне организованной преступности, при очевидной слабости правоохранительных органов, при открытости западных границ поток наркотиков хлынет туда, на Запад, и мы быстро превратимся во вторую Колумбию. Как будто недостаточно забот у всех нас, в том числе и у стран Запада, с Чуйской долиной, глобальным природным источником марихуаны...

А наши-то хозяйственники возликовали: «Ура! Вперед! Даешь валюту!». Мэры городов, главы районных администраций уже распорядились, где, как и сколько сеять. Взялись за мак даже те области, где его прежде не возделывали: и Талас, и Нарын. Если до 1974 года во всей

республике мак выращивали на площади в две тысячи гектаров, то сейчас размахнулись сразу на девять-десять тысяч гектаров!

Но протест международной ассоциации сильно остудил пыл.

Со своей стороны, резко выступило против и Министерство внутренних дел республики. Мы не возражали против посевов мака. Но разъясняли, как это надо делать, чтобы не создать в пределах республики еще один «Золотой треугольник», чтобы обеспечить гарантии безопасности своим гражданам и международному сообществу.

Нынешний вице-президент, а тогда министр внутренних дел Феликс Кулов поручил мне, как у нас говорят, проработать этот вопрос.

Известно, что основным поставщик опиийного мака на международный рынок — Австралия. Я встречался с человеком, который восемь лет проработал резидентом Международной службы по борьбе с наркотиками в Австралии. Он рассказывал, как там устроено производство.

Во-первых, плантации мака расположены на острове, что само по себе уже немалая изоляция. На Тасмании.

Во-вторых, выращивать мак доверено шести фермерским семьям с безупречной репутацией. Их, как говорится, просветили насквозь, как рентгеном. Только им — и никому больше.

В-третьих, там ведь супертехника, ультразвук, на плантациях практически нет людей.

В-четвертых, собственно производство закрытое. То есть система охраны на всех этапах, как на золотодобывающих фабриках, как для транспортов с золотом. Унести, пронести, украсть практически невозможно. Да и теоретически тоже.

Мы предлагали нашим хозяйственникам: если уж выращивать мак, то давайте организуем производство по австралийскому типу — выберем труднодоступное место, обеспечим охрану, перерабатывающую фабрику сделаем по типу «почтового ящика», с каждым рабочим заключим сезонный контракт, чтобы он знал: он входит на территорию этого объединения и выйдет отсюда только через три месяца. А не как раньше в совхозах было, когда женщины с макового поля по пять раз на дню уходили домой — «детей кормить».

Хозяйственники, как водится, сказали: на такое производство сейчас денег нет, вот когда разбогатеет, тогда... Словом, как обычно у нас.

Но самая большая опасность, о которой мы своевременно предупредили и правительстве, и общественность, подстерегала всех нас со стороны дремлющей мафии. Для обывателя мафия нечто вроде фантома, о котором все говорят, но в глаза мало кто видел. Приведу факт: решение о производстве мака было принято еще в самых общих, принципиальных чертах, ничего конкретного, а все брошенные и неброшенные дома в районах вокруг Иссук-Куля были уже куплены за бешеные деньги самыми разными людьми, прилетевшими сюда из всех городов, от Кавказа до Магадана. Развалюхи стоимостью в две-три тысячи рублей покупались за сто и сто пятьдесят тысяч, а хорошие дома взлетели в цене до полутора миллиона.

Вот как работают! То есть только прошел слух, а воровской общак или какой другой крупный капитал моментально двинулся сюда: обосноваться здесь официально, получить прописку, пустить корни. Словом, наркомафия раньше нас приготовилась к новому повороту в экономике республики.

Для нас же это было еще одним доказательством правильности

нашей позиции. Или налаживать производство, как положено, или же не открывать его вовсе. Мы всех старались убедить: республика только-только открыла двери в международное сообщество, стали налаживаться контакты, торговые и прочие отношения, только-только переломилось отношение к Кыргызстану как к заповеднику партократии, вот уже капиталы западных и восточных стран инвестируются в нашу экономику... — и всему сразу же придет конец, как только мы начнем сеять мак. Безалаберно, как и раньше, фактически порождая и подкармливая наркомафию. От нас же все отвернутся, цивилизованные страны прекратят с нами все отношения, кроме вынужденно официальных.

Конечно, в первую очередь свое слово сказала высокая политика, решительная позиция двадцати четырех высокоразвитых стран, входящих в Международную организацию по борьбе с наркотиками.

Взвесив все обстоятельства, президент республики отменил прежние решения о выращивании опийного мака.

Уверен, что, потеряв в валюте, мы выиграли неизмеримо больше в глазах мирового общественного мнения. Все, что не получим мы от несостоявшейся продажи опийного мака, сторицей вернется нам торговыми выгодными договорами и иностранными инвестициями. А придет время, научимся — и тогда уже организуем у себя производство сырья для фармацевтики. Так что никто нас ни в чем не упрекнет. Я в этом уверен.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Ира Шулимова, 17 лет, Москва

40

Самое страшное в наркомании — психологическая сторона. Внутри у человека творится что-то ужасное. Как это передать... Я в дневниках писала: это чувство, будто человек попал в могилу. Вот он очнулся, видит, что он живой, у него есть еще силы, а нет никакой возможности выбраться. Ты живой, но ты уже труп — примерно так. Когда крыша едет, тебе кажется, что за тобой, пятнадцатилетней девчонкой, КГБ следит, крысы выпрыгивают из-под ног, пауки висят гроздьями — все это в тебе, внутри, но в то же время как бы и внешне. Внутри-то ты все понимаешь... Ну как объяснить... Вот сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие. Есть же параноики, шизофреники, но они считают себя нормальными людьми. А когда крыша едет — ты все понимаешь, на себя как бы со стороны смотришь и видишь. Но остановиться не можешь. Представьте себе, что вы, именно вы, начинаете на площади раздеваться догола, выкрикиваете какие-то глупости, кроете всех матом, хватаете прохожих женщин и пытаетесь их насиловать... Вы понимаете, что делаете что-то страшное, несовместимое со своими понятиями, вы этого не хотите, но вы это делаете.

Вот что такое психоз, вот что такое состояние наркомана. Вся психика, мозг, душа, весь человек раздирается на две части, идет на разрыв. Можно ли это выдержать?

Все наркоманы, кого я знаю, хотят бросить, остановиться — и не могут. Можно помочь, снять ломки, но отворотить от кайфа — не знаю... Человек попадает в страшную, не известную никому зависимость. Тут начинается перетягивание каната: что окажется сильнее — зависимость от наркотика или желание бросить, избавиться. Если желание избавиться

ся от рабской зависимости пересилит, тогда человек может подняться. Главное — не обманывать себя, четко сказать, что зависимость от кайфа — это прежде всего зависимость от людей, которые потребуют от тебя за эту дозу выполнения любых прихотей. Когда это говоришь себе без обмана, то появляется крепость, у меня лично — протест, бешенство, ну, характер у меня бешеный, но он меня и спас, а то бы я здесь не сидела с вами, а валялась бы под забором со всеми кому не лень...

В двенадцать лет я начала курить, в тринадцать лет уже курила анашу, а на иглу села, когда мне не было еще пятнадцати лет.

Уже за анашу надо было платить немалые деньги. А где их взять тринадцатилетней девчонке? Но тут уже появляется подруга, а у нее есть еще подруга, которая постарше, а у той — друзья, крутые, блатные чуваки, и так далее, известно... Стали мы с подружкой чем-то вроде подсадных уток. Например, подходим на рынке к торговцам, заигрываем, заговариваем: на молоденьких, развязных они сразу клюют. Везем их на квартиру, а туда через пять минут входят наши ребята... Или клофелина в вино подмешаешь, еще какой-нибудь дури, в общем, «обували клиентов» и немалые деньги на этом имели. Конечно, ты не одна, за тобой — целая уголовная банда. Были, конечно, и другие дела. С девчонок на улицах сережки срывала, избивала... Что, непохоже на меня, да? Это уж точно, по виду не скажешь, с детства примерной девочкой была, в английскую школу ходила, пением четыре года занималась...

В общем, попали мы с подружкой моей в чисто уголовную среду: воры в законе, проститутки, бандерши. Когда ищешь, то находишь. Самым младшим — двадцать пять — тридцать лет, старшим — сорок — пятьдесят.

Зачем я им нужна? Во-первых, подсадная утка, на мне, между прочим, немалые деньги зарабатывались. Во-вторых, хотели сделать девочку на приход. Ну, приход — наступление кайфа, когда кайф приходит. И в этот момент, для полного кайфа, им нужны девочки или одна девочка на всех. Чаще всего одна-две на всю группу из десяти — пятнадцати человек. В основном это «винтовые» девочки, то есть девочки, которых колют первитином. Это дешевый самодельный наркотик, от которого человек сразу дуреет и с ним можно делать все, что угодно. Как правило, на «винт» сажают малолетних и делают их девочками на приход. Мне же просто повезло. После первого укола у меня поехала крыша, начало твориться что-то страшное. Наверное, «винт» наложился на мой психованный характер... Короче говоря, меня не стали трогать, побоялись. А потом появился человек, который взял меня в постоянные сожительницы, авторитетный такой, вор в законе, и меня больше не трогали. Хотя были случаи...

«Винтовых» девочек можно сразу в «хоровод» пускать. Это когда одна на десятерых. А с другими уже другой подход: он добрый такой, все они добрые, бесplatно колют, колют, а потом говорят девочке: слушай, дорогая, надо платить. А известно, как платить. Ну, спать с ним — это само собой разумеется, девочка к этому давно готова или даже с первого дня уже спит. Но это ведь еще не плата, ему это может показаться мало. А он уже забрал над ней полную власть. Это его товар. Он им распоряжается, торгует. Девочки — всегда ходовой товар. Вот мою подругу ее сожитель использует, как ему надо: ну, для себя, как дополнение к кайфу, друзьям дает напрокат, на час-другой, пускает ее

по кругу за деньги, то есть зарабатывает на ней, просто подкладывает под нужных ему людей, расплачивается ею при всяких разборках и так далее.

А есть еще просто извращенцы. В нашей же группе был один вор, лет тридцати примерно, как там говорят, уже две ходки сделал, два раза в тюрьме был. Он посадил на иглу тринадцатилетнюю девочку, естественно, сам с ней спал, торговал, а потом стал внушать потихоньку, внушать. У него здоровый дог был... А под наркотиком, тем более под «винтом», можно внушить все, что угодно. В общем, он подготовил ее, внушил и заставил сношаться со своим догом... Потом он, этот вор, и ко мне подкатывался, но у меня, слава богу, был уже свой сожитель.

О той жизни рассказать невозможно. Там, в том мире, люди могут сделать все, что и в страшном сне не приснится. Все могут: предать, продать, растоптать. Один из наших родную мать зарезал только за то, что она ему денег не давала. Знаю барыгу, который обманул покупателей, продал большую партию раствора, а он, раствор, оказался чуть ли не просто водой. Так его поймали, привели на хату, включили громкую музыку и «всем хором» изнасиловали, как у нас говорят, «опустили». Это при мне было, правда, в соседней комнате, я только видела, как он вышел, доплелся до ванной и там лег... Или знаю квартиру одного наркомана-хиппи, уже с ума сошедшего человека. У него как-то странно крыша поехала: он ходит по помойкам и все тащит в дом, все объедки, отбросы. Так у него по квартире, вы не поверите, крысы бегают... Но среди его знакомых за ту квартиру идет бой. Квартира — большая ценность. Все включились, чтобы к тому сумасшедшему хиппи подселить, прописать своего человека, и тогда несчастного хиппаря можно уже отправлять в психушку...

42

Вообще уголовный мир — это дерьмо в красивой обертке. Так я для себя определила. Красивая обертка — это песни блатные, гулянки, деньги, как бы свобода, разговоры типа: да мы за кореша душу отдадим, да пасть порвем, кому хочешь... Все это дерьмо и обман, уж поверьте мне. И предадут, и продадут, и все, что угодно. Я ж говорила: мать зарезал, хотя мать у уголовников считается последней и единственной святыней. А о дружбе и говорить нечего. Вот я, например, никому там плохого не сделала, последней своей дозой делилась. А меня мои же друзья два раза подставили, завели на квартиру, продали меня... Потому что я понравилась одному авторитету, он высоко стоял и против его слова никто не мог ничего сказать. А я ведь не последняя подстилка в том мире, уже был у меня авторитет, положение кое-какое, наконец, был у меня свой «законный» сожитель со своими представлениями о гордости, чести и прочем.

Но когда я до этого дошла своим опытом, стала думать, то я додумалась до того, что и в нормальной жизни идет то же приукрашивание блатного, уголовного, наркоманного мира. Посмотрите телевизор: если про наркоманов, то обязательно про миллионы долларов. Да у наших людей при слове «доллар» сразу слюна начинает течь...

А фильм о проститутках? Да на такую жизнь разве что последняя дебилка не клюнет! Это ж реклама, та же красивая обертка.

Помню фильм про вора, в главной роли был Валентин Гафт. Ну куда там, и красивый, и благородный, и вообще — Гафт...

Конечно, стараются сказать и про другое. Но вот это — приукрашивание, оно перевешивает. Возьмите ту же эстраду. Я не хочу сказать, что на

Западе все хорошо, но там есть престиж здорового образа жизни, я читала об этом. А у нас что в престиже? Рэкетеры, проститутки и вообще крутые. Послушайте рок-группы, там ведь сплошная лажа про то, как хорошо быть крутым чуваком, и каждый певец изо всех сил изображает из себя крутого. У нас даже фильмов нет вроде индийских, где если не герой, то счастливый случай спасал бы бедных, несчастных. Короче, даже сказок для утешения нет.

Конечно, скажут: не тебе, мол, об этом говорить, с твоей-то жизнью. Но я тоже человек, тоже думаю.

Я два раза пыталась бросить. И ничего не получалось. Рано или поздно срывалась.

Есть отчаяние оттого, что не можешь ничего сделать. Наверное, от него-то я и три раза пыталась покончить с собой. Не так, как многие наркоманы, которые режут для того, чтобы кровь увидеть и успокоиться. Я — по-настоящему. И вены резала, и из петли меня вынимали, и таблетками травилась. А не получалось потому, что наркоман никогда не бывает один, все время в окружении многих, даже в туалете не закроешься, чтобы повеситься...

Выгляжу я ничего, на свои семнадцать лет, правда? Может, чуть постарше. Но здоровья нет никакого. Это только так, снаружи. Ну, во-первых, мне чуть ногу не ампутировали. Вообще-то у меня всегда была своя «машина», так шприц называется. Но когда на квартире надолго зависнешь, когда все подряд колются, то уже не до этого. От грязного шприца началось нагноение, абсцесс — еле спасли, на грани была. А во-вторых, врачи говорят, что у меня сердце ни к черту, желудок. А когда дождь начинается, у меня, как у стариков, все суставы ломит..

Меня теперь трудно обмануть. Вот все говорят: бороться надо, бороться с наркоманией. По телевизору показывают. Для кого? Для олухов, которые ничего не знают. Вся борьба заключалась в том, что ловили несчастных наркош и сажали в тюрьму. Теперь этот закон отменили, признали наркоманию болезнью, сажать стало некого. Так я слышала, что менты злятся. Теперь-то им надо ловить тех, кто торгует, кто распространяет наркотики, а это... Не знаю, за всех не буду говорить. Конечно, милиция ловит, ищет, но все же начинать надо с нее. Я видела, как милиционеры в отделении насилуют проститутку, выловленных в ресторане. Это что, так и должно быть? Ну, допустим, это просто скоты, быдло. Но ведь у нас есть такое выражение: «свои менты». Я, например, знаю следователя, который дает нашим ворами наводки на богатые квартиры. Я знаю, слышала и видела двух милиционеров, которые сидели в притоне и обсуждали какие-то дела с документами на чью-то машину. То есть они пришли к хозяину квартиры по какому-то служебному делу. Но неужели они не понимали, что попали в притон наркоманов? Не видели меня, не распознали? Запаха не учуяли? Ушли как ни в чем не бывало. Вот и задумаешься.

Ясно, что ловить и брать надо не больших наркош, а тех, кто торгует, барыг. Притоны накрывать. А как их найти? Не надо меня смешить. Все притоны, все квартиры, где варят, всем, абсолютно всем известны. А уж милиции подавно. Да от квартиры, в которой варят наркотики, за версту несет, такой запах, что в подъезде на первом этаже чувствуешь. Все соседи знают, где притон, где собираются наркоманы. И как можно не знать, если там по пять, десять, пятнадцать дней, месяцами живут десять или больше человек, оттуда крики разносятся, хрипы, бред, мат.

Да подойди к этой квартире, по одному виду двери она уже отличается от других, ясно, кто там живет. Я знаю квартиру, в которой пол в нескольких местах прострелен из пистолета и в которой за один только год четыре раза выламывали дверь. Это можно утаить от соседей? Ясно, что нельзя. А вот милиция ухитряется не знать об этом и не слышать.

Вот и начинаешь думать: почему не берут? Значит, что-то имеют с этого? Там ведь громадные деньги крутятся, и любому барыге или боссу ничего не стоит отстегивать двум-трем ментам по десять тысяч. Поймите меня правильно: я не видела, что дают деньги, не могу назвать фамилий и сказать: вот такие-то сидят на откупе. Но не знать о притонах в Москве — это значит нарочно закрывать глаза. Я в этом уверена.

И с этим связано самое главное, самое страшное. По моим прикидкам, сейчас у нас наступает власть силы. Раньше у меня тоже иллюзий не было, но я все же считала, что в мире есть какой-то коэффициент справедливости, который свое все равно возьмет. Но сейчас я точно знаю, что любой человек — никто. Со мной, с вами, с ним могут сделать все, что угодно, все, что захочет какой-нибудь босс из той жизни. Если захочет — сделает. Будь ты крутой, супермен, качок, не говоря уже о том, что ты просто человек со своими правами. А ему глубоко плевать. Он сделает то, что захочет. И никто: ни армия, ни милиция, ни вся страна, — никто вас не сможет защитить.

44 Это ведь все не просто так. Вы, обыкновенные люди, думаете, что вот есть мы — проститутки, наркоманы, шпана, подстилки, грязь и мразь... Ну, нами правят крутые, рэкетиры, а ими — просто воры и воры в законе. И этим вроде бы ограничивается наш мир — так вам кажется. Но я-то знаю, что там, выше, есть еще три-четыре ступени, на которых сидят не известные никому боссы. Я, допустим, имела дело с ворами на четвертой ступени той лестницы. А выше — еще три. Я это просто знаю. А мы, проститутки, наркоманы, шпана и грязь, мы основа, армия. А если есть армия, то в ней есть офицеры, генералы, маршалы, главнокомандующие. Если мы платим деньги барыге, если воры в законе платят барыге, то кому платит барыга? Он что, сам по себе? Может, и воры, и барыги имеют одного босса? А над тем боссом еще босс? Я-то точно знаю, поверьте, что это так.

И от этого мне страшно. От того, что наступает власть силы. Силы этих боссов, против которых никто из вас ничего сделать не сможет.

ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА

*Александр Зеличенко, начальник службы по борьбе с наркобизнесом
МВД Кыргызстана*

Не первый раз слышу разговоры о том, что в больших городах милиция знает про притоны, про точки, где ведется продажа наркотиков, и закрывает глаза. Скажем пока так: закрывает глаза...

Ясно, что в семье не без урода. И если одна из наркоманок говорит, что притон известен всем соседям, что там выбивают двери, стреляют из пистолета и только милиция ничего не слышит... тут возразить что-либо трудно.

Но не хочется верить. Во мне восстает оскорбленная милицейская честь, милицейская гордость. Не хочу верить — и все.

Однако если немного остыть, подумать, то ведь и я, и мы все говорили об этом вслух. Когда у нас в республике чуть было не начали сеять опийный мак, когда наркомафия моментально приобрела дома в Прииссыкулые и тем самым создала себе официальную базу, мы первыми заговорили о том, что всю республику скупят на корню, весь чиновничий аппарат и в первую очередь милицию. Здесь, в Кыргызстане, опий будет доставаться им практически бесплатно, разворовываться с совхозных плантаций. А в Москве стакан маковой «соломки» стоит сейчас больше тысячи рублей. Да при таких прибылях наркомафия не пожалеет на подкуп никаких денег. Причем ведь от моих оперов не будут требовать какого-либо участия словом или делом... Нет, просто попросят его «поспать» подольше в тот или иной день, просто отвернуться в тот или иной подходящий момент. И все...

А уж о нашей зарплате говорить не приходится. Как-то мы с ребятами подсчитали, что все мое жалованье — полтора грамма наркотика...

А мой коллега с Запада, правда, он, по примерной иерархии, на одну-две ступени ниже меня, «суперагент» называется должность, получает в месяц шесть с половиной тысяч долларов. Так что с коррупцией мы еще столкнемся. И еще как столкнемся...

ДЛЯ СПРАВКИ

Рентабельность наркобизнеса — 100 000 процентов. Иначе говоря, 1 рубль, вложенный в наркобизнес, приносит 1000 рублей прибыли.

По сведениям МВД России, годовой оборот наркобизнеса составляет 40 000 000 000 (сорок миллиардов) рублей.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Лариса Гринберг, 21 год, Москва

Мама у меня ведущий инженер, папа умер, когда мне было пять лет. Сестра закончила театральное училище, вышла замуж. Двоюродный дедушка — народный артист СССР. В принципе семья благополучная.

Я с детства мечтала о подружке, с которой можно было делить все. В пятом классе у меня такая подружка появилась, приехали они из Воронежа. Вот с нее-то мои беды и начались. Нас было четыре девчонки по тринадцать-четырнадцать лет. Мы собирались у нее на квартире, курили, выпивали. На седьмое ноября все там были, само собой. Смотрю, какие-то незнакомые ребята. На меня не обращают внимания, переглядываются, уходят в дальнюю комнату. Я — за ними. А меня выгоняют: тише, тише, кайф сломаешь. Смотрю, а они лежат, кто на полу, кто на диване, и на глазах полотенца, платки. Ну, когда вмазался и ждешь прихода кайфа, то ложишься и закрываешь глаза полотенцем, тряпкой...

Ребята молодые, довольно-таки интересные. Думаю: что же это они такое ощущают, что им даже девушки не интересны? Меня это заело: понимаете, на меня всегда обращали внимание, а тут даже не смотрят. Я им говорю: «Дайте и мне!» А они радостно: «Держи, малыш!»

И вкололи мне первинтин. Вот так я и влилась в круг наркоманов. В пятнадцать лет. А в семнадцать лет стала жить с барыгой. Там у меня впервые и поехала крыша. Раньше-то я понемногу кололась, не было в достатке. А тут меня привели к человеку, у которого в холодильнике стоит тридцать бутылок по десять кубов в каждой. Я из каждой попробовала!

Вот тогда и был передозняк. Я потеряла сознание уже в тот момент, когда вводили иглу. А очнулась, когда иглу вытаскивали. Несколько секунд. Но за это время у меня уже все стронулось. Я успела увидеть звездочки на обоях, какие-то мужчины кругом, потом все начало расплываться, как в тумане, в пару, и я решила, что мы все в бане. А у меня пунктик был... Я там уже три дня жила и все никак не могла помыть голову: то вода горячая отключается, то мы в кайф впадаем и не до этого. Грязная, сальная голова, меня это мучило, и я зациклилась. Просыпаюсь, вокруг все плывет, как в бане. Ага, думаю, раз в бане, значит, они меня насиловали. Но как они могли меня насиловать, если у меня менструация? Значит, в рот и в зад. Подзываю хозяина и говорю: «Юра, ладно, что вы меня насиловали, куда хотели, но если повели в баню, то хоть голову могли мне помыть?»

А он стоит тут же, еще со шприцем в руках. Конечно, сразу сообразил, что у меня крыша поехала, и с того дня стал меня контролировать. Да я и сама начала бояться, все время в голове сидел тот случай.

А потом я от него ушла... Надоело. Забыла, видно, что сама по себе я никто и ничто, надо постоянно у кого-то кормиться. В общем, при такой жизни рано или поздно попадаешь к ворам. Жила и живу с кавказцами. Вначале с Джемалом, сейчас с другим. Джемала застрелили, может, слышали, про это многие знают, на Ломоносовском проспекте было. Они ехали с товаром, с раствором, а постовой милиционер начал их останавливать. Погоня получилась, менты подмогу вызвали. А Джемал не то подшутить хотел, не то напугать: высунулся в окно с игрушечным пистолетом, его и прошили из автомата.

Конечно, с ворами тяжело: все время ждешь, что случится... Или застрелят кого, или зарежут, или заметут сразу всех и тебя вместе с ними, упрячут в зону. Но зато есть защита: и кайфом обеспечат, и в обиду не дадут, и вообще никому другому не дадут, не пустят в «хоровод», как с «винтовыми» девочками делают.

А так, если одна, то выбора нет. Или иди, чтобы тебя через «хоровод» пропускали, или на Черемушкинский рынок, на «экспресс-такси». Что такое «экспресс-такси»? Ну, это когда барыги по утрам берут такси и развозят товар по клиентам. А сначала заезжают на Черемушкинский, на Даниловский рынок. Там уже ждут девочки. Ныряют в машину, прямо там сосут барыгам член, то есть делают минет, получают свою дозу — и до свидания, до завтра. Так и живут.

ОПЕРА

Опера везде одинаковы. Виктор Драйд правильно, точно сказал: фанатики. Хотя должен оговориться, что у меня, отдельно взятого человека, с нашей милицией сложные отношения. Я ее, нашу милицию в общем и целом, недолюбиваю. Несмотря на то, что на заре

туманной юности весь романтический пыл и всю энергию отдавал уголовному розыску. И могу подтвердить: мы и тогда были фанатиками за сто и сто двадцать рублей в месяц в новых деньгах. И мне так приятно было слышать, что и нынешние опера — фанатики. Чуть-чуть теплее на сердце.

Опера везде одинаковы: и на севере, и на юге. Только условия у них разные. На юге, в той же Чуйской долине, идет война. А фронтовики не зря говорят: на войне свободы больше. Там, на юге, опер ни на кого не оглядывается. К любому оперу подойди, рядовому или нерядовому, он тебе все расскажет и все покажет.

А на севере Казахстана иначе. Там за каждым словом надо обращаться к начальству, ставить в известность, ждать, дозволит или не дозволит. Да, конечно, дозволит, куда оно денется. Но все же... обращаться-то надо. Куда уж дальше, не простой рядовой, а начальник службы по борьбе с наркотиками не мог самостоятельно встретиться со мной и поговорить, потому что надо ставить в известность вышестоящее начальство, а его не было... Извинялся, бедный, оправдывался: мол, понимаете, мы люди в погонах, субординация...

Понимаю. Понимаю, что опера не виноваты. Система как была глухой и слепой, такой и осталась. Ей хоть потоп, лишь бы чиновность соблюдалась. Она властно наложила лапу даже на самую свободную, самую неформальную часть милиции — оперативников. Да еще полна важности от доступа к якобы особой информации. Какая, к черту, особая. Соккрытие ее — уже преступление. Тут криком кричать надо, народ поднимать, а чиновники играют в свои субординационные и «секретные» бирюльки.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Вика Студеникина, 21 год, Москва

Ты будь хоть кем, хоть в каком кооперативе работай, а столько денег, чтобы хватило на кайф, никогда не заработаешь. Значит, надо идти воровать, мошенничать, на панель, становиться подстилкой.

Я знаю, что говорю, я там была, почти на краю. Видела, как это грязно и низко, особенно для женщин. Там ничего нет, даже материнских чувств, хотя и считается, что ни один наркоман своего ребенка на иглу не посадит.

Были. Были и есть такие матери. Сама она варит и колется. А дочка просто колется и тут же торгует собой. То есть все услуги на дому: продает кайф, продает дочь...

Или всем известный случай на Щелковской, когда из окна выбросилась четырнадцатилетняя девочка, которая вместе с матерью сидела на «винте». Видно, в одно из утр увидела себя в ясном свете или в приступе психоза, в припадке. Это обычное дело во время психоза — желание выпрыгнуть куда-нибудь, выброситься, выскочить из своей шкуры.

А тем, кто попался в эту ловушку и не в силах из нее выбраться, я скажу так: себя надо любить. Уважать себя. Любить и уважать свое «я». Это и только это придает человеку сил, а ему много сил надо, потому что зависимость там нечеловеческая. Но если себя любишь, выкарабкаешься.

ДОРОГА

(Бытовое явление)

К нашему несчастью, в Чуйской долине сходятся три великих железнодорожных пути. Или так — отсюда исходят три большие дороги, по которым «гонцы», груженные чемоданами с анашой, устремляются во все концы страны.

Более того, железная дорога от станции Арысь на западе до станции Чу на востоке проходит как раз вдоль Чуйской долины. И на всем ее протяжении на больших станциях, маленьких полустанках и глухих перевозах в вагоны входят вполне цивилизные молодые люди с большими чемоданами, объемистыми сумками, громадными туристскими рюкзаками. Кто осмелится к ним подойти, кто имеет право? Да никто. И правда ведь, с какой стати, на каком основании? Досмотр вещей? Извольте предъявить санкцию прокурора. И правильно, и верно. Все верно. Так что, особый режим ввести на дороге? К законодателям обратиться? А потом уже ходить с собаками по вагонам?

А почему бы и нет. Ведь существует особый режим в приграничных районах. Прямо не подступишься. Хотя пора бы уж понять, кому я там сто лет нужен, чтобы так уж стеречь меня здесь. Однако стерегут. Немалые деньги тратят. Да не на охрану границы, а на то, чтобы меня к ней близко не подпускать, каждый раз выписывать специальный документ и проверять: зачем еду в город или село километров за пятьдесят от границы, почему, к кому. А тут речь идет о чудовищной пагубе, о глобальном природном источнике всенародной отравы, а мы руками разводим, не знаем, что делать. Так давайте действительно для начала хотя бы особый режим введем, будем ходить по вагонам с собаками. Уж собаки-то не подведут.

Одним словом, вместе надо думать.

Эта ветка, Арысь — Чу, как раз и соединяет, замыкает три большие дороги. По ней легко можно выбрать любой путь, в любой конец.

От станции Арысь открывается дорога на Аральск, Актюбинск, Уральск и далее в Россию через Саратов, громадный город, криминогенный город, благодатный для сбыта марихуаны.

От станции Чу через Алма-Ату «гонцы» выходят на Турксиб, то есть через Талды-Курган и Семипалатинск на Барнаул и Новосибирск, Новокузнецк.

Но самый главный, основной путь — центральный, на Караганду, Целиноград и Петропавловск.

Караганда — перевалочный пункт. Здесь можно прийти в себя, отдохнуть, осмотреться. Можно и продать товар, благо покупателей здесь, как нигде в Казахстане: каждый третий подросток или молодой человек если не сам курит, то знает, кто курит, сколько, с кем и где взять. Мощный, богатый рынок сбыта — Караганда.

Это ведь не просто самый большой город в Центральном Казахстане. Это столица печально знаменитой империи под названием Карлаг.

Отсюда на тысячу километров на север и на юг, на запад и на восток простирались по степи и полупустыне странные поселения из длинных барачков, огороженных колючей проволокой, с шатрами сторожевых вышек. В свое время, в середине шестидесятых, я прошел по одной только ветви: от Караганды через Жарык до Джекказгана, а оттуда через Кенгир, где было знаменитое восстание, описанное Солженицыным

в «Архипелаге ГУЛАГ», до Джезды, Карсакпая и Шенбера,— и своими глазами видел сгнившие бараки и поваленные столбы, проржавевшую колочую проволоку, до последнего издыхания обнимающую несчастную нашу землю.

О ней, о нашей земле, Олжас Сулейменов тридцать лет назад сложил горькие строки: «Казахстан, ты огромен: пять Франций, без Лувров, Парижей, Монмартров. Уместились в тебе все Бастилии грешных столиц. Ты огромною каторгой плывал на маленькой карте. Мы, казахи, на этой каторге родились».

Караганда была столицей той громадной, всесветной каторги. А на ней, на каторге, ведь были не только политические. Далеко не только. И после амнистий, после срока многие, очень многие из них так и остались здесь, создав странную, непонятную армию людей, собирающихся уехать домой. В шестидесятые годы на рудниках Марганца, Никольского, на строительстве дороги Джезды — Карсакпай я еще встречал мужиков, которые уже десять лет зарабатывают себе на дорогу, да никак не могут донести деньги до автобусной или железнодорожной кассы. Но эти — худо ли, бедно ли — работали, были при деле. А кто считал тех, кто просто остался жить в многочисленных слободках, трущобах социализма или же просто вновь встал в ряды блатного мира.

Прибавьте к ним ссыльнопоселенцев, сосланных сюда чеченцев, балкарцев, немцев, корейцев, азербайджанцев... Их дети тоже не остались в стороне, тоже влились в тогдашний уголовный конгломерат.

50 Поверьте, я не в осуждение говорю. Наоборот, их-то, детей ссыльнопоселенцев, я знаю, понимаю и сочувствую. Ведь они, дети ссыльных народов, были поставлены вне закона. Мы, местное население: казахи, русские, украинцы, — исконно здесь живущие, видели в них предателей, врагов, как нам объяснили власти, и еще удивлялись, что их всех не порасстреляли, а позволили жить и дышать с нами одним воздухом. Они же отвечали нам злобой, ненавистью, вызывающим поведением. Как они могли отстоять себя? По-разному. Но самый легкий путь был — примкнуть к уголовному сословию или самим создать свое уголовное сословие, кастовое. А мы, в свою очередь, что бы и где бы ни случилось, говорили: это же чеченцы, кругом одни чеченцы. В ответ они, озлобляясь на наветы, еще сильнее взвинчивали в себе обиду и злобу... И так далее и тому подобное, так и крутился этот замкнутый круг, порождая лишь недобрые чувства. Поверьте, оттуда, с тех времен, от Сталина, от ГУЛАГа идет то, что сейчас называют, допустим, чеченской мафией...

Таков был лагерно-ссыльный конгломерат, оседавший с тридцатых годов по шестидесятые в шахтерских, комбинатовских, заводских слободках Караганды, всех этих шаняхах, копаях, нахаловках, мелькомбинатах во главе со знаменитой в тогдашнем и нынешнем уголовном мире Михайловкой.

Этот длинноватый эмоционально-исторический экскурс понадобился мне для того, чтобы объяснить, почему Караганда всегда была самым криминогенным городом в Казахстане и почему сейчас она в фольклоре и на негласной карте наркобизнеса значится как город плановых. В начале года даже привычная ко многому карагандинская милиция удивилась, раскрыв, а вернее накрыв один из очагов распространения марихуаны. Причем удивилась не только масштабам, но и — самое

главное — практически полной открытости ее продажи. Пацаны заходили в известную всем в округе квартиру, протягивали смятые червонцы, получали свой баш или косячок, а за ними уже в очереди стояли другие, третьи, и так непрерывной чередой. Почти как в магазине.

Понятно, что это не просто наглая демонстрация, не просто беспечность зарвавшихся торговцев, а, боюсь, нечто большее. Боюсь, что для них это уже норма.

Впрочем, к норме я еще вернусь.

Бригады, «гонцы» из России в Караганде могут только остановиться, затаиться, спрятаться на время, перевести дух, сменить поезд. Могут и начать торговлю, но это рискованно. Во-первых, рынок здешний, как говорили в политэкономии, уже поделен, а законы рынка жестокие. Но даже и при самом хорошем отношении к пришлым овчинка не стоит выделки, поскольку Караганда наводнена товаром, который доставляют свои, и цены здесь гораздо ниже российских.

Таким образом, дорога ведет дальше, к Целинограду, а ныне — к Акмолинску. Тоже очень удобный узел. Через Алма-Ату на Турксиб выходить рискованно: столица, там все строже, много милиции, а вот из Целинограда через Павлодар — очень даже просто и удобно. Барнаул рядом, а там и Новосибирск не за горами.

Из Целинограда открыта дорога и на запад, через Магнитогорск, Стерлитамак, Уфу.

Но впереди еще Петропавловск, крупный железнодорожный узел на Транссибе. На востоке от него — Омск, Новосибирск, Томск. На западе большие города Урала, где можно продать и где купят любую партию товара. Не говоря уже о том, что отсюда открывается прямая дорога на Москву. А уж если через Свердловск добраться до Тюмени, до нефтяных городов-трущоб, там, как мне говорили, берут максимальную цену.

То, что я назвал раньше нормой, можно еще охарактеризовать как бытовое явление. Судите сами. В той же Караганде и близлежащих городах, в более или менее людных местах, где собираются просто ребята, просто мужики, никто ничего не таит и ни от кого не прячется. Пыхнуть дурью так же обыденно, как выпить кружку пива, достать пива. Уровень проблемы примерно один и тот же, ну, может, чуть выше... Ко мне, узнав, что я еду с юга, как они говорят, из Чуя, подходили запросто: «Есть чем пыхнуть?», «Пых везешь?». Да нет, говорю, ребята, я по другим делам...

Так и жили, общались.

Если взять другой социальный срез, то могу припомнить застолье в одном из небольших городов севернее, гораздо севернее Караганды. Размягчившись и разомлев, ко мне подошли два представителя местной творческой интеллигенции и дружелюбно предложили: «Старик, с нами косячка не хочешь забить?»

Хорошо, что не первый раз, и ответ из меня выскакивал уже автоматически: спасибо, ребята, я по другим делам...

Особая сторона жизни — гостиницы. Чудовищную дороговизну не выдерживают даже предприятия и организации, число командированных резко сократилось, сошло практически на нет. А кто же там живет? Да еще за свои, как говорится, кровные деньги. Ясно, что предприниматели, бизнесмены, коммивояжеры. И очень много таких, кого можно охарактеризовать только общими словами: эти люди в своей жизни ни

одного дня не стояли у станка или кульмана, ни одного часа не отсидели в вузовской аудитории...

Днем в гостиницах больших и малых городов тихо, спокойно. Зато ночью начинается непонятная жизнь. Переходы, переезды, ранние отправления и поздние прибытия, другие часовые пояса — словом, не спится. И слышишь: гостиница тоже не спит. Шаги, разговоры, короткий смех. Шаги, разговоры, возгласы одобрения. И все время непрерывный шорох полиэтиленовых пакетов, сумок: шуш-шу-шу, шуш-шу-шу... Что-то переносится, уносится, укладывается, отправляется.

Я не могу утверждать, что в этих пакетах была непременно марихуана. Скорее всего нет. Мало ли бродит по стране товара, который почему-то перемещают ночами. Но не могу не привести типичную для тех гостиниц сцену: сидят где-нибудь на четвертом или третьем этаже пожилые горничные и дежурные, старая гостиничная гвардия, и спокойно этак, без всякого гнева или удивления обсуждают своих молоденьких товарок, собравшихся этажом ниже: «И как они могут курить эту анашу, не понимаю. Я раз к ним зашла, так меня от одного ейного запаха прям с души воротить...»

Вот так вот. Бытовое явление.

И то же самое вам скажет любой знающий человек о городах, городках, поселках, гостиницах, пивных и прочих местах Кубани, Ставрополя, всего Северного Кавказа...

А впрочем, вполне возможно, что я преувеличиваю. Ведь как бывает: попадешь в больницу и поневоле думаешь, что весь мир состоит только лишь из больных и врачей; познакомишься с футболистами, и кажется, что тебя всю жизнь окружали и окружают исключительно вратари, защитники и нападающие... Так и я, несколько месяцев общаясь с наркоманами Москвы и других городов, пройдя марихуанный караванный путь из Чуйской долины до Петропавловска, конечно же, поневоле вижу и различаю только то, на что уже нацелены глаза, уши, ум и сердце. Конечно, я преувеличиваю.

Но все же, все же, все же...

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Ангела Кручинина, 34 года, Москва

Я в восьмидесятом закончила архитектурный институт. Такая была светская, интеллектуальная девушка. После института мы с подружкой устроили жизнь по американскому образцу: знаете, две девушки снимают двухкомнатную квартиру и живут самостоятельно. Конечно, кавалеры были. Вот подружкин кавалер и посадил меня на иглу. Он приезжий был, из Одессы, в Москве подолгу жил, на нашей же квартире, какие-то дела проворачивал. Рассказывает вечером, в каких концах Москвы за день успел побывать, я за голову хватаюсь: да сколько же сил надо, чтобы так мотаться?! А ему хоть бы что: веселый, оживленный, кипит и бурлит...

Вот я и заинтересовалась: как ему удается? Бывало, засидимся за полночь, вино, сигареты, утром передвигаешься, как автомат, а он песни поет, ясен и свеж. Я и спросила: как так? А он отвечает спокойно: допинг, старуха, допинг. Понятно, я тут же попробовала тот допинг — и все. Как птичка в смолу влипла.

Нет, с виду ничего особенного не произошло. Я продолжала жить, как прежде. Роман у меня был, вскоре замуж вышла, сына родила. Но с иглы уже не слезешь, тут игра в одни ворота, до конца. И хорошо, что муж не стал мучиться со мной, спасать и так далее, как водится в романах и в кино про «их» жизнь. Они тоже врут.

Я мужу сразу сказала: бесполезно, не надо. А сына забрала к себе мама...

Конечно, тогда «солома» была дешевая. Но все же — деньги. Их надо делать. А где? Не в моей же мастерской рисовать на ватмане столтники и червонцы.

А связи мы с тем молодым человеком, с одесситом, не потеряли. Он меня ввел в свой круг, и я им пригодилась. Оч-чень пригодилась! Ну, представьте сцену у «Березки». Мнутя провинциалы, жаждущие. И тут к ним подходит молодая интеллигентная девушка, не развязная, строго одетая, дочь интеллигентных родителей, только-только приехавших из долгой-долгой заграничной командировки и которым вороха чеков надо обменять на родные советские рубли. Ну, заграничное у них все есть, контейнерами привезли, а родные рубли необходимы просто для жизни, кефир покупать... Догадались? Ну да, мы «лохов обували» возле «Березок», тогда они слетались в Москву, к валютным магазинам как мухи на мед.

А потом я сознательно пошла работать в магазин. И наладили мы хорошие, регулярные караваны продуктов из Москвы в Одессу. Тогда ведь в Москве все было, зайдешь в Елисеевский, и глаза разбегаются. Только мы этого не понимали и не ценили, а они, периферийные, уже тогда все четко просекали и делали на этом свой бизнес. Проработала я там четыре года. И вылетела с треском. Там ведь четкость нужна и бдительность, как на тропе войны. А какая четкость, когда день и ночь под кайфом и доза растет. И взять меня уже никуда не взяли, потому что в торговле свои законы, наркоманов боятся, не доверяют. И правильно делают. Да я и не рвалась. Капусты, то есть денег, я настрогала вполне прилично, думала, надолго хватит. Но ведь жизнь какая: пока ты на коне, тебе все идет в руки. А чуть споткнулся — тут же подтолкнут. У нас с подружкой дела общие были и капитал общий. И она меня тут же «нагрела» на весь мой капитал, на семьдесят тысяч. По тем временам состояние. И исчезла из Москвы вообще. Здесь-то я бы ее разыскала.

Спасибо, меня не забыли мои одесситы, я же им много хорошего сделала. Они постоянно меня поддерживали, снабжали. Но кайф — такое дело, постоянно из чужих рук есть нельзя. Так что я, как говорят, покатила помаленьку. Нет, не на панель. Это не для меня. Я начала «присаживать» на иглу знакомых богатых мужчин, с которыми раньше просто так общалась, для интереса. И кормилась возле них. Для постели я им не нужна, для этого у них девочек в избытке, а вот для умного разговора — это да... Очень они любят умный светский разговор...

Так и жила. Пока не влюбилась. Ну, не то чтобы влюбилась, а узнала, что такое любовь в этом смысле.

И муж у меня был, и ребенок, и любовники, а я до тридцати двух лет не знала, что это такое. Никогда не испытывала от этого удовольствия. То есть оргазма у меня никогда не было, фригидная. Кстати, врачи говорят, что это от наркотиков. Как-то лежала я на хозрасчете, то есть в хозрасчетной поликлинике, пыталась бросить, ну и рассказала врачу,

что удовольствия никакого не испытываю, оргазма нет. А он говорит, что так бывает, что наркотик вызывает расстройство каких-то функций или вообще задерживает их развитие, если начать его рано употреблять.

Два года назад на одной хате встретила я человека, странного такого, длинного, худого, умного. Он нам про математику рассказывал, про настоящую, большую математику, поскольку был он в той жизни кандидатом наук в Петербургском университете. Как стихи, честное слово! Талантище, добрый, порядочный человек! Но алкоголик запойный. Прошел чуть ли не все лечебницы страны. В этот раз он вернулся с Кавказа, там в ЛТП был, там и пристрастился к анаше, а потом и к первинтину. Вот такие наши советские ЛТП, вы не находите? Человека упрятали в зону, лишили всего, а наркотики — пожалуйста. Он рассказывал: там главное, как и везде у нас, чтобы люди работали. Когда у них какой-то полугодовой план начал гореть, так начальник ЛТП самолично ездил в соседнюю республику и привез три килограмма анаши. Лишь бы пахали. Вот такие там порядки...

С этим человеком я и узнала, что такое любовь. Прожили мы с ним последние два года, и он приучил меня к первинтину. Ну что там говорить? Это случилось бы рано или поздно. Опиумный мак был мне не по средствам, даже на панели на него не заработаешь. Он тоже нищ и наг. Одно остается — дешевый первинтин. Я сама его варю, всю химию изучила, всю технологию, хоть профессию меняй...

Это страшная штука — первинтин. Мой любимый выдержал два года, а потом отправился туда, куда рано или поздно попадем мы все. То есть в психушку. Он последнюю неделю не спал ни часа, не ел ни грамма. Организм истощен до предела, все чувства обостряются, вот и поехала крыша. Она у всех по-разному едет, но есть для каждого случая общие приметы и общие термины. «Под базар пошел» — значит, стал выступать, возмнил себя оратором, вождем, проповедником и так далее. «Под измену попал» — это когда чудится, что кругом враги, что все тебя не любят, строят против тебя козни, сговариваются за твоей спиной, перемигиваются и прочее. Мой любимый «попал под измену», он свихнулся на том, что я ему изменяю. Каждый час переворачивал все матрасы, залезал под все кровати и столы, сутками сидел у окна, караулил, не идут ли ко мне мужики... Ну, и увезли его в психушку. Да, перед этим он со мной расправился: все зубы выбил...

Первинтин творит с человеком страшные вещи. А когда еще и законы страшные, а они у нас самые страшные, потому что у нас обыкновенная уголовщина перемешана с безумием, то происходит такое, от чего даже наши приходят в ужас.

Два года назад мою подружку увезли в Белые Столбы, ну, знаете, знаменитая подмосковная психушка. Осталась двенадцатилетняя дочь. И к ней пришли пятеро подельников, сожителей моей подруги, вкололи первинтин и изнасиловали. Потом еще укол, еще, словом, посадили на иглу и стали использовать для себя, в «хороводе» и так далее. Не отребье, не крысята молодые, а взрослые, солидные люди, известные всей Москве воры. Недавно эта девочка, ей только пятнадцатый год пошел, выбросилась из окна. Она сама выбросилась, по своей воле, от жизни или крыша поехала. Не оттого, что те ее довели. Тех в Москве давно уже нет. Их казнили.

Когда я узнала, что они нашу девочку на «винт» посадили и теперь используют, я всех подняла. В лесу под Одинцовом была большая

разборка. Главного из тех, Акрама, убили. Ну, не сразу убили, а избили так, что он через неделю сам умер. Двоих изуродовали до конца жизни, а остальные исчезли из Москвы, скрылись на Кавказе. Я таких вещей не прощаю, и никто из порядочных людей не простит. С такими, как они, только так и надо поступать. Это конченые люди. Не в том смысле, как мы конченые, от наркоты, а в том, что там ничего человеческого не осталось, если они могли надругаться над дочкой своей же подруги.

Каждый наркоман мечтает и хочет вылечиться. И я хочу, два раза лечилась. И бесполезно.

Конечно, сначала врачи вытаскивали меня из ломок, из психоза. Дальше вроде бы все в твоих руках. Мне помогали таблетки вроде реланиума, снижали тягу. Но не до конца. Все могу преодолеть, но тягу — нет. Кто сел на иглу плотно, тот с нее уже не слезет.

Американцы считают, что наркомана можно вылечить только в том случае, если заменить ему головной мозг.

Страшно, да? Конечно, страшно. А что я веселая такая? Так не вы первый, все об этом спрашивают. А я отвечаю: так я всю жизнь была такая, всю жизнь просмеялась, и теперь-то что горевать. Мне в этой жизни терять уже нечего. То есть, я хочу сказать, моя жизнь мне ясная до конца. Хотя, если быть полностью откровенной, то еще на что-то надеюсь. Как-то обидно: всю жизнь прожила, а что такое любовь, узнала только сейчас...

МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО ПОМОЧЬ...

Олег Колосков, врач-нарколог

Начнем не с отдаленных примеров, а прямо с вас, с меня. Почему, например, вы не стали наркоманом? Не задумывались? Вы как-то рассказывали, что в вашем родном Петропавловске двадцать — тридцать лет назад курили анашу чуть ли не открыто, что вы, подростки, наперечет знали тех, кто курит. Было их тогда немного, несколько человек. Но никто из вас не бросался им подражать, а, наоборот, смеялись. Почему?

А потому, наверно, что вы уже в четвертом классе пробовали что-то писать. А ваш друг к тому времени уже знал наизусть все атласы мира, хотел стать и стал географом. А я с пяти лет не знал других игр, кроме игры во врачей, и с пяти лет надевал на лоб лор-зеркало.

То есть мы были уже расписаны, наше будущее уже было определено. И нам смешно, нелепо и неинтересно было отвлекаться на пустяки и глупости, тем более самоубийственные глупости. Причем тут не важна конкретика: хотел стать врачом, а стал, допустим, юристом. Важно то, что оно уже присутствовало в жизни, в мыслях, в душе — будущее.

В наши времена была какая-никакая, а стабильность, при которой в каждой семье, в каждом доме люди так или иначе говорили и думали о будущем своих детей, строили конкретные и достижимые планы.

А сейчас о чем говорят в семьях? В основном как бы день прожить да неделю продержаться. Тревога, неуверенность, апатия завладели сердцами и умами людей. И все отражается на детях. Они все видят, все понимают и переживают острее взрослых. В первую очередь это относится к девочкам. Они созревают раньше, они тоньше, ранимее, они

болезненное мальчишек воспринимают, чувствуют убогость, оскорбительность жизни, отсутствие будущего. Не случайно ведь в последние годы среди подростков-наркоманов девочек становится все больше и больше, пугающе много. А они — матери, генофонд нации, завтрашний день нации.

В принципе же я говорю о том, что очень многие из подростков-наркоманов никогда не были расписаны, не думали о своем будущем и не видели себя в будущем.

Однако отсутствие будущего, которое поддерживает человека и направляет, всего лишь один из частных факторов. Но никак не закон. Известны тысячи случаев, когда в болото наркомании опускались люди, вроде бы твердо стоявшие на ногах, имевшие перед собой четкую цель, к которой стремились изо всех сил. И останавливались на полдороге...

Для понимания проблемы обществу прежде всего надо усвоить... наркомания — болезнь организма, чисто физический недуг. Правда, тесно сопряженный с моральным. Никто не может ручаться, что эта болезнь, эта потребность не таится и в нем. Тут еще дело случая: совпало, дали попробовать — и механизм включился. Нет — и опасность прошла стороной.

Потому-то и много наркоманов среди подростков. Они постоянно ищут, пробуют, это у них в природе заложено — поиск чего-то такого, ранее не испытанного.

А еще игра. Для них все — игра. Парадокс: мы, бедные и затурканные режимом советские люди, вырастили детей-бар. Детей, для которых жизнь — игра. Детей, которые не понимают, что деньги зарабатываются трудом. Детей, которые презирают труд и, мягко говоря, снисходительно относятся к трудягам-родителям.

Понимаете, дети американских миллионеров с двенадцати лет работают на каникулах посудомойками, а мы, сказочно обеспеченные врачи и безумно богатые слесаря, своих детишек оберегаем.

Вот и дооберегались. Они играючи утаскивают и продают последнее мамино кольцо, играючи швыряют камни в чужую машину, а потом родители выплачивают на ее ремонт бешеные деньги, и так же играючи, не думая об ответственности и последствиях, не приученные к ответственности и к думанию, пробуют во дворе сначала марихуану, потом укол, а потом... Стоп! Клетка захлопнулась!

Одна моя пациентка все детские и отроческие годы видела себя принцессой... А вокруг — залезанные подъезды, загаженные лифты, мат, грязь... Очень часто маленькие наркоманы говорят: «А что вы можете предложить нам взамен?..» Вольно злиться, говорить, что это паразитический вопрос, паразитическая психология: мол, учись, работай, сам будь хозяином своей жизни. Все так. Но тем не менее: что мы, взрослые, в состоянии им предложить? Можно снять ломки, вывести из состояния психоза, но как помочь ему увидеть мир ярким, интересным, без наркотического опьянения? Учитывая еще то, что подростковая психология отличается нетерпимостью: подросток сразу отвергает все, что ему не нравится, что идет поперек его желаний, настроений, внушенных кем-то мыслей. Что? У нас даже стадионов нет в каждом микрорайоне, не говоря уже о бассейнах и теннисных кортах. Ребенок должен постоянно находиться в центре внимания взрослых, а мы даже себя не можем предложить, потому что с восьми утра мы на заводе,

с пяти вечера — в очередях, а там уже нет ни сил, ни времени для своего собственного сына...

Да, и в сытых, благополучных обществах есть наркоманы. И немало. Одно время мы даже думали, что наркомания — болезнь исключительно сытых. Мол, с жиру бесятся. Увы, пришло и к нам. И ужас берет от мысли, что волна наркомании наложится на нашу бедность, разброд, всеобщее ожесточение.

Тяга к наркотикам — тайна человеческого организма. Тайна, над которой бьется мировая медицина. Я уверен, что рано или поздно наука найдет разгадку, обнаружит некий центр, который управляет процессом, вызывает процесс, а значит, может и погасить его. Найдем это «нечто» — решим проблему.

А пока же общество, люди должны знать: мы только лечим, но не вылечиваем наркоманов в абсолютном медицинском смысле. Нет в мировой медицине методики, кода или препарата, который полностью отбивал бы тягу к наркотикам, делал человека невосприимчивым, равнодушным к роковому соблазну. Увы, это мощный биохимический импульс, тайну которого мы еще не знаем.

Мы можем снять ломки, вывести больного из психоза, даже ослабить, в некоторой степени нейтрализовать тягу, но и только. То есть мы можем помочь. А дальнейшее зависит уже от самого человека.

ДЛЯ СПРАВКИ

По данным специалистов, каждый наркоман в течение года входит в контакт и «знакомит» с зельем 8—10 новичков. В среднем три человека из них начинают употреблять наркотики постоянно.

57

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Володя Смачков, 18 лет, Москва

У отца на теле нет ни одной вены, куда можно было бы ввести иглу. Все исколото, не видно, не прощупывается. Только на горле и на ноге, у щиколотки. Он старый уже, ему сорок два или сорок три года. Когда меня рожали, он точно уже сидел на игле. Наверное, поэтому я такой... не очень из себя, небольшой. Кругом все такие мордovorоты, а я им по плечо.

Раз отец кололся, то я знал всех его друзей, с детства с ними крутился. Никто из них мне не предлагал, отец убил бы того. Но я с детства знал, что они ловят кайф.

Ну вот, пришел день, когда я решил, что надо попробовать. Поехал на квартиру, где варят, отдал деньги, меня укололи. На следующий день привел туда своего дружка.

Потом с другими наркоманами познакомились, с компаниями. Ну, это быстро делается, все друг друга знаем. Там я первый раз ее и увидел. Олю.

Она сама ко мне подошла. Я бы сам ни за что. А она подошла и стала говорить о чем-то. Веселая, красивая. Шестнадцать лет только исполнилось. Там были такие парни, под потолок, и кидалы были, совсем крутые. А она меня выбрала. Так я первый раз в жизни влюбился.

Встречал, провожал, цветы покупал. Она говорила, что любит. И я говорил. Верил. Я наивный: если говорят — верю. И никого не слушал.

А в той компании был парень, который раньше с ней ходил. Он говорил мне: да ты что за ней так, с цветами, она не стоит того, она с барыгой трахается. Почему она за «винтом» все время одна ездит, без компании? И правда, странно. Колемя вместе, живем вместе, а за своей порцией «винта» она ездит одна.

Тогда мы с дружкой решили ее подкараулить. У дома барыги устроили засаду: знали, когда она к нему поедет. Вошла она туда и пропала. Нет и нет. Нет и нет. А сколько времени надо, чтобы отдать деньги и «винт» получить, если по-хорошему-то? В общем, все мне стало ясно. Я рвусь туда, душа из груди выскакивает, а дружок меня держит... Три часа прошло — выходит она. Я уже перегорел почти, одна тоска осталась. Подхожу к ней, а по ней же все видно, чем занималась, да еще под «винтом»... Что ж ты, говорю, у нас же любовь была, я ж тебе верил, как себе...

Вот так и кончилась моя любовь с Олей. Ей тогда шестнадцать лет было. Мне семнадцать, а ей шестнадцать.

У меня с того, с той измены, кукушка поехала, еле-еле выкарабкался. За всю жизнь у меня не было такого, такой...

Я думал, что любовь у нас будет. Хотел, чтобы она бросила колотья. Мне за нее очень больно было. Я же смотрел, видел там двадцатилетних девушек, наркоманок. Которые уже как старухи. Беззубые, страшные, волосы клочьями вылезают. И мне больно было, что и она такой же станет. Думал, любовь будет, думал, она бросит.

Я помню день уже после того, когда мне очень худо было. Денег нет, «винта» нет. Звоню друзьям, а все куда-то поразъехались. Ну никого, никого! Дозвонился до одной девчонки, говорю ей: вмазаться хочу. А она сидит у телефона, сама вмазанная, и смеется в телефон, смеется, меня не слышит и не слушает. А мне так плохо. Тут еще отец возник. Видит, что я совсем плохой, обматерил меня и ушел. А я не знаю, что делать. Решил повеситься. Искал-искал по квартире веревку — не нашел. И тут мой дружок приходит. Он без ничего, без «винта», просто пришел. Так я все равно смотрел на него, как на Иисуса Христа. Он просто пришел. А все куда-то пропали, никому я не нужен стал.

У меня за год, что я прокололся, память пропала. Не я, а дружок мой стал замечать, что ко мне приезжают люди и говорят: что же ты, назначил встречу, а сам не приехал. А я не помню, ничего не помню. Тогда дружок мой стал записывать, с кем и о чем я договариваюсь.

А сюда, в больницу, я попал с ментами, не по своей воле. У нас одна знакомая есть, девчонка, которая лечилась и вышла. А ее мама знает: если кругом будут те же друзья, то бесполезно. И она решила всех нас пересажать, отправить по больницам. Всех заложила.

Ко мне недавно приходили друзья, рассказали, что среди наркоманов решено ту женщину, маму нашей знакомой, или убить, или отравить за то, что она сделала. Я, правда, не знаю, но там есть крутые, есть кидалы, некоторые из них с волынами ходят. Ну, с пистолетами. Кто их знает, все может быть.

Лично я рад, что сюда попал. Отдохну, отлежусь. А то там круг все сужался, сужался, со всех сторон проблемы. Я ведь одного авторитетного человека мотанул на большую сумму. Теперь отвечать. Он разувал машины, раздевал. Его вроде бы взяли, ну, не взяли еще, а на крючок

зацепили. Мы с ним знакомы были опять же по этому делу, в одной компании кололись. Он ко мне приехал и говорит: ты чистый, давай я у тебя на время кое-что спрячу, а то у меня обыск, по следам идут. Я согласился. Он перевез ко мне автопокрышки, коленвалы, еще какие-то запчасти, уйма всего. Я был уверен, что его посадят: если уж до обыска дошло. Ну, денег же нет, а «винт»... требует. Я и двинул, то есть продал эти штуки, деньги мы с дружкой прокололи. А того человека не посадили, отмазался как-то. Теперь мне отвечать. Он ведь не пацан, два срока отсидел на строгом режиме. В больнице от него не спрячешься, хоть на край света беги. Короче, отвечать надо. Вот так все сгустилось вокруг меня, сузилось.

Я точно знаю, что выйду отсюда и начну вмазываться. Надо волю иметь, чтобы удержаться. У меня ее не было и нет, я от себя это не скрываю. Я говорил, что с Олей у нас любовь была, я хотел, чтобы она бросила. Хотел. А когда она уехала на месяц в санаторий, три часа от Москвы по Курской дороге, я к ней ездил и привозил пузырек. Она не просила, я сам привозил. Почему-то. А почему, не знаю. У меня все само собой идет, помимо меня.

Не только вы, и врачи меня спрашивали: думаю ли я о будущем, вижу ли себя в будущем, какие планы?.. А какие планы? Никогда их у меня не было. Это мажоры любят планы строить. Ну, познакомился, водился я как-то с мажорами, так у нас сынков высокопоставленных родителей называют, детей генералов, министров и все такое. Вот они — да! У них только о том и идет базар, кто кем будет: дипломатом, фигатом, мид, шмид, внешторг... Других слов не знают. Попадают в дурдом или в лечебницу, выходят, тут же вмазывают и снова базар про будущее... Меня с них смех брал, честное слово. Ну, не могут они без этого. А я как-то живу... Ни разу не базарил о будущем, не думал — и ничего.

Вру. Один раз мы с дружкой строили планы. Тогда мы еще не кололись. Отец взял нас на сезон к себе, и мы кучу денег заработали. Тогда начали думать, как бы нам на двоих машину купить. Клево, нам по семнадцать лет, а у нас уже своя тачка, чем не мажоры. Но не успели. Я тогда вдруг пошел на хату, где варят, укололся, потом дружка привел, и всю нашу машину мы быстренько проширяли. Вот. А больше планов не было. И мне как-то все равно: есть, нет, что будет...

Я, как выйду отсюда, не столько вмазаться хочу, сколько побыть со своими в одной компании. Конечно, у меня есть старые друзья в том районе, где я вырос, где мать с отцом живут. Только мне с ними как-то неинтересно. Это от наркотика, «винт», он дает взрослость. Вроде бы я и не заметил, как этот год пролетел. Во сне. И теперь, после сна этого, мне с прежними товарищами почему-то совсем неинтересно. Я себя таким старым чувствую, как будто мне лет двадцать пять уже...

НЕ ПОНИМАЮ

Как вы заметили, ни врачи, ни сыщики, ни автор почти не комментируют исповеди. Мы как бы ведем разговор в параллельных плоскостях. Хотя об одном и том же.

Но здесь я не могу удержаться. И хочу высказать свое мнение не после очередной исповеди, а до нее. Мне это представляется важным.

Разумеется, я не мог привести эту четырнадцатилетнюю девочку

к врачам, даже если бы захотел. Но я рассказал о ней, привел ее исповедь, обрисовал ее, как мог: крупную, здоровую, крепкую, смышленную. Никаких видимых отклонений. Колется всего полгода, нерегулярно. Правда, в четырнадцать лет и этого может быть достаточно, но, повторяю, никаких видимых отклонений...

И в то же время у меня было ощущение, что разговаривал с неким монстром, да простит она меня... Во всех исповедях есть оценка среды, ее кодекса чести, нравов. Во всех исповедях есть осознание аморальности, преступности той жизни. Во всяком случае, ненормальности.

Здесь же ничего этого и в помине нет. Даже близко.

Не понимаю. Не понимаю.

Впрочем, судите сами.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Тая Астахова, 14 лет, Москва

В четырнадцать лет я познакомилась с одной взрослой компанией. Стояла, ловила такси, и тут возле притормознула машина. Двое впереди, двое на заднем сиденье, и там еще одно место было. Довезли меня до дома, взяли телефон. Я вообще больше люблю... Мне и сейчас, и всегда нравились взрослые мужчины до тридцати, до тридцати пяти лет. Они как раз такие и были.

Потом они позвонили, мы стали встречаться, они даже дома у меня были. Правда, потом мать наорала на меня: «Нечего здесь блатхату разводить!» Но сделать она ничего не могла, не в ее власти. Одного из тех я полюбила, его Славиком зовут, ему двадцать семь лет. Стала бывать у них. В Перове у них квартира трехкомнатная, блатхата. Там все в коврах, специально для кайфа оборудовано, чтобы с комфортом. Там ведь, как вмажутся, все лежат с полотенцами на глазах. Так лучше на коврах, чем так.

Когда я первый раз туда пришла, мы там просто напилась. Ну, и пошли со Славиком в ванную потрахаться. Он потом в комнату пошел, а в ванную другой входит. Я ему говорю: ты чего? А он: Славику дала, теперь мне дай. Я говорю: нет, дружок, такого не будет. Ну, там базар начался, до драки дошло. Но с тех пор они меня зауважали, не трогали. Я у них зовусь малышом. Даже имени нет, а так: «О, малыш!»

Стала я у них вроде маленькой хозяйки дома. Они с утра уходят на работу... Они все игроки, наперсточники, еще там игры есть, чтобы лохов обувать.

Когда они мне первый раз сказали: «Малыш, хочешь попробовать кайфа?», я сказала: «Попробую. Но, если станет хорошо, я остановлюсь». Они мне: «Конечно, малыш, это твои дела».

Мне сразу понравилось. Правда, первый приход у меня был очень сильный, они боялись, что сделали передозняк. Но обошлось. Вот с тех пор я и стала колотиться. Но сказала: каждый день не буду. Да я там и не бываю каждый день. Но раз в четыре дня для кайфа колюсь. Они меня колот.

В общем, когда я в доме, готовлю им что-нибудь поесть, они приезжают, едят, посылают человека за кайфом. Потом мы укалываемся и я ухожу в соседнюю комнату, ложусь, ко мне приходит кто-нибудь из них, кого под базар разобрало, и мы разговариваем. А остальные там,

с одной девочкой или с двумя. Ну да, они каждый раз привозят с собой какую-нибудь девочку на приход, из старых или из новых. Так и называется: девочка на приход. После прихода кайфа наступает возбуждение — и ее используют все по очереди, по три человека сразу: в зад, в рот и куда обычно. Потом другие трое подходят, пока все не кончат. Там нас обычно бывает человек десять, двенадцать иногда.

Ну, а что она? Это же «винт». Если она первый раз кончает под «винтом», он ей дает такое возбуждение, что она становится, как ураган, четыре-пять раз подряд кончает, и все ей мало. Она там с ума сходит. Бывает, все десять человек на ней кончили, уже не могут, так она врывается в комнату, где я лежу с каким-нибудь парнем и базарю, набрасывается на него, сосет и садится верхом. «Винт» с первого же раза так действует, если ее только тронуть, специально возбудить и направить. Начать только, а там уже она с ума сходит, у нее вроде бешенства матки, так, кажется, называется.

Бывает, что приходят постоянные, а бывает, новенькие. Побазарили с ней на улице, пообещали, что будет кайфово, она и пошла. Но я так считаю: раз пошла, могла бы и догадываться, что не просто так зовут, не дура, не сегодня родилась. Говорят, что «девочки на приход» долго не протягивают, за несколько лет в тряпок превращаются, в старух. Наверно, это точно. Я одну видела, не старуху, молоденькую, но с ней такое сделали, что она сразу изменилась. Ее так использовали, что я даже не знаю, что с ней потом было. Она какой-то трехнутой оказалась, ее с «винта» под хи-ха-ха разобрало, и она стала сервисом кидаться. Хохочет и бросается, хохочет и бросается. А сервис был «Мадонна», даже для них бешеные деньги стоит. Она там еще что-то натворила, вот они и набросились на нее, во все щели, да не по трое, а кто куда мог. Такая куча тел, орут все, мне даже страшно стало. А когда все там кончилось, я посмотрела на нее и не узнала — ну вся изменилась, вся другая. Грудь у нее такая высокая была — вся грудь опала, и вообще — сразу стала маленькая... Я ее больше не видела, больше она туда не приходила.

Я старалась не соваться в ту комнату, когда они начинали «хоровод». Лежу, базарю с кем-нибудь, мне хорошо. Чаще всего со Славиком. Правда, он тоже иногда уходил, говорил: «Пойду встану в «хоровод». А я ему: «Только презерватив надень, а ты я тебя к себе не подпущу».

Если мне понравится девчонка, новенькая, которую привели, я ее отзывала в сторону и говорила: «Дура, ты знаешь, куда ты пришла? Знаешь, что с тобой сделают? У...й отсюда, пока цела». Чаще всего не слушались, иногда слушались, и тогда я говорила ребятам, что это я ее отправляла. Они не обижались: «Ну ладно, тогда пойдем под базар».

Что вы говорите? Заманивают, ждут, когда мне шестнадцать исполнится? И мама так говорит. Ну, маме я сразу сказала: «Ты не лезь, это мои дела, я сама буду расплываться». А что заманивают, то это не так. Я их знаю, верю, они меня не тронут. Да и Славик защитит, я ведь из-за него туда хожу. Скоро отец и мать на месяц в Ленинград уедут, так поживем у меня, устроим временную блатхату.

Правда, с этим делом, с наркотиками, я хочу покончить вообще. Мне рассказали, что мозги разрушает, можно дурой стать надолго. С одной стороны, я поняла уже, что это такое, и не хочется, как говорится, дурой стать. А с другой стороны, мне нравится, и так хочется, чтобы все балдели...

БЕСПРЕДЕЛ

Евгений Зенченко, врач-нарколог

Беспредел — норма нашей жизни, наш быт. Мы своими руками творим беспредел ежедневно и ежечасно.

Нынешний наркоманский беспредел во многом был порожден так называемой антиалкогольной кампанией 1985 года — этим партийно-административным беспределом ханжества, скудоумия и дуболомности. Творцы тех указов почивают на персональных пенсиях, а страна бьется в наркоманских корчах.

Этим «железным» коммунистам и неведома была, и ненавистна сама мысль, что человек не винтик и механический исполнитель из «предначертаний», что человек слаб и подвержен соблазнам, что соблазны и слабости входят в систему жизни человека как составная часть. Что стремление человека иногда изменить свое состояние — это естественное, природное свойство. Что бутылка дешевого портвейна на пятерых подростков — это некая отдушина, выход, удовлетворение возрастных потребностей, естественное стремление подростков к поискам полузапретных приключений. Все прошли через это — слесаря и президенты. Но как-то странно и непонятно забыли. А в голове осталось только одно: «Запретить!», «Уничтожить!».

Запретили. Уничтожили.

И получили то, что мы имеем сегодня.

Пять лет назад средний возраст зарегистрированных наркоманов составлял 21 год.

Три года назад — 18 лет.

Сейчас средний возраст зарегистрированных наркоманов — 13—14 лет.

Удар нанесен по здоровью нации, по генофонду нации, по будущему нации.

А никто ничего не замечает, не желает видеть. Беспредел продолжаетея.

Я — врач, по должности своей обязан быть гуманистом. Только вначале хорошо бы определить, в чем он состоит. Если в том, чтобы все развалить и равнодушно смотреть на гибель поколения, то я не гуманист и не демократ. Точно так же, наверно, не гуманист и не демократ лидер Литвы доктор Ландсбергис. Он издал совершенно драконовский закон о борьбе с наркоманией. Прямо заявил: пусть меня осудят, пусть обвинят в том, что я нарушаю права человека, но, пока я у власти, я не дам обществу погибнуть от наркомании.

А у нас правительства и парламенты заняты чем угодно, но только не этой надвигающейся опасностью. И пока они сами не знают, чего хотят, мы уже получили потерянное поколение. Я это поколение считаю потерянным. Истинные масштабы подростковой наркомании не известны никому, кроме самих подростков, которые точно могут сказать, сколько мальчишек и девчонок во дворе и сколько из них курит анашу или колется синтетическими наркотиками.

Волна наркомании, как девятый вал, все поднимается, поднимается и скоро хлынет, затопит страну. Она уже затопила, но пока мы еще не видим, не знаем, не замечаем. Очень скоро увидим.

У нас до сих пор нет четкой правовой базы для лечения подростков.

Вот стоят они у какой-то отводной трубы химчистки и нюхают, угорают, дебилами становятся, и что с ними делать? Милиция говорит: мы бессильны, у нас никаких прав нет. Надо соблюдать принцип добровольности. Для того чтобы оформить подростка на принудительное лечение, надо жизнь положить.

Мало того, теперь и открытое употребление наркотика в России ненаказуемо. И с этим я согласен, наркоман всего лишь больной человек. Но только по отношению к взрослым, совершеннолетним. Это их личное дело, их беда или вина. Но почему этот принцип распространяется и на подростков? Почему нет четких юридических норм, чтобы общество, заботясь о своем будущем, имело право на принудительное лечение несовершеннолетних! Или мы предпочитаем ждать, когда они втянутся, станут законченными наркоманами, совершат уголовные преступления, и только тогда повернемся к ним всей мощью государства?..

Подростки неустойчивы во всех отношениях. Психически, физически, морально. У них еще нет четкой ориентации ни в чем. Организм и психика подростка разрушаются под воздействием наркотика моментально. И там уже возможны любые патологии, любой физический и нравственный беспредел. По многим пациентам знаю: для них границ дозволенного и недозволенного, приличного и неприличного, стыдного и бесстыдного нет. Они, многие из них, на глазах у всех способны сотворить такое, от чего любой человек содрогнется. И не потому, что они плохие — тут это слово неуместно, ибо неточно, а потому, что все разрушено, личности нет, человека нет. Повторю: подростки — люди, не сложившиеся ни физически, ни нравственно. Во всех смыслах. Вплоть до того, о чем мы говорить и стесняемся, и боимся: у них еще нет, например, четкой сексуальной ориентации. И потому там, в притонах наркоманов, возможно все.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Андрей Ярьшев, 24 года, Москва

Я никому подляны не делал, никогда. С кем сидел на двух зонах, все подтвердят. Чтобы я когда-нибудь к пацанам, к малолеткам подошел или кого из них на иглу посадил — никогда. Я сам на иглу сел малолеткой и не хочу, чтоб пацанов трогали.

Попали мы в это дело с корешом моим, как обычно все попадают. Были в нашем дворе двое, которые уже сделали по ходке в зону. А они дружили уже совсем со взрослыми, с крупняками.

Ну, давали они нам раз-другой пыхнуть «дурью», то есть анаши подкурить. Кореш мой с нее балдел слегка, а мне она как-то сразу не пошла. Вот один из старших и спрашивает: что, не нравится? Да, говорю, что-то не в кайф. А он мне: давай тогда ширнемся...

Как я сейчас знаю, тогда они вкололи нам мульку, раствор на основе эфедрина. Это не секрет, не рецепт, это всем давно известно. И мне такой кайф сразу лег на душу. А дальше — больше. Дали попробовать более сложный наркотик, тоже из химии, первинтин называется, а нашему — «винт».

«Винт» бывает разный. Допустим, под базар, то есть под разговор. Есть «винт», который действует, словно конский возбудитель. Любый «винт» на это дело сильно влияет, но есть такой, который особенно,

Есть «винт» деловой: сразу начинаешь планы строить, как банк взять, как сорвать кассу, как следы замести, как развернуть капитал, короче, умнее тебя нет никого на свете. Все дураки, а менты особенно.

Есть «винт», который называется «камикадзе». После него чувствуешь себя так, что готов сквозь стену пройти, дом своротить. Все мышцы набухают кровью, в тебе кипит столько сил, что ты способен в одиночку расправиться с любой толпой. Скажут тебе: «Фас!» — и ты бросишься на любого и загрызешь насмерть. Но ведь, раз такое дело, могут послать на что угодно, на любое дело. Вот в чем суть.

Нас, пацанов, никого грызть, конечно, не посылали. Но потихоньку подводили к угону машины. Как обычно говорят: да вы че, пацаны, да все будет путем, пригоните на такую-то улицу и бросите, а дальше не ваше дело, мы вас знать не знаем и видеть не видели. Но в свое время получите по несколько сотен на руки. Тогда это были бешеные деньги! Ну мы и ввязались. Страху не было, ничего мы не боялись. И от храбрости лишней, наверно, врезались в столб. В общем, повязали нас, и в малолетку, на два года загремели.

А там, в малолетке, приспособились мы с одним кентом варить «винт». В каждой зоне есть школа, в каждой школе — химкабинет. Все ключи — у дневального. Дневальный выносит нам реактивы какие надо, и мы варим.

Так отсидел я два года. Только хуже стало, получилось, что на зоне я еще плотнее сел на иглу.

Через год после отсидки женился. Нашлась одна девушка, поверила, сошлись мы с ней. А раз женатый — уже по-другому смотришь на все. То надо, се, пятое и десятое. А ты — голяк голяком, ничего у тебя за душой нет. Короче, решил я наверстать упущенное, чтобы выглядеть не хуже других. Пошел на кражу. И попался.

Весь срок я не отбыл, но отсидел много. Разные наркотики перепробовал и все равно остановился на «винте». Я уже привык к нему, он дешевле был, да и важно то, что я сам умел варить.

Только я сел, обвыкся в зоне, через несколько месяцев приходит письмо: дочка родилась. Мол, теперь уже вдвоем ждут меня. И я, когда вышел, зарок дал: ни в какие такие дела не вступать. Устроился работать, все путем, на зоне специальность дали: пилить-строгать, паять-клепать. А от «винта» отвыкнуть не могу. Тянет и тянет, ну, не человек я без него. Хоть сам делай, хоть готовый покупай, а достань, дай! Как будто во мне кто-то сидит и командует: дай, и все!

У меня здесь, на воле, друзей, как оказалось, нет, не успел завести. Один только кореш мой, тот самый, с которым мы на угоне попались еще малолетками. Он после того жил спокойно, помаленьку покуривал. И вот недавно, после срока второго, сижу я с ним в беседке, в парке, а он говорит: дай я тоже попробую ширнуться. И требует такой же дозы, какую я себе приготовил. А это много, для меня годится, но у новичка может крыша поехать. Вообще «винт» такая вещь, чуть передозняк — и крыша поедет. Я ему объясняю, что к чему, а он уперся, ни в какую. Дай и дай! Ну, дали ему столько же, мы же не вдвоем были, несколько человек, думаем: поможем, если что. А он через пять минут залез на крышу беседки и начал речи толкать. Как будто он на митинге, ему кажется, что здесь тысячи людей собралось, все его слушают, а он их призывает куда-то. Мы думали: сейчас пройдет. А он кричит и кричит. Это, как сказать по-нашему: под митинг крыша поехала.

Короче, отвезли его в дурдом. Получилось, что своего единственного кореша я своими же руками загнал в психушку. Вот какая у нас бывает судьба, какие повороты.

А я, значит, остался один. Туда-сюда, то с одной компанией, то с другой. У нас ведь постоянных нет, перемешиваемся. Так и попал в одну группу — к матерым.

И вот однажды они привели на хату двух пацанов лет тринадцати-четырнадцати, ширнули и стали подкатываться, разговоры затевать, оглаживать. Там были не только урки, но и люди с воли, никогда в зоне не бывавшие. Грамотные. Но должен сказать, что и оттуда, из зоны, приходят люди, на все темы подкованные, о чем хочешь может базарить. И заводят они с пацанами разговор о гомосеках, о гомосексуализме вообще. Мол, бросьте, пацаны, это все коммунистическая пропаганда, то есть понт, на Западе кто как хочет, тот так и живет, там преследование гомосексов считается нарушением прав человека и все такое... Называют имена каких-то знаменитостей западных, гомосексов, значит. А под «винтом» это же все внушается, хоть сразу, хоть постепенно. Да вообще, с человеком, которому вкололи «вент», можно делать что угодно. Что хочешь, то и лепи. Пластилин. Я говорю: пластилин. Отвечаю.

Вспомнил я утром про пацанов и думаю: нет, туда я больше не пойду, не хочу такую подляну видеть. И что это за люди такие, не знаю.

И не ходил. Прошло полторы недели примерно, и вдруг на улице встречаю одного мужика из той компании. Говорит: ты чего не заходишь, мы как раз свежего заготовили! А у меня в эти дни ничего не было: ни денег, ни «винта», ходил уже как чумной. Как тут не согласиться. Только вмазался, дождался наступления кайфа, прихода по-нашему, появляются эти пацаны. Как я понял, их всю неделю подводили, готовили разговорами всякими на эту тему, обхаживали, обглаживали. А на сегодня как раз назначили использовать в очко, как там говорят. Все на моих глазах было. Под разговоры эти вкололи им «вент», дождался прихода, раздели и стали насиловать, использовать. А я... я не знаю, что я там делал: базарил, базарил что-то, видел, что творится, а сдвинуться с места не мог, или меня держали — не помню уже.

И вот с тех пор у меня поехала крыша. Не в том смысле, что поехала, а в том, что навязчивая идея, или как там — навязчивое видение. Вот как. Закрою глаза и вижу пацанов этих несчастных. Хоть удавись, хоть бейся головой об стенку. Ну есть у меня совесть или нет?! Есть! Я все-таки человек...

Короче, с того дня я перестал колотиться. С работы сразу бегу к жене и дочке, чтобы не одному быть. А мозг-то требует: дай! Особенно ночью страшно: каждую ночь снится, что достал раствор и вводишь, медленно вводишь раствор в вену и ложишься, закрываешь глаза и ждешь: сейчас приход начнется... И тут всегда просыпаюсь, и так становится... скучно, что хоть среди ночи беги и доставай. Тяжело, что там говорить, тяжко.

Жена и теща мне снотворного много достали. Чтобы спал как убитый. В отключке. Пока вроде помогает. Держусь. А у меня выхода нет. Я знаю: если снова начну колотиться, то может крыша поехать, начнутся глюки с теми пацанами тринадцатилетними, которых насильовали. Они мне и так все время мерещатся, перед глазами стоят, без всякого «винта». Как они дальше жить будут?

Послесловие

Все. Хватит.

И простите меня за то, что вылил на страницы столько грязи, ужасов и мерзостей. Но я не выбирал, не подгонял факты. Все здесь рассказанное — правда. О которой, к сожалению, знают немногие.

Вся беда в том, что не знают мальчишки и девчонки, что они, затягиваясь первой сигаретой с марихуаной, даже не представляют, какая судьба им уготована.

Пусть теперь знают.

В отроческие годы, в ранней юности главные черты характера — гордость, самолюбие, обостренное ощущение ценности своей личности, ее значимости.

Пусть знают, что в мире наркомании об этом придется забыть.

Пусть все знают. И выбирают.

ДЛЯ СПРАВКИ

В начале 1991 года в стране насчитывалось 1,5 миллиона человек, постоянно употребляющих наркотики.

За полтора года их количество увеличилось в четыре раза и сейчас составляет от 5,5 до 7,5 миллиона.

Пик распространения наркомании наступит, по предположениям специалистов, через 2—3 года.

Только в России, как считают эксперты, количество людей, постоянно употребляющих наркотики, составит к тому времени несколько десятков миллионов человек.

В оформлении использованы гравюры ФРАНЦИСКО ГОЙИ.

**ПРИГЛАШАЕМ НА РАБОТУ, УЧЕБУ И СТАЖИРОВКУ
В США, АВСТРАЛИЮ и СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ!**

Более подробную информацию вы можете бесплатно заказать
— по адресу: 115409, Москва, а/я 45. «БЮТЭК», «ИН*ПРИБОР»
— по телефонам: 326-11-16 383-30-91 342-31-42.

К ВАШИМ УСЛУГАМ ТЫСЯЧИ РЕАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ!

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ «Это замечательно — жить плохо»

┌ Исповедь мошенника

┌ Привет, дорогие мои сограждане, от труженика Урала!

Читаю письма (не только в «Смене») и думаю: «Страна дураков». Господи, да неужели же вам всем ныть, просить, жаловаться не надоело? От этого же помереть можно! Ну хоть бы одно письмо путевое! Нет, все какие-то горести, какие-то разводы, несчастная любовь. Глупо поступают люди, когда начинают про свое горе трепаться, да еще на всю страну. О чем вы думаете, наивные? Да я на сто процентов уверена, что никому нет дела до того, что у тебя в семье одеть нечего, что у тебя муж пьет или жена гуляет, дети ненормальные, мама тебя не любит, потому что полстраны несчастных! Все голодные, злые, разутые, раздетые, зато водку пьют почему-то чаще те, у кого и так ничего не осталось, — «горе запивают». Да брось ты эту отраву, и у тебя появятся все: дом, семья, работа, деньги в конце концов!

Вот все стонут: жрать нечего, голод будет!.. А ты в зеркало-то хоть иногда смотришь? Ну так посмотришь же и подумай: померишь ты с голода или еще протянешь?

Мне сейчас легче. Я совсем отказалась от сала, сливочного масла, молока, сахара, колбасу, соль на дух не переносишь, ну и самое главное — совсем не травлю себя алкоголем и табаком, даже пива и шампанского не пью (мне де-

вятнадцать лет, и я достаточно много уже выпила и выкурила).

Мне надоело существовать по стандартным меркам. Но, оказывается, можно жить иначе, иначе себя настроить, и станет легко и свободно. В чем секрет? Мне ничего не надо, у меня все есть: «любимая» работа за гроши, семья из семи человек, квартира с мизерной кухней, где только место коту на полу развалиться, но я не жалеюсь, я радуюсь. Просто живу одним днем, не забывая голову завтрашним, и верю в Бога, в своего Бога, в судьбу, в переселение души, в загробный мир. Остальное все туфта. И любить кого-нибудь я буду только сознательно, не бросаясь в этот омут с головой. Нужно быть на голову выше любви, иначе все, могила, или письма в редакцию типа «меня обманули», «меня бросили», «меня не любят» и т. д. Я не читаю газет, почти не смотрю телевизор, но люблю читать книги по истории государства Российского, особенно Пикюля, люблю наш родной язык. У меня есть друзья, и, конечно же, мое любимое увлечение — туризм. Я очень люблю путешествовать, особенно у нас, на Южном Урале, ну, и еще по Байкалу. Я почти никогда в жизни не стояла в очереди, не считая билетных касс. Лучше я поешусь, чем в шесть утра пойду заниматься очередь за молоком. Мне совершенно пофигу (извините за выражение), что у других

какое-то горе. И не тешьте себя иллюзиями о добром человеке, который вам поможет. Нет таких.

Надо жизнь свою устроить так, чтобы не было проблем. Не жадничайте, не хапайте. Будьте разумными существами, живите только своими положительными эмоциями, начните правильно питаться, откажитесь от курения и алкоголя и вы — вечная энергия, разумное существо, высший разум.

Я точно знаю, что больше половины прочитавших письмо меня уже ругают: нашлась, мол, советчица. А мне абсолютно все равно, что вы обо мне думаете, я сама себе Бог, Судья и Господин и существую по законам Разума...

Извините за грубость...

**ИРИНА М.,
Челябинск**

Пришло для меня время выговориться, а не перед кем. Решил написать в редакцию. Мне двадцать восемь лет, зовут Аликом. Есть у меня родители, но я для них что-то вроде вопросительного знака. В общем, в восемнадцать первый раз попал в колонию усиленного режима на шесть с половиной лет. Отсидел от звонка до звонка. Пробыл два года на свободе и снова попал — теперь на три года. Сидеть осталось немножко, и никак я не могу понять, что же мне делать дальше? Нет у меня ничего, нет ничего, может, что посоветуете? Я «Смену» очень ценю — журнал у ментов покупаю. Молодцы, ребята! Я вас уважаю, потому и пишу вам. Ну, представьте: молодой, здоровый, выхожу я из зоны, а что же дальше?! Кому я нужен? Только не подумайте, что я, заблудшая овца, переосмыслил, прозрел и т. п. Нет, тут другое. Нас, уголовников, целая армия каких точешь мастей, и я понимаю: всем не поможешь, да и не все заслуживают, а многие

и не хотят никакой помощи. Вот я сижу за мошенничество. Честно скажу, нравилось мне это дело. По натуре я очень коммуникабелен, легко схожусь с людьми, плюс обаяние и немного чисто «профессиональных» навыков — вот все, что нужно, чтобы о деньгах не думать. Но не это главное — главное, что поймать меня практически невозможно, и лишь случайность позволяет милиции меня прихлопнуть. Ну да хватит об этом. Решил я «завязать», решил давно и твердо, но с недавнего времени уверенность в том, что смогу это сделать, начинает во мне ослабевать — как будто мечусь посередине переправы (простите за банальную метафору). Что делать, когда освобожусь? Читаю в «Смене» то о ницете простых трудяг, то об одиноких девочках-матерях, то просто о том, что нормальному человеку (порядочному) просто не выжить там, на свободе, если жить по-честному. Вот женщина мучается, денег не хватает прокормить детишек, а ей для этого и надо-то всего ничего (я имею в виду сумму)! В толк никак не возьму: я (заметьте, мошенник средней руки, и притом отечественного, то бишь совдеповского, образца) за день на «девочку» и другие удовольствия тратил столько, что этой женщине хватило бы на продукты и одежду на год! Ну, черт, разве можно так жить? Душа стала легкой. Я в общем-то и раньше не считал себя законченным негодяем. Есть две категории негодяев: негодяи, которым нельзя подавать руку при встрече, и негодяи, которым позвать руку можно, а себя к этой категории причисляю. Вот такая у меня натура — я почему-то переживаю, когда кому-то рядом плохо; мои бывшие потерпевшие не в счет, за людей их признавать нельзя: богатый и не филантроп — это уже просто объект для обработки по изъятию ден-

знаков. Ну, не люблю я спекулянтов, бары и т. д. Ненавижу! А самое-то главное — я не хочу больше этого, этой своей «работы», а как же жить дальше — не представляю. Смешно, конечно, я понимаю, взрослый парняга, а вот как котенок на льдине. Но, знаете, на свободе поварившись в «блатной каше», столько лет отсидок в зоне, да бунты, голодовки, побои, изоляторы, пережив, передышав кубометрами «черемухи» — и после этого бросить пить, курить наркотики и колотиться этой дрянью, завязать с картишками и залезть на турник, вместо того, чтобы лишний раз чифирнуть, — это не просто.

Я никогда ничего ни у кого не просил. А сейчас прошу: помогите, ради Бога. Может, найдется мне на воле место, может, найдется на воле человек, которому я не буду чужим? Я понимаю, вы вправе сказать: Бога вспомнил, уголовная рожа, и т. д., — это, конечно, правильно, но я ведь вспомнил! Конечно, можно предположить в этом хитрость для того, чтобы найти «заочницу» для переписки, да не такой я подонок, поверьте, мне и так нелегко писать и просить об этом. Если бы я кому-то был нужен, я бы все смог! Понимаю, «Смена» не доска объявлений и не благотворительная организация и всем зекам не помочь; понимаю, что многое зависит и от меня. Но, оговорюсь, я не подзаборник какой и материальной не заинтересован. Деньги — это не главное. Хочу жить! Вот читаю: тысячи матерей-одиночек готовы к черту на рога, лишь бы найти опору и выбиться из нищеты. Конечно, гарантии в таком случае предоставить трудно. Но вот он я — мужик с руками, ногами, головой, не импотент, не извращенец, без патологий. Для чего я родился, для чего живу? Ведь не для того же, чтобы «пополоскать» коммер-

санта и прожечь добытые бабки со шлюхой в Сочи. Хочу жить по-людски! Если освобожусь и опять сяду, тогда уж черти обо мне обедню справят на веки вечные. Не отталкивайте. Все давно оттолкнули — мама, школа, милиция, а теперь, когда сам решил «на тормоз нажать», если оттолкнете — мне каюк!

А. СУХОУ,
Запорожская область

ОТ РЕДАКЦИИ. Алик! Впрочем, какой же вы «Алик»? Взрослый мужчина... Александр, наверное?

Известно, с какими трудностями сталкиваются многие, выйдя на свободу. И просьбы о помощи в этом случае звучат естественно, но только когда исходят от человека немолодого, больного, не имеющего ни родственников (каких бы то ни было), ни друзей, ни профессии. Вы же, как сами пишете, мужик с руками, ногами, головой, молодой и здоровый. Коммуникабельный, обаятельный... И с набором таких отменных качеств да не найти места в жизни?!

Как мы поняли, перспектива «простого труда» вас не устраивает. (Видимо, на случай, если не хватит характера «завязать», вы и придумали себе оправдание: мол, бывают и негодяи, «которым пожать руку можно». Да нет, Александр, негодяй — он и есть негодяй, не поможет вам словесная эквилибристика...) А не подумали о том, что жили беднее самого нищего «трудяги»? Разделите-ка ваши прошлые тысячи на девять с половиной лет — те самые, за решеткой.

Здесь, на свободе, жить сейчас трудно. Но можно, тем более с вашими данными (речь, естественно, не о способности мошенничать). Поверьте, все вышесказанное не «мораль», не нотации. Просто досадно, когда молодой здоровый мужик сравнивает сам себя с котенком на льдине. Хотите жить по-людски? Так живите! Поздно и неуместно жаловаться на маму, школу и т. д. Это еще вопрос — кто кого отталкивал... Теперь вы посчитаете, что и «Смена» вас отталкивает? Единственное, чем можем помочь, — это опубликовать ваше письмо. Ну, а все остальное зависит, как сами понимаете, только от вас. Желаем удачи.

Топорная

работа

АЛИНА ЧАДАЕВА

ФОТО
МИХАИЛА МАТВЕЕВА

Я

читала научно-проектную документацию по трем культовым сооружениям в беломорском селе Нёнокса, как Жития святых. С тем же благоговением. Хотя автор записок Елена Заручевская, излагая факты, не позволяла себе никаких внеслужебных эмоций.

В подрядных записях, рапортах причта, челобитных писано было о рождении пятишатрового чуда — Троицкой церкви, единственной полуцелевшей до наших дней. И Никольского теплого храма — древнейшего: о нем упоминается в бумагах Соловецкого монастыря еще в 1555 году. И редкой для северных земель высокой колокольни — ровесницы пушкинских времен.

Благословясь, подряжались строить их разные люди и словно присягали не покривить ни душой, ни рукою, возводя святыню. «...А тес тесать добро и безоухульно, не щеловатой, не горбатой, не гнилой...» Строить ДОБРО было в те поры неписаной, рукотворной наукой. Плотницкое ремесло — мастерством. Сохранились — для памяти и поминовения — имена тех, кто сплавлял бревна, ковал гвоздья, крыл кровлю, писал иконостас, перестраивал и ремонтировал, когда храмы ветшали: Алексей Попов, Григорий Матвеев, Иван Шемякин, Дмитрий Сказываев... Через три столетия сюда сно-

ва придут «строить добро», и некоторые имена повторятся: Александр Попов, Михаил Матвеев...

Тогда и будут собраны в машинописных фолиантах жития двух храмов и колокольни. И как челом били архиепископу о том, что «у церкви Живоначальныя Троицы непогодюю крест сломило». И как горели в год смерти антихриста — царя Петра, да только иконы и утварь не дались огню, удалось спасти. И как в двадцатых годах двадцатого столетия начался мученический путь на Голгофу. Священника отца Василия арестовали и где-то сгноили; из Никольского храма местные Советы сделали склад соли «ссыпом»; в алтарь Троицкого загнали трактор, забили иконами окна, а двери — железом и превратили церковь в овощехранилище.

И до дней последних стояли храмы-руины, подобно мощам святых, попранных, оскверненных по всей русской земле. Стояли покосившимися экспонатами музея атеизма, в который была превращена религиозная некогда держава. И не к нам ли вчерашним обращено было скорбное и грозное Слово Бога, сказанное библейскому пророку Ездру: «Иди и возвести людям моим злая дела их... яко ГРЕХИ РОДИТЕЛЕЙ ИХ ВОЗРАСТОША В НИХ».

Но, видимо, созрело, подобно

плоду на Древе Жизни, иное время, и дети, пусть неосознанно, стремятся исправить вину родителей, возместить добродетелями «злые дела их». Хотя, спроси я, так ли это, у кого-нибудь из коллектива мастерской архитектора-реставратора Александра Попова, уверена: категорически отвергнут. Станут приводить не духовные, а житейские доводы, почему к безвестной Нёноксе съехались с разных концов России молодые люди, и многие из них о реставрации знали прежде разве что из «книжки с картинками».

Нынче плотник, Василий Васильевич Иванов, например, профессиональный музыкант, окончил училище Гнесиных по классу баяна.

— А сегодня,— спрашиваю,— играет?

— Играю,— говорит Василий Васильевич.— В основном по праздникам. Особенно на Петра и Павла. Здесь он — престольный, широко гуляют. Я играю, они стоят, смотрят.

Плотник Виктор Петрович Дренин — профессиональный радиоэлектронщик, тоже москвич. Да и сам Александр Владимирович Попов в прошлом математик. Московский архитектурный институт — его второе высшее. Во всей команде человек тридцать, и у большинства биография «с зигзагом».

Ну, и на что, казалось бы, сдавалась им эта Нёнокса: дожди, грязь, резиновые сапоги безвылазно, общее житье в неуютном здании бывшего детсада; койки по периметру комнат; наедине с собой — только во сне. Из зрелищ — телевизор. Из игр — пинг-понг. Веселье под винными парами исключено: сухой закон. Семейная жизнь у многих, как в песне: «Милый мой живет в Казани, а я на Москва-реке». У кого

жена с детьми в Орле, у кого муж с детьми в Архангельске.

Ехала — представляла: поморское село, бревенчатые дома-корабли, остроухие деревянные кони на охлупнях крыш. Как на Пинеге, как на Мезени... Оказалось, красивенькие домики, обшитые тесом; на одном — мемориальная доска: отбывала ссылку борец с царским самодержавием Вера Фигнер. Наверное, в значительно лучших условиях, чем творческое производственное объединение «Ландшафтная архитектура». До сих пор жива байка: пристав осмелился назвать террористку из благородных на «ты», за что и был разжалован.

Одно бревенчатое строение есть, хоть и рухнуло внутрь, завалилось набок. Когда-то Соловецкий монастырь владел солеварнями в нёнокском Усолье. В этой, рухнувшей, говорят, варили соль и после Отечественной войны.

— Может, и восстановят, если руки дойдут,— говорит мой провожатый Олег Карлушин, в прошлом учитель, ныне... нет, не плотник: фотограф и экономайстерской А. Попова. Он-то как оказался «примкнувшим к ним»? Крутится, хлопочет, рядом сынишка-дошкольник. После Орловского пединститута Олег учительствовал в селе Верхняя Уфтюга. По всему архангельскому северу славилось это село шатровой церковью во имя святого Дмитрия Солунского, столь дивно высокой и мощной, словно сам воин Дмитрий передал ей стать духовного ратоборца.

Воина, иссеченного в битве с бесчестием и равнодушием, на поминал этот храм к 80-м годам.

Сгнили сваи, бревна, кровля, полы, рухнуло крыльцо, галерея. Храм предпочитал умереть, неже-

ли быть амбаром для зерна и загоном для овец. Вот тогда-то архангельская земля и вызвала человека по плечу себе. Он откликнулся на зов, пришел и замыслил предстоящий сюжет своей жизни на несколько (оказалось — семь) добровольных каторжных лет. Человек этот был — Александр Попов. За спиной имел наработанный опыт реставрации в Поленове, в Переславле-Залесском. Уфтяжская церковь была из ряда вон: не только по грандиозному масштабу работ, главное — по методу реставрации.

Искусствовед Л. Трускова определяет его как «традиционный народный способ». Храм предстояло полностью перебрать и сгнившие элементы заменить новыми. Но эта «Америка» была открыта давно. Бревна при переработке было принято обрабатывать электрорубанком и топором современной формы.

Новодел обычно «имел вид», но утрачивал сокровенную жизнь деревянных конструкций, благодаря которой храм дышал, а в непогоду выходил сухим из воды. Долголетие ему могли дать только старинные технологии плотницкого дела. Но где им, старшимся в практике и памяти, выучиться? Попов знал — где: скрупулезно изучал следы, оставленные плотниками на старинных бревнах. По ним и по материалам археологических раскопок восстановил формы древних скобелей и топоров. Габариты, угол подъема «носка» и «пятки» средневекового русского топора мало напоминают их дальнего современного нам родственника. Когда искусствовед Елена Заручевская нашла в архивных документах описание инструментов, оказалось, они совпали с теми, какие своим ходом «вычислил» Александр.

И не только «вычислил», но

и научился тесать бревна, как это делали предки: ударять по торцу под углом и как бы по касательной. Торец становился волнистым, но зазоров не было, и вода легко скатывалась вниз. В девятнадцатом столетии стали рубить отвесно, зазоры потом спрямляли рубанком. Но это уже относится к деградации плотницкого мастерства... Он рубил дом, укладывал венец на венец, словно венчал себя с ним; крыл кровлю дранкой, подкладывая под нее непромокающую бересту, и дом становился кровом, кровно родственным людям, жившим внутри него.

В зависимости от сажень в длину и вершков в ширину стволу давались рабочие имена: жердь, слéга, кряж, мачтовик и — самое ходовое — бревно.

Изучение и разработка Уфтяжской церкви и колокольни в Нёноксе выявили столь совершенную «анатомию» строений, что их в пору сравнивать с непревзойденной гармонией строения человеческого тела. Древние строители искусно сопрягали бревна-суставы, безошибочно выверяли «вестибулярный», равновесный аппарат опор, систему «дыхательной» вентиляции; только сейчас реставраторам открываются некоторые тайны подъемных устройств, в частности центральной, или подкрестовой, мачты, с помощью которой и собирались шатровые храмы и вырастали на внушительную высоту, если вспомнить сорокаметровую вертикаль храма Дмитрия Солунского.

...Главным домом для наших предков всегда был храм. Города сохранили имена церковных зодчих: Казаков, Баженов, Растрелли, Тон... Ну, а в селах, в посадах, где строили в основном не из камня, из дерева, кто — архитектор, кто — инженер? А соберутся — священник приходской, да старо-

ста, да плотники вкупе со знающими толк в плотницком деле прихожанами, договорятся, какой быть церкви, и реестр составят, загодя уже зная, сколько чего понадобится. В основание камень-валун положат. Ведь утверждалась церковь «на камени веры», а затем возводился венец за венцом, венчая союз Земли и Неба...

Эта логика религиозного сознания, полагаю, чужда прагматически настроенным реставраторам. Ведущий архитектор мастерской Михаил Матвеев твердо убежден, что разговор о символах в зодчестве не более чем плод литературного воображения. Но и его, и столь же трезво мыслящего его руководителя изумляет в культурных строениях Севера умная целесообразность конструкций. Они прощупали их с тщательностью врача. Михаил Матвеев год посвятил скрупулезным обмерам Никольской церкви...

Александр Попов пальпировал бревна, как ребра, и потом реанимировал храм, учитывая все особенности виртуозного мастерства его создателей. С помощью старинной деревенской инженерии «вручную поднимались двухтонные бревна на сруб четверика» (пишет искусствовед Л. Трускова), и четверо (Александр со товарищи) водрузили на сорокаметровой высоте крест, весивший семьсот килограммов.

— Реставраторы открыли мне другой взгляд на мир, — говорит Олег Карпушин. Поэтому, видимо, и оказался он в стане Попова, где сгодилось его фотомастерство для исследовательских работ мастерской.

«Иной взгляд на мир»... Какой? И какая должна быть идея, чтобы человек предпочел привычным представлениям о житейском ком-

форте жесткий аскетизм, помноженный на тяжелую, без побряжек работу?

— Восстановить связь времен. — Александр Владимирович не вкладывает в эту фразу никакой романтической патетики. Что-то, а выпренность совершенно ему чужда. «Связь времен» для него не манифест, гордо начертанный на прапоре. Конкретная рабочая задача...

Когда писались эти строки, Уфюжская церковь еще пустовала. Архангельская епархия по ведомым ей причинам не взяла ее под свое попечительство, не прислала священника: их нынче всюду не хватает. Печальна тишина ожидания: раздастся ли благовест, сзывающий паству, освятит ли деревенский батюшка пространство храма, чтобы архитектурное строение вновь стало тем, чем было замыслено изначально: мистическим телом Христовым. Бездействующий храм, пусть и восстановленный с завидной дотошностью, — фантом, макет...

Связь времен в уфюжском варианте ждет своего действительно духовного наполнения.

По слову русского мыслителя В. Розанова, только к старости начинаешь осознавать, что вся твоя жизнь была Поучением (свыше. — А. Ч.), но ты был в ней невнимательным учеником. До старости Александру Попову еще не близко. Поучение он, видимо, осознал. Во всяком случае, работу в Нёноксе он начал с того, что попросил старожилов собрать церковную общину: будет кому передать «архитектурный комплекс» по назначению, когда реставрация завершится. Для меня в этом жесте — свидетельство как бы обоюдной реставрации человека и храма: прикосновение к храму с благими намерениями — путь к духовному прозрению этого человека...

Из Северодвинска приехал в Неноксу Анатолий Порохин.

Великое дело сделал Анатолий в неблагоприятном Северодвинске, воздвигнутом пятьдесят лет назад на неотпетых костях лагерных узников: молельный дом — его детище. Он и заброшенное помещение нашел, и обустраивал, и сторожил, спал под радиатором на газетке. Наверное, тонкости высокой реставрации неведомы ему, но ведома любовь к Богу и заблудшему собрату. Сам был заблудшим и собратьев нагляделься, и пропасть бы ему, да спасло Слово. В трех ипостасях оно явилось ему. В предсмертной записке отец написал: «Господи, прости мне, что не верил в Тебя». Для Анатолия эти слова были светом в кромешной тьме греха, началом не дороги — пути.

В Неноксу он ехал с одной целью — помочь церковной общине.

76 Снял угол у одного из бывших капитанов, посадил в огороде картошку и начал обустраивать для службы придел во имя святых апостолов, рассортировал завалы. Приехал священник, освятил придел, начались службы. И повалил к Троицкой церкви истосковавшийся без Бога народ. Крошечному тесному приделу всех сразу и не вместить. Отцу Александру приходится крестить в две череды — матерей со взрослыми детьми, а то и старушек.

Еще нескоро у реставраторов дойдут руки до Троицкого храма: три года ушло на восстановление колокольни, на очереди — Никольская церковь: заготовка для нее, разборка строения, сборка — работы лет на пять. Потом уж — и пятишатровое чудо...

А тем временем вокруг святого места загорается огонек духовной жизни. Глава церковной общины — Мария Ивановна Мудюгова.

Ей — восемьдесят два, но крепка еще поморская кость.

— И туточка родилась и ни на шаг не отступала, никуда не езжи-вала далеко.

Из этой усольской земли произросла Мария Ивановна, с ней все беды перебедевала. И коллективизацию:

— Уж как я ревела, когда муж Федор в колхоз вступил. А што поделаешь, раз всех сгоняли...

На мужа похоронку получила. Вот, не повенчалась с ним — до сих пор жалеет: как раз тогда церкви закрыли. «На карантин, — говорили, — на карантин»... Зато теперь довольна: дожила, когда Богу можно, не таясь, служить.

— Молодой хочу быть, долго жить хочу, не хочу помирать.

Вот как радуется, по-старинному сказать — ликовствует душа.

Все годы подбирала и докладывала бережно Мария Ивановна разоренные духовные книги. Где выброшенные, где в небрежении валялись — найдет. А то и листочки разрозненные: ветер гонит, она соберет, листочек к листочку, хоть и не парны. Грех Слово Божие на ветер бросать...

Две дочери у Марии Ивановны — Любовь и Антонина — тоже как листочек к листочку. Мать для них — ангел-хранитель. Стоят все трое в церкви — Верой, Надеждой, Любовью.

Мария Ивановна рассказывала, как, больная радикулитом, полпелась в село Куртяево, за двенадцать верст, к целебному источнику.

— Пойду, да сяду, да ой. Сколь дороги слезами умыла. Добралась, молитву прочитала, свечку затеплила, окатилась водицей. С тех пор и про боли забыла. Домой не то что брела — бежала.

Сколько таких «овчих купе-

лей»¹ на Руси, куда сходятся «множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды» (Евангелие от Иоанна, гл. 5). У святой земли, у живой воды, у очищенной страданием души — круговая порука родства. Зовут матери, зовут сыновей своих к купели спасения, да те будто не слышат — не идут.

— Дети наши сейчас в аду живут, кто пьет, кто блудит, кто разбойничает... — О заблудших чадах российских печалится Мария Ивановна. И то правда: у нас по сию пору в каждом почти доме — гражданская война: пьющий сын, пьющий муж, зять, брат, внук...

Ира, внучка Марии, даже бабушку свою удивляет; нет у нее мирских помыслов, только в храме, в служении Богу — смысл бытия видится ей. Ирина — третье из ныне живущих православное поколение рода Мудюговых. Но и четвертая ступенечка этой лестницы есть: отрок Виталий, Марии правнук.

При каждой церкви есть свой «отрок Варфоломей»² — мальчик в стихаре до пят, с лицом, исполненным света. Виталий прислуживал отцу Александру в церкви. Потом рассказывал Марии Ивановне:

— Я, бабушка, кадило держал. И все смотрю на угольки. Один — горящий — расколосся, а внутри него точно как крест прочерчен.

Множество священников начинали свой путь мальчиками-алтарниками.

Пробуждается чувство веры в людях, пусть медленно, но приоткрывается главное завещание

предков: без Бога ни до порога.

Многочисленным сердечным эхом отозвался в Нёноксе приезд реставраторов, их неустанная работа по восстановлению храмов. Возрождение религиозной жизни и должно определять конечную цель трудов мастерской А. Попова: приурочивание храмов к Богослужению. В одной из бесед с Александром Владимировичем было упомянуто им, как реставрировал он часовенку, и на другой же день по окончании работ затеплились в ней свечи, пришли люди молиться, вернулась в обновленные стены жизнь...

Возрождение ремесел, считает Александр Попов, должно возродить и психологию русского мужика, который и в наш век может искусно владеть топориком, но в то же время уметь обращаться с компьютером и другими ~~у~~ машинами. В Нёноксе Александр Попов предполагает создать центр — «Русский Север». И уж отведена земля, и будут строиться силами реставраторов дома, достойные поморского ландшафта, а мастерские — столярная, кузница — уже срублены и действуют. Из центра «Русский Север» будут со временем выезжать экспедиции — лечить деревянные храмы архангельских земель.

Надежды на завтра Попов полагает в ученичестве. В мастерской его встретила двоих юных Серезж: Беляева и Шульгина. Они утепляли паклей столярную мастерскую. А прошлым летом один из них — Шульгин — олифил, а потом крашил купол колокольни.

¹ Овчая купель — купальня или бассейн, находившийся у так называемых овчих ворот в Иерусалиме. По временам в купальню нисходил Ангел, и первый больной, а их собиралось множество у овчей купели, который успевал войти в воду вслед за Ангелом, выздоравливал (Евангелие от Иоанна, 5).

² Варфоломей — имя святого Сергия Радонежского, которое дали ему родители при крещении.

— Ну и какое ощущение было? — спрашиваю. — Не страшно?

— Летать хотелось, — отвечает Сережа...

Когда-то в монастыре Оптина Пустынь я услышала слова паломницы: «Великое дело даже камень с места на место для храма передвинуть». Чем же, в какой системе мер и весов оценить: восстановление храма Дмитрия Солунского в Уфтьюге и колокольни в Нёноксе; тома выписок из древних документов: о культовом ансамбле, с любовью и тщанием собранные Еленой Заручевской; дотошные, исследовательские обмеры Никольской церкви Михаила Матвеева; лепту каждого в общее благодатное дело?

А ничем и измерять не надо, только благодарностью Судьбе: живут рядом со святынею, удостоились лечить ее телесные раны и тем идти к свету истинному....

«ИНФОРМСЕРВИС»

Всесоюзный информационный клуб
дружбы и создания семьи

ПОМОЖЕТ вам найти друга, единомышленника, создать семью, опираясь на современные научные методы и компьютерную технику. Наше преимущество — высокое качество и скорость обслуживания. Мужчинам предоставляются льготы.

Наше агентство сотрудничает с американской фирмой «Russian American Romance» и итальянской фирмой «QUADRIFOGLIO». Может оказаться, что ваш суженый живет в США или Италии.

СОСТАВИТ ваш индивидуальный гороскоп по основным направлениям вашей жизни на основе древнеиндийских предсказаний. Специалисты осветят вопросы: здоровья, карьеры, учебы, любви, приключений. Индивидуальный гороскоп поможет вам отказаться от рискованных поступков, найти путь к жизненному успеху.

ПОМОЖЕТ составить ежемесячный индивидуальный график благоприятных и неблагоприятных дней в соответствии с вашими биоритмами.

ПИШИТЕ нам по адресу: 105215, Москва, Е-215, А/Я 10, «Информсервис». В письмо не забудьте вложить пустой конверт с полным адресом — в нем мы вышлем вам условия обслуживания и анкеты. На письме сделайте соответствующую пометку: «З», «Гороскоп» или «Биоритм».

**Вы попадаете точно в цель,
разместив рекламу в**

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Телепередача «Совершенно секретно» входит в пятерку самых популярных программ телевидения. Идеальное время для зрителей — суббота, 22 часа.

Показ по «Орбите».

У рекламы великолепная отдача.

Газета «Совершенно секретно» является одним из самых читаемых изданий в СНГ и расходится двухмиллионным тиражом.

Радиопередача «Совершенно секретно» предоставляет возможность оперативной подачи рекламных объявлений и выход на огромную аудиторию СНГ.

Стоимость одной минуты телевизионного времени — 118 тысяч рублей.

Стоимость одной полосы в газете — 204 тысячи 800 рублей.

Стоимость одной минуты на радио — 8 тысяч 960 рублей.

(Цены указаны с учетом НДС.)

Звоните в рекламное агентство «Юлиан».

238-70-41, 202-20-11.

*Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов
на взаимовыгодных условиях.*

ИГОРЬ КУЗНЕЦОВ

ОСИРИС- владыка прекрасного запада

Рисунок БОРИСА СОПИНА

Старик приходил каждый день в одно время, между четырьмя и пятью часами. Эта примерная пунктуальность не являлась следствием продуманной привычки, скорее была она просто разумна, поскольку к этому времени уже не возникало очередей. Старик поднимался по ступеням, где вечно витал запах не очень вкусной, но горячей еды, и входил в зал второго этажа. Он пристраивал черную дерматиновую сумку на спинку стула у окна и снимал быстрым движением зеленую шляпу добротного фетра, какого теперь уж и нет; потом он выбирал чистый поднос с необломанными углами, чинно и вежливо здоровался, причем вежливости его не мешало то, что он никому не глядел прямо в глаза. На поднос он ставил полстакана сметаны с желтой лункой сахара, полпорции супа — предпочтительно молочного, полтавскую чесночную котлету с двойным картофельным пюре; пустой стакан накрывал двумя ломтями черного хлеба. Ел он аппетитно, опрятно и чисто, может быть, с излишней, бросающейся в глаза аккуратностью протирал перед началом еды ложки, вилку и нутро стакана углом салфетки из собственной пачки, которую он доставал вместе с бутылкой кефира из черной сумки. Совершив ритуал чистоты, а в том, что был это именно ритуал, сомнений не возникало, и покончив с котлетой, он большим пальцем продавливал зеленую крышку и неспешно, в несколько заходов, опорожнял бутылку. Иногда в его сумке шевелилось что-то живое — наверное, старый таскает с собой котенка, думали все.

Вид его ни у кого не вызывал ни улыбки, ни жалости, ни особой симпатии — за стол к нему редкие посетители не присаживались, но это ведь и не принято, когда есть свободные места. На широком его лице важное место занимал крупный нос с мощными крыльями; высокий, без складок лоб резко переходил в розоватую лысину, усыпанную мелкими старческими веснушками; гладкость лба не казалась признаком отсутствия умственной работы, так же как и складки на щеках, хотя и прибавляли нечто бульдожье-безразличное этому лицу, все же не придавали ему презрительного выражения — воображение легко дорисовывало трапецевидные бакенбарды, и тогда весь облик вместе с рыжими, непременно рыжими, бакенбардами приобретал черты солидного официанта из дорогого и давно не существующего ресторана. Но бакенбард не было, и глаза никогда не смотрели прямо, что несколько сглаживалось характерной привычкой многих высоких людей, — старик передвигался сутулясь и опустив голову, вопросительным знаком с многоточием: многоточие служило признаком некоторой загадочности всей его фигуры.

Местные служители общественного питания никогда не пытались заговорить с ним, и не потому, что у них полностью отсутствовала природная любознательность, скорее всего их смущало видимое нерасположение старика к явному знакомству, которое могло бы предполагаться сроком взаимного лицезрения и частотой встреч: без малого год старик посещал эту кухмистерскую на втором этаже старенького дома в Мамоновском переулке. На первом этаже, по кухмистерским правилам, отпускали

обеда на дом, этим цивилизованным способом получения настоящего хлеба старик пользовался столь же регулярно. Однако, несмотря на холодок полужнакомства, и поварахи, и посудомойки, и кассирша доподлинно знали, что носит старик имя Сергея Сергеевича Чеботарева. Это имя внушало всем некоторое почтение, и все были почему-то уверены, что в прошлом Сергей Сергеевич мог быть фигурой довольно значительной, впрочем, мог и не быть — ведь никто не может объяснить, откуда берутся подобные уверенности. Но в какой-то неожиданный именно своей обычностью день все или почти все предположения, успешные не раз проциркулировать под сводами кухонных помещений и подсобок и обрасти некоторым количеством вероятных и невероятных подробностей, подтвердились странным и достаточно громким разговором Сергея Сергеевича с подсевшим к нему молодым человеком; невероятно, но с этим человеком Сергей Сергеевич выпил водки, предоставив для этого свой кефирный стакан, а сам разговор закончился странным происшествием, во время и после которого у кассирши, женщины крепкой, случилась истерика, перешедшая в обморок; по очереди ее и Сергея Сергеевича приводили в чувство нашатырем. Одна повараха с притворным ужасом рассказывала при этом, что еще раньше видела в его сумке какое-то живое существо, похожее на черепаху, но совершенно зеленое. Но все это случилось позже, и к событию этому мы обязательно вернемся, точнее, со временем приблизимся, пока же мы должны осветить некоторые подробности жизни нашего героя — отставного подполковника семидесяти двух лет Сергея Сергеевича Чеботарева; подробности эти, о чем нам остается надеяться, помогут объяснить и саму случившуюся сцену, и следовавшие за ней не менее удивительные вещи, так как они, удивительные вещи, имели своим источником не только встречу и выпивку с молодым человеком, истоки их надо искать по крайней мере в последних шести годах жизни Сергея Сергеевича, то есть с тех самых пор, как он обрел непривычную свободу.

Кухмистерская, как мы говорили, находилась в Мамоновском переулке, называвшемся так — до переименования — в честь графа Мамонова, подарившего городу свой собственный дом под глазную больницу, существующую поныне. Рядом пересекались и другие переулки, вроде Трехпрудного или Благовещенского, с останками храма. Сам Сергей Сергеевич проживал также недалеко, на улице Большой Бронной, в доме, сохранившемся в своем дореволюционно-доходном виде, на восьмом этаже под скошенной крышей в отдельной маленькой квартире, официально считавшейся однокомнатной, но имевшей и вторую, метров двенадцати, комнату без окон: когда-то окна существовали, но еще задолго до вселения Сергея Сергеевича их почему-то заложили с внешней стороны; внутри же получились две удобные ниши, в которых Сергей Сергеевич соорудил полки для инструментов. Да, важно отметить еще и то, что заметную роль в его одинокой жизни какое-то время играла работа: он служил заведующим хозяйством одного учреждения в Козихинском переулке.

Дома в кухонном буфете у него всегда стояла початая бутылка водки, заткнутая аккуратно подрезанной винной пробкой; вечерами под новости, доносившиеся из репродуктора, он выпивал две-три, редко четыре рюмки, занюхивая каждую черной корочкой, но не курил: его бывший хозяин не любил этого. Смертельные опасности века и положение при дворе хозяина миновали, и, награжденный пожизненной пенсией, он доживал свой век в подмосковном имении, возделывая землю для цветов, набрасывая мемуары или беседуя с Сергеем Сергеевичем. Был хозяин одним из тех, кто активно и насильственно стремился сказку сделать былью, к старости же он приобрел устойчивый интерес к собранию легенд и мифов, имеющих происхождение более духовное, нежели сказки политико-экономические. И вот уже шесть лет минуло с тех пор, как хозяина скромно похоронили, а Сергей Сергеевич переселился в свою квартиру, выхлопотанную хозяином незадолго до кончины.

В усадьбу Сергей Сергеевич попал вскоре после войны, которую закончил в особенном отделе одного из фронтов в маленьком чине лейтенанта, выслужившись, правда, из рядовых писарей; к счастью, немецкая четвертинка нигде не всплыла, да и служба у него была не бумажная, а хозяйственная. В усадьбе его недолго продержали садовником, а потом поручили руководство всем обширным хозяйством, — была в нем своя котельная на природном газе, высокий забор с домом охраны на въезде (позже охрану убрали, и дом пустовал), свои теплицы, гараж, автомобиль «ЗИС», слесарная и столярная мастерские, клумбы, беседки и даже собственный родник, — надо отметить, что под конец, после перехода хозяина на заслуженный отдых, Сергей Сергеевич содержал все это с очень сокращенным штатом: садовником, двумя кухарками и шофером. Родственников у хозяина не было, или он с ними не поддерживал связи. Гости в последние годы тоже бывали редко.

Очувтившись потом на свободе, в городе, Сергей Сергеевич более всего удивился тому, что никто не только не хочет, но и не умеет работать: издалека казалось, что дело обстоит не так плачевно. Он понял, что сильно отвык от городской жизни за годы почти безвыездного служения в усадьбе, хотя по природе, происхождению и был сугубо городским, мало того — столичным жителем: на свет Божий он появился на Большой Ордынке, а крестили его у Всех Скорбящих. В усадьбе он жил в особой квартирке, сообщавшейся с хозяйскими покоями, с отдельным входом и крыльцом прямо в сад, туда же, куда выходила и открытая ступенчатая веранда перед окнами хозяйской гостиной на первом этаже. Дом был довоенной ложноампирной постройки, но большой и удобный внутри, с широкой лестницей под зелено-красным ковром, ведущей на второй этаж, к спальням и кабинету. Красного дерева и державного вида книжные шкафы кабинета заполнены были собраниями классиков, томами самого хозяина, но были там и Пушкин, и Толстой, и Серафимович, и целая полка книг других советских писателей с трогательными надпи-

сами, — хозяин по долгому недоразумению считался их покровителем. Но главное место, потеснив красные и синие корешки, занимало собрание сказок, легенд и мифов на разных языках, хотя хозяин — вопреки упорно распространявшимся в свое время слухам — читал и говорил только на родном: зато на нем выражался весело, используя всю полноту его богатств, что давало ему, видимо, повод считать жемчужиной своей коллекции «Заветные русские сказки» Афанасьева, изданные в Нью-Йорке. На Сергея Сергеевича, ознакомившегося с ними, заветные сказки не произвели должного впечатления, как, впрочем, и мифы Древнего Египта, по хозяйской причуде оказавшиеся когда-то его собственностью. Прочитал он их гораздо позже, уже переселившись в город.

И было это года полтора спустя после смерти хозяина, и надо же было такому случиться, что с этой книжечки египетских мифов началась его очередная, четвертая уже, видимо, по счету жизнь. Но первые год-полтора дались ему нелегко. Поначалу он не решался устраиваться на работу, и дело было не в возрасте, а в том незнакомом ощущении, что у него ничего не выйдет: раньше он доподлинно знал, что у него не может быть хозяйственных проблем, — всегда необходимо и достаточно было звонка в хозу, как тут же любая мыслимая инициатива находила материальное обеспечение: нужную запчасть, материал, инструмент, песок, цемент, удобрения, саженцы, оцинкованное железо, насос или пожарную машину с запасом воды, — мало ли что может понадобиться. Не надо думать, что был Сергей Сергеевич столь наивен в мыслях своих и представлениях по поводу благосостояния великой страны, что мог бы предполагать наличие в каждой коммунальной или даже отдельной квартире сливного бачка фирмы «Зильберман» или яхонтового оттенка ванны шведского производства, нет, он прекрасно понимал, что запасов хозу на всех никогда не хватит, да не всем это и нужно, — стране и так нелегко. Удивляло его не отсутствие редких оттенков сантехники в домах и учреждениях, а необъяснимое долгожительство отечественного оборудования, которое по всем законам логики и механики никак не могло работать, но работало.

Но мы опять несколько забежали вперед — хотя бы немного следует рассказать о первых шагах городской жизни Сергея Сергеевича. Квартиру он потихоньку ремонтировал. Поначалу с этим ремонтом пришлось ему хлебнуть немало унижений. Конечно, он мог пойти в хозу, и по старой памяти ему бы помогли, но не мог, поэтому покупать все пришлось в обычных магазинах, а известь — тогда по всей столице она куда-то испарилась — даже на стройке под покровом вечера: пока он тащил неполный бумажный мешок, с него сошло семь потов, но — пронесло. Плохо ли, хорошо, понемногу он все прикушил, инструменты из усадьбы ему в свое время разрешили забрать, да и были они большей частью его собственные, переделанные и обточенные для удобства работы. Он чисто отмыл и выбелил потолки, наклеил зелененькие обои в полоску, сменил сантехнику: трубы, правда, все равно ныли и скрежетали, но с этим он сам ничего поделать не мог. На кухне из покупного был только

стол с двумя табуретками да буфет. И то и другое он перевез из усадьбы вместе с кожаным диваном и этажеркой, которые стояли в светлой комнате, остальные шкафы, полки он сделал сам, так же как и шкаф для одежды в коридоре, причем ребра его были из хороших сосновых брусков, купленных по случаю, — они пахли настоящим деревом. В темной комнате в углу стоял верстак с гнущейся лампой над ним, маленькими и большими тисками; полки для инструментов устроены были и над верстаком, и сбоку — в нишах бывших окон. Однажды, опять по случаю — в соседнем дворе студенты-художники строили детский городок, — он купил несколько метровых обрезков сосны сантиметров сорока в поперечнике (из них студенты вырезали сказочные фигуры для детского развлечения). Так они и стояли в углу — пять штук — и ждали своего часа.

Ремонт рано ли, поздно ли кончился, газету «Труд» он прочитывал за завтраком, вечером был телевизор, новости, заветная бутылка из буфета — успокоительные капли и немного, совсем немного воспоминаний. Надо было чем-то занять и день: пройтись по окрестным магазинам, зайти на Патриархии посмотреть на играющих в шахматы, и покормить голубей, и понаблюдать за их разнообразной жизнью. Иногда он разговаривал с таким же пенсионером, скучающим вместе с рыжим коккер-спаниелем по ключке Каштанка. Со временем они познакомились — пенсионера звали Павлом Алексеевичем Астаховым, но дальше встреч на патриаршей скамеечке, поглаживания рыжей Каштанки да обязательных разговоров дело не заходило.

Хуже было в холода, когда из дома далеко не уйдешь. И вот наступившей весной, промаявшись вторую зиму, Сергей Сергеевич устроился на работу, тогда же, почти случайно, так уж все совпало, он перечитал или, вернее сказать, прочитал впервые пылившуюся на этажерке книжку египетских мифов. Сказать, что они поразили его до глубины души, было бы не совсем верно, вернее было бы предположить, что они его заинтересовали, скорее всего тем, что совпали кое в чем с теми фантазиями, которые изредка посещали нашего героя, — фантазий этих, на сумеречной границе сна и яви, он поначалу побаивался, но потом к ним привык и даже научился как бы искусственно, почти играючи вызывать, — надо было только поглубже усесть в самом углу дивана, дальнем от окна, в тот час, когда на улице тает вечерний свет, а в комнате без огня уже ступают уютные сумерки, успокаивающие зрение, чуть смежить веки и послушать в тишине возникающие звуки: скрип и шорох внутри шкафов и в пропахших старой кожей нутряных пространствах дивана, где могла бы с удобством поместиться всякая нечисть, чьи-то призрачные шаги над головой, на чердаке, крыше, цокот вороньих коготков по краю кровли, редкий треск рассыхающегося дерева, завывающий гул и клетот в радиаторах отопления, а иногда и звон посуды на кухне. Детский страх тепло возникал где-то в пятках, хотелось забраться с ногами на диван и ждать, когда придут взрослые и разрушат, успокоив, тайну и волшебство; никаких взрослых в жизни Сергея Сергеевича уже быть не могло, но казалось ему иногда, что Кто-то из небесной вышины

смотрит на него и не дает окончательно уснуть, этот Кто-то напоминал о смерти, вокруг него стояли люди со змееными и песьими головами, а сам Кто-то восседал на огромной каменной собаке с человеческим лицом. Эта собака называлась сфинксом.

Однажды в первом часу ночи ему позвонили и сообщили, что едет хозяин с гостями, — позже Сергей Сергеевич уверял себя, что он сразу по тону говорившего и по каким-то еще неуловимым признакам понял, о каких гостях идет речь, видимо, так оно и было, поскольку весь народ тогда как один человек понимал все с полуслова. Все происходило словно в бреду, Сергей Сергеевич сбивался с ног, хотя, по сути, делать ему было нечего: еду и напитки гости привезли с собой, и подавали им официанты из охраны. Потом он собрал нервы в комок и усадил себя на краешек кресла в прихожей перед дверью гостиной, за которой пили, ели и говорили великие люди: животный страх в Сергее Сергеевиче уживался со счастьем приближенности. Он даже не мог ни о чем думать, когда дверь в гостиную открылась. Он вскочил: в трех шагах перед ним стоял Сталин. Сергей Сергеевич узнал его не по виденным тысячекратно портретам, на них он мало был похож, но внутренним чутьем определил: это он. «Гдэ здэс нужнык?» — спросил Сталин ровным строгим голосом. Сергей Сергеевич похолодел: Хозяин был, похоже, не в духе. «Здэс, товарищ Сталин!» — отрапортовал он и с ужасом понял, что отвечал со сталинским акцентом. Он так и стоял и ждал, пока из-за двери не послышалось журчание воды: уходить было поздно, но и оставаться невыносимо. Сталин, не глядя на него, прошел к двери гостиной; взявшись за ручку, он обернулся: «Запомны, я лублю русских людэй», — видно, тогда уже зрели планы борьбы с космополитами и любви к русскому народу, — Сергею Сергеевичу об этом не было известно, но он прямо нутром ощутил все свои давно подгнившие немецкие корни и застыл с открытым ртом: Сталин, прищурившись, посмотрел ему прямо в глаза, Сергей Сергеевич сказать ничего не мог, он только понял, что жизнь его кончилась. К счастью, ничего не случилось, и по прошествии долгого времени Сергей Сергеевич мог с полным основанием утверждать — пользовался он этим правом всего несколько раз в жизни, — что однажды видел Сталина, не уточняя, при каких обстоятельствах.

Пройдя через горнило таких испытаний, Сергей Сергеевич уже до самого конца политической карьеры хозяина почти неотлучно находился при усадьбе, — нельзя сказать, что он не имел права никуда отлучаться, но было это не очень принято, — отпуска он проводил в специальном санатории в Крыму. С отставкой хозяина жизнь стала вольнее, но привычка брала свое, да и не к кому было Сергею Сергеевичу ехать: вся жизнь его была с усадьбой, в усадьбе, для усадьбы. А в последние годы жизни хозяина возникло даже подобие дружбы между ним и Сергеем Сергеевичем. Однако было бы непростительной ошибкой представлять их отношения во все времена идиллически: судьба и положение не могли не оставить своей печати на характере и даже внешности хозяина, в которой время от време-

ни явно проступали мелкобесовские черты; был он неглуп и хитер — в противном случае он не выжил бы при дворе. Бывало, он орал на Сергея Сергеевича, не выбирая выражений, а два раза (всего два раза за столь долгую жизнь бок о бок) он ударил Сергея Сергеевича по лицу. Первый раз — когда в гостиной со стены упал портрет Сталина: еще счастье, что Сергей Сергеевич отделался так благополучно, можно сказать, что хозяин его просто пожалел по доброте своей. Другой раз была у хозяина в гостях популярная тогда киноактриса, беленькая и смешливая, Сергей Сергеевич подавал к столу — в торжественных случаях хозяин иногда использовал его в такой должности, — так вот, подавая к столу, Сергей Сергеевич капнул жиром на ее белоснежное платье: хозяин медленно встал и отклестал Сергея Сергеевича по щекам, актриса смеялась и приговаривала: «Да бросьте, не надо, не надо», — и если первый случай был неизбежным, то второй он долго потом вспоминал, пока со временем и он не изгладился из памяти. Как бы то ни было, звания капали, да и вся жизнь Сергея Сергеевича прошла в тени волнений хозяина: его фавора, замешанного на страхе, последовавших позже разоблачений и, наконец, тихого, по-своему тоже волнительного успокоения, когда и возникло между ними то, что с некоторым допущением можно посчитать за дружбу или приятельство. После отставки хозяин подозрительно быстро стал забывать о прошлом. Мемуары свои он так и не дописал — остались лишь какие-то отрывочные, беспорядочные записи, жил в одиночестве, копаясь в грядках, выращивая цветы и ранние огурцы в хорошо оборудованной теплице, а вечерами звал Сергея Сергеевича в кабинет: иногда он доставал с полки свои самые ценные книги — французскую Библию с иллюстрациями Доре, русскую в кожаном переплете с медными застешками, Коран каирского издания, читавшийся наоборот, и Коран Крачковского, было у него даже Пятикнижие на древнееврейском (тоже читавшееся сзади наперед) — он раскладывал свои богатства на просторном пустом столе и рассказывал, какими сложными путями они ему достались. Русская Библия, например, конфискована у расстрелянного Сурожского епископа, каирский Коран имел происхождение из казанской мечети, а Пятикнижие — из вильнюсской синагоги; он любовно поглаживал их переплеты и уверял, что нет в мире книг мудрее этих. Однако Сергею Сергеевичу ни разу не приходилось видеть, чтобы хозяин эти мудрые книги читал. И вообще от бесед с ним в памяти Сергея Сергеевича осталось мало; хозяин был старше на одиннадцать лет, и, слушая его, Сергей Сергеевич про себя считал, что тот потихоньку впадает в детство, может, так оно и было.

Устроившись на работу в контору, Сергей Сергеевич опять попал в свою родную стихию, однако с одним важным отличительным признаком, о котором мы уже упоминали: отсутствием какого бы то ни было порядка — в хозяйстве учреждения царяла разруха, и не только в бумажной его части, но и в материальной. Не хватало самого необходимого: эта сакраментальная, с оттенком восхищения фраза из наших учебников истории как нельзя

лучше характеризовала несносность положения; отсутствовал, однако, и трудовой энтузиазм, всегда и с лихвой восполнявший в былые времена эти вечные недостатки.

В месяц Сергей Сергеевич приобрел все и даже больше — досталось ему это столь легко оттого, что теперь, когда на общее дело, он чувствовал себя в законном праве не просить, а требовать. В течение года он буквально произвел хозяйственный переворот, благо в учреждении оказалось полно неиспользованных денег на подобные нужды: он поменял систему отопления вплоть до подвальных коммуникаций, построил новую проходную, где вахтер сидел теперь в своем собственном аквариуме со старым телевизором, навесил новые, крашенные синей краской ворота, а в глубине двора возвел мощное одноэтажное сооружение, включившее в себя склад и мастерские.

Но скоро учрежденческие заботы первого, устройтельного, периода вошли в более или менее ровную колею и, естественно, не могли заменить собой той духовной пищи, в которой Сергей Сергеевич (не в последнюю очередь после углубленного знакомства с египетскими мифами) нуждался все более: так получилось, что подъем хозяйственной деятельности совпал во времени с накоплением еще лишних, не реализующихся столь простым способом сил, которые безо всякого видимого преувеличения можно посчитать силами творческими. — Сергей Сергеевич все внимательнее листал мифы и все чаще обращал свои взоры на основные столбы в углу мастерской: по всем признакам их ожидание своего часа было на исходе.

И вообще с ним произошло что-то — с незнакомой прежде грустью он поглядывал теперь, проходя кривой частью Благовещенского переуллка, на останки храма без куполов, зачем-то собрался и съездил посмотреть сначала на мечеть с полумесяцем на крыше, рядом со спорткомплексом, а потом — на синагогу с колоннами в Большом Спасоглинищевском переуллке. Как-то весной, гуляя, дыша и улыбаясь неизвестно чему, дошел он и до действующей церкви в Брюсовском переуллке; служба кончилась, и народ уже расходился: Сергей Сергеевич долго не решался войти, но все же вошел и даже увидел батюшку, склонившегося над аналоем с книгой, но тут же Сергей Сергеевич понял, что никогда не сможет к нему подойти и заговорить. С этим убеждением он вернулся домой, выкатил на середину мастерской одну из основных заготовок и долго осматривал ее со всех сторон, что-то шепча и высчитывая в уме. В тот же день он начал работать над созданием своего первого идола. Он их, естественно, идолами не считал — так их позже поименовали в протоколе осмотра помещения.

Осмотрев со всех сторон сосновый столб в полчеловеческого роста, Сергей Сергеевич нашел, что начать следует с более простого и насущно необходимого — с фигуры ушетби¹, заместителя умершего; ушетби обязан выполнять всякую работу за умершего в царстве мертвых, всячески облегчая ему загробное

¹ Слово дается в транскрипции Сергея Сергеевича. Более правильным считается *ушепти*.

существование. Так как более близких и умерших уже людей, чем жена или бывший хозяин, у него не было, то Сергей Сергеевич и решил начать с них, точнее, с жены. Он достал послевоенную фотографию, где они вместе были сняты на фоне своего усадебного крыльца, и обнаружил, что на этой фотографии она даже по типу походит на классические образцы ушетби, увиденные им в книге: волосы, обрамляя лицо, спускались двумя широкими прядями к груди, руки сложены были крест-накрест, а поверх светлого платья надет передник — по нему прямо сразу можно рисовать иероглифы, как принято у всех ушетби. В иероглифах он, конечно, разобраться не мог и решил писать просто порусски. Понимая, что ему еще придется создавать богов и что они должны быть размером поболее, он первым делом распилил столб надвое: получились две заготовки по полметра, — и принялся за работу. Прежде он никогда не вырезал из дерева человеческие фигуры, но руки его вполне были приспособлены к любой тонкой работе, поэтому он довольно быстро, даже без разметки, при помощи маленького, очень острого топорика и большой стамески вырубил вчерне контуры фигуры: полукруг головы, покатые плечи, острия локтей и основание, сужающееся, а потом расширяющееся книзу для устойчивости. Маленькими стамесками он довершил дело, вырезав шею, мягкую линию подбородка, ровный нос, аккуратные уши, углубления глаз, спадающие на грудь тяжелые волосы и скрещенные руки. Завершив к вечеру работу, он обнаружил, что у него нет красок, тогда он оделся и быстрыми, очень уверенными шагами отправился в сторону конторы. Сторож еще не спал, и Сергей Сергеевич благополучно забрал из своего кабинета небольшую коробку гуаши, решив, что ее чистый цвет как нельзя лучше соответствует его замыслу. Одежды он выбелил все же эмульсионкой, оставшейся после ремонта, волосы, брови, абрис глаз и точки ноздрей нарисовал коричнево-черным, руки и лицо — телесно-розовым, а губы — красно-кирпичным. Он не помнил цвета глаз своей жены, но, коснувшись их голубым, понял, что угадал. Буквального сходства между фигурой и фотографией не было, да едва ли оно и требовалось. Проведя розовые линии рук к основанию и заполнив пространство между ними золотистой охрой, он стал решать, что же он должен написать. И написал крупными черными буквами в столбик, без знаков переноса: «Я пришла, дабы возвестили обо мне. Я очищена от грехов».

Через несколько дней, изваяв подобную же фигурку хозяина, оставив ее, правда, без надписи, которой не смог придумать, он освободил одну оконную нишу и установил ушетби жены и хозяина временно в ней, зная наперед, что в будущем ниша будет предназначена для одного из главных богов, он даже представлял, как это будет: одна ниша для солнечного бога Ра, другая же для Осириса, Владыки Прекрасного Запада.

Над образами богов он (хотя и приобрел уже некоторый важный опыт) работал подолгу, оставляя себе время для спокойных раздумий. Но первым после двух ушетби, отпилив от одного слишком высокого столба деревянный круг, вырезал он священного жука скарабея величиной с суповую тарелку и выкрасил его

в небесный цвет. В то же примерно время, разыскав студентов-художников, он купил у них еще несколько заготовок и перевез их на заказанном мебельном фургоне домой: теперь он был надолго обеспечен материалом для творения.

Процесс творения был непрост и протяжен во времени, и поэтому мы не будем утруждать читателя подробным его изложением, а скажем только, что богов было около сорока двух.

В темной комнате, в святилище, в нишу левую Сергей Сергеевич поместил бога Ра, а чуть ниже на специальных полках — Шу, Тефнут и Геба; в правую — Осириса, на полках — Нут, Исиду и Нефтиду, а между Осирисом и Ра — злого Сета; ушетби жены и хозяина заняли свое место у подножия Осириса — так появилось Царство Живых и Царство Мертвых, Сет же никому не принадлежал.

Так создан был храм, но что предпринимать дальше, Сергей Сергеевич не знал, пока боги не начали роптать; роптали они только за прикрытой дверью, но Сергей Сергеевич слышал их голоса, а войдя, находил их стоящими не совсем так, как он их оставлял, — в других позах. Да и скараabei принялись чудовищно размножаться: в какой-то месяц (или год?) их появилось больше дюжины, и попадаться они стали на каждом шагу — на кухне, в ванной, на шкафу в коридоре, в туалете, в светлой комнате, один даже выполз как-то на лестничную площадку; причем, завидев (или почуяв) приближение Сергея Сергеевича, они принимали сугубо деревянный и неподвижный вид. После сопоставления всех фактов на него снизошло прозрение, что боги требуют жертв, вспоминая те времена, когда им поклонялись со всей серьезностью; Сергей Сергеевич принялся думать и пробовать, после чего пришел к выводу, что они предпочитают сырое мясо. Он сколотил им жертвенник из планок и фанеры и ежевечерне стал оставлять на нем длинные ленточки мяса — по числу богов, к утру мясо исчезало; скараabei довольствовались пшеном — привыкнув к Сергею Сергеевичу, они ползали уже свободно. Одного, зеленого, он стал носить с собой в сумке — зачем? — он не знал, только ему было с ним спокойнее.

Так они мирно и сосуществовали: Сергей Сергеевич в своей светлой комнате и боги в своем темном святилище. Но как-то Сергей Сергеевич заболел, что явилось для него неожиданно, потому что бывало с ним такое чрезвычайно редко. Ему даже подумалось в какой-то момент, что это его последняя болезнь в жизни: сердце все хотело остановиться. Врача он не вызывал; сосал валидол, питался кашами из запасов круп и тушенки да яблоками, жесткими, словно недозрелые груши. Богов, испросив у них прощения, он задабривал той же пиццей. Когда приступ миновал, страх неожиданно умереть прошел, но Сергей Сергеевич решил больше не откладывать и обо всем позаботиться заранее, боги торопили его.

Первоначальный этап был сложен, как, впрочем, и всякое начало великого предприятия, а задача Сергея Сергеевича не имела себе равных. Студенты-художники, которых он с превели-

ким трудом разыскал вновь, сами помочь ему не могли, только посоветовали ехать в Останкино, к телебашне, — там есть скульптурная мастерская, где и надо просить помощи. Сергей Сергеевич два раза ездил зря, никого не застал, на третий раз встретился со скульптором — усатым, носатым и бородатым, похожим на мощного низкорослого лесовика с большими руками — из прекрасного дерева он ваял колоссальных женщин и мужчин. Узнав, в чем существо просьбы Сергея Сергеевича, он мрачно пошутил по поводу домовины (а может быть, просто угадал), но помог не только достать искомое, но и доставить к Сергею Сергеевичу на восьмой этаж; он даже осмотрел богов, причем, уходя, заметил Сергею Сергеевичу, что если бы тот стал заниматься этим делом раньше, то из него мог бы получиться толк, — с этим он и распрощался. А громадная дубовая колода заняла весь центр комнаты, боги благосклонно взирали на нее. Но возникла еще одна сложность: необходим был помощник, чтобы двуручной пилой отпилить верх — для будущей крышки; скульптора о такой черной работе просить было не с руки, болтливого конторского плотника — не хотелось, оставался Павел Алексеевич Астахов, но возникали смешные сомнения по поводу его умения пилить.

И все же, оставив эту проблему на ближайшее будущее, успокоенный ощущением продвижения к цели, он прилег на диван, подложив под голову подушки, — и приснился ему сон, а может быть, был это вовсе не сон, а репетиция: Сергей Сергеевич умер, тело его мумифицировалось, а душа отправилась преодолевать преграды на пути в Страну Прекрасного Запада к месту божественного суда, повторяя и повторяя на многотрудном пути своем заклинания: «Я вчерашний день. Я знаю день завтрашний. Что это такое? Осирис — вчерашний день. Ра — завтрашний». Он шел извилистыми тропами, мимо огненных озер, откуда плеснуло на него расплавленной магмой, проходил сквозь множество врат, охраняемых демонами, произнося слова заклинаний, которые он знал; он видел обитателей загробного царства с головами лисов, крокодилов, коршунов, львов, с головами и телами, словно нарисованными детской рукой, даже показалось ему, что видел он издалека свою жену, но не мог остановиться. Перед Чертогом Осириса враги бога сверглись в семь озер и отданы были на съедение огненному змею по имени Хети, а у Сергея Сергеевича разболелась коленка: тела у него уже не было, но телесные ощущения еще оставались. И достиг он пределов Чертога Осириса и заклинал врата: «Дайте путь мне. Я знаю вас. Я знаю имя вашего бога-хранителя. Имя врат: «Владыки страха, чьи стены высоки. Владыки гибели, произносящие слова, которые обуздывают губителей, которые спасают от гибели того, кто приходит». Имя вашего привратника: «Тот, кто вселяет ужас». И открылись врата, и вступил он в Великий Чертог двух Истин в Доме Осириса: все боги в сиянии восседали перед ним; Анубис с головой черного шакала, бог умерших, и Тот, бог мудрости и счета, с головой птицы ибиса, взвешивали на весах кровавый комок — это было его сердце. Он произнес «Исповедь отрицания», завер-

шая ее клятвой: «Я чист, я чист, я чист», — и обратился по имени к каждому из сорока двух богов, заверяя их в своей невинности, они согласно кивали своими человеческими, птичьими и звериными головами.

— Кто ты? — говорили боги. — Как твое имя?

— Я нижний побег папируса. Тот, кто в своей Оливе. Вот мое имя.

— Откуда ты прибыл? — спросили боги.

— Я прибыл из города, что лежит очень далеко к северу от Оливы.

— Итак, войди, — сказали боги. — Переступи порог Чертога Двух Истин, ибо ты знаешь нас, — но не пускал его порог, сжимались дверные рамы, колебался пол, пока не произнес губами их имена. И вошел он в Зал, и был перед ним бог Тот, а позади Тота — огромный каменный Сфинкс.

— Входи, — сказал Тот, поводя длинным клювом. — Зачем ты прибыл?

— Я пришел, дабы возвести обо мне.

— В каком состоянии ты пребываешь?

Коленка заболела еще сильнее, и заломило шею. «Я очищен от грехов», — должен был он произнести последние слова, но не успел повторить их вслух, — откуда-то раздался издевательский голос: «Ан врешь!» У Сфинкса образовались чудовищные каменные усы, все закружилось перед глазами, и Сергей Сергеевич очнулся: у него затекла нога, сползшая с дивана, шея и чесалось предплечье в том месте, куда упали брызги огненного озера, — Сергей Сергеевич засучил рукав, но следов ожога не обнаружил, чем остался даже несколько разочарован. А ведь для того, чтобы обрести вечную жизнь, ему оставалось лишь услышать простые, желанные слова: «Войди же, воистину ему скажут имя твое...» Но очищен ли он от грехов?

Скарабей тихо посапывал за радиатором, за окном светало, и решил Сергей Сергеевич выпить какао, а потом выйти к Патриаршим, где надеялся встретить Павла Алексеевича, любившего, как он знал, утренние прогулки с Каптанкой, собакой породистой и умной.

Она его и встретила на входе с Малой Бронной и привела к Павлу Алексеевичу, в одиночестве сидевшему на центральной скамейке с палкой, зажатой между колен, и выражением лица самым умиротворенным.

— Весеннее ощущение! — сказал Сергей Сергеевич еще издаля, увидев, что Павел Алексеевич поднял на него глаза и улыбнулся, сверкнув рядом металлических зубов.

— Какой священник? — удивился Павел Алексеевич, поставив ладонь к уху: был он слегка, самую малость глуховат.

— Нет, ощущение совсем весеннее, говорю, — повторил Сергей Сергеевич, пожимая протянутую руку.

— Да-да, и помирать даже неохота, — согласился Павел Алексеевич. — Вчера врачи хотели отправить в Устрялово, да я решил повременить немного: внук женится.

— В Устрялово? — переспросил Сергей Сергеевич крайне оза-

боченно, с удивлением совсем неслучайным, ибо Устрялово было знаменито своим закрытым санаторием (даже бывший хозяин отдыхал там несколько раз). Павел же Алексеевич мало был похож на пациента подобного заведения: он носил редкую длинную бороду, во рту имел железные зубы, а руки его были искореженными, с выпирающими костяшками, на левой не хватало двух пальцев — мизинца и безымянного.

— И вы знаете Устрялово? Я там самая белая ворона среди прочих, словно из общества политкаторжан или живых памятников, — они меня, наверное, в сподвижники записали и думают, что мне лет сто пятьдесят. — Павел Алексеевич засмеялся, изображая руками тяжесть этих лет, — а ведь я еще не такой древний, так что подобного уважения, может, и не заслужил. Вся моя государственная заслуга только в том, что когда-то, еще до войны, я служил в секретариате, — и он назвал имя бывшего хозяина Сергея Сергеевича, — за что и поплатился.

— Так ведь и я у него служил, — поторопился признаться Сергей Сергеевич, словно боясь, что его в этом и так уличат интонация Павла Алексеевича не предвещала ничего хорошего. — Это было сразу после войны, только не в секретариате, а на даче, я там заведовал хозяйством. Только я вас что-то не припомню.

— Слава Богу, что не припомните: к тому времени, как вы служить начали, у меня только первый срок к концу подошел, а там — в честь победы — еще добавили, чего-чего, а этого они не жалели.

— А как же он?

— А что он? Он сам всю жизнь на волоске висел, ему себя спасать надо было, вот он и спасал: и мой список сам подписывал, будьте покойны, я про него слова плохого не сказал и — как все — верил поначалу, что ошибка произошла. Это я потом умнее стал. А вы знаете, что жена его во время войны погибла в лагере?.. Может, и лучше, что не знали. — Павел Алексеевич здоровой пятерней разгладил бороду. — Вы не курите? Ну а я закурю. — Он достал «беломорину» и чиркнул спичкой.

— А я ведь сюда шел вас о помощи просить, — решился вдруг Сергей Сергеевич. — Только не удивляйтесь.

— Хорошо, — легко согласился Павел Алексеевич.

И тут Сергей Сергеевич с несвойственной ему живостью и все нарастающей убежденностью рассказал внимавшему безмолвно Павлу Алексеевичу все: о родителе-провизоре, о египетских книгах, восточных запахах, о волшебном фонаре и хозяине, любителе сказок (в этом месте Павел Алексеевич слабо поморщился), о том, как к нему пришли и обрели плоть боги, как размножались скарабей, и, наконец, о саркофаге, помощь для изготовления которого ему и требовалась.

— Хорошо, — кивнул Павел Алексеевич, закуривая новую папиросу.

Подождав, пока разгорится огонек, Сергей Сергеевич рассказал про свой вчерашний сон, так неудачно закончившийся.

— Странно, очень странно, удивительно, да, — бормотал между частыми затычками Павел Алексеевич, как бы и не обращая

больше внимания на собеседника. — Замечательно, — заявил он наконец, — история, как всегда, повторяется.

— Какая история? — несколько озадаченно спросил Сергей Сергеевич, начиная жалеть, что затеял свою исповедь, наверное, все же не стоило, и вообще...

— Да вы не обижайтесь, — почувствовал его новое настроение Павел Алексеевич, — просто случилось какое-то удивительное совпадение, да-да, представьте себе — только вчера я читал книгу Булгакова, нет-нет, к Патриаршим прудам это отношения не имеет. Не знаете?.. Ну все равно, это другой Булгаков, Сергей Булгаков, есть такой русский философ. И вот именно вчера вечером, перед сном, я прочитал у него нечто, впрямую касающееся вашей истории, — о том, что в православии — помню почти дословно — развилось особое почитание смерти, до известной степени близкое к древнеегипетскому (понимаете? чувствуете?), как и вообще, — пишет он далее, — существует некая подземная связь между египетским благочестием в язычестве и православным в христианстве. А вы говорите! Нет, это я себе. Случилось так, что вас всего лишили, и вы как бы по новому кругу.

— Я не знаю, я ничего не знал, — оправдывался Сергей Сергеевич, так и не выходя из состояния некоторой растерянности. Между тем Павел Алексеевич, распаясь все более и, вместе с тем как бы и успокаиваясь, трезвея одновременно, продолжал как по писаному:

— Наша душа, отделившись от тела, непосредственно осознает свою духовность и находит себя в мире бесплотных духов, светлых и темных. Представьте себе, я словно специально все это вчера читал, помню почти слово в слово. Так вот: с этим новым состоянием (помните — душа отделилась от тела, как это случилось с вами), с этим состоянием связано и ее самоопределение в новом мире, которое состоит в самоочевидном самораскрытии. Вдумайтесь в слова самоочевидное самораскрытие — то есть душа сама научается осознавать свою греховность, ее никому не надо судить, она как бы сама себя судит! Это и есть так называемый предварительный суд. Это самосознание, пробуждение души изображается в образах «хождения по мытарствам», носящих на себе черты египетских образов из «Книги мертвых». Ведь это все прямо про вас. И вот, дальше — душа проходит мытарства, в которых истязается соответствующими демонами в разных грехах (помните ваши стояния перед дверьми и вратами?), при этом ее охраняют ангелы (это когда всю нечисть сбросили в семь озер). Если тяжесть греха в душе окажется преодолевающей, она задерживается в том или ином мытарстве и вследствие этого остается в удалении от Бога, в том состоянии, которое называется адскими муками. Души же, прошедшие через мытарства, приводятся на поклонение Богу и удостоиваются вечного блаженства. Поэтому вас и тронули до времени, не допустив... Простите за грубость.

— А может, никогда и не допустят? — сорвалось у Сергея Сергеевича.

— Но вы же еще живы?! Живы. Все в ваших руках: ведь душа

сама должна найти силы для усвоения прощения. Пока живы — готовьтесь к смерти... Но мы же этим теперь и занимаемся, не так ли? Когда начнем?

Работали они три дня и еще утро. Каштанка, в первый же день обнюхав все углы и потрогав лапой скарабеев, уже без видимого удивления наблюдала за происходящим.

— Вот я все же думаю, — проговорил Сергей Сергеевич, представляя к стене ненужную большую пилу (она издала протяжный жалобный звук), — и понимаю, что вина у меня есть, и большая, поэтому я и не смог в нужный момент сказать, что я очищен от грехов, но я все никак не могу определить ее для себя словами. Одна она или их много?

— Ну что вам на это сказать, судить я не могу, тем более о количестве... Но ведь вы жили в то время, когда почти нельзя было жить, а в том, что жить было нельзя, виноваты и вы, и я, да еще служили мы с вами тому, кому нельзя было служить. Вот сами и судите.

— Но мы же никого не убивали!

— Да? Но убивали те, которые рядом были, те, которым мы служили.

— И как же нам искупить эту вину?

— Понимая, чувствуя ее. Усвоив для себя, что это тоже — вина.

Сергей Сергеевич уволился со службы и буквально в месяц вырезал саркофаг.

Украсил он его скромно, по правилам — овал своего лица на крышке снаружи, а внутри на одной стороне — богиня Нут, мать всех умерших, на другой — Исида и Нефтида, всех мертвых охранительницы.

Последним он вырезал собственного ушетби.

Вот теперь, поведав читателю историю жизни Сергея Сергеевича Чеботарева, мы можем вернуться к той сцене в кухмистерской, о которой обещали рассказать в самом начале (нам она уже не кажется столь значительной, как бы этого хотелось для красочности и окончательной полноты повествования, но в жизни Сергея Сергеевича она сыграла почти последнюю роль — прости-те за игру слов).

Кстати, обо всем, что произошло в кухмистерской и после, циркулировали потом мало оправданные слухи: те, кто ничего не видел, поговаривали даже о вмешательстве нечистой силы, что было — поверьте же — смешно и начисто лишено какого бы то ни было основания. Судите сами.

Несмотря ни на что, Сергей Сергеевич продолжал по-прежнему ходить обедать между четырьмя и пятью. В тот день, когда случилось происшествие, он, ближе к пяти часам, поднялся по каменным ступеням, вошел в зал, со всеми раскланялся. Причем создалось впечатление, что он научился, наконец, не прятать глаза, — все присутствовавшие потом говорили друг другу, что

сразу заметили перемену в нем, а некоторые даже якобы подумали о том, что что-то обязательно произойдет. Сергей Сергеевич повесил сумку на спинку стула, взял обед и достал уже из сумки бутылку кефира, когда в зале появился молодой человек — было это без пяти пять — и, окинув взглядом почти пустой зал, направился прямо к Сергею Сергеевичу. Многие заметили, что у человека были совершенно зеленые глаза, что был он очень худ — кожа да кости, а одет несколько странно; близилось лето, а он закутался в синий плащ с чужого плеча, на руки натянул нитяные перчатки (причем не снял их, даже присев за стол), шея его была замотана грязноватым бинтом.

— Уважаемый, а не выпить ли нам водочки? — с явной непривычной развязностью предложил молодой человек.

— Да у меня с собой нет, — пожал плечами Сергей Сергеевич и улыбнулся.

— Не расстраивайтесь, у меня есть. — Молодой человек откуда-то достал бутылку «Столичной», раскупорил ее желтыми зубами и налил половину стакана. Сергей Сергеевич неожиданно для себя выпил. Выпил и молодой человек — похоже было, что ему и это непривычно: он морщился и долго нюхал кусок хлеба; в это время в сумке зашевелился скарабей. — Ну вот мы наконец-то и встретились, уважаемый Сергей Сергеевич, — сказал молодой человек, глядя зелеными глазами на нашего героя.

В ответ в глазах Сергея Сергеевича возник немой вопрос.

— Для меня этот климат совсем не подходит, — объяснил молодой человек, показывая ладонями вверх руки в нитяных перчатках. Сергей Сергеевич, однако, ждал объяснений совсем иного рода. Но не дождался — человек продолжил свою предыдущую мысль.

— Говорят, у вас часто идут дожди? — Сергей Сергеевич кивнул. — А когда намечается ближайший? — Сергей Сергеевич все так же молча пожал плечами, но, увидев, что человек пока молчит, спросил:

— А откуда вы все-таки... — Но человек, не дослушав его, неправильно понял вопрос и ответил:

— Издалека. — И кивнул, как бы предложив не касаться этой темы.

У Сергея Сергеевича возникло непривычное ощущение пустоты где-то в горле, под кадыком, какое случается высоко в горах, и он решил пока не задавать вопросов, а ждать. Между тем молодой человек довольно бесстрастно продолжал:

— Я никогда не видел настоящего дождя, в моих краях их не бывает. Но дело не в этом, простите мне мое любопытство. А водка эта ваша — гадость, — сглотнув слюну, заметил он. — Я, кстати, сейчас прямо от вас, не беспокойтесь, там все в порядке, дверь заперта. Вот я и отправился поскорее сюда, а то у меня не так уж много времени — мне сегодня необходимо вернуться. Я ведь долго не могу оставаться в таком виде, согласитесь. — Он развел руками и оглядел самого себя, а Сергей Сергеевич согласился. — На меня плохо действует ваш климат, влажность в воздухе велика... — Он подождал, глядя на Сергея Сергеевича своими зелеными глазами, а потом как бы подвел итог: — Ну что ж,

было приятно с вами побеседовать. — Он оперся руками о стол, собираясь подняться.

— Подождите, подождите. Что все-таки все это значит? — заторопился Сергей Сергеевич. — Надо ли мне это понимать...

— Надо понимать.

— Я же не первый день живу на свете. Я имею право...

— Не первый. Имеете.

— Вы что... сумасшедший?

— Отчасти все мы сумасшедшие. Это все, что вы хотели спросить?

— Нет-нет, я хочу задать один вопрос, — опустив глаза и глядя в стакан со сметаной, проговорил Сергей Сергеевич. — Может быть, это совсем не к вам. А вдруг? Могу ли я рассчитывать на снисхождение?

— Рассчитывать можете, — совершенно серьезно ответил молодой человек. — Ну вот, я и дождался — кажется, началось. — В этот момент раздался странный звук, забиравший все более к высокой ноте: с раскрытым ртом и круглыми глазами кричала кассирша, откинувшись на спинку стула и глядя в их сторону. Сергей Сергеевич поднял глаза на своего соседа и тоже удивился вслед за кассиршей: лицо молодого человека явно на глазах приобретало изумрудно-зеленый оттенок, человек с этим явно ничего не мог поделать, а только скорбно улыбался. Когда из-за стойки выбежали на крик поварихи и остановились в отдалении, человек встал из-за стола и быстро пошел к лестнице, закрывая лицо руками. Сергей Сергеевич уронил голову на грудь...

В нос ему саданул отвратительный резкий запах: он очнулся. Над ним стояла заведующая с пузырьком нашатыря в одной и ваткой в другой руке. В углу кассы обмахивали полотенцем кассиршу: она тяжело дышала и не отводила взгляда от Сергея Сергеевича, — он же ничего не смог сказать, только отказался от «Скорой помощи».

Спустившись по лестнице и открыв дверь, за которой воздух пах уже липовым цветом, он понял, нет, не вдруг, просто спокойно понял, что сегодня умрет; у него ничего не болело, но он чувствовал, что так оно и будет — не зря же приходил оттуда человек: в том, что он приходил оттуда, сомнений не было. По дороге домой Сергей Сергеевич завернул в сберкасса, где снял со своей книжки все, что было — пятьсот двадцать три рубля.

Дома он мелко настругал богам все оставшееся в холодильнике мясо и в последний раз попросил их быть милосердными.

Выйдя в прихожую, он отпер замок, чтобы, когда он умрет, не пришлось ломать дверь.

Вернувшись к столу, написал записку с просьбой похоронить его где угодно, но только в саркофаге, приписал телефон Павла Алексеевича, хотел оставить и ему несколько слов, но раздумал: он и так все поймет. Деньги на расходы он положил рядом с запиской. Потом достал из шкафа костюм, белую рубашку и галстук...

Павел Алексеевич вернулся из санатория на седьмой день (если считать с того дня, как мы оставили нашего героя в одиночестве). Телефон у Сергея Сергеевича не отвечал, но Павел Алексеевич решил сразу пойти к нему: если не застанет, то оставит письмо.

Дверь оказалась не заперта, а в квартире стояла совершенная тишина, только на кухне редко-редко капала вода, а из-за двери мастерской виднелась полоска света.

От скрипа двери бог Осирис поморщил зеленое лицо, но Павел Алексеевич принес свои извинения за вынужденное беспокойство. В центре комнаты стоял саркофаг. Павел Алексеевич склонился над ним: внутри лежало высохшее тело отставного подполковника Сергея Сергеевича Чеботарева в черном костюме и белой рубашке с галстуком, — глаза его были прикрыты. В комнате пахло смолой и немного ароматным дымом. Павел Алексеевич взял стул и присел у изголовья: и долго так сидел, глядя на Сергея Сергеевича и умиротворенных богов.

Потом, вздохнув и кивнув в благодарность богам, он подошел к телефону и вызвал милицию и врачей. Приехав и осмотрев тело, врачи констатировали смерть и странное явление: тело полностью мумифицировалось. Очень молодой, но ко всему привыкший доктор решил, что в таком замкнутом и сухом помещении вполне мог создаться особый микроклимат, способствовавший... Павел Алексеевич его не слушал, он стоял у двери и тихо, одними губами шептал: «Упокой, Боже, раба твоего, и учини его в рай, идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют яко светила. Усопшего раба твоего упокой, презирая его вся прегрешения». Милицейский лейтенант тем временем заполнял протокол, где богов — после минутной задумчивости — поименовал идолами.

Павлу Алексеевичу понадобилось приложить немалые усилия, чтобы завещание было исполнено в точности. Он сам проследил за всем, сам ездил на Хованское кладбище, где ему указали очень хорошее место, сухое, на небольшом возвышении: он заплатил рабочим, чтобы они выкопали могилу пошире, объяснив им, что хоронить будут в особом гробу. Заказывать оркестр он не посчитал нужным.

Тело Сергея Сергеевича предали земле жарким днем на исходе весны, без музыки, в собственном саркофаге. В квартире его поселили ветерана-погорельца, а богов Павел Алексеевич забрал к себе.

Получка

Випенела

МИХАИЛ ДЮРЯГИН.

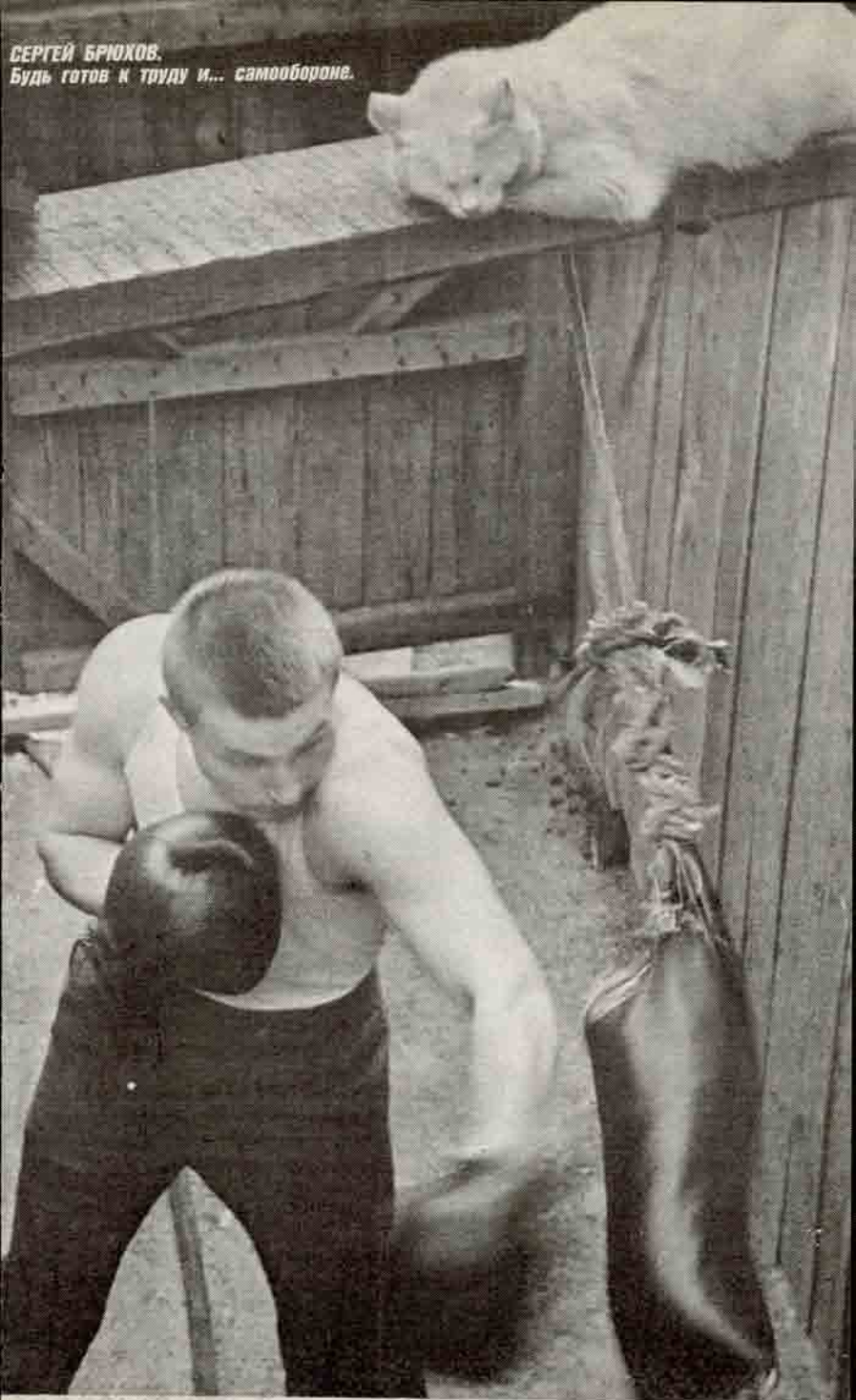
101

Субъективный объект

АНТАНАС ДАУЭТАС.
На пути к рынку...

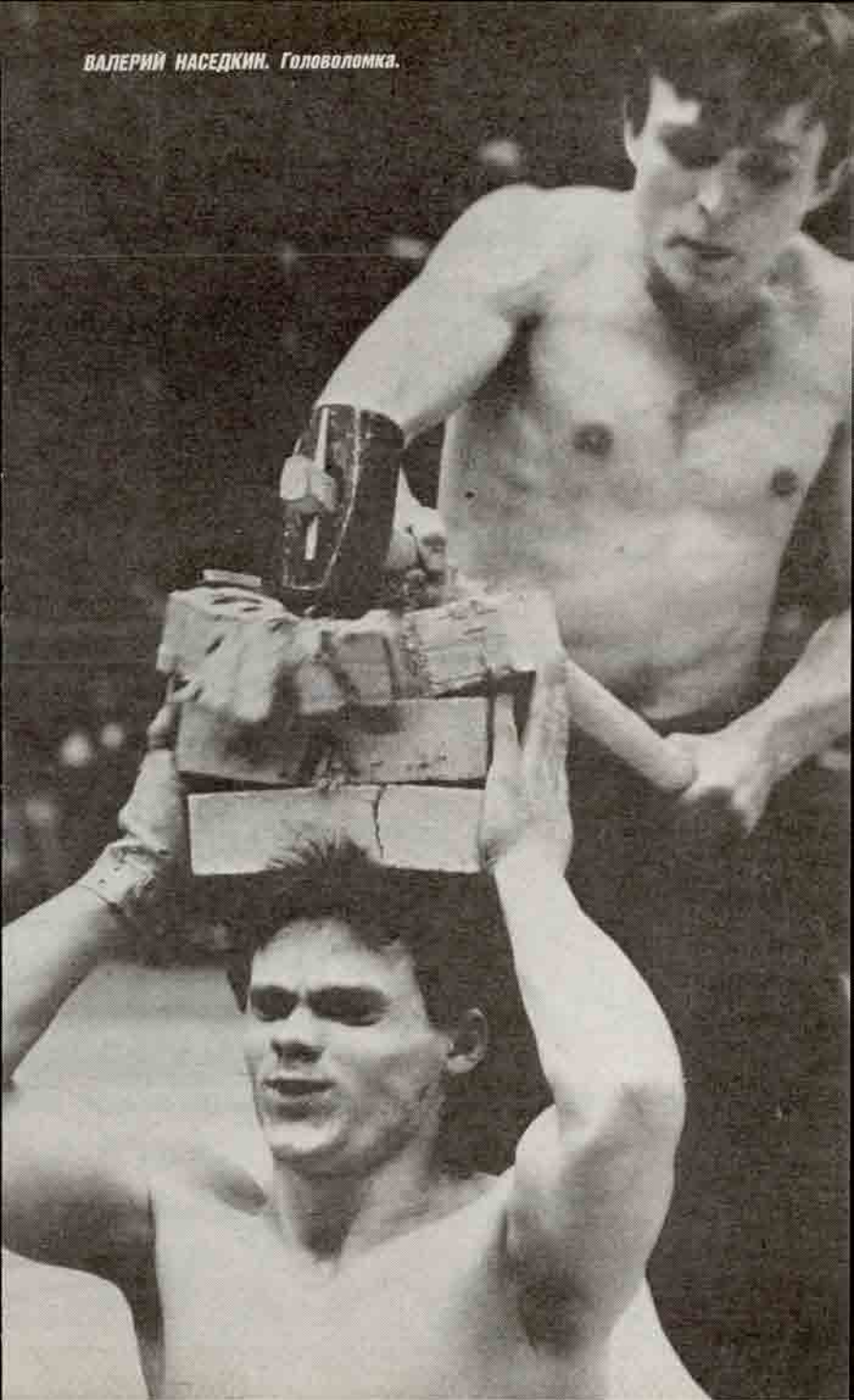
СЕРГЕЙ БРЮХОВ.
Будь готов к труду и... самообороне.

ВЛАДИМИР ЗАБОЛОТСКИХ.
Обвальная приватизация.

ВАЛЕРИЙ НАСЕДКИН. Головоломка.

ВЛАДИМИР БОРК. Как пройти к цирку?

СЕРГЕЙ БУКОВСКИЙ. Улыбнись, подруга

СЕРГЕЙ ДОНИН. Мы пойдём — другим путём.

Организация ССР
ПРОКУРОР
Волжского р-на
Самарской области

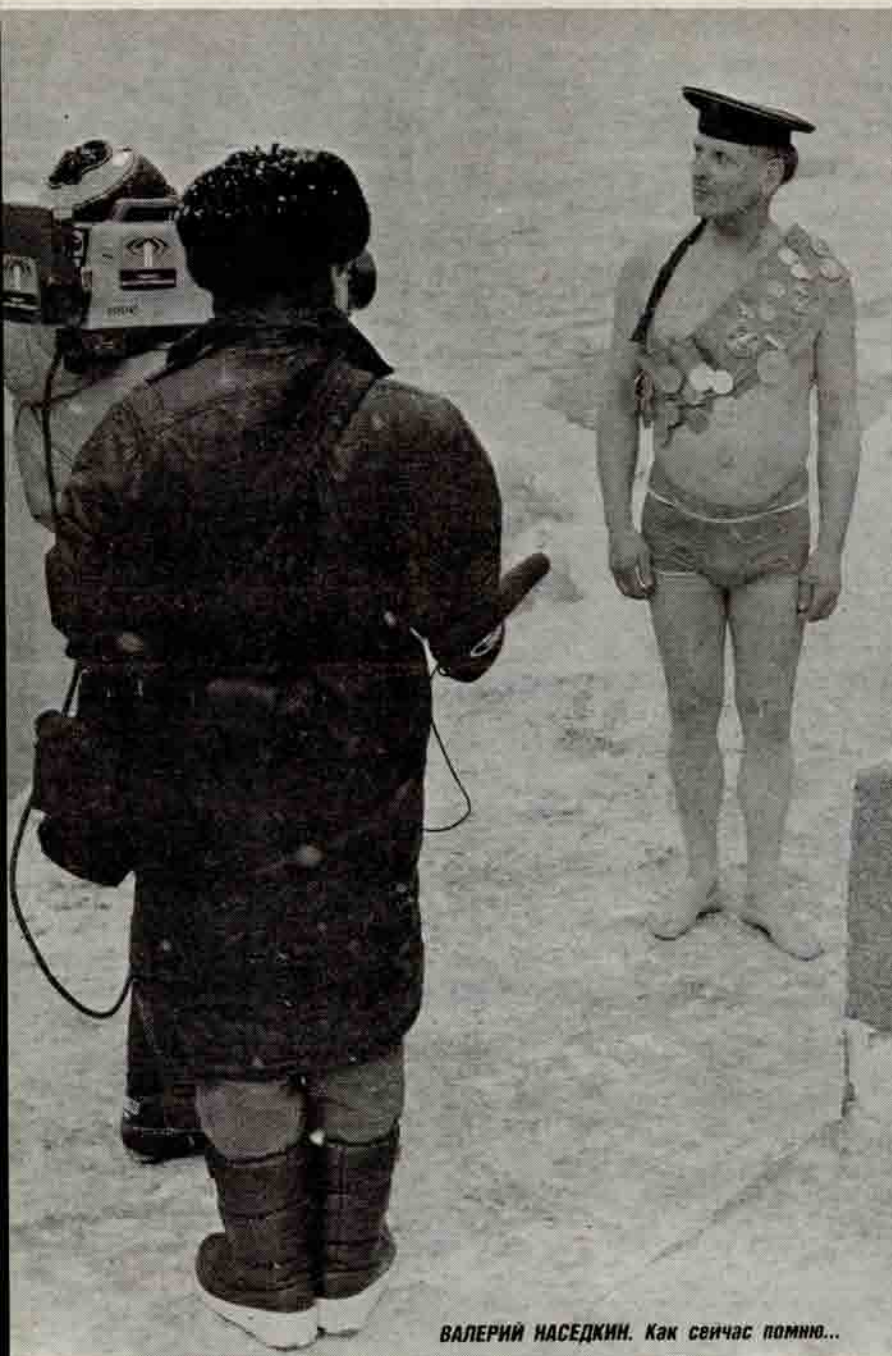
БОРИС ГУРЕВИЧ
С ПОВИННОЙ.

ЮРИИ ШЛАГИН
С МИЛЫМ — В ДИ...

**МУСОР
ВЫБРАСЫВАТЬ
СТРОГО
ЗАПРЕЩАЕТСЯ!**

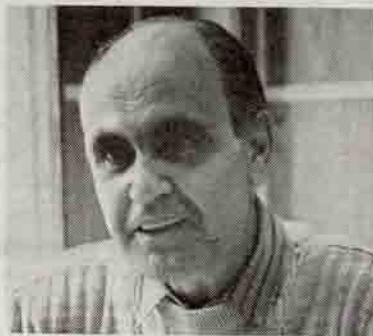
ВАЛЕРИЙ НАСЕДКИН. Как сейчас помню...

ВЛАДИМИР ГРОШЕВ:

«...Сейчас продвижение к рынку определяется только людьми. Только!»

МИРОСЛАВ НИКОРУК:

«Для работающих в «Инвестпуле» характерны добросердечие, верность законам товарищества — качества, которые, к сожалению, стали исчезать из нашей жизни».

АНАТОЛИЙ БЛЮДИН:

«Во взаимоотношениях с государством мешает то, что постоянно меняются правила игры...»

„ИНВЕСТПУЛ“

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Среди сотен новообразованных коммерческих структур, серьезных «рыночников» и сиюминутных «делателей денег» «Инвестпул» занимает, как нам кажется, особое место. Он — не «на слуху», как, предположим, «МММ», «Менател», «Алиса»... И в то же время в деловых кругах России пользуется неизменным авторитетом и уважением... С председателем совета директоров корпорации «Инвестпул» доктором экономических наук, профессором **ВЛАДИМИРОМ ГРОШЕВЫМ**, вице-президентом «Инвестпула» кандидатом философских наук **АНАТОЛИЕМ БЛЮДИНЫМ** и проректором Академии менеджмента и рынка кандидатом экономических наук **МИРОСЛАВОМ НИКОРУКОМ** беседует корреспондент «Смены» **СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ**.

— Меня очень интересует такой вопрос: как человек, воспитанный советской системой, вдруг становится предпринимателем? Казалось бы, вся предшествовавшая жизнь должна дать ему стойкую прививку от деловитости и оборотистости...

Грошев: У каждого, разумеется, свой путь... Для меня необходимость создания предпринимательских структур стала очевидной вскоре после того, как я был назначен ректором знаменитой «Плехановки» — Московского института народного хозяйства (сейчас — Российская экономическая академия). Уже тогда, пять лет назад, мы столкнулись с тем, что учить студентов работе в новых условиях и некому, и не по чему. Использовать западный опыт? Но, во-первых, мало кто из преподавателей владел им, а, во-вторых, разве пригоден он, основанный на столетней практике рынка, для наших переходных, невиданных для

западников условий? А ведь будущие финансисты, экономисты, менеджеры более всего нуждались в том, чтобы их научили «плавать» именно в стихии нашего, пока малоцивилизованного, рынка.

Поэтому я ратовал за создание новых предпринимательских структур — пусть профессора, доценты института в этих структурах сами активно работают. И теперь преподаватель, проработавший день в коммерческом формировании, а вечером прочитавший последние законоуложения, ясно представляет, что происходит в экономике страны. Кроме того, студенты «Плехановского», образно говоря, тоже примеряют пиджаки бизнесменов: работают, например, брокерами на Центральной российской универсальной бирже, созданной по инициативе вуза. Они обретают опыт, который стоит, пожалуй, десятков лекций...

Так что, когда я начинал предпринимательскую деятельность,

много двигало отнюдь не стремление обогатиться и не только желание реализовать себя. Главное — помочь молодым людям, постараться сделать из них хороших специалистов, приспособленных к работе в новых экономических условиях.

Никорук: Бизнесмен — это прежде всего человек с идеями... Тот же Грошев, когда мы двадцать лет назад работали с ним в студенческом отделе ЦК комсомола, раскручивал стройотрядное движение, организовывал первую выставку студенческого творчества на ВДНХ (прообраз НТТМ). Он автор десятка книг, среди которых популярнейшая «Занимательная экономика», был главным редактором журнала «Студенческий меридиан»... Все это говорю не для того, чтобы подчеркнуть исключительность Грошева — хотя в нашем деле и это весьма важно, — но, что важнее — это многогранность и профессиональная глубина интересов. Вот отличный фундамент для серьезной коммерческой деятельности!

Грошев: Если же вернуться к теме, которую мы договорились поставить во главу нашего разговора — «что дают бизнесмены простому человеку?» — то можно сказать: предпринимательские структуры (сейчас я не говорю обо всех поголовно, а только о тех, что образовались по инициативе «Плехановки» и объединены в концерн «Инвестпул») помогают студентам — будущим экономистам стать настоящими профессионалами и при этом «подкармливают» их в процессе учебы...

Однажды ко мне, ректору, пришел аспирант и предложил: «Давайте создадим коммерческий банк». Идея понравилась. Но для банка нужны были деньги, а институт тогда, по сути, был нищим: на текущем счету лежало всего двести тысяч рублей. Что ж, семь бед — один ответ. Я выписал все эти деньги на создание банка. От-

дал счет аспиранту и предложил ему обойти наших выпускников, ставших руководителями, сказать им: ваша «альма-матер» не пожалела последних денег, чтобы создать банк, — помогите и вы. Таким вот образом организовался один из первых коммерческих банков в России — «Инкомбанк». Нынче он входит в пятерку крупнейших в стране, занимая среди них третье-четвертое место по рублевому обороту и второе-третье по валютному. А тот самый аспирант — Владимир Викторович Виноградов — ныне председатель правления «Инкомбанка»...

— **Несмотря на то что количество коммерческих банков в России уже исчисляется четырехзначной цифрой, они, по-моему, далеки от насущных забот простого человека...**

Грошев: Давайте разберемся... Во-первых, некоторые банки («Инкомбанк» в их числе) предлагают свои услуги физическим лицам, причем на гораздо более выгодных, нежели Сбербанк, условиях... Однако это частность. Главное же: коммерческие банки — обязательная составляющая рыночной экономики, важнейшее звено ее инфраструктуры. Согласен, их влияние на среднего человека мало заметно, опосредованно. Но отказаться от коммерческих банков — обречь экономику на «усыхание»... История показывает: сперва создается много коммерческих банков, затем происходит слияние части из них, потом малые становятся филиалами больших. Мы пока в самом начале этого пути. Даже простому увеличению количества банков мешает то, что их трудно зарегистрировать в Центральном банке России, непросто получить генеральную лицензию на валютные операции. К тому же не хватает специалистов по банковскому делу, не стало денег на счетах у предприятий... Все это может привести к тому, что на территории России в будущем не ока-

жется банков с национальным именем — будут только филиалы, скажем, «Бэнк оф Америка». Вот этого стоит опасаться: ясно, что американский банкир больше будет заботиться об уроженце Манхэттена, чем Черемушек.

Никорук: Вообще в рассуждениях о «простом человеке» есть, извините, нечто спекулятивное. Относить ли к таким профессоров? По социальному статусу вроде бы нет, а если отталкиваться от зарплаты (в три раза меньше, чем у водителя автобуса) — скорее да... А если преподаватель вуза работает в коммерческой структуре, получает там неплохие деньги, что помогает его семье продержаться, а ему самому добавляет самоуважения, — считать ли это «завоеванием» предпринимательства? В бизнесе работает немало наших преподавателей. Декан общеэкономического факультета профессор Егоров — генеральный директор «Инвестпула», а проректор по науке профессор Князев ведет одну из программ в этой корпорации. Еще одну программу возглавляет заместитель заведующего кафедрой профессор Бусов. Заведующий кафедрой биржевого дела доцент Галанов — председатель совета директоров Центральной российской универсальной биржи...

Грошев: В нашей команде каждый дополняет друг друга... Наличие консолидирующей идеи — совершенно новая черта русского бизнесмена, не очень-то понятная на Западе. Смотрите, с каким азартом русские бросились создавать кооперативы: ведь кооператив — от слова «вместе». В сегодняшних командах предпринимателей — многое от русских общин. Может, таким образом они возрождаются?

Никорук: Для работающих в «Инвестпуле» характерны взаимная поддержка, верность законам товарищества. Взаимовыручка, добросердечие — качества, которые, к сожалению, стали исчезать

из нашей жизни. Тем приятнее встречать их в повседневной работе...

— Так что же такое «Инвестпул»? Предприятие? Акционерное общество? Концерн?

Блюдин: Образовался «Инвестпул» в прошлом году как акционерное общество. Однако всего за год оно стало настолько мощным, что уже в нынешнем феврале годичное собрание решило разукрупнить его, превратить отделы в самостоятельные фирмы с собственным юридическим лицом, но не «разбегаться» совсем, а объединиться в некий холдинг, корпорацию. За полтора года мы пробежали дорогу, которую капитализм прошел за сто лет. От «дикого» первоначального накопления капитала, от торговли — к межотраслевой кооперации, холдингу...

«Инвестпул» — как бы модель рынка в миниатюре — в нем существуют все свойственные рынку элементы. Нужны финансы? Мы пользуемся немалыми кредитами «Инкомбанка», действуют страховая компания, кредитное общество. Рыночная экономика держится на производстве — у нас есть свои заводы. Сейчас не выжить без коммерции — мы торгуем, и деньги, что на этом зарабатываем, вкладываем в промышленность. Есть в «Инвестпуле» и строительные подразделения... Для всех этих структур мы готовим собственные кадры: уже несколько лет действует фонд «Кадры реформы», начала работу Академия менеджмента и рынка...

Уставный капитал акционерного общества составляет всего десять миллионов рублей, однако в обороте находится около полумиллиарда — в основном кредитные ресурсы «Инкомбанка» (без них производство, в особенности организованное новыми предпринимателями, попросту остановилось бы). В прошлом году прибыль «Инвест-

пула» составила шесть миллионов рублей, в нынешнем году она, думаю, будет существенно больше. Как и многие альтернативные структуры, корпорация создает новые рабочие места и сохраняет старые. Это не назовешь, конечно, благотворительностью. Образно говоря, мы даем людям не рыбу, а удочку, с помощью которой они могут эту рыбу поймать. Сейчас новых рабочих мест в «Инвестпуле» — несколько сот, но уже в будущем году счет пойдет на тысячи, если не на десятки тысяч...

— Смягчение безработицы — существенная заслуга новых бизнесменов. Хорошо ощутил это на примере собственной семьи. Не будь предпринимателей, без работы остались бы все мои домашние. А так: жена работает в кооперативе, мама — в товариществе с ограниченной ответственностью, папа — в малом предприятии... Сестра в студенческие каникулы подрабатывала в коммерческом банке...

Блюдин: Думаю, люди почувствуют и оценят пользу от построенных «Инвестпулом» совместно с испанскими бизнесменами супермаркетов, которые будут продавать товары с Пиренеев за рубли, — их мы откроем в разных регионах России около сорока. Надеюсь, приглянется покупателям и кожаная обувь: рассчитываем производить ее на четырех вновь построенных заводах. Увеличить выпуск тканей поможет хлопкоперерабатывающий завод в Чимкенте — он примет урожай хлопка уже в будущем году. Послужит людям зона отдыха, что создаем на озере Иссык-Куль, — строим там гостиницу, дороги, кафе...

Мы работаем со многими оборонными предприятиями, помогая им пережить трудности конверсии, сохранить рабочие места.

Подписали договор с тремя заводами и конструкторским бюро, специализирующимися на «Ми-

Гак»: будем выпускать небольшие скоростные самолеты для бизнесменов. Выделили тринадцать миллионов рублей для поддержки российских художников... Финансируем программу «Октамед», оплачивая работу семидесяти ученых-фармакологов в одном из академических медицинских институтов...

— Откровенно говоря, это мне нравится: зарабатывать не на бесконечных перепродажах заморских товаров, а вкладывать деньги в производство и самим выпускать хоть какой-то товар.

Блюдин: Перепродавать — дело нехитрое. И очень выгодное. Не случайно большинство бизнесменов именно перепродают и занимается... Однако по большому счету, если смотреть лет на десять вперед, занятие это бесперспективное. Хотя средства, вложенные в производство, принесут отдачу значительно позже, но именно такие инвестиции нужны российской экономике. Мы не для того работаем, чтобы сорвать куш и через год разбежаться. Вот один лишь пример. Завод пластмасс-автоматов (строим его вместе с НПО «Ротор») выдаст продукцию через два года. Согласно старому проекту, мы должны затратить на строительство-монтажные работы двадцать два с половиной миллиона рублей — по новым ценам эта цифра составит никак не меньше трехсот миллионов. Если отдать эти деньги торговым структурам «Инвестпула» — уже через два месяца они превратили бы их в пятьсот миллионов. Однако мы все-таки вкладываем деньги в производство: сохраним трудовой коллектив (на заводе будет работать около трехсот человек высокой квалификации — пресс-форму выпускник ПТУ не сделает), да и через два года станем продавать продукцию предприятия на валюту...

— Насколько, на ваш взгляд,

актуальна и перспективна такая экономическая структура, как «Инвестпул»?

Грошев: «Инвестпул» создавался по образу и подобию западных транснациональных корпораций и, надеюсь, имеет присущие им плюсы. Хотя бы то, что концерн многопрофильный и работает в самых разных отраслях, не даст ему возможность разориться, даже если на отдельном направлении мы потерпим неудачу...

Вообще без корпораций, подобных «Инвестпулу», нам не выдержать конкуренции с западными транснациональными компаниями. Уже сейчас они пытаются выхватить самые лакомые кусочки нашей экономики. А мы обязаны оставить отечественные заводы, нефтяные скважины бизнесменам России...

— А есть ли в российской экономике аналогичные структуры?

Блюдин: Есть инвестиционные концерны. Например, «Ринако». Но мы действуем несколько иначе, чем они. Те сперва накапливают средства — через биржевую деятельность, допустим, а потом начинают искать: а куда бы вложить деньги? У нас же на первом месте человек с идеей: он работает вместе с нами (или учится), а потом приносит многообещающий проект — и, как правило, попадает в точку, потому что хорошо знает, как действует настоящая рыночная экономика...

— А если в «Инвестпул» придет, что называется, человек с улицы и предложит, скажем, поставить кирпичный завод?

Блюдин: Мы побеседуем с ним и, если будет ясно, что с этим человеком можно иметь дело, возьмем его на три месяца на стажировку. За это время он должен разработать то, что в России называется технико-экономическим обоснованием, а на Западе — бизнес-планом: определить (в случае

кирпичного завода), где брать глину, кто будет работать, какой мощности завод, какой выпускать кирпич... — словом, как бы построить этот завод на бумаге...

Составил бизнес-план, защитил — пожалуйста, теперь у тебя есть своя фирма... Таких стажеров, разрабатывающих те или иные технико-экономические обоснования, только в тех отделах «Инвестпула», которыми я руковожу, работает двадцать пять.

— Как вы взаимодействуете (если взаимодействуете?) с государственными формированиями?

Грошев: По идее, единственная точка соприкосновения предпринимателя с государством — налоги. Рыночную экономику можно представить в виде ядерного реактора: в процессы, что идут внутри, лучше не лезть голыми руками. Но, если не иметь каких-то ограничителей, реактор попросту взорвется. Поэтому нужны налоги — своего рода графитовые стержни, управляющие реакцией. В социалистической модели такого реактора не было вовсе. Сейчас мы хотим «ядерную реакцию» запустить. Но не надо душить ее налогами! Дайте хоть немного «разгореться»... Впрочем, на драконовские налоги жалуются практически все предприниматели. Можно, конечно, добиться бездефицитного бюджета, но разорение многих производителей — не слишком ли высокая цена за это?!

...Специалистов «Инвестпула» часто приглашают консультировать госструктуры. Мы стараемся поддерживать хорошие отношения с Министерством промышленности России и, так сказать, пользуемся взаимностью... Но пока, говоря откровенно, в управлении отечественной индустрией хватает неразберихи. Как было заведено раньше? Иностраный инвестор, пожелавший вложить средства в нашу промышленность, обращался с предложением в Совет

Министров. Чиновник Совмина пригласил министра, скажем, нефтяной промышленности и говорил: «Мы тебе делаем подарок, даем крупного инвестора — ты при случае тоже нас не забудь...» Машина закручивалась... Теперь же Совмина нет, и потенциальные иностранные вкладчики растеряны. В растерянности и отечественные инвесторы: куда обращаться, кому отдать средства?

Блюдин: Во взаимоотношениях с государством мешает то, что постоянно меняются «правила игры». Было бы намного проще и эффективнее работать, если бы правительство не изменяло налоги, курс рубля, таможенные платежи, правила акционирования и приватизации. Пусть они будут сколь угодно плохими, но неизменными, по крайней мере в течение года. Состояние неопределенности — тяжелее всего...

— **В последние годы создаются самые разнообразные коммерческие структуры. Помимо тех, что организуются «снизу» — кооперативы, малые предприятия, банки, биржи, — существуют немало созданных «сверху» на базе бывших министерств — концерны, ассоциации и т. д. Какие, на ваш взгляд, из этих структур — «державные» или «самодеятельные» — в конечном счете победят?**

Грошев: У нас другие люди: не те, для которых работа давно стала рутинной, а хваткие, энергичные. В принципе сейчас продвижение к рынку определяется только людьми. Только! (Если где-то на горизонте появляется способный человек, я сделаю все, чтобы перетянуть его к себе...) Вот для чего нам нужны «Кадры реформы» и Академия менеджмента и рынка... Что же касается соперничества между «старыми» и «новыми» рыночными структурами, то период жесточайшей борьбы между ними только начинается. Пока

я оцениваю их шансы как пятьдесят на пятьдесят.

— **Несколько раз в нашем разговоре упоминалась Академия менеджмента и рынка...**

Никорук: Уже очевидно, и это признают многие ученые и руководители вузов, что без финансовой помощи вести научные исследования, готовить студентов невозможно. Поэтому среди учредителей Академии практически все экономические вузы Москвы: Академия имени Плеханова, Государственная академия управления имени Орджоникидзе, Московский финансовый институт, Институт молодежи; «киты» промышленности: КамАЗ, АвтоВАЗ, «Уренгойгазпром», НПО «Ротор»; лидеры нового бизнеса. А плодами ее исследований могут воспользоваться как предприниматели, так и правительство...

Приоритетная деятельность Академии — научная. Утверждена и уже работает долгосрочная фундаментальная комплексная программа «Рынок и менеджмент России — 2000 год». Руководителями ее направлений стали ведущие ученые-рыночники. На программу ассигновано около 25 миллионов рублей...

Грошев: Одна из основных задач: правильно ориентировать новых бизнесменов — куда вкладывать средства и к каким последствиям, главным образом с точки зрения экологии, эти инвестиции приведут. Кроме того, исследования Академии должны ответить и на многие другие, несомненно, насущные вопросы. Например, какими станут через несколько лет отечественные биржи? Или какими будут в России цены, приближаясь к мировым? Как изменятся психология и социология рыночных отношений? Какой будет интеграция стран Содружества через пять — десять лет? Каков оптимум налогов? Как пойдет процесс приватизации и какой станет к концу

века структура собственности? Как будет выглядеть интервенция иностранного капитала в Россию?.. Как организовать встречное движение российского капитала на мировой рынок, во что и сколько вкладывать денег за рубежом?..

Согласитесь, все эти вопросы не праздные, и предприниматели согласны платить, чтобы получить на них ответы.

Никорук: Важное направление деятельности вновь образованной Академии — освоение международной долгосрочной программы «Эм-Би-Эй» («мастер оф бизнес эдминистрейшн»). Помогает нам в этом профессор Макгерн из Бостонского университета. Он уже организовывал подобную систему в Лондоне, Париже, Гонконге... Будем готовить менеджеров с вручением дипломов международного образца.

К учебным заботам Академии менеджмента и рынка примыкает работа фонда «Кадры реформы». По программе фонда молодые специалисты учатся трижды в течение года по шесть недель общим основам менеджмента, внешне-экономическим связям и внутрифирменному управлению, затем отправляются на краткосрочную стажировку в Корнельский университет. Это самая дешевая из всех коммерческих школ, потому что спонсоры (главным образом «Инвестпул») доплачивают за обучение.

В фонде работает и фермерская школа. Небольшие (по 10—15 человек) группы учатся в течение двух недель в Москве, а затем — на специальной базе, оборудованной в одном из СПТУ в Рязанской области. Семь таких групп уже выпущено. Эта программа тесно смыкается с «инвестпуловской» программой «Коттедж»: фермерская школа готовит специалистов, «Коттедж» предоставляет жилье и земельные наделы, «Инкомбанк» дает кредиты для обзаведения хозяйством и техникой... И еще: Ака-

демия менеджмента и рынка уже подготовила пятьдесят человек — преподавателей школ юного менеджера, которые создаются на основе общеобразовательных учебных заведений в десяти округах Москвы...

Вообразить, что предприниматели — единственные, кто сможет «выволочь республику из грязи» — это все-таки очередной миф, вроде тех, что создавались в недавнем прошлом.

Однако то, что альтернативная экономика способна многое дать так называемому простому человеку, — факт, думается, неоспоримый. Беседа с руководителями «Инвестпула» еще раз это подтвердила...

Корпорация создает новые рабочие места и сохраняет старые, отводит от людей призрак безработицы. Она дает возможность неплохо зарабатывать, быть на своем месте и уважать себя.

Финансирует важные и интересные научные исследования. Готовит студентов и менеджеров, максимально отвечающих мировым стандартам. Наконец, «Инвестпул» занят прямой благотворительностью...

Конечно, представлять альтернативную экономику всеобщим благодетелем не стоит, хотя и делает она уже, согласитесь, немало.

ВЕЧЕР В ТУШИНО

Пуškai, как яблоки, летят
твои слова задорные,
румяной кожицей блестят
и на зубах моих хрустят,
как яблоки задорные!

Пуškai сочится речь, блестя,
живая и целебная,
пуškai окно манит меня,
как зеркало волшебное.

Где в струях света клен поет
во всю грудную клетку
и рыжий кот, как странный плод,
качается на ветке.

Где ветер вертит, как педадь,
звезду на ветке клена
и в серебристую спираль
заверчивает крону.

А кот, с большой луной в когтях,
бежит в сиянье зыбком
и оставляет на ветвях
огромные улыбки.

БОГ СНА

Бог сна издалека летит.
Безумных снов раздатчик,
он маковые теремки
в своих карманах прячет.

И я взлетаю над горой,
парю над каждым склоном,
и кожа сделалась корою,
и платье стало кроной.

И я уже совсем не я,
а дерево рябина,
и славный дом есть у меня —
зеленая долина.

*И если даже горечь гнет
и тянет надломиться,
вся горечь в ягоды уйдет,
а их проглотят птицы.*

*Лишь иногда, как человек,
вздыхнет рябина длинно:
«О боже! Как мой сон нелеп!
Мне кажется: я — Нина!»*

ВОСЕМЬ СТРОК

*И вот уж смуглые слуги лета
несут из рая корзины света.*

*Они идут по золатым полоскам,
как по оструганным свежим доскам.*

*И каждый день на земле светлее,
колодцем света стоит аллея.*

*И всяко дерево, яко дева,
таит в себе плодоносно чрево.*

ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ В КАМЫШИНЕ

*Слетают на землю зеленые сливы,
и яблоки конским копытом стучат,
всю ночь шелестят лошадиные гривы,
а груш колокольчики тихо висят.*

*А в центре земли — раскаленные клещи.
И падают звезды одна за одною...
Ты складками плещешь, ты звездами блещешь,
о небо родное!*

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ

*Желтый куст над рекой, а за ним вдалеке
Сад и дом.
На горячей земле, на зеленой траве
Мы вдвоем.*

Убегают река и светла и легка,
Будто сон.
В этот дом, в этот сад, в этот тихий закат
Я влюблен.
И не надо совсем ни стихов, ни цветов,
Ни наград.
Слава богу, пока на земле — не в земле.
Вот и рад.

Не могу быть умным, умным не хочу.
Чайкой над рекою бешено мечусь.
Покружу над башней, как к греху Адам,
Припаду я к Вашим волевым губам.

Скажете извечное: как на свете жить,
Как нельзя беспечно женщину любить.
Милая, Вы правы. Факты налицо...
Как движенья плавны, как светло лицо!

Говорите, слышу, в частоколе фраз,
Если не увижу, то учую Вас.
Что возьмете с чайки? Писк да глупый риск,
Да полет отчаянный, как разрыв страниц.

Я вздохну печально,
Погашу свечу.
Я люблю печально.
Умно не хочу.

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

Эти деревья в плену. Им не придут на подмогу.
Им не суметь убежать.
Просто не вырвать корней.
Я заварю чифир. Я помолюсь Богу.
Я попрошу Его: о матери и жене.

Эти деревья в плену. Это локальная зона
города, где домов светится чешуя.
Им не суметь убежать — туда, где сидит Рона,
где голубая Луара вертится, как змея.

Эти деревья в плену. Изморозь вяжет узоры.
Взор задыхается. Воздух морозен и чист.
Тянется колея: копией приговора
вписана поутру в матово-белый лист.

И. К.

мы по-разному входим в реку
мы по-разному чувствуем воду
я как близкий конец света
ты как свободу

даже в осени в буйстве красок
что оставило это лето
ты приветствуешь смену масок
я предчувствую скудость света

под мохнатым падением снега
предстоящего времени года
просто бродишь
а я побегом
добываю себе свободу

эта ночь
словно скульптор
на камне впечатала след
я боюсь отражений в стекле
где двоятся глаза а не лица
я боюсь заглянуть в зеркала
там «запретки» рассеянный свет
через множество лет
все равно в двух зрачках отразится
собирай по крупницам
развеянный пепел Клааса
вспоминай то что было
и до сегодня длится
как шагала с развода усталая плотная масса
как поскрипывал снег
как прожектор выкраивал лица
если это забуду
меня расстрелять
мало
нужно в землю втоптать
лишить надежды на чудо
небольшой городок
в самом сердце большого Урала
дребезжащий автобус
увозящий меня отсюда

ЮРИЙ ПАНИН:

«Выйдем ли мы из подполья...»

Мастерская подмосковного скульптора Юрия Панина в... котельной. Приземистое, неприметное с виду здание таит в себе удивительный мир — мир добра и любви, красоты и гармонии.

Как символ жизни — объемная живопись «Россия. Любовь моя, боль моя». Распятый Христос на фоне вышек, штыков, колючей проволоки... «Мадонна» — витраж, пока еще в мягком материа-

ле, — простертые крылья ангела-хранителя. «Геноцид» — мать, закрывающая своим телом ребенка, пытается уберечь его от безумных взрывов. «Чернобыль» — мощные черные «камни» с красными, как кровь, опалами. Серии скульптурных портретов — юный Петр в начале великих преобразований, Марина Цветаева, Блок, Достоевский. Лицо писателя застыло в горестном раздумье, руки опущены, на

столе возле рукописи догорает свеча. Создавая образ Достоевского, скульптор жил в той самой дворницкой, куда Раскольников спускался за «роковым» топором. До сих пор Юрий вспоминает этот подвал, где сгнившие полы ходили ходуном и разбегались крысы при его появлении.

А еще в мастерской много рабочих моделей, которые при реализации могли бы стать монументальными скульптурами. Украшать городские парки, площади или — почему бы и нет — наши убогие, обезличенные дворы. Но все не востребовано. Заказов не поступает. И покидают свой приют модели только на время выставок, чтобы после всех зональных, республиканских, а до недавнего времени и всесоюзных вернуться в котельную, где нет дневного света, где с потолка постоянно течет вода и где так трудно дышится от тяжелого, влажного воздуха.

— Юрий, вы, пожалуй, единственный скульптор в Дедовске, да и, кажется, во всем районе. В этом есть, видимо, определенные преимущества: больше внимания должны бы уделять вам власти...

— Я живу сам по себе, не встречая не то что заинтересованности или сочувствия, но даже элементарного понимания. Почему так происходит? Все поставлено с ног на голову. Для того чтобы выжить, художнику все время приходится приспосабливаться. А это удается не каждому.

Вот маленький пример. Меня всегда потрясала система отбора произведений на выставки. «Непохожесть», «самобытность», «не так, как у других» — высшая оценка творчеству. Но у отборочной комиссии — все наоборот. Безоговорочным успехом пользуется только привычное, уже сотни раз виденное-перевиденное.

— И до сих пор ничего не изменилось?

— А что может измениться, если люди те же самые. Правда, лексика изменилась сообразно времени. И заказы. Скульпторам перестали заказывать бюсты вождей. Кстати, за них всегда очень хорошо платили. И все же материальная сторона не имеет для меня большого значения. Я слишком выстрадал эту жизнь, даже чуть не потерял ее однажды. Мне тогда было тридцать три года. Выполняя работу, забрался на самую верхотуру, а леса подо мной рухнули. Оказались сломанными не только ребра и руки, но и позвоночник. Ситуация сложилась трагическая. После таких травм на всю жизнь остаешься прикованным к постели. Врачи так и определили мое дальнейшее существование. Но я каким-то чудом встал на ноги и смог работать. Труд скульптора физически тяжел. В то время меня преследовала постоянная боль. Врачи хотели дать группу инвалидности, но я плюнул на все и перестал обращаться к ним. Занялся спортом, встал на лыжи. И лепил, лепил...

— В последнее время живописцы столкнулись с проблемой безумных цен на холст, краски и т. д... Можно представить, с чем приходится сталкиваться скульптору...

— Лепить можно и из глины. Хотя, конечно же, каждая работа требует определенного материала. Камень, мрамор, бронзу невозможно заменить пластилином. Положение действительно катастрофическое. Оно связано с колоссальными затратами, которые не под силу одному человеку. Путь скульптуры от мастерской до установки готового произведения на площади очень сложный. В этом процессе задействованы многие люди: мастера, литейщики, отцы

Автопортрет.

Юность.

Девочка с зонтиком.

Крик.

Противостояние.

Достоевский.

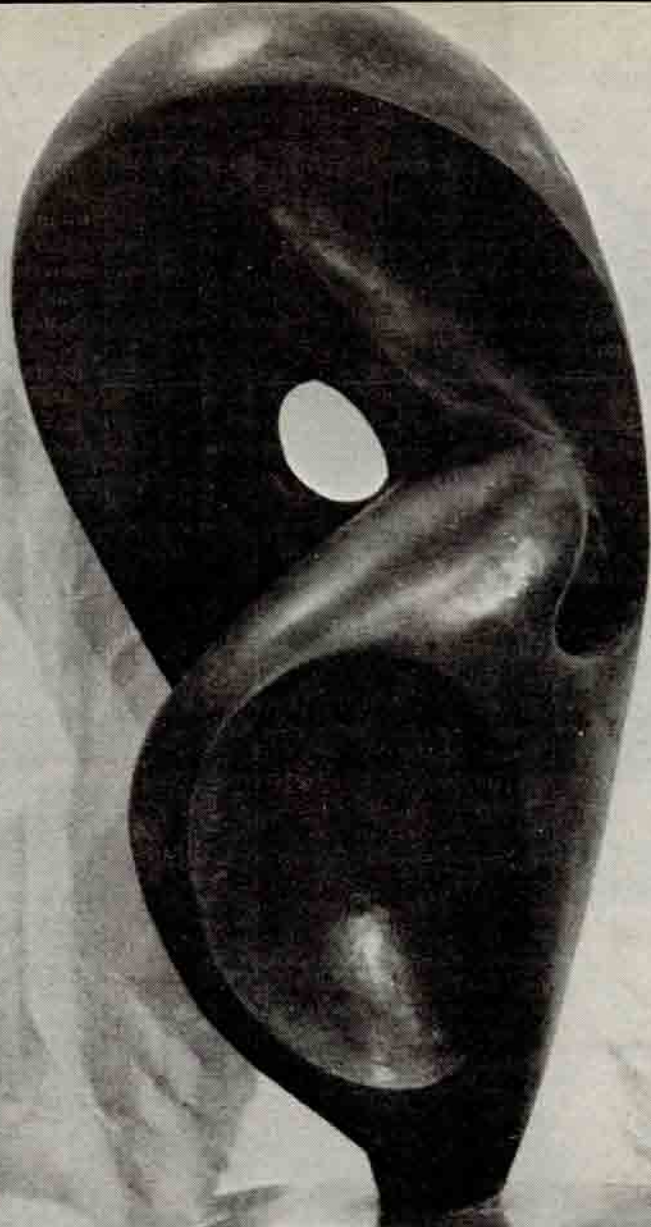
Экология.

Ангел-хранитель.

Фабула.

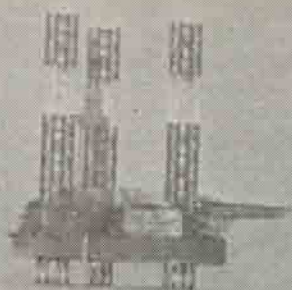

города, которые выделяют место. А главное — заказчик. В этом смысле живописцам несколько проще, так же, как писателям или актерам. Можно работать «в стол», дожидаясь лучших времен, когда ситуация нормализуется и твоя работа найдет своего читателя, зрителя. Хотя, конечно, творческий человек не может работать только для себя. И я понимаю тех мастеров, которые, намыкавшись дома, вынуждены уезжать на Запад, чтобы осуществить свои творческие планы.

Мне хотелось бы осуществить свою мечту здесь: создать собственную галерею. Иметь выставочный зал с детской художественной студией, творческими мастерскими. Выделенный участок находится на окраине Дедовска возле Волоколамского шоссе. Место роскошное. Рядом — сосновый бор. Здесь же проходит маршрут Золотого Кольца. Стало быть, в посетителях недостатка не будет. Хочу для строительства привлечь художников, скульпторов, прикладников. По задумке, на первом этаже разместится экспозиция скульптуры, керамики, стекла, произведений из дерева, металла. На втором — будет устроен выставочный зал современного изобразительного искусства. Но пока это только мечты. Мне всегда хотелось сделать наш город красивым. Неоднократно обращался с предложениями к администрации района, к руководителям предприятий. У нас достаточно крупных заводов, которые могли бы взять на себя расходы. Но, видимо, жизненная позиция руководства далека от искусства. Все заняты собственными делами, и, как всегда, культура остается на последнем месте. Хотя и повторяются слова, что красота спасет мир. Вот и приходится работать, так сказать, на «светлое будущее».

Создавать только модели, эскизы. Надеяться, что ситуация когда-нибудь изменится и скульпторы выйдут из подвалов на площади...

**Беседу вела
СВЕТЛАНА ТОНИНА.**

ГУБЕРНИЯ

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

СА

ХАЛИН

лучай уникальный в своем роде: весной 1990 года сессия Сахалинского облсовета выбрала председателем облисполкома проректора Московского института народного хозяйства имени Плеханова народного депутата России Валентина Петровича Федорова.

Задолго до этого события Федоров выступил с концепцией территориального экономического эксперимента — причем не «вообще», в масштабах всей страны, а именно на Сахалине. Остров, по мнению профессора, — самое подходящее для этого место. Даже разграбление сырьевого потенциала имеет здесь своеобразную положительную сторону: как ни экспериментируй, а хуже быть уже не может... «Следует ожидать улучшения обстановки», — говорил Федоров. Что ж, назвался груздем — полезай в кузов.

Территориальный эксперимент в общих чертах — это раскрепощение производителя и создание естественных рациональных связей в экономике, многоукладность промышленности и сельского хозяйства, приватизация торговли, сферы обслуживания, конкуренция. То есть уже тогда предлагалось осуществить на острове то, что правительство пытается делать в этом году по всей России, но без так называемой шоковой терапии.

Первая часть концепции профессора не была оригинальной: довольствие. Кто-то видит панацею в фермерах, другие отстаивают колхозы-совхозы. Федоров выбрал «золотую середину»: не ломать сразу то, что еще может работать. Фермерство — не вместо и не за счет совхозов — в дополнение. Но это теория. А что на практике?

Выживет ли фермер?

Виктору Луневу немногим за тридцать.

Техник-строитель по профессии, Лунев десять лет отслужил в милиции. (К слову, отец Виктора тоже работал в милиции. Его в 75-м — не 29-м! — чуть не раскулачили: двух коров держал! Спасся просто — переписал одну корову на мать.) А в 88-м Виктор поменял хорошую квартиру в поселке Луговом на ветхую халупу, завел свиней, потом и коров.

В прошлом году взял ссуду в банке, с помощью ассоциации крестьянских хозяйств (АККОР) купил технику, лес, рубероид, электрооборудование. Нанял бригаду из четырех человек и в считанные месяцы поставил свою ферму. Управляется со всем вдвоем с женой Валентиной, бывшей продавщицей.

В шлакоблочном одноэтажном строении, внешне напоминающем барак, все под одной крышей. Две жилые комнаты, кухня; за стенкой — стойло на шесть коров и быка. Соседствуют с ними петухи и куры; в прихожей, за загородкой — маленький, «свой» уже бычок.

Вся автоматизация-механизация состоит из одного небольшого китайского трактора и «уазика». Земли — четыре с половиной гектара. «Мало, — говорит Виктор. — Я свои силы рассчитываю гектаров на двадцать, но пока совхоз не дает».

Из шести коров дойные — четыре. Да и те далеки от мирового класса: 10—15 литров в сутки — это для «частной» коровы далеко не предел.

— Они еще не раздоенные, — пояснила Валя. — Покупали, что дают.

— Хотел купить элитного бычка или телку в опытно-производ-

ственном хозяйстве.— добавил Виктор.— Что вы! Даже разговаривать не стали.

— А куда молоко сдаете?

— В один монтажный кооператив или частным лицам. Город близко — приезжают.

— А почему не на молокозавод?

— Не хочу, чтобы из моего молока воду делали...

Пока сидели и беседовали на кухне Луневых, попробовали и свежую продукцию. Да, такое молоко в магазинах под видом сливок продают. В Южно-Сахалинске — по 18 рублей за поллитра. Луневы берут восемь за литр.

Можно сказать, Виктору повезло: и землю получил неплохую, и успел в основном отстроиться в прошлом году, когда все было намного дешевле. Стоимость его дома — 98 тысяч рублей — с января надо умножить на 12,3!

Но везение везением, а нужна еще и голова на плечах.

Луневы не стали сразу вбухивать средства в строительство особняка, начали с производства. Сейчас они живут скромно, но зато имеют постоянный доход, им легче. А что касается благоустроенного коттеджа... построят, дайте время. Впрочем, времени, видимо, потребуется немало...

В 1991 году фермерам предоставляли режим некоторого благоприятствования: льготный кредит, компенсация за удорожание техники, строительства. Москва все эти льготы отменила. И теперь крестьяне возвращают (перечеркнутые в злости) акты на землепользование.

Луневы отказываются от земли не собираются. Но у них, строго говоря, не ферма, а мелкотоварное крестьянское хозяйство. Ну, что такое — шесть коров и четыре

гектара на двоих? Да и молочное «направление» относительно выгодно. А вот крупные производители мяса попали в патовое положение.

От Луневых мы заехали к Александру Зинову. Он был в мрачном настроении: из двухсот свиней половину придется резать. Причина одна — 20-кратное увеличение стоимости комбикормов...

Колхозы и совхозы тоже, конечно, поставлены в тяжелое положение. Но там у людей хоть какой-то гарантированный минимум, они могут требовать заработка у начальника. Кроме того, личное подсобное хозяйство не даст помереть с голоду.

Фермер может требовать только с самого себя. Или урезать свое поле, ферму до размеров личного подсобного хозяйства. Но тогда зачем оно вообще нужно, такое «фермерство»?

Понимаю, у нас сейчас рынок, свободные цены и т. д. Но и в рыночных странах существуют определенные дотации фермерам — основе процветания страны. Отпустить цены на фураж, технику и ничем не помочь крестьянину — это значит остаться без мяса, молока...

А тут еще освобождение цен на энергоносители... Да крестьянин совсем пахать бросит!

...Когда Федоров приехал на Сахалин, там было всего пять фермеров. К началу 1992 года — более восьмисот. Но где дешевое мясо, молоко? Где изобилие? — требуют ответа оппоненты Федорова.

Нет его и быть не могло. В одной известной газете с осуждением привели цифру: сахалинские фермеры дают не более двух процентов сельскохозяйственной продукции. Но при этом не отметили: это все в первый год их фермер-

ства. Самый трудный — ведь начинали с абсолютного нуля.

Крестьянам дали не землю, не пашню — всего лишь территорию. Неудобья, овраги, свалки, болота, заросшие лесом поля. Даже дачник на своих шести сотках не рассчитывает на изобилие продуктов в первый год, а тут предстояло хоть как-то обустроить тысячи гектаров. АККОР не мог помочь всем...

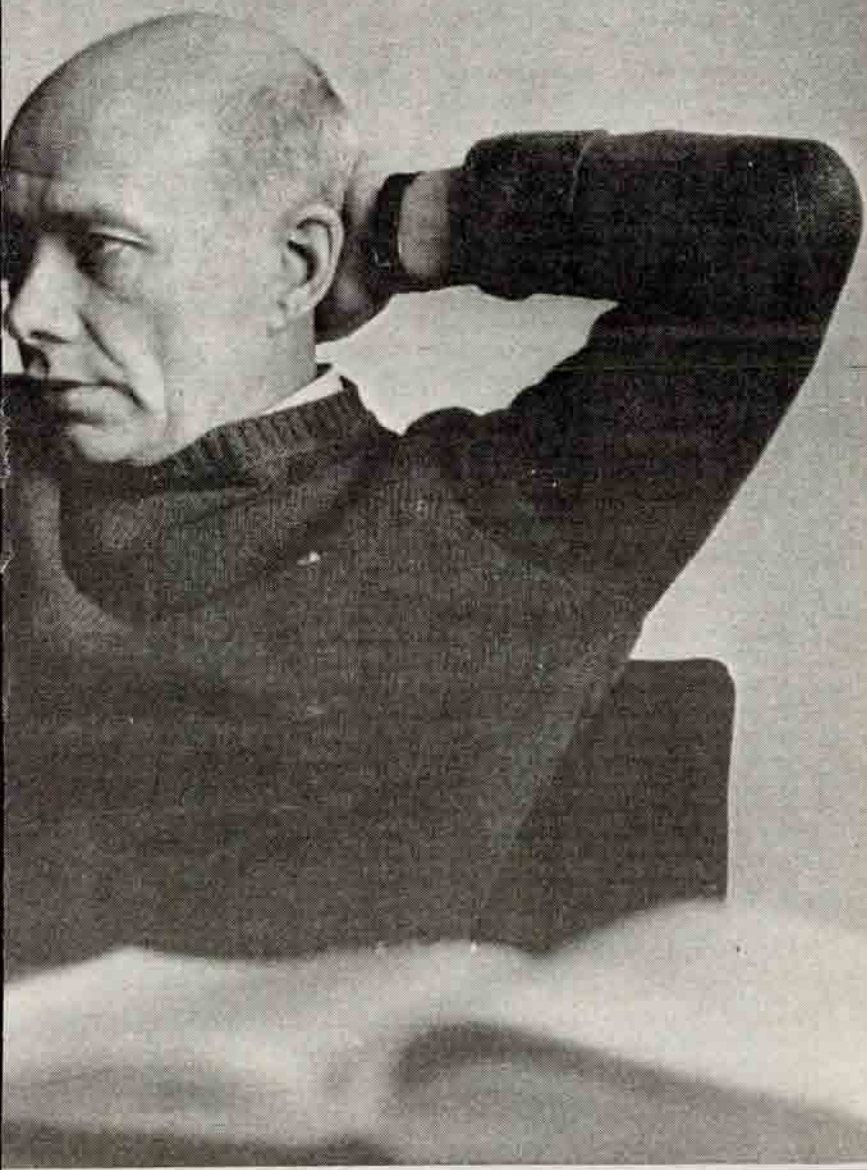
Упомянутые два процента продукции — цифра весьма условная. Сколько действительно произведено — никому не известно. Невозможно вести учет каждого килограмма мяса, молока, овощей. Дело в том, что и Лунев, и другие расплачиваются со своими «спонсорами» продуктами. Спонсоры — это заводы стройиндустрии, поставщики техники, монтажники, строители. За одни деньги теперь нестроганой доски не купишь... Но в конце концов эти бартерные сделки — в основном в пределах Сахалина. Попадает мясо на стол своим же островитянам.

Вероятно, к концу этого года количество фермеров поуменшится: отмена льгот, дикое подорожание всего и вся вынудят кого-то бросить землю. Материально они вряд ли пострадают: можно продать дом, технику (тоже резко вздорожавшие), отдать долги и еще останется.

Одна надежда — потери восполнят выжившие. За счет чего они должны выжить? В прошлом году областной АККОР получил 7 миллионов из того миллиарда, что выделил Совмин России на развитие фермерских хозяйств (0,7 процента!). Деньги эти небольшие не проели, не промотали. А положили на депозит в Сбербанк. Банкиры, убедившись в том, что АККОР — платежеспособный партнер, начали кредитовать фермеров. В 1991 году выдали

Губернатор ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВ: «Мне бы ваши проблемы».

112 миллионов. Плюс проценты по вкладу идут.

В этом году появилась идея создать Крестьянский банк. Под это дело выпросили еще 7 миллионов в фонде «Российский фермер», деньги должны крутиться в обороте оптовой торговли, приносить доход. Вот за счет этого возможно частично компенсировать фермерам увеличение затрат, без которых не обойтись.

Практически со всеми заводами области заключили договора на поставку бетона, керамзита и других материалов. Эти договора тоже отчасти финансируются АККОРОм.

И все же поводы для оптимизма маловато. По-моему, ни о каком значительном увеличении производства сельхозпродуктов в обозримом будущем и речи быть не может. Два варианта: будут ли фермеры резать скот или поднимать цены до астрономических высот, — для нас с вами совершенно одинаковы по последствиям — или завтра мяса не будет, или мы просто не сможем его купить. Что, собственно, одно и то же.

Напрашивается, правда, третий вариант: требовать повышения зарплаты. Но, при ближайшем рассмотрении, он ничуть не лучше двух первых. Цены в магазинах и на рынках повышаются не только оттого, что у людей появляется больше денег. Просто высокая зарплата закладывается в себестоимость продукции. Пожалуйста, можно повысить зарплату сталеварам (к примеру) хоть в сто раз. Но соответственно возрастет цена металла. И далее, по цепочке, — цена комбайна, трактора, простой лопаты для фермера. Результат? Читай предыдущий абзац.

...Да, второй год фермерства выдался у сахалинцев не легче первого. Борьба за выживание продолжается.

Ловись, рыбка...

Понимая, что сельское хозяйство за год на ноги не поставишь, новые власти параллельно занялись делом, сулящим более быструю отдачу, — промыслом и переработкой рыбы.

В 50-е годы на Сахалине было 55 рыбоперерабатывающих комбинатов — осталось 10. Разрушались и рыболовные заводы. А все средства вкладывались в океанский флот. Вот и остались практически только те перерабатывающие мощности, что на плавбазах. (Которые, отметим, подолгу простаивают из-за отсутствия дизельного топлива. Кроме того, в ближайшие 4—5 лет треть промысловых и транспортных судов должна быть списана по причине крайней изношенности.)

Здесь федоровская тактика та же, что и в сельском хозяйстве: не разрушая местные рыбколхозы и госпромхозы, вводить новые формы — арендные бригады, малые предприятия, товарищества.

Анатолий Кобелев, бывший бригадир госпромхоза, перепробовал все формы. Сначала организовал первую на Сахалине арендную бригаду рыбаков. Потом долго бился за создание малого предприятия. Добился. Не без помощи Федорова, кстати. Потом и МП перестало удовлетворять — мало, мол, свободы. Преобразовал МП в товарищество, оставив прежнее название — «Компас».

Бывший госпромхоз ловил в год не более 1 тысячи тонн. Три МП, созданных на его базе, добыли в прошлом году 5 тысяч. Из них 3 тысячи — «Компас». Те же люди, теми же сетями, на том же море. Или к ним рыба специально подплывает?

— У госпромхоза не было проблемы выжить, — говорит Кобелев. — Отбивали повинность.

Правда, он мог и перевыполнять свой план, но не хотел: расценки снизят. У нас такого нет — что заработаем, то и получим. Работаем на себя, а не на план.

— Но и цены — свои.

— Конечно. В январе колхоз продавал навагу по 20 рублей, мы — по семь.

— Себе в убыток?

— Ну, такого мы не можем себе позволить. Но не можем также допустить, чтобы люди не смогли купить нашу рыбу. Иначе не выживем.

...Бывший преподаватель лесного техникума, кандидат наук Анатолий Филиппов создал компанию по рыболовству и туризму. Назвали ее по имени озера, взятого в аренду, — «Тунайча». Еще до нашего знакомства я эту фамилию слышал, причем в негативном плане: «Филиппов продает лосося за рубеж, а себе гребет ихние товары!» «Филиппов поставил будки на берегу залива, назвал это автостоянками и дерет деньги с рыбаков-любителей!»

Филиппов развеселился:

— Да кому он там нужен, наш лосось! Не та упаковка, не то качество: не едят на Западе рыбу нашего посола — крутоват, на их вкус. Но вообще-то были переговоры с одной американской фирмой: мы им — минтая, они нам — холодильник. Долго торговались насчет цены, и кончилось тем, что я нашел более выгодного партнера в России — совместное предприятие «Нептун». Так что ни один рыбий хвост за границу не ушел... Дайте время — построим на берегу кофейни, мотели. Уже начали завозить коттеджи для рыболовов и туристов...

«Тунайча» ловит на озерах и в прибрежье. Имеет два МРСа, мотоботы, арендует траулеры. Ра-

ботающих — около двухсот человек.

— Мы объединили, — продолжал Филиппов, — восемь малых предприятий и даже рыболовецкий колхоз. Объединились, чтобы выжить в этих условиях. А также использовать уходящую госструктуру — чтобы она более плавно перешла в негосударственную. За год существования построили тот самый холодильник на 700 тонн, заканчиваем строительство посольного и рыбоперерабатывающего цехов. В прошлую лососевую путину мы оказались третьими среди десяти рыбколхозов, которые существуют 45 лет. Планировали взять 8 тысяч тонн лосося, взяли восемь с половиной. Многие не верили в это, тяжелое начало было... Компания рождалась в муках.

— Какие там муки, если Федоров руки развязал вам?

— Да... Но он развязал их и тем, кто нам мешает. Не может же он заниматься абсолютно всем! Хорошо, конечно, что Федоров организовал рыбный отдел в исполкоме — представьте, до него в нашем рыбном краю такого отдела не было! Формально мы зарегистрировались полтора года назад. Так вот, полгода потеряли на то, чтобы прекратить распри, действительно уйти на свободу. Например, участки на море дает райисполком. Несколько месяцев мы добивались в Корсакове паспорта на промысловые участки. Стоят наготове МРСы и мотоботы, заключены договоры с плавбазами, а там все тянут. Еще немного — и сгорели бы наши 8 миллионов рублей, вложенных в это дело... Паспорт получили всего за десять дней до начала путины. И то только потому, что вмешался Федоров.

— Трудно понять, зачем вас душить? Район, ничего не вкладыв-

вая, получает пятьдесят процентов улова, налоги. Властям — почет без хлопот.

— Я тоже этого не пойму. Наверное, все дело в личных амбициях. Многие дают взятки. Я избрал путь «в лоб» — сказал человеку, что он мерзавец. С этого конфликта и пошло...

— Заграничные товары скупае-те...

— У компании одна машина за двадцать тысяч, без нее при наших расстояниях нельзя. И все. Почти вся прибыль пошла на развитие — коттеджи для туристов, лес, цемент, металл, холодильник и цеха. Если летом 91-го переработали на берегу 200 тонн рыбы, то теперь планируем 2 тысячи тонн. Да еще налогами душат: 40 процентов — акцизный, 28 — налог с продажи, 32 — с прибыли. Плюс проценты за банковский кредит поднялись с 15 до 40. Остается пшик. Я понимаю, бюджет трещит, оттого и налоговая политика такая. Конечно, государство что-то выигрывает, но вы посмотрите: теневики-то налоги не платят, у них все расчеты в наличных. Получается, мы, «свободные» предприниматели, за них отдуваемся. Кстати, поэтому многие предприятия тоже переходят на нелегальную торговлю — за наличные. Возможно, государство больше недополучает, чем получает.

— Выходит, и вам придется повышать цены?

— А как иначе?.. И все же мы, принимая политику Федорова, стараемся цены сбивать. Но и тут конфликты, еще с прошлой весны. Тогда госпредприятия продавали навагу по 12 рублей, а мы — по шесть. Как на нас ополчились! «Надо держать одну цену!» — И все тут. Перед Новым годом завезли 300 тонн терпуга по 10 рублей, чтобы немного помочь Федорову в первые январские

дни. Госпредприятия такого не сделали... В интернат, больницы отдали бесплатно. Но у нас пока слабая материальная база, поэтому мы в чем-то зависим от госструктур, вынуждены иногда обращаться к ним за помощью. Часто отказывают: «Снижайте цены!» Тут идет жестокая борьба. Но мы пока слабые конкуренты госпредприятиям: у нас мизерное количество промысловых участков. Кроме того, негде было хранить рыбу, чтобы бороться с конкурентами долго. Поймали — продали. А они, попридержав товар, снова вздувают цены. Ну, ничего, теперь и у нас есть холодильник, зальжим тонн пятьсот и протянем подольше. А там еще пару холодильников поставим...

— А кампания против Федорова мешает вам работать?

— Не то чтобы очень, но какое-то давление оказывается. Например, в прессе. Недавно «Свободный Сахалин» написал про нас, будто создается компания-монополия. А у нас всего 8 километров участков у берегов. У колхозов — сотни! Так где же монополия? Но пишут про нас, а везде между строк — Федоров. А он как раз за то, чтобы разрушить любую монополию. Как-то приходит ко мне корреспондент и спрашивает: «А есть ли личный вклад Федорова в вашей компании?» «Да, говорю, есть». Он тут сразу диктофон включил, вот такой же, как у вас. «Сколько?» «Тысяча рублей, говорю». И рассказываю, как дело было. Однажды зимой повезли мы его на Тунайчу посмотреть, как идет подледный лов. Поехали на санях... А у него по дороге бумажник с зарплатой выпал. Неловко как-то, хотели было искать... А он говорит: «Не надо, пусть это будет моим вкладом в «Тунайчу». Корреспондент сразу диктофон выключил, неинтересно стало...

Я Федорову благодарен за то, что он дал нам возможность попробовать свои силы, узнать, что можно работать и получать удовлетворение даже в такой обстановке. Мне сейчас не страшна даже неудача: я приобрел опыт и знаю, что не пропаду...

...Во время путины в островных магазинах продавалась развесная красная икра — 70 рублей килограмм. Мы, к сожалению, ее уже не застали... Но видели в южно-сахалинском «Океане» мороженую горбушу по 14 рублей. Уточняя: килограмм! (Для сравнения: в Москве 250-граммовая банка кильки стоила столько же.) Банка сайры — 24 рубля, но это уже продукция госфлота. Для дальневосточников цены непривычные. Только жаловаться им грех — материковая Россия давно забыла, как выглядит горбуша.

Почему Федоров категорически против передачи Южных Курил Японии? Наряду с чисто патриотическими чувствами, я полагаю, им движет экономический интерес: мы можем потерять обширные рыбные акватории. Ну, получим какую-то подачку, быстро ее проедим, а дальше? Да, Курилы живут бедно, там еще бараки остались. Но уже создаются предпосылки, чтобы начать основательно, а не на один сытный день решать эти проблемы — и в это время отдавать?

Блеск и нищета «прихватизации»

Прокуратура опротестовала покупку магазина. Нет-нет, детектива не будет. Все гораздо прозаичнее: магазин следовало выставить на аукцион, а рыбозавод (бывший владелец) отдал его единственному претенденту, работнику райпищеторга Светлане Муковозчик, по смешной цене — 138 тысяч.

Муковозчик — первый на Сахалине частный владелец магазина. Наверное, именно поэтому Федоров всем журналистам советует заглянуть к ней. Чем, по-моему, оказывает медвежью услугу Светлана Александровна. «Криминал» там найти нетрудно, он лежит на поверхности. Я читал язвительные заметки типа: «Двухэтажный магазин! В центре города! По дешежке!» Подтекст ясен: махровый протекционизм.

Но при слове «двухэтажный» не представляйте себе ГУМ в Москве, тоже двухэтажный. Два тесных пятка, внизу — продовольствие, сверху — промтовары. Нижний этаж напоминает «Елисеева» начала шестидесятых годов (не по размерам — ассортименту). Но цены, цены... Бутылка кефира, к примеру, стоит 15 рублей. В госмагазине, я видел, 2.81. Почему такая разница? Частник ведь не получает дотаций...

Измордованная прессой Муковозчик встретила нас сурово (несмотря на рекомендацию самого губернатора) и поначалу категорически отказывалась разговаривать о чем-либо вообще. Понять ее нетрудно. Однажды в разговоре с журналистом Муковозчик в шутку обронила: в наше время самый выгодный и надежный бизнес — игорные и публичные дома. И пошло гулять по газетам Союза: Муковозчик хочет открыть в Южно-Сахалинске бордель! Да если б и так в конце концов? Почему в Прибалтике можно, а на Сахалине нельзя? Но это к слову.

Читатель наверняка обратил внимание на прежнюю должность владелицы магазина. Ага, торговая мафия скупает за бесценок народное добро! Признаюсь, не проводил собственного «расследования». Но посмотрим под другим углом зрения.

Согласно закону о приватиза-

ции, магазин может купить любой прохожий. В наших интересах, чтобы этот «прохожий» оказался профессионалом в своем деле. Работники торгов, конечно, воспитывались в распределительной системе, однако есть первоначальный опыт коммерции, наработаны связи (в деловом смысле). Почему бы им не заняться наконец своими профессиональными обязанностями? А если происходят злоупотребления — на то есть соответствующие органы. Кстати, все протесты прокуратуры по поводу купли-продажи магазинов администрации Сахалина отклонила.

Хотим мы того или нет, но приватизации не избежать. Минторг ликвидирован, централизованные поставки постепенно сводятся к нулю. Плохо это или хорошо? Для многих свобода непривычна. Надо учиться искать товар, вести деловые отношения с партнерами... Одна заведующая магазином, всю жизнь проработавшая в торговле, призналась, что до сих пор толком не понимает механизма приватизации:

— Не смогла бы стать частным владельцем. Я даже договоров никогда не составляла...

Но возможны варианты. Семь магазинов Южно-Сахалинска объединились в товарищество со странным названием «Зарево» (гори все синим пламенем, что ли?). Чиновный аппарат небольшой: председатель, два зама и шестью работников в объединенной бухгалтерии. Однако функции нового аппарата резко изменились: они не распределяют, а ищут товары для магазинов. У товарищества два общих склада, оно может сразу принять крупную партию продукции и равномерно снабжать торговые точки. Возможно, такая форма даже предпочтительней, чем отдельный частный магазин, — во всяком случае, на пере-

ходный период, пока все не научатся торговать самостоятельно. Но и здесь ожидать снижения цен не приходится. В 15—20 раз выросли расходы на тепло-, водо- и энергоснабжение; дорожаетсовая и фермерская продукция. А гнев покупателя изливается обычно на «торгашей»... В облисполкоме (администрации!) мне говорили: начинает работать система социальной защиты малообеспеченных, больных, инвалидов. Для них открываются специальные столовые, отделы в магазинах. А разница в ценах покрывается за счет местного бюджета. Увы, не до всех эта благотворительность доходит.

К шестнадцатому магазину прикреплены больные диабетом.

— Какая дотация? — переспросила заведующая Наталья Со Хан. — Ничего такого нет... Единственное, что я могу сделать для диабетиков, — звоню на холодильник и прошу прислать самое дешевое мясо. А что такое «самое дешевое»? Жилы и кости.

Сахалин после начала реформ оказался в особенно тяжелом положении. В 1991 году остров получил 2,2 миллиарда рублей дотации. В этом — 700 миллионов, втрое меньше. Из них на социальную защиту смогли выделить 10 миллионов. Много ли это на 700-тысячное население? Считайте сами...

Реальную отдачу от своих программ Федоров обещал через полтора-два года. За это время многое переменялось. Распался Союз, распались экономические связи. Резкий рывок в рынок оставил за чертой бедности почти все население России. Сахалину этот рывок принес меньше бедствий — новые структуры смягчили его, — но он тоже часть многострадальной России...

Обратный билет?

Два года назад именно демократы были первыми, кто агитировал за то, чтобы московский профессор возглавил исполком и повел Сахалин по реформаторскому пути. Но уже в прошлом году их отношения испортились напрочь. В один из вечеров мы попали на заседание координационного совета «ДемРоссии». Кто-то из совета вспомнил, как Федоров в одном из интервью сказал: «Я взял билет в один конец», — и предложил — а не провести ли сбор денег ему на обратный билет в Москву? Потом долго спорили: объявлять ли немедленно всенародное (одним не справиться) движение за отставку Федорова или сначала найти достойного альтернативного лидера, выработать собственную программу улучшения жизни сахалинцев? Решили — немедленно. В ближайшем номере «Свободного Сахалина» появилось соответствующее «Обращение» к народу. Кроме того, подготовлен проект письма Ельцину от имени депутатов острова: просят уволить главу администрации. Многие ли его подписали, было ли оно отправлено — не знаю. Мне интересней суть претензий к Федорову.

Обвиняют его, например, в том, что он самовольно провозгласил себя губернатором. Серьезное обвинение! А вот в Новгороде уже появился посадник. Еще где-то — городской голова. В Смоленске, Нижнем Новгороде, Омске — губернаторы. И ничего, никаких волнений. Чем плохо старорусское наименование? (И чем лучше, к слову, расплодившиеся «мэры», «префекты», «главы администраций», каковых отродясь на Руси не водилось?) Тем более сессия облсовета почти единогласно утвердила это наименование,

о чем забывают упомянуть демократы.

Другие претензии с виду по-серьезней.

В первых строках обращения: по вине Федорова всем по-прежнему управляет бывшая номенклатура КПСС. Господа, да где же взять другую! У нас только кухарки не состояли в КПСС... Уважаемый вами Ельцин и его окружение, правительству — оттуда же. Однажды уже пытались заменить специалистов кухарками — итог известен. Да и сами вы авторитетных лидеров не предлагаете. Давайте будем оценивать людей по делам, а не партбилетам...

Далее — о делах. «Объявленные российским руководством реформы всячески тормозятся, умышленно не используется антимонопольное законодательство, что ведет к ценовому беспределу и обнищанию населения»:

А разве не «объявленные реформы» мгновенно обобрали народ, оставив лишь призрачную надежду на журавля в небе? Федоров был противником таких реформ, одномоментного отпуска цен, они, ко всему прочему, нанесли мощный удар по его планам стабилизации. Эх, если б губернатор мог их притормозить... Тем не менее цены на многие продукты и товары здесь ниже, чем в Москве — родине реформ.

Несмотря на втрое урезанные дотации острову, губернатор распорядился выплачивать диабетикам через райсобес по 500 рублей ежемесячно, снизить плату за детские сады с двух тысяч до 150 рублей, выдавать дотации школьным и студенческим столовым. Откуда взять деньги? Это налоги от вновь созданных кооперативов, малых предприятий; это 30 процентов дохода от приватизации; это, в частности, налог на

водку: ожидается, он даст в 1992 году 800 миллионов.

В начале нынешнего года в центре Южно-Сахалинска закончилось строительство огромного белоснежного здания. В нем должен разместиться прежний облисполком со всеми своими управлениями и службами. Новый исполком решил иначе: остаться в старом доме, а этот передать «Сахинцентру» — международному центру делового сотрудничества. Уже 78 фирм арендовали здесь помещения. «Фабрика денег для области» — как выразился Федоров.

Федоров поощряет монополистов? Ну да, и с этой целью вводит конкурирующие формы в сельском хозяйстве, рыбной промышленности, торговле...

Еще: с ведома Федорова рыба «уплыла» за пределы области, не обернувшись равноценными товарами». Интересно, какие товары имели в виду господа-товарищи? Кроссовки? Мясо? Кроссовки сносятся. Мясо быстро съедят. А новые предприятия, о которых я писал выше, будут много лет работать на благо всех жителей — бывших коммунистов и демократов (тоже бывших коммунистов). Дадут прибыли не на пару — сотни кроссовок.

За 22 тысячи тонн лосося, которые в прошлую путину добыли новообразованные 100 рыболовных МП и товариществ, начали срочно строить холодильники. Если за 45 лет Советской власти на Сахалине было построено холодильников на 28 тысяч тонн, то за один год «при Федорове» — на 24 тысячи. Было 10 рыбоперерабатывающих цехов — к ним прибавился еще 31. За рыбу получили хоть какое-то количество солярки, чтобы флот наш не проржавел у причалов... Все это сделано новыми структурами. Может, остро-

витяне остались совсем без рыбы? Ничего подобного: в прошлом году съели тридцать тысяч тонн вместо обычных восемнадцати.

Что там еще? Ага: стремится передать монопольное право на разработку нефтегазового шельфа одной японо-американской компании, вопреки итогам международного конкурса и решению правительственной комиссии. Но над недрами Федоров не властен, а личное мнение пусть себе высказывает на здоровье.

Вот, собственно, основные конкретные обвинения. Кроме того, претензии личностного плана. Неуважительность к Советам, нетерпимость к критике... С этим могу отчасти согласиться. Нельзя, к примеру, публично обзывать оппозиционную газету «ветошь для вытирания рук». Только и губернатор вправе ожидать серьезную критику, а не мелкие некорректные уколы по поводу и без...

Так, один московский журналист написал: народ на Сахалине все чаще сравнивает Федорова с академиком Трофимом Лысенко — тот, мол, тоже экспериментировал. Интересно было бы знать — что это за «народ»? Я референдума среди народа не проводил, но люди, занятые делом, с которыми довелось встречаться — рыбаки, фермеры, работники торговли, бизнесмены, — деятельность губернатора поддерживают, несмотря на все трудности реформ (вы заметили, как часто повторялось здесь слово «выживание»?). Они, между прочим, убеждены, что антифедоровская кампания инициирована немногими депутатами-демократами, ожидавшими, но не получившими портфелей в островном «правительстве»...

Но, надо сказать прямо, жизнь стала хуже, вопреки предположениям Федорова. Вопрос — на-

сколько? В Госкомстате России я взял несколько цифр — давайте сравним их.

В прошлом году сахалинцы поймали рыбы на 12 процентов меньше, чем в 1990-м; произвели мяса на 15 процентов меньше, цельномолочной продукции — тоже на 15 процентов. А как шли дела у соседей по Дальнему Востоку? Там снижение ощутимей.

Хабаровский край: снижение производства этих продуктов соответственно на 21, 32 и 25 процентов.

Приморский край: на 14, 44 и 33 процента.

Понимаю, для сахалинцев все это — слабое утешение. Тем не менее нельзя не признать: территориальный эксперимент существенно смягчил удар...

По свидетельству Анатолия Альбина, председателя постоянной комиссии облсовета (во время нашей командировки он замещал председателя Совета), «сложности в отношениях с администрацией есть, но не больше, чем в любой другой области; однако это связано с характером, а не делами Федорова. Малый Совет против междоусобицы, хотя Федоров и считает, что Советы изжили себя». Что ж, если трудный характер — разберитесь с ним на сессии... Без Ельцина.

Относительно успехов губернатора мне честно сказал:

— Успехов пока нет. Но есть предпосылки для успехов: раскручен маховик рыночной экономики, она поставлена на правильные рельсы. Дальше все должно пойти автоматически. А мы начинаем заниматься — во всем должна быть очередность — промышленностью. Знаете, я иногда езжу по Сахалину, как по местам исчезнувших цивилизаций: мне показывают — вот тут был кирпичный завод, тут — судостроительный,

тут... От материка нам понадобятся только хлеб и топливо. Остальное сделаем сами.

Насчет обратного билета я Федорова так и не спросил....

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Болеешь? — Уволим!

Г В семье фондов — прибыло

Г Совсем недавно я хотела закончить жизнь самоубийством. Почему? Год назад я заболела сахарным диабетом, и теперь моя жизнь лишь обременяет и меня, и несчастную маму, у которой еще две младшие сестренки на руках.

Расскажу все по порядку. В девятиностом году мы вынуждены были бежать из Ташкента. У нас было все: трехкомнатная квартира в центре города, овощи, фрукты, и мама моя работала в престижном месте — в тогдашнем Совмине УзССР. Но пришлось бросить все — и квартиру, и работу, так как над нами ежедневно висела угроза физической расправы. После недолгих раздумий мама решила рвануть в Ленинградскую область, в деревню. Живем мы в ужасных условиях. Была какая-то надежда на меня, но я заболела диабетом, и ничем помочь семье не могу — сама нуждаюсь в помощи. Пять раз в день колюсь, и это ужасно, нестерпимо. Здесь очень плохая экологическая обстановка, мы заболели еще и базедовой болезнью. К тому же меня увольняют с работы — ведь я больная. А на что я буду жить и кормить моих сестреночек? Мы с мамой вдвоем их тянем, но дети устают от такой жизни — некуда пойти, нечего есть; мы все ста-

ли нервные и долго не протянем.

Я решила, что подколю себе 100 единиц инсулина, и дело с концом. Может быть, меня уже не будет, когда вы напечатаете письмо...

ЕЛЕНА,
18 лет

Г «Срок» в нашем обществе — клеймо страшное. Выходит парень из колонии для малолетних к тому же «образованный» — курсы воровской науки преподают там и особенно в следственных изоляторах и на этапах по высшему разряду, а на работу или учиться не берут или берут со скрипом. Словом, оступившегося пинают все кому не лень. Многих это ломает, и идут они уже знакомой дорожкой обратно в зону, за колючку. Сегодня каждый седьмой освободившийся подросток вновь совершает преступление, каждый второй не работает по приобретенной в ВТК специальности.

Но, слава Богу, меняются времена, меняется и отношение общества к провинившимся гражданам. Недавно, например, создан Межрегиональный благотворительный фонд «Орион» (расшифровывается это слово как Общественная Реабилитация, Исправление Оступившихся Несовершеннолетних). Фонд поставил перед собой задачу помочь найти свое место в жизни тем, кто находится сейчас в ко-

лонии, учиться в спецПТУ, кто вернулся оттуда. Цель всей работы Фонда — защита гражданских, экономических и социальных прав оступившихся несовершеннолетних. Для этого создаются курсы, школы, мастерские по профессиональной подготовке подростков. В Фонде работают люди, хорошо знающие психологию, как у нас принято говорить, трудных подростков. Они понимают, что только конкретная помощь конкретному человеку конкретной колонии, а не общие массовые мероприятия принесут реальную пользу. В колониях зачастую очень слаба материально-техническая база, производства примитивны и малоэффективны, а труд подростков монотонный, нудный, тяжелый. Одна из начальных задач Фонда — помочь укрепить материально-техническую базу и внедрить современные технологии в колониях, что даст возможность ребятам приобрести хорошую специальность, необходимую в жизни.

Первые конкретные шаги благотворительной деятельности были сделаны в канун Международного дня защиты детей. Фонд «ОРИОН» и Русская Православная Церковь провели в Можайской колонии, Каширской спецшколе и Рязанской девичьей колонии благотворительную акцию. Представители Церкви обратились к ребятам с проповедью, желающие воспитанники могли исповедоваться.

Со словами приветствия и поддержки к воспитанникам и воспитанницам обратились представители деловых кругов и общественных организаций. Они внесли конкретные суммы в развитие производственной и социальной сфер в учреждениях, где содержится ребята.

Фонд «ОРИОН» перевел на ли-

цевые книжки ребят-сирот и ребят, лишенных родительского попечения, по 700 рублей. В дальнейшем Фонд будет продолжать работу в этом направлении.

Мы только начинаем свою работу и приглашаем к сотрудничеству деятелей культуры и науки: надо не только поддерживать, а буквально не дать погибнуть многим способным, талантливым молодым людям. Кстати, этим летом проводились конкурсы талантов в исправительных учреждениях. Уже изъявили желание стать членами Фонда представители общественных и деловых кругов США, Англии, Швеции, Германии, а инициаторами Фонда стали МВД России, СП «Балкар Трейдинг», «Станкинбанк», концерн «Подольск». Конечно, Фонду не встать на ноги без помощи деловых людей, богатых организаций. Помогите «Ориону» — от этого зависит не только судьба подростков, но и безопасность ваших предприятий и личная безопасность каждого. Фонд будет рад любой конкретной помощи от предпринимателей, педагогов, психологов, медиков да просто от любого сострадающего, думающего, доброго человека.

Филиалы Фонда зарегистрированы в городах Алексине Тульской области, Судогде Владимирской, Ростове-на-Дону и Бийске (Россия), в Алма-Ате (Казахстан), Витебске (Белорусь). Рассматриваются возможности создания филиалов Фонда на Украине, на Урале, в Красноярском крае.

Адрес Фонда: 129014, Москва, пр. Мира, 52. Реквизиты: Фонд «Орион». «Станкинбанк», ГУ ЦБ России, р/с 700008, МФО 201791

ВЛАДИМИР АСТАХОВ,
исполнительный директор
Фонда «Орион»

С давних пор живет, бытует на Руси это выражение, употребляется широко, ко многим случаям жизни, и молвится с разными смысловыми оттенками: Маланьины сборы (долгие), Маланьин счет (запутанный), наварила, напекла, как на Маланьину свадьбу (много), собирается, как на Маланьину свадьбу (долго) — целый крылатый словесный рой, и весь этот рой — вокруг одного имени. Кто же она, мифическая, загадочная Маланья?

Вопрос на первый взгляд безответный. Между тем личность это историческая и игравшая случайно видную роль в знаменательнейшую эпоху нашей истории — в царствование Петра Великого. Речь идет о спутнице жизни «державного плотника» — шведской пленнице Марте, впоследствии Екатерине I, ставшей волею судеб и первой российской императрицей.

Допускаем, такое заключение может озадачить, если не ошеломят читателя: русская императрица и какая-то темная Маланья народных присловий — что тут общего и возможно ли такое? Впрочем, до заключений дело дойдет несколько позже, пока — небольшой экскурс в область общей истории, а отчасти — и истории нашей народной словесности.

Происхождение Екатерины I — сначала подруги, а затем супруги Петра Великого — очень темно. Но хотя генеалогия ее доселе еще прочно не установлена, однако можно считать уже несомненным, что роду она совсем неважного, чисто плебейского. Родственники ее, литовцы, были, по-видимому, крепостными магната Сапеги, следовательно, занимали весьма низкое социальное положение.

Петр берет к себе Марту от Меншикова в 1703 году, и с этого времени она становится неофициальной подругой царя-реформатора. Впрочем, отношения их долго остаются тайной даже для царских приближенных. Петр не спешит с оглаской, имея на то причины основательные: первая жена царя — невольная «суздальская отшельница» — была еще жива, простая же полонянка Марта ничем не выделялась в глазах народа, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать царский выбор ее на «высокую чреду».

При таких условиях бросить перчатку общественному мнению страны, как бы оно слабо ни было, и сам Петр, несмотря на всю

«МАЛАНЬИНА»

свою решительность и крутой нрав, не рисковал. Приходилось подождать «удобного случая», чтобы всенародно возвестить о «царском выборе». А пока что отношение царя к Марте надо было скрывать по крайней мере хоть от толпы и в средствах с этою целью не стесняться.

Есть, например, известие, что Екатерина и после рождения принцесс Анны и Елизаветы числилась официально женою придворного повара. По свидетельству современника, ей только в 1710 году дается звание фрейлины. По одним известиям брак Петра с Екатериною совершается около 1708 года, по другим — гораздо позже, в 1711-м, перед отправлением царя в поход против Турции. Несмотря на разноречивость в датах, надо заметить, что брак этот был все-таки тайный, известный лишь узкому кругу царских приближенных. Для широкой публики Екатерина, недавно «жена повара», по-прежнему остается «фрейлиной». Петр все еще ожидает «подходящего случая».

Случай этот представился после несчастного прутского похода, когда Петру и его армии грозила страшная опасность. Сопутствующая тогда царю Екатерина оказала ему и всему русскому войску услугу, ценным подарком склонивши турецкого пашу на мир, и тем спасла царя и армию от великой беды — пленения. Царь же поспешил воспользоваться этим обстоятельством в интересах собственной семейной жизни.

Теперь он мог рассчитывать, что русское общество не будет слишком строго относиться к совершившемуся уже «мезальянсу», потому как в роли царской невесты выступала теперь не безвестная низкородная полонянка, а спасительница царя и отечества.

И в 1712 году совершается явно и оглашается всенародно брачное торжество, празднуется, по собственному выражению Петра, «старая царская свадьба»¹.

Кстати, Екатериныны браки — вообще дело довольно темное. Пастор Глюк, воспитатель Марты, выдает ее замуж за шведского драгуна Иоанна — так повествует история. Но потом делаются серьезные попытки затушевать этот совсем не блестящий «союз» императрицы с каким-то ничтожным шведским кавалеристом. Ближайшие потомки Екатерины — Елизавета Петровна и император Петр III — и слышать не хотели о нем, потому решено было считать драгуна только женихом, но отнюдь не мужем

СВАДЬБА»

Т. МАРТЕМЬЯНОВ

Марты, хотя многое, если не все, делает факт этой свадьбы несомненным. Впрочем, брак Екатерины с Петром Великим тоже, как мы видели, обставлен был многими подробностями, весьма затемняющими это событие.

В памяти русского народа имя Екатерины никогда не пользовалось большими симпатиями. При жизни и вскоре после ее смерти здесь наблюдалось даже скорее враждебное отношение к ней, особенно в старообрядческой среде, где она, говоря языком самого царя, совсем «не в авантаже обреталась». От крепких ревнителей древнего благочестия, считавших даже самого первого императора еретиком, антихристом и крокодилом, нельзя было, конечно, ожидать большого почтения к его «царскому капризу», к этому «Herzenskind'u», как называл Екатерину влюбленный Петр. Это и понятно: в глазах русского человека «старого чекана» очутившаяся нежданно-негаданно «на высокой черед», у самого царского престола, женщина неведомого происхождения, какая-то «немка», или «чухонка», ясное дело — еретичка, «латынянка», или еще того хуже — «люторка», естественно, не могла рассчитывать на особое уважение. Будь это женщина высокого ума, как Екатерина II, например, она, конечно, могла бы если и не победить, то хоть ослабить «народный предрассудок». Но простой, совершенно необразованной Екатерине I такая задача была не по силам.

И народ остался при своем «предрассудке».

В самом важном вопросе — религиозном — она была чужая для него, иноверка, еретичка. Крещенная в детстве в католиче-

Иной разхватишь этак дневную порцию газет, радио, телевидения — хоть вполуха, и оторопь берет. Не о том уже печаль, ЧТО говорят — тут пуганы мы, перепуганы, — но КАК говорят. Вот прочтешь в писательской газете, что «Пушкин выбрал оптимальный вариант», и — глаза на лоб, а протрешь, проморгаешься и не знаешь, смеяться или рыдать безутешно. Дело-то между тем не разовое, не случайное.

Язык наш уродуют, калечат ежедневно, ежечасно кому не лень. Все эти «альтернативы», «презентации», «менталитеты» явились в него не сорняками, как думали еще недавно, а завоевателями и хозяевами, и так притерпелись мы к ним, пообвыклись, что и не замечаем, как и ядовитых выхлопов в задымленных городах, — вдыхаем, будто так и надо. Но еще страшнее то, что не в них главная беда — сорняки, придет пора, можно выполоть, завоевателей, хозяев незваных, когда-нибудь, в шею, — но беда погибельная, смертельная, быть может, беда в том, что наш-то, родной, природный язык временем, прямее же сказать — безвременьем долгим уже ослаблен, оскоплен, а коли по-нынешнему угодно — кастрирован.

Дедовский наш язык, каким говорили и писали в восемнадцатом, девятнадцатом веках, — образный, метафоричный, емкий — и который некогда, как реки наши и леса, переходил от одного поколения к другому чистым и сильным, уходит. Уходит под натиском захватистого, без роду и племени новояза. А коли мелькнет случаем в повседневном быту живое слово, да с богатой еще родословной — как алей на сердце. Вот только коротка радость: пословица, поговорка, присказка или присловье — диковинный этот декор, что, мало сказать, украшали русскую

ство, воспитывалась Екатерина в протестантстве — все это веры, чуждые русскому народу. Правда, впоследствии она приняла и православие, но этому не придавалось большого значения. В сущности, православие, воспринятое ею с комментариями такого миссионера, как наш царственный основатель «всеобщейнейшего собора», для народа казалось весьма подозрительным; недаром так смотрели на это даже и в высших кругах, где приобщение Марты к греко-русской вере подало лишь повод к известному придворному, не очень остроумному каламбуру: *L'imperatrice Catherine a beaucoup de religions.*

В заслугу ей ничего не хотели ставить, а в вину охотно ставили очень многое, нередко даже и то, в чем она совершенно была неповинна — например, сами стремительные реформы Петра, глубоко всколыхнувшие русскую народную жизнь.

Не мог народ почитать ее и как царицу, даже и после торжественного коронования ее царем.

Первая супруга Петра, Евдокия Лопухина, насильственно заточенная царем в монастырь, была тогда жива, и потому новый царский брак, да еще с какой-то безродной «немкою», и коронование «второй царицы» в мнении народа совсем не высоко ценились; «законной царицею» могла считаться только первая царская жена — Евдокия.

А что народ далеко не совсем был безучастен к судьбе развенчанной царицы, крепко обиженной Петром, в этом едва ли можно сомневаться. На Руси у нее было столько же сторонников, сколько противников у Петра, а это величина довольно внуши-

157

речь, но и давали ей силу необычайную, — сущая уже редкость. Такова судьба и великих наших «крылаток» — крылатых слов и выражений, перелетавших из уст в уста век от века. В русской речи у них свое место, своя особая жизнь.

Если пословица, поговорка сами себя объясняют, то крылатые слова толкует история. Пускай не у каждого на памяти их истоки и корешки, но при желании, полистав Сахарова, Даля, Максимова, Ашукиных, поворошив фразеологические словари, каждый отыщет родословную этих жемчужин отечественной речи, уходящую порой в самую толщу русской истории... «Долгий ящик», «московская волокита», «турусы на колесах», «верста коломенская», «семь пятниц на неделе», «во всю ивановскую» — языковому этому богатству найдем толкование в трудах наших языковедов. Но все ли у них отыщется?

Нет-нет, а и по сей день залетают в нашу речь «крылатки», так глубоко упрятанные в потемках истории, что к родословной их ни один словарь, ни сборник ключа покуда не подобрал и дорожки не проторил. В загадочном этом ряду — «Маланьина свадьба».

Все сказанное, возможно, и так, но к чему филологический этот пассаж в предисловии к исторической рубрике? — спросит читатель. А к тому, что иной раз история наша и языковая национальная стихия переплетены так крепко, что одна без другой и не живут. Расплести этот узелок, растолковать не забытое еще выражение и попытаться на заре нынешнего века исследователь Т. Мартеньянов. И хотя не удостоился он лавров Сахарова, Даля, Максимова, Ашукиных, но в богатой копилке русских «крылаток» и его денежка не щербата.

тельная. Немалым числом хаживали по Руси певцы, которые «народным складом» оплакивали горькую долю страдальницы-царицы, хотя за такие песнопения очень усердно «стегали» как при Петре, так и при ближайших его преемниках. Но тогда, в суровое это время, и была сложена «жалостливая» народная песня на пострижение Евдокии, где вся вина события весьма недвусмысленно сваливается на Петра да на сестру его Наталью — «змею лютую». В этой песне, дошедшей до нас в нескольких вариантах, между прочим, от лица царицы говорится:

Возле милого сижу млада,
Меня милый друг журит-бранит,
Он-то журит-бранит,
В монастырь идти велит:
«Постригись, моя немилая,
Посхимся, постылая;
На пострижение выдам сто рублей,
На посхимение тебе тысячу.
Я поставлю нову келейку
В зеленом саду под яблонью,
Прорублю я три окошечка:
Первое к Божьей церкви,
Другое-то во зеленый сад,
Третье-то в чистое поле;
На Божью церковь ты намолишься,
В зеленом саду нагуляешься,
Во чистом поле насмотришься».
Случилось ехать князьям-боярам.
Они спрашивают: «Что это за келейка,
Что за келейка, что за новенька,
Что в ней за монашенька, за молоденька?
Еще кем она пострижена?»
Отвечала им монахиня:
«Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Первым,
Через его змею лютую²...»

В другом варианте той же песни на вопрос «кто спасается во келейке?» дается еще более образный ответ:

Тут спасается не девушка,
Не девушка, не вдовушка,
А спасается тут жена мужняя:
Не в любви жила, не в согласии...

Так сочувственно относился народ к суздальской затворнице... В то же самое время к счастливой ее сопернице, к полонянке Марте, совсем иное в народе отношение. О ней тоже слагаются песни, но другого рода. В игриво-насмешливом тоне пелась такая, например, непристойность:

Зверочек, мой зверочек,
Полуношный мой зверочек,
Повадился во садочек
К Катюше ходить...

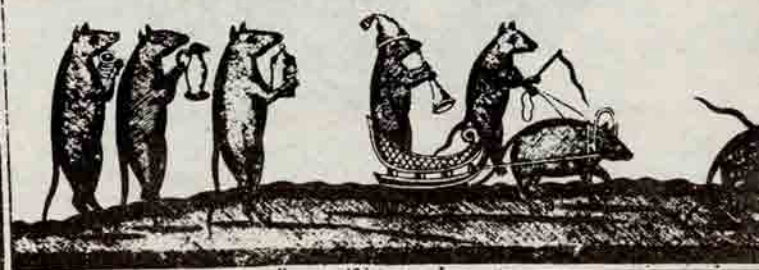

Царица Екатерина Алексеевна. Гравюра Губракена с оригинала Моора.

Комментарий к этой веселой частушке, сохранившийся в одном из застеночных песенных дел XVIII века, прямо указывает, что за эту песню «кнутом бивали», а сложена-де она на соблазнительный случай сожительства Петра с Екатериной Алексеевной, «когда она еще в девицах имелась».

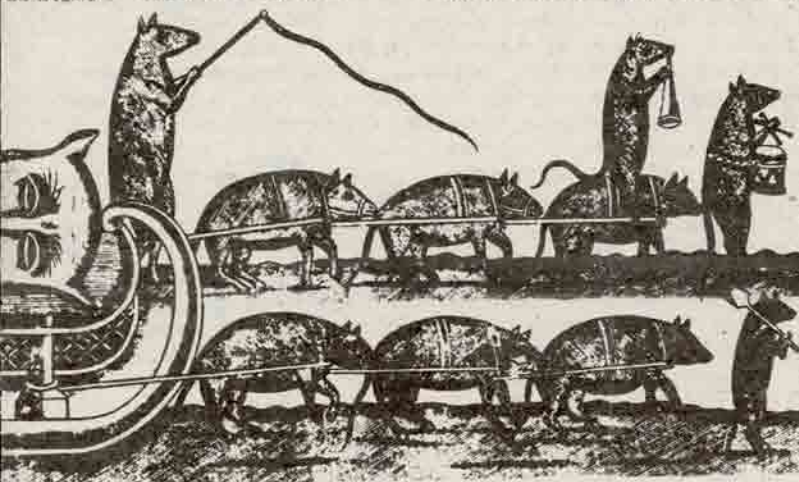
«Неблагословенное сожительство» царя с Мартою нашло себе отзвук не в одной народной песне, но и в картинке народной. «Лубок» еще сильнее, забористее и рельефнее откликнулся не только на этот мотив, но и на некоторые другие из личной жизни Петра и Екатерины, не исключая и их свадьбы.

Так, на одной старинной гравюре того времени, замеченной Герценом где-то в гостинице, изображено было следующее зрелище: Петр за столом, уставленным различными яствами и напит-

Детволин цензурок Москва Мар. 1887

Небылицы въ лицахъ найдена въ старыхъ Свѣтищахъ за
 Агодомъ задонской Катюфевна Астраханка Агодомъ
 жали смѣ чести дѣлавали поизразванью Котъ котюфеву
 вздернула къверху пошки котюфевна такъ нахнула Сле
 была нѣбогата но только Слишкомъ торабата посыладе
 покостяизъ скоро мыши собрались взадло принялись н
 ли быкны донесали сваго недруга помывали Коту ног
 зъ задъ посадили Котюфевна горько плакала рыдела и
 мыши Кота помывали и ерофевичъ допивали.

АВТОГРАФИ ВАСИЛЬЕВА ИЗ МОСКВЫ

УТА ВЪ ЧЕРНЫХЪ ТРЕПИЦАХЪ ЖИЛЪ ВЫЛЪ КОТЪ ЗАМОРСКОЙ
 ПКА ВОТЪ КАКЪ МЫШИ КОТА ПОГРЕБАЛИ СВАВО НЕДРУГА ПРАВО-
 ЧАСТО ПИЛЪ ЕРАФЕНЧЪ НЕВЗНАЧАЙ ОНЪ МНОГО ВЫПИЛЪ СРОШКИ И
 ЗАЛЕЛАСЬ СТАЛА ДУМАТЬ ИГАДАТЬ КУДА КОТАФЕНЧА ДЕВАТЬ АИ
 ГЬ ГОСТЕЙ ИЗОВСЕХЪ ВОЛОСТЕЙ ПОДССАМЪ ИНОПАЛЯМЪ ПОДНЕБАРАМЪ
 СТРЕСНЯ РУКАВА СТРЕСНЯ ЖАРИИ ВАРИИ КОТАФЕНЧА ХВАЛИ
 РЫНКА СЪ ЗАЛИ И НАБОЛЬШИИ ДРОВНИ ПОДНИМАЛИ АКСТАФЕНЧ
 ОТЫ ПРИЧИТАЛА И ЗАХВОСТЪ КОТАФЕНЧА ДЕРЖАЛА ТАКЪ

ками; Меншиков подводит к нему дородную, дебелую красотку, в которой не трудно узнать Екатерину. В довершение всего внизу красноречивая надпись: «Добрый и верный подданный уступает своему возлюбленному государю то, что у него есть самого драгоценного».

У исследователя русского лубка И. М. Снегирева была в руках старинная же петровская гравюра с весьма характерным изображением бракосочетания Петра и Екатерины. Она носит укоризненный характер, свойственный почти всем народным гравюрам, касающимся Петра и Марты. На картинке оба они стоят в церкви пред аналоем и у каждого сбоку по маленькой девочке. Это две дочери привенчаные.

Привенчание не было особенной редкостью в старину, когда простой народ в брачном вопросе относился равнодушно к церковному обряду, довольствуясь «неблагословенным браком» — простым сожительством, освященным обычаем, прославленным еще в древних богатырских былинах, например, о Дунае Ивановиче, где выхваляется венчание «круг ракитова куста», без участия церкви.

Когда же такие «новобрачные» решались, иногда уже в весьма зрелом возрасте, «покрыть грех» церковным венчанием, церковники, конечно, относились к этому весьма благосклонно, видя здесь верный путь к укреплению в народе идеи церковного брака. А чтобы и прижитые вне брака, «во грехе», дети приобщились очистительному таинству, их ставили на время венчания в ряд с родителями; это-то и называлось «привенчанием», освящением и как бы узаконением «от беззакония зачатого».

Но гравюры, о которых шла речь, это еще цветочки, скромная иллюстрация истории. Наряду с ними появлялись также направленные против Петра и Екатерины резко сатирические народные картинки, истинный смысл которых хотя и не поддавался скорому толкованию, однако ж легко обнаруживался.

Таких листков после кончины Петра появляется целая серия. Но главнейшее между ними место, бесспорно, принадлежит картинке «Как мыши kota погребают». Картинка эта — «небылица в лицах» — появилась вскоре после смерти Петра I и считается раскольничьей сатирой на царя-реформатора. Все надписи на ней, все подробности взяты прямо из русского быта.

«Первая персона» на этой картинке — кот Брыс; он же — на французско-нижегородский манер — Алабрыс. «Вторая персона» — чухонка М а л а н ь я, горячо оплакивающая безвременную кончину Брыса и сготовившая великолепные ему поминки.

Брыс — совсем не простой смертный. Титулы его — кот казанский, ум астраханский, разум сибирский — прямо указывают на царское происхождение.

К тому же по многим признакам можно заключить, что покойник был «знатный объедало и веселый подпивало» — намек на «деяния» петровского «всеппянейшего собора»³, члены которого прославились, как известно, гомерическими попойками и обжорством.

Далее смысл еще проясняется. Покойник хотя и был русский, но состоял в близком родстве «с чухнами»: тело его везут на

чухонских дровнях. Да и «вторая персона» — чухонка Маланья, по-видимому, самое близкое к нему лицо. Это собственная его вдова, так как от нее несут главные предметы поминок — пиво и оладьи. В тексте картинки говорится: «Две мыши с рожновой горы от чухонки-вдовы тащат из шинка ушат мерзкого пива летошного года из-под Маймистского завода»; дальше еще текст: «Мышь от чухонки Маланьи везет полны сани оладьев».

В другом варианте этой «небылицы в лицах» она даже хронологически сближается с погребением нашего «державного плотника» — Петра I. Там же в заголовке говорится, что казанский уроженец умер в серый (т. е. зимний) четверг, в шестопятое число, в жидовский шабаш. Петр действительно скончался в четверг серого — зимнего — месяца января, с пятого часа на шестой, или, как сказано в картинке — «в шестопятое число».

То, что «погребение» касается первого нашего императора и представляет собою пародию на шутовские церемонии, которые устраивались Петром на разные случаи с целью поесть, попить и повеселиться, не было большою тайной и для цензуры XVIII века. Цензура, надо отдать ей справедливость, с давнего времени подозревала настоящее значение Алабрысова погребения и рано принялась за изгнание из погребальной сатиры чересчур откровенных намеков. Сперва было исключено означение дня, в который скончался Алабрыс; затем, в позднейших изданиях картинки, вместо зимнего погребения на дровнях было устроено летнее, на телеге; выпущены были также все места о вдове-чухонке Маланье, а потом и о лаптях (о коте раньше говорилось: «плел лапти, а носил сапоги» — намек на легенду о том, что Петр сам, ради опыта, сработал лапоты).

Старинный подзаголовок к картинке — «Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, обернута в черных тряпицах» — также наводит на мысль, что «погребение» не простая шутка из животного эпоса, а политическая сатира. И. М. Снегирев не без основания подозревал в этой присказке предусмотрительность сочинителя, опасавшегося огласить свою личность в тот век, когда подобная картинка легко могла довести до застенка в преобразенском или в сыскном приказе, где стали бы у него выпытывать на дыбе, под кнутом, кого именно он разумел под изображением кота и мышей и с каким умыслом выдал сей «паквиль»?

К этой же «сатирической семье» относятся еще пять известных народных картинок, правда, уступающих в популярности «Погребению кота», но зато здесь раскольники действовали еще откровеннее — сумели даже провести свои опасные «крылатые слова» насчет Петра (антихрист, крокодил), да и Марты-Маланьи не пощадили. Так, на картинке «От Христа падение антихриста» они нарисовали этого последнего прямо в образе Петра. На двух других — драка Бабы-Яги с крокодилом — появляется уже не один Петр, а с чухонкою, той самой, которой в старину отводилось видное место в «котовом погребении».

Картинка драки презабавная: бой разгорелся из-за пустяков — из-за сткляницы вина, которая тут же стоит под кустом — намек на петровские пьяные пирушки и на то, что Марта-Маланья

великая была поклонница «гданской водки» и на славном этом поприще успешно соперничала с Петром. На картинке Баба-Яга в чухонском костюме, с чухонскими вышивками и в чухонском головном уборе, а под крокодилом представлено любимое детище Петра — кораблик.

На другой картинке дерзость лубочника дошла до прямого портретного сходства: изображение Бабы-Яги поразительно напоминает известный портрет Екатерины работы Моора и гравированный Иваном Зубовым.

На четвертой картинке Баба-Яга уже не дерется, а пляшет с пьяным мужиком. На пятой — она же, Яга-Марта-Маланья, оседлала старика, надпись же прямо гласит: «Немка едет на старике»... Закончим здесь тем, что в письмах к Екатерине Петр называл себя «стариком».

На этом мы расстанемся с историей.

Очередь за сопоставлением и выводами.

Сказанное выше дает право предполагать, что «крылатые слова» о Маланьиной свадьбе вероятнее всего относятся ко второму браку Петра I — к женитьбе его на полонянке Марте. Отсюда и широкая, можно сказать, всероссийская известность этих присловий.

«Маланьины сборы», «Маланьиная свадьба» — синоним необычайной медлительности, долгих приготовлений. Это одна сторона, породившая несколько крылатых слов. Дальше — «Маланьин счет» — запутанный, юмористический счет, такой, где в особенности страдает «брачная хронология», и о котором в народе насмешливо говорят: «Два года женат, а пять лет мальчику» или «Год замужем, а детишек четверо»... Дальше — «наварила, напекла, как на Маланьину свадьбу» — синоним обильного пиршества. Таково было и торжественное публичное празднество второго брака Петра — затянувшейся «Маланьиной свадьбы». Пирушка по этому поводу справлялась с большою роскошью, с участием веселого «всеппянейшего собора»; между прочим, из этой компании здесь присутствовали: игуменья петербургская Ржевская, князь-папа Зотов, архидиакон князь Юрий Шаховской, кавалер ордена Иуды Искариотского и другие не менее почтенные соборяне.

Так что интересующая нас «крылатая семья» — живая страничка из семейной жизни Петра I, тайно запечатленная в народных изречениях⁴.

В пользу этого — многие веские исторические факты.

Мы знаем, что женитьба «державного плотника» на полонянке Марте затянулась на редкость долго, чуть ли не на целый десяток лет — с 1703 по 1712 год, если не считать тайного брака, который, впрочем, тоже совершился лишь около 1708 или даже 1711 года. И сам державный жених сознавал этот грех долгих сборов, шутивно приглашая после публичного венчания гостей на «старую свадьбу его величества» — прямой намек на «Маланьин» характер царской свадьбы. Свадьба эта, как сказано выше, сопровождалась также и пиршеством, живо напоминающим обильную, по присловию, яствами Маланьину свадьбу.

Не обошлась свадьба эта и без «Маланьина счета», что лукаво отмечает народная картинка, поместивши по бокам венчающейся царской четы двух привенчиваемых девочек, царских дочерей, родившихся именно «по Маланьину счету» — «гораздо раньше».

Все эти соображения делают нашу догадку весьма правдоподобною и весьма близкой к истине. Тут возможны были бы еще сомнения по причине различий в именах персонажа крылатых слов и счастливой полонянки — одна Маланья, а другая Марта, потом Екатерина Алексеевна. Но и этот аргумент опадает.

«Многобрачная» и «многоверная» воспитанница пастора Глюка Марта, как известно, еще в XVIII веке «окрещена» была именем Маланьи в знаменитом «Погребении кота». Следовательно, и со стороны имени сближение Екатерины с Маланьей не только не является рискованной натяжкой, но даже находит себе документальное оправдание. «Погребение кота» — несомненно своего рода исторический документ, документ бытовой и потому во многих отношениях более даже достоверный, чем какая-либо официальная история. Между тем он прямо свидетельствует, что вторая супруга Петра в старообрядческих «сатирических святцах» называлась Маланьей, т. е. именем персонажа присловий.

Итак, почти все за то, что Маланьина свадьба — царская свадьба, свадьба Петра Великого. Недаром же она со всеми своими побочными обстоятельствами, с долгими сборами и с Маланьиным счетом, даже со свадебной пирушкой с именем невесты так легко и непринужденно укладывается в исторические рамки второго брака царя. Это, наряду с сатирическими картинками, и есть раскольничий ответ на едкие выходки Петра против русской старины вообще и против древнего благочестия в особенности.

Известно, что царь подвергал раскольников напрасным, нередко даже сатирическим преследованиям. Установив, например, налог на дорогую старообрядческую святыню — бороду, он не ограничился простым взысканием его, а распорядился еще выдавать плательщикам юмористические металлические квитанции на эту дань — «печать антихриста», с насмешливою надписью «борода — лишняя тягота». По его же приказанию распространялись на Руси летучие листки с сатирической картинкой: цирюльник стрижет бороду раскольнику.

За все эти злые обиды старообрядцы платили ему злою же сатирой, пуская в народ «пасквиль» на царя и его подругу — «еретичку».

Ливонскую Марту в раскольничьем мире окрестили для сатиры Маланьей, наделив еще кличками «чухонки», «немки», Бабы-Яги, и под этими прозрачными псевдонимами прославили в многочисленных народных картинках и в целом ряде крылатых слов о Маланье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так называемое «прутское спасение» было еще раз использовано в интересах Екатерины. Когда в 1724 году царь задумал короновать императрицу, чтобы еще больше возвысить ее в глазах народа, он снова прибегает к той же тактике, которую употребил и при оглашении своего брака с нею. При главных сановниках Петр говорил, что заслуга Екатерины перед страной велика, что она разделяла с ним его труды, отправляясь даже в военные походы, и что, наконец, женщина, спасшая государство в 1711 году, достойна править этим государством. Между тем участие Екатерины в спасении России сильно преувеличено: пожертвованные драгоценности турки и без того отобрали бы при пленении, а дома за эту жертву ее, надо полагать, вознаградили бы сторицею. Петру, однако, нужен был авторитет, который действовал бы на патриотизм подданных — «спасение» опять было пушено в дело, и коронование торжественно совершилось.

² Любопытно самооправдание Петра, высказанное им датскому посланнику, который вспоминал позже: «Царь, обратившись ко мне, а равно к польскому и прусскому посланникам, рассказал нам интересную вещь, а именно, что он и генерал Долгорукий, женившись в один и тот же день, подверглись одинаковой участи: каждый обрел негодную жену. Тут же царь шутливым тоном прибавил, что, оценив все благочестие своей супруги и желая облегчить ей возможность вести святую жизнь, он постриг ее в монахини...

³ Интерес русского лубка к «всепьянейшему собору» не ограничивается одним «Погребением kota». Любимому сатирическому детищу Петра отводится еще больше места в другой народной картинке — «Посвящение из простых в чиновные чумаки и в настоящие целовальники». Здесь довольно остроумно высмеивается сочиненный самим царем шутовской и кощунственный «чин» принятия в соборные и посвящения в архиереи, архиереи, князь-папы и т. п. с пением «песни Бахусовой» и «с рукоположением пьяным нетрезвого во имя всех кабаков, во имя всех табаков, во имя всех водок». В подражание этому «чину» на известной картинке — двенадцать чумаков в белых балахонах ведут новопоставляемого в кабацкий покой, в котором стоит бочка, а на ней сидит Бахус с рябинною кистью в одной руке и штофом с рюмкой в другой. Тут же стоят две обрюзглые от пьянства бабы, соответственно всешутейшим игуменьям, присутствовавшим при избрании князь-папы, как это и полагалось по уставу «всепьянейшего собора». Должность соборного архиерея на лубке занимает хозяин кабака, рукополагающий новопоставляемого такими словами: «Остави ты мирские заботы и прилепись к винной мере, приучай пьяных под свою стойку, растворяй скупых карманы и привлекай их складывать кафтаны...» Остер русский народ на язык!

⁴ К той же «семье» можно отнести и еще одно народное присловье, но уже не о свадьбе, а о зяте: «Я ведь не Маланьин зять — с меня нечего взять», — свидетельствующее о прелестях жизни этого родственника Маланьи, с которого, видимо, есть что взять.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

«ШЕБУТНАЯ ЧЕТВЕРКА ИЗ КОМПАНИИ»

Прошедший год был юбилейным для «Motley Crue». Эта лос-анджелесская группа, наконец, завершив грандиозное турне с программой, составленной главным образом из композиций с пластинки «Dr. Feelgood», отпраздновала десятилетие со дня образования. К столь знаменательному событию подготовлен альбом-сборник лучших вещей «Decade of Decadence»...

Событие это еще более значимо, поскольку с момента прихода в коллектив Винса Нийла состав «Мотли Крю» остается без изменений: помимо Нийла (вокал) в квартете участвуют Мик Марс (гитара), Никки Сиккс (бас-гитара, клавишные, бэк-вокал) и Томми Ли (ударные).

«Шебутная компания» (примерно так можно перевести название группы) была образована по инициативе

Никки Сиккса. Он родился в городе Сан-Хосе, штат Калифорния, однако детство провел в Ситгле, штат Вашингтон. Там же начал играть в тринадцать лет на гитаре... В 1974-м Сиккс, уже без семьи, перебрался в Лос-Анджелес, где родственник подыскал ему работу в музыкальном магазине.

Вскоре Никки создал группу и выступал с ней по вечерам, исполняя рок-н-роллы... Он сменил, как основатель и руководитель, множество коллективов, однако ни с одним из них так и не добился успеха. Наконец Сиккс, отчаявшись выдвинуться самостоятельно, присоединился к относительно известному ансамблю «London», с которым работал в престижных лос-анджелесских клубах... Там же он познакомился с Томми Ли, выступавшим с ме-

стным коллективом «Suite 19».

Никки и Томми поместили в одной лос-анджелесской газете объявление, что им требуются музыканты для новой группы. Откликнулся сешн-гитарист Мик Марс. Он же нашел и вокалиста — Нийл в то время пел с ансамблем «Rock Candy», а кроме того, немало знал Ли, с которым учился в одной школе... Через две недели после создания квартет дал первый концерт.

«Мотли Крю» обрела значительную популярность на Западном побережье и вскоре выпустила дебютный сингл, «Stick To Your Guns / The Toast Of The Town», тиражом лишь в тысячу экземпляров. За ним последовал альбом «Too Fast For Love», продюсерами которого выступили сами музыканты. И хотя звучание пластинки отнюдь не было совершенным, и разошлась она в этом варианте тиражом лишь в 35 тысяч экземпляров, на творческий потенциал группы обратили внимание крупнейшие фирмы грампластинок.

В конечном итоге квартет подписал договор с корпорацией «Elektra / Asylum Records». Сам альбом и концертные выступления, последовавшие за его выходом, значительно продвинули «Мотли Крю» к рок-Олимпу по категории хард-энд-хэви. Их экзальтированная сценическая манера поведения, экстравагантные костюмы, яркий грим стали продолжением концепций глэм-рока. Никки Сиккс, лидер группы, автор большинства мелодий и текстов, вынес, по его признанию, очень многое из панк- и глиттер-рока в плане шокирующей театральности.

...Квартет несколько раз выступал на концертах ансамбля

«Kiss», проходивших в городах Западного побережья, а затем выпустил свой второй диск, «Spout At The Devil». Этот альбом вывел «Мотли Крю» в десятку лучших групп стиля хард-энд-хэви в США. Пластинка отличалась «новым» голосом Винса Нийла, обретшим гораздо больший диапазон, вплоть до фальцета, значительную мощь и гибкость.

Группу ожидало блестящее будущее, но, как это часто бывает в жизни, осуществлению планов помешала трагическая случайность. Солист группы Винс Нийл, не справившись с управлением, попал в авткатастрофу. Его пассажир, ударник финского хард-рокового ансамбля «Hanoi Rocks» Николас Дингли, погиб. Сначала Нийла обвинили в убийстве по неосторожности и арестовали, что поставило судьбу «Мотли Крю» под серьезный удар. Но затем его оправдали, суд ограничился крупным штрафом. Оправившись от шока, коллектив приступил к работе над альбомом «Girls, Girls, Girls», ставшим впоследствии «платиновым»; он в большей мере, чем предыдущие, был ориентирован на традиции блюз-рока... Примерно в то же время у музыкантов начались серьезные проблемы с алкоголем и наркотиками, однако им удалось сохранить коллектив от распада; пройдя курс детоксикации в наркологических центрах, они смогли вернуться к плодотворной работе и, впервые изменив собственной традиции записываться только в лос-анджелесских студиях, свой очередной альбом «Dr. Feelgood» записали в студии «Little Mountain Sound Studios» канадского города Ванкувер. Результаты оказались потрясающими. Альбом

представил обилие вариаций стиля хард-энд-хэви: и классический хард-арт-рок, и хард-поп-рок, не считая эпической рок-баллады... Диск был признан большинством рок-специалистов вершиной в развитии стиля. Тираж его превысил три миллиона экземпляров и более полугода находился в национальном хит-параде США.

Небывалый успех группы продолжается, записываются новые концертные диски, но сейчас гораздо больше, нежели музыкой, Винс Нилл и Томми Ли увлечены... автогонками. Вплоть до того, что собираются, если найдут спонсоров и подходящую спортивную команду, стать профессионалами.

Время покажет, что возьмет верх: музыка или спорт...

Материал подготовлен
Музыкально-информационным
агентством «Астро-Ньюс»

Фото на 4-й странице обложки
ЕВГЕНИЯ МАТВЕЕВА

Книга — для души

50

КРОССВОРДОВ

Если вам хочется обрести радость интеллектуальной победы, проверить свою эрудицию и потренировать память, если у вас возникла необходимость снять стресс или просто появилось полчаса свободного времени — возьмите в руки книгу «50 КРОССВОРДОВ».

Уникальное издание с юмористическими рисунками одного из лучших художников-юмористов, ОЛЕГА ТЕСЛЕРА, — совместный выпуск журнала «СМЕНА» и издательства «КЛЮЧ-С».

Цена книги договорная.

Минимальная партия —

500 экземпляров.

Заявки просим направлять по адресу:

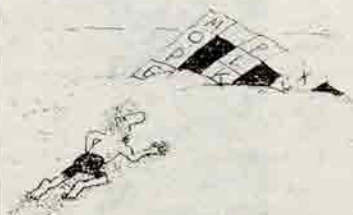
101457, Москва,

Бумажный проезд, 14.

Редакция журнала «СМЕНА».

Телефон для справок:

250-49-98.

Даже самая длинная очередь
покажется вам пустяком,
если у вас с собой книга
«50 КРОССВОРДОВ».

ГОРДОН МАКГИЛ

Добродо

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЦЬКОГО

Вот уже шесть недель ученики по пятам ходили за женщиной. Они и ночью не спускали глаз с ее дома, следили за каждым шагом этой особы, пока та добиралась на работу, а когда она наведывалась в гости, терпеливо поджидали ее. С тех пор как погиб учитель, число учеников значительно поубавилось. Одни свели счеты с жизнью, другие предались отчаянию и не покидали более своих жилищ. Но преодолевшие депрессию до мозга костей прониклись чувством мести и от этого стали еще сильнее.

В этот раз, когда женщина посетила врача, двое из них последовали за ней в приемную и уселись рядом. Они обратили внимание на неестественное напряжение, охватившее ее лицо. Очевидно, женщину терзала боль, и они торжествовали про себя, догадываясь об ее мучениях.

— Мисс Рейнолдс, — раздался из кабинета голос. С трудом поднявшись, Кейт медленной походкой двинулась через комнату и толкнула дверь. И тут же от неожиданности застыла на пороге, заморгал в смятении ресницами. На нее смотрел совершенно незнакомый, молодой и пышный здоровьем врач. Он улыбался.

— Доктор Джонстон больше не практикует, — начал было врач и тут же перебил сам себя: — Вы не присядете?

Кейт прикрыла за собой дверь и опустилась на стул подле стола.

— Острая, пронизывающая боль вот тут, — выговорила она, указывая на нижнюю часть живота. — Как будто что-то раздулось.

Осторожно поддерживая женщину, врач подвел ее к кушетке и тщательно осмотрел. Затем, вписав в рецепт адрес и фамилию, вручил его Кейт.

— Это мой коллега. Он специалист по такого рода делам. Думаю, вам стоит навестить его. — Врач помедлил. — И побыстрее.

Кейт молча уставилась на него.

— Я совершенно уверен, что вам не о чем беспокоиться, — попытался приободрить ее врач.

Поднявшись с кушетки, Кейт сморщилась от боли:

— А вы не могли бы прописать мне что-нибудь...

— Извините, — резко перебил ее врач. — Но на этой стадии я бы не рекомендовал болеутоляющие.

Он внимательно наблюдал за Кейт, пока она не покинула приемную. Заметив двоих мужчин, поспешивших за ней к выходу, врач закрыл дверь и снял телефонную трубку.

— Соедините меня с Чикаго.

На лице молодого человека играла торжествующая улыбка.

— Посреди смерти зарождается жизнь, — заметил он про себя.

Кейт лежала на операционном столе. Голени были крепко привязаны. Кожа на разбухшем животе вздулась. Тело сотряса-

Повесть Дэвида Зельцера «Знамение» («Смена» № 2, 1990); повесть Жозефа Ховарда «Дэмьен» («Смена» № 8, 1991); повесть Гордона Макгила «Последняя схватка» («Смена» № 2, 1992).

лось в ритмичных конвульсиях, две медсестры держали ее за руки. Она тяжело дышала, ее полные мольбы глаза остановились на одной из сестер.

— Это скоро кончится,— попыталась та успокоить Кейт.

Дикая боль вновь пронзила ее тело, и женщина заплась в душераздирающем вопле, чуть было не задохнувшись. Хирург потянулся за скальпелем.

— Я сделал небольшой надрез,— проговорил он,— давить будет не так сильно.

Врач склонился над Кейт, но та опять закричала. Сестра прикрыла ей лицо салфеткой.

— Идет,— крикнул хирург,— держите ее.

Спина Кейт изогнулась, голова резко откинулась назад в истошном протесте против того, что с ней происходило.

И тут *она* вышло из нее.

Расслабленное тело Кейт дернулось, словно рыба, внезапно пригвожденная ножом. Хирург передал акушерке шевелящийся комочек и направился к двери, даже не сполоснув руки. Он медленно двинулся по коридору. Сестра последовала за ним, наблюдая, как хирург подошел к пожилой паре, расположившейся на скамейке. Она услышала знакомые и жесткие слова: «Мы сделали все, что было в наших силах».

Старушка упала на грудь мужа и разрыдалась.

— Опухоль оказалась просто гигантской,— констатировал врач.

Медсестра закрыла за собой дверь, повернулась, приняла комочек из рук акушерки и взглянула на него. Это был мальчик. Медсестра непроизвольно перекрестилась, а затем, услышав постукивание собачьих когтей по кафельному полу, оглянулась. Огромный черный пес с тяжелыми челюстями подбежал к ней. Сестра опустила ребенка на пол, и собака принялась лизать мальчика. Маленькие ручки потянулись к чудовищу; крошечные пальчики вцепились в собачью шерсть. Сестре вдруг почудилось, будто мальчик причмокивает. Она взглянула на мертвую женщину и устремилась к операционному столу, чтобы накрыть тело. Лицо медсестры сморщилось от отвращения, но, когда она вновь перевела взгляд на ребенка, на губах ее заиграла улыбка.

— Это плоть от плоти дьявола,— с гордостью произнесла медсестра.

В эти минуты в квартирах, особняках, конторах и на заводах ученики шептали благодарные молитвы. Отчаявшиеся вновь обрели надежду.

А в самом сердце Италии, в монастыре, священник по имени де Карло сидел на узкой койке. Все тело его было покрыто холодным липким потом. Очнувшись от ночного кошмара, де Карло знал наверняка: он проиграл, и самое худшее еще впереди.

Молодой человек вот уже битый час слонялся по одному из залов ожидания в аэропорту Хитроу. Он то глядел на взлетные полосы, то шатался возле бара, раздумывая, не пропустить ли стаканчик-другой, но каждый раз отказывался от соблазна. Время от времени он засовывал руку в карман и извлекал лист с напечатанным рядом цифр, пытаясь, видимо, их запомнить. Он никогда не встречал этого старика, но знал, что обязан иметь в своем распоряжении железные факты, ибо Поль Бухер просто на дух не выносил дураков.

Из громкоговорителя донесся треск: «Самолет компании «Торн Корпорейшн» рейсом из Чикаго только что совершил посадку!»

У молодого человека перехватило дыхание.

«Пассажиры Бухер прибывает в зал ожидания через минуту. Спасибо за внимание».

Молодой человек подтянул и поправил галстук. Председатель компании «Торн Корпорейшн» и владелец львиной доли ее акций Поль Бухер являлся самым могущественным и влиятельным лицом в Западном регионе, а это означало, что и во всем мире. Тридцать лет назад его идеи превратили промышленный гигант в крупнейший на земном шаре транснациональный комплекс. Простейшая мысль озарила тогда Бухера, осознавшего, что именно пицца должна стать наиважнейшим товаром на планете. И теперь «Торн Корпорейшн» представляла собой гигантский производитель удобрений и сои, поставляемых в страны третьего мира.

Сколько раз молодой человек ошеломлял девушек или нижестоящих сотрудников одной только фразой, принадлежащей Бухеру и ставшей уже притчей во языцех: «В основе нашего процветания лежит голод».

Да, Бухер слыл кем-то вроде героя, живой легендой.

Молодой человек взглянул на взлетную полосу, отыскивая глазами самолет компании. В это время дверь распахнулась, и в зал вошел высокий старик с прямой спиной и резкими чертами лица. Его седые вьющиеся волосы были аккуратно уложены.

— Мистер Бухер, — начал молодой человек, — моя фамилия Хэррис. Добро пожаловать в Лондон. — Меньше всего ему хотелось походить на гида, но слова вылетели сами собой.

— Спасибо, Хэррис, — поблагодарил Бухер. — Спасибо, что встретили.

Хэррису оставалось только надеяться, что он не покраснел от удовольствия.

— Машина в вашем распоряжении.

— Конечно, — проронил Бухер. «Назойливый мелкий негодяйчик», — тут же решил он про себя.

Автомобиль мчался по шоссе. Хэррис открыл дверцу бара, но Бухер отрицательно покачал головой.

— Из Ливии есть какие-нибудь новости?

— Никаких, сэр, — сообщил Хэррис.

Бухер кивнул.

— Ладно. Расширьте производство в течение еще трех недель и поднимите ставки на полтора пункта.

Хэррис в недоумении заморгал.

— Но они могут возразить, сэр.

— Они могут возражать, сколько им заблагорассудится. Разбудите меня, когда приедем.

Бухер прикрыл глаза, а Хэррис задумался над тем, не совершил ли он только что роковую ошибку.

Резиденция Британского филиала «Торн Корпорейшн» располагалась на южном берегу Темзы. Здание было сооружено в виде буквы «Т» и являло собой меньшую по размерам копию штаб-квартиры компании в Чикаго.

Из своего кабинета на верхнем этаже Бухер мог любоваться раскинувшимися на противоположном берегу зданием Английского банка и другими городскими сооружениями. А слева открывался великолепный вид на дворцы парламента. Председатель привык разглядывать эти прекрасные строения во время телефонных переговоров.

Очувтившись в своем кабинете, Бухер попросил принести все телексы за последние два дня и велел не беспокоить его в течение часа.

Служащие тем временем постепенно собирались в приемной. Они спокойно переговаривались, то и дело приветствуя кивками вновь входящих сотрудников. За час приемная основательно наполнилась людьми.

Секретарша Бухера посмотрела на часы, постучала в дверь и заглянула в кабинет.

— С днем рождения, сэр, — поздравила она.

Бухер улыбнулся и обвел взглядом подчиненных.

— Спасибо, — поблагодарил он, вставая и кивком приглашая их войти.

В кабинет заходили, придерживаясь установленного этикета: сначала три вице-президента со словами: «Поздравляем, Поль», следом за ними управляющие департаментов, затем исполнительные директора компании, чьи лица лишь смутно были знакомы Бухеру.

Когда наконец отзвучали все приветствия, собравшиеся подались в сторону, пропуская вперед мальчика, который нес выпеченный в форме буквы «Т» торт с зажженными свечами.

Мальчик поставил торт на стол перед Бухером и отступил назад. Бухер улыбнулся, поблагодарил его и подул на свечи. Лишь с третьей попытки он загасил их. В изнеможении Бухер оперся о письменный стол.

На пороге появился официант, вкативший в приемную сервировочный столик.

— Шампанского? — осведомилась секретарша.

— Обязательно! — воскликнул Бухер.

Официант принялся откупоривать бутылку. Бухер поднял фужер, принимая поздравления сотрудников.

— Позволь заметить, Поль, ты никоим образом не выглядишь на свои годы.

— Хочешь сказать, что я неплохо сохранился?

— Ну, такое я бы не ляпнул, но...

— Сэр, вы сегодня празднуете?

— Нет.

— ...сэр, надеюсь, этот год будет таким же успешным, как и предыдущий.

— Хочется надеяться, что он будет более успешным.

— Конечно, конечно.

Бухер разглядывал присутствующих и пытался прикинуть в уме, кто же из них в состоянии занять его место. Похоже, ни один из собравшихся здесь не способен заменить его, Бухера. Никто из них. Да, пожалуй, и в Чикаго тоже. Бухеру был нужен он сам, только сорокалетний.

— За ваши семьдесят.

Бухер резко обернулся и увидел Хэрриса, поднявшего бокал. Лицо молодого человека раскраснелось от шампанского. Бухер нахмурился.

— За ваши семьдесят! — повторил Хэррис, пытаясь улыбнуться как можно любезнее.

Бухер вздрогнул и отошел в сторону.

Стоявшая рядом с Хэррисом секретарша мягко взяла его под руку.

— Я что-то не то сказал? — смутился тот.

— Выведите его отсюда, — приказал Бухер.

Секретарша увлекла Хэрриса к двери, и присутствующие тут же отвернулись от них.

— Что такого я сделал? — взвизгнул Хэррис, когда Бухер, подойдя к креслу, тяжело опустился в него и прикрыл глаза. Когда он их вновь открыл, возле кресла в одиночестве стояла его секретарша.

— Извините, господин Бухер...

Бухер покачал головой.

— Все в порядке.

— Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

— Разве что добавить еще лет тридцать жизни, — отозвался Бухер.

Улыбнувшись, секретарша вышла из кабинета, размышляя про себя, смертен ли вообще Поль Бухер.

В эту ночь Бухер спал беспокойно, он то и дело вздрагивал и что-то бормотал. Женщина приподнялась на локтях и взглянула на него. Впалая грудь, выступающие ребра, правая рука подрагивает. Она ласково взяла ее в свои руки и погладила ладонь. Бухер нахмурился во сне и опять что-то невнятно бормотал.

Женщина улыбнулась, тронула его за мизинец и слегка пощекотала. Мизинец тут же обвился вокруг ее пальца, словно младенец, ухватившийся за свою мать.

Женщина вдруг почувствовала шероховатость отметины на его пальце: три девятки, если рассматривать их под одним углом, или же три шестерки, если глядеть под другим. Верхушки шестерок соединялись в виде клеверного листочка.

Женщина почувствовала, как цифры пылают, обжигая ее собственную кожу.

Бухер метался по постели, взмахивая свободной рукой, губы его шевелились.

— Что ты сказал? — прошептала женщина, еще ниже склоняясь над ним.

— Трижды двадцать и десять, — едва слышно пробормотал Бухер.

— Ш-ш-ш... — Женщина так крепко сжала его руку, что оцарапалась об отметину. Она вскрикнула и попыталась выдернуть руку, но Бухер не отпускал ее.

— Поль, — взмолилась она,

— Трижды двадцать и десять, — выдохнул Бухер. — В минуту Армагеддона. Семьдесят лет.

Наконец женщина освободила свою руку и отодвинулась от Бухера. Губы его продолжали шевелиться, но теперь беззвучно. Она взглянула на свою ладонь и заметила, что его родимое пятно отпечаталось на ее пальце.

Некоторое время она неподвижно лежала, уставившись на этот знак, затем приложила палец к губам и лизнула его, почувствовав под языком три шестерки. Женщина повернулась, чмокнула Бухера в щеку и, пробормотав слова благодарности, уснула глубоким счастливым сном.

Глава 2

Завтракая в своем кабинете, Поль Бухер внимательно просматривал утренние газеты. Все они в один голос восхваляли министра иностранных дел, предложившего устроить встречу между израильтянами и представителями арабских государств. Сторонники Питера Стивенсона с улицы Флит-стрит на все лады превозносили его государственную деятельность, а отдельные журналисты делали невероятно смелые предположения, будто теперь ближневосточная проблема наконец будет решена. Противники ощущали значительно меньший энтузиазм, однако и им приходилось признать, что министр предотвратил чуть ли не путч.

Бухер улыбнулся. Подобное славословие должно пойти на пользу слегка подмоченной репутации Стивенсона. Обстоятельства требовали, чтобы этот человек приобрел определенный кредит доверия. Стивенсон, конечно, слабак, а подобные люди, стоящие у кормила власти, как нельзя лучше подходили Бухеру.

Он взглянул на часы и включил телевизор. Ведущий как раз комментировал заявление министерства иностранных дел по поводу предстоящей встречи.

Ближний Восток, разъяснял комментатор, находится с момента образования Израиля в 1948 году в состоянии постоянных

конфликтов, но никогда еще кризис не затягивался на такой длительный срок. Бомбардировки Тель-Авива и Иерусалима в течение последних двух лет поставили Ближний Восток, а так же весь мир, на грань катастрофы.

Бухер зевнул и вновь уткнулся в газеты, пока на экране не появился Стивенсон. Министр иностранных дел широко улыбался. Это был человек с лицом истинного патриция, с благородным чеканным профилем, о котором мог мечтать любой киношник.

Бухер внимательно прислушивался к словам Стивенсона, отмечая, что тот даже не заикнулся о необходимом. Ранее они обсуждали сценарий выступления министра. Сейчас же Стивенсон молот какую-то чепуху о трудностях в связи с организацией «круглого стола». Ему якобы удалось собрать людей, и он надеется, что все участники придут на встречу непременно с конструктивными предложениями.

— Валий, валий,— пробормотал Бухер.— Пудри им мозги. Они это до смерти любят.

Он прекрасно понимал, что означала намеченная встреча. Знали это и Стивенсон, и участники «круглого стола» — горстка людей плюс бельгийская проститутка, услугами которой регулярно дважды в месяц пользовался министр иностранных дел.

Однако Стивенсон ограничился сообщением о том, что, по его убеждению, никто не ждал от этой встречи чуда. Зато, заметил он, пока участники переговоров варились в собственном соку, никто из них не держал палец на спусковом крючке. Тут министр криво усмехнулся и попрощался с телезрителями.

— Жалкий мерзавчик,— сквозь зубы проговорил Бухер и раздраженно выключил телевизор. В этот момент звякнул селектор.

— К вам посол, сэр,— раздался голос секретарши.

Бухер удовлетворенно хмыкнул и повернулся к двери. На пороге стоял Филипп Бреннан, посол США при английском дворе. Это был высокий мужчина, которому едва перевалило за сорок, с мальчишеской улыбкой, что равно очаровывало как женщин, так и мужчин и безотказно служило ему в дипломатических кулуарах.

Мужчины поздоровались, и Бухер предложил кофе. Бреннан кивком указал на телевизор:

— Вы видели Стивенсона? Он говорил что-нибудь интересное?

— Ах! — отмахнулся Бухер.— Все те же набившие оскомину выводы и клише.

— М-да, в этом-то все и дело. Ближний Восток уже сам по себе избитая тема, клише, как вы изволили заметить.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Бухер, буравя посла взглядом.

Бреннан пожал плечами.

— Полагаю, нам придется довольствоваться этой же самой тягомотиной. Выторговывать Голанские высоты. Выменивать Синай на Восточный Иерусалим. Сохранять наше оружие в небе...

— Ну да, а наши бранные тела на земле,— закончил фразу Бухер.

Усмехнувшись, оба понимающе уставились друг на друга. Они проговорили о политике еще минут двадцать, потом Бреннан посмотрел на часы и сообщил, что ему пора уходить.

На пороге они пожали друг другу руки.

— Вы здесь надолго? — поинтересовался Бреннан.

— Нет. Так, короткий визит, инспектирую сотрудников. Вернусь домой в пятницу.

— Спасибо за кофе...

— Филипп, — произнес Бухер, не выпуская руки посла, — я слышал, вы намерены баллотироваться в сенат.

Бреннан улыбнулся.

— Мне казалось, что об этом никто не знает.

— Послушайте, я, конечно, не собираюсь рассыпать бестолковые комплименты, но вполне согласен с теми, кто предрекает вам блестящую карьеру.

Бреннан кивнул, принимая комплимент.

— Вы могли бы пройти весь путь вплоть до Белого дома.

Бреннан опять кивнул, относясь и к этим словам как к должному.

— Все, о чем сейчас судачат журналисты на каждом углу, — это проблема финансирования. А у Торна нет в этом недостатка.

— Приятно слышать, Поль, но не противоречите ли вы самому себе? Я являюсь демократом, а президент, которого вы поддерживали, — республиканец.

— Он слабовольный человек, — заметил Бухер. — Мы очень надеялись, что власть поможет ему хоть немножко возмужать.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

На лице Бухера вновь мелькнула улыбка.

— Я не предполагал, что это вопрос.

— Еще раз спасибо за кофе. До скорого. — Бреннан распахнул дверь и вышел.

Бухер наблюдал, как посол удалялся. Ему вдруг подумалось, что в Бреннане каким-то непостижимым образом уживаются и стопроцентный дипломат, и человек прямо-таки маниакальной честности. Вот здесь как раз и могут возникнуть проблемы. Пожалуй, предосторожность не помешает.

Поразмыслив над этим, Бухер тут же забыл о Бреннане.

Пока его лимузин продирался сквозь вечерние заторы по направлению к Оксфорду, Бухер расслабился и задремал на заднем сиденье. Предыдущая ночь не освежила его. Обычно, какими бы тягостными не были внешние обстоятельства, Бухеру достаточно было трех-четырёх часов, чтобы «подзарядить батареи». Однако за последнее время он здорово сдал. Если так будет продолжаться, ему не миновать встречи с врачом. А пока он будет бороться с усталостью.

В полудреме Бухер вяло размышлял над тем, что может означать для человека дата его рождения. Бухер любил порядок во всем. Ему льстила мысль, что родился он в середине месяца на гребне десятилетия. Да и отец его не раз с хитрецей утверждал, что все именно так и было запланировано.

Бухер вдруг вспомнил, как старик неоднократно говаривал: «Я надеюсь, что в июне 1950 года, к своему двадцатилетию, ты уже кое-чего достигнешь. А к июню 1970-го ты уже будешь просто обязан сделать очень много».

Так все и вышло. Его восхождение по служебной лестнице вплоть до поста президента «Торн Корпорейшн» было невиданным. Ведь те, кто просиживал штаны, вроде старика Билла Ахертонна, решили тогда, что он взлетел слишком высоко и обязательно обожжет себе крылья, а он взял да и выжил, оставив всех их далеко позади себя.

Все шло по плану. До того кошмарного дня, когда Дэмьена Торна — последнего из рода Торнов — не предали и не убили. Это случилось восемнадцать лет тому назад, но до сих пор гнев клокотал в Бухере при одном только воспоминании о роковом дне.

Бухер что-то пробормотал и открыл глаза. Он заметил, что шофер бросает на него любопытные взгляды. Бухер достал пузырек с витаминами и отправил горсточку в рот.

При мысли о встрече с мальчиком у него внутри все сжалось. Тому уже вот-вот исполнится семнадцать — возраст, когда юноше суждено обрести черты настоящего мужчины. Любопытно, что это будут за черты, подумал Бухер. Ученики сообщали, что мальчик подрос и раздался в плечах.

Бухер почувствовал знакомое жжение. Желудок его и прикончит. Он вспомнил слова врача — что-то насчет стрессов. У каждого человека, объяснял Бухеру врач, есть определенный орган, который целенаправленно разрушается. У одного — мучительные головные боли; другой полагает, что у него — ни больше ни меньше — стынет кровь, и это доводит до сердечного приступа. У Бухера слабым местом был желудок.

Только один человек во всем мире мог вызвать в Поле Бухере внутреннее напряжение. Ни политик, ни авторитетный ученый, ни даже президент Соединенных Штатов Америки не имели на него серьезного влияния — только этот мальчик.

Автомобиль свернул с трассы на узкую проселочную дорогу, ведущую к Пирфорду. Водитель притормаживал на крутых поворотах. Вдоль дороги кустарник переплетался и образовывал живую изгородь. Бухер выглянул в окно. Кролики разбежались с дороги по кустам, а на лобовое стекло то и дело садились бесчисленные насекомые.

— Приехали, сэр, — донесся из селектора голос водителя, когда машина остановилась у ворот.

С того момента, как погиб Дэмьен, в Пирфорде установили новую систему безопасности, и большие стальные ворота открывались теперь с помощью электроники.

Водитель коснулся одного из тумблеров на металлической панели, и створки ворот разошлись. Еще полмили вверх по дороге, и Бухер уже мог различить западное крыло гигантского особняка. Там его ожидают лучший в мире коньяк и пылающий камин.

Колеса зашуршали по гравию, и автомобиль затормозил.

Джордж, дворецкий, уже застыл в дверях; он принял кейс Бухера и проводил его в дом, пробормотав мимоходом, что ему приятно видеть гостя.

Бухер с ходу направился в гостиную и, плеснув в бокал коньяку, внимательно оглядел зал. Особняк являл собой чудесное сочетание изысканности и экстравагантности. Бухер пробежал пальцами по дубовой панели, поглядел тяжелые бархатные портьеры и скользнул взглядом по портретам. Роберт Торн; его брат Ричард; Дэмьен. Вздвогнув, Бухер поспешил к камину и, потирая в ожидании озябшие руки, повернулся спиной к пламени.

В зал заглянул дворецкий:

— Обед будет готов через двадцать минут, сэр.

Бухер кивнул:

— Как он?

— Порядок, сэр.

— Я могу его видеть?

— Если отыщете, сэр.

Бухер опять кивнул и, прихватив бокал с коньяком, вышел из гостиной. Он пересек холл, поднялся по крутой лестнице на первый этаж и направился вдоль галереи к сумрачному коридору, ведущему в западное крыло особняка. Бухер слышал, как колотится его собственное сердце, он чувствовал, что все внутри у него сжимается. С каждым шагом Бухер приближался к спальне юноши.

Он тихонько постучал в дверь и прислушался. Ни звука не доносилось оттуда. Бухер снова постучал, затем толкнул дверь и вошел в комнату.

Внутри никого не было. В спальне стояла узкая кровать, и больше ничего; стены и потолок были выкрашены в какой-то невыносимо тоскливый цвет. Бухер почувствовал резь в глазах и потянулся к выключателю. Но свет не зажегся; лампочка была вывернута. Бухер подошел к кровати и принялся разглядывать настенный коллаж из газетных вырезок. По обе стороны коллажа висели два больших снимка. Правый являлся портретом Дэмьена Торна: голова и плечи крупным планом. На другой фотографии виднелись могила и надгробный камень. Бухер всмотрелся в надпись, выбитую на граните и полускрытую кустарником:

КЭТЛИН РЕЙНОЛДС
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ДОЧЬ
1949—1982

Бухер хмыкнул и еще ниже склонился над постелью, вглядываясь в коллаж. Вот снимок варшавских евреев, которых под прицелом гонят к грузовикам для отправки в Освенцим. На следующей фотографии виднелись следы каких-то массовых захоронений; здесь же висели портреты Гитлера и Иди Амина, застывшего с открытым ртом Муссолини и ухмыляющегося Сталина. На фоне ядренного гриба над разрушенной Хиросимой улыбался Гарри Трумен. Рядом с обуглившимся указателем на Дрезден пускал клубы табачного дыма Черчилль. Генри Киссинджер расплылся от счастья, принимая Нобелевскую премию,

и тут же стоял Пол Пот, прислонясь к целой горе черепов и поломанных костей.

Весь коллаж слева направо пересекали начертанные детской рукой красные буквы: РЕПЕТИЦИЯ.

Бухер шумно выдохнул, отхлебнул изрядный глоток коньяка и с облегчением покинул спальню.

Он прошел в глубь особняка, свернул в другой коридор и почуял собаку раньше, чем заметил ее. Осторожно приблизился к ней, уставившись в желтые горящие глаза, неотступно следившие за ним из глубины коридора. Пес поднял свою массивную черную голову, медленно встал на лапы и, тяжело ступая, устремился навстречу Бухеру — чудовищный зверь с тяжелыми клыками, мощной шеей и огромным туловищем. От его дыхания за версту несло зловонием.

Собака остановилась, вперив взгляд в Бухера, ее морда оказалась на уровне его живота. Какое-то время застывшие на месте зверь и человек словно гипнотизировали друг друга. Собака принюхивалась, затем тихонько зарычала, но отошла в сторону, будто часовой, милостиво разрешивший пройти.

Бухер проскользнул мимо собаки в коридор, подошел к последней двери и поднял было руку, чтобы постучать, но передумал и просто толкнул дверь.

Комната представляла собой круглый, окрашенный в черный цвет зал, потолок поддерживали шесть колонн. Здесь не было ни единого окна, помещение освещалось единственной черной свечой, прикрепленной к плинтусу.

Коллеблющееся пламя выхватило из мрака деревянное распятие в человеческий рост: фигура Христа с обращенным к стойке ликом, в ноги и распростертые вдоль перекладины руки были вбиты черные гвозди.

Фигура была обнажена. Из позвоночника торчал кинжал, вонзенный по самую рукоятку, вырезанную в виде Христа, распятого на кресте.

В шести футах от распятия Бухер разглядел мужское обнаженное тело. Оно было забальзамировано и находилось в вертикальном положении. Казалось, будто этот забальзамированный труп ничем не поддерживался и стоял сам по себе, распростерши руки ладонями вверх. В остеклевших глазах отражалось мерцающее пламя, и чудилось, что они живые. Рот застыл в сардонической улыбке.

У ног труп склонился юноша в черной сутане. Он так крепко вцепился в мертвые ладони, что его запястья побелели.

Бухер напрягся, пытаясь вслушаться в монотонное бормотанье молодого человека.

«Отец, даруй мне силы, и пусть твой дух возрастет во мне. Отец, придай мне силы...»

Молитве не виделось конца. Лишенная страсти, она звучала безжизненно, и казалось, что юноша сам едва дышит.

Бухер пристально посмотрел на него, затем взглянул в мертвое лицо Дэмьена Торна. Заторможенно, скорее инстинктивно, осенил себя искаженным крестным знамением и, пятясь, добрался до двери, тихонько прикрыв ее за собой.

Собака не спускала с Бухера горящих глаз до тех пор, пока он не скрылся из виду, затем снова улеглась, наострив уши, будто вслушивалась в безжизненное бормотание юноши.

Бухер ожидал юношу в столовой. Он потягивал коньяк и невидящим взглядом скользил по экрану телевизора, а когда вновь оторвал от него глаза, то заметил на пороге молодого человека. Юноша уже успел переодеться в обычную рубашку и джинсы. Бухер отметил про себя, что вошедший, как и уверяли ученики, действительно повзрослел. Ростом он был уже почти с отца, а сходство между ними просто поражало.

— Ты выглядишь измотанным, — начал юноша, и Бухер обратил внимание на то, что голос у него стал более низким.

— Ничего. Это старость, — отозвался Бухер.

— Может, тебе лучше завязать с сексом?

Бухер улыбнулся.

— В старые добрые времена замечали, что это только на пользу. А сейчас я стал просто как сонная муха.

Юноша сел за стол. В это время дворецкий вкатил в столовую сервировочный столик.

— Ты ведь ко мне с каким-то делом? — поинтересовался юноша, игнорируя присутствие дворецкого.

Бухер кивнул и полез в карман за отчетом. Юноша пробежал его глазами, затем бросил на Бухера острый взгляд.

— А не совершат ливийцы ошибку, как ты думаешь?

Бухер отрицательно покачал головой:

— Мы им здорово защемили хвосты, и им теперь от нас не отвертеться.

Юноша одобрительно кивнул, сложил лист с отчетом и вернул его Бухеру.

— Ладно. Значит, все идет, как надо, по намеченному курсу?

Бухер нахмурился. Что-то в этом вопросе насторожило его.

— Ну, я имел в виду, что все хорошо, — улыбаясь, поправился юноша.

— Англичане пытаются устроить в Иерусалиме свой собственный миниатюрный Кэмп-Дэвид, однако это им никак не удастся.

— Отлично, — проронил юноша, заправляя салфетку за ворот рубашки. Он обернулся к дворецкому, поблагодарил за обед и накинулся на еду, с аппетитом уплетая блюдо за блюдом, слабривая все это изрядным количеством вина и лишь изредка задавая Бухеру вопросы: «Я слышал, что у Саймона в кнессете какие-то неприятности?..», «Как Бредли управляется в Белом доме?», «Когда же наконец в Зимбабве произойдет переворот?»

Бухер терпеливо отвечал. За это время он уже успел позабыть, насколько умен этот юнец, как на лету хватал он мельчайшие подробности. Он так похож на своего отца. Правда, ему немного недостает очарования Дэмьена, но со временем придет и оно.

Они уже пили кофе, когда в столовую опять вошел дворецкий. Глядя на юношу, он протянул Бухеру записку:

— Боюсь, что это опять та женщина, сэр.

Юноша зевнул, а Бухер пробежал взглядом текст записки.

— Она пишет, что присутствовала при твоём рождении, — повернулся к собеседнику Бухер.

Дворецкий пожал плечами.

— Она торчит здесь уже целую неделю, сэр. Это начинает утомлять.

Бухер вновь взглянул на юношу:

— Она, видимо, жаждет получить от тебя последнее благословение?

Тот снова зевнул. Бухер скомкал записку и швырнул ее в огонь.

— Приведите ее. Только убедитесь сначала, что она действительно та, за кого себя выдает.

— Хорошо, сэр.

Дворецкий вышел, а юноша обратился к Бухеру:

— Ты уверен насчет Бредли?

Бухер вздохнул. Юноша был просто одержим. Похоже, ничего, кроме дел, его не занимало, никакие события не касались холодного ума молодого человека.

Дверь снова открылась, и перед ними появилась старуха. Лицо ее избороздили глубокие морщины. Старуха сидела в инвалидной коляске, ноги ее были укутаны грубым пледом, а на худых согнутых плечах болтались остатки шали. Суставы на руках были такими разбухшими, что казалось, будто пальцы срослись. Ни шаль, ни плед не могли скрыть ее худобы. Бухер вдруг подумал, что старуха весит, наверное, никак не больше восьмидесяти фунтов.

Она коснулась кнопки на подлокотнике, и коляска, закрипев, подъехала поближе. Старуха остановилась у стола и вперила в юношу взгляд. Потом ухватила за пару костылей, прикрепленных к коляске, и с трудом поднялась. Бухер двинулся было ей навстречу, чтобы помочь, но она только отмахнулась от него.

— Я Мэри Ламонт, — представилась старуха. — Я была медсестрой и присутствовала при твоём рождении.

Юноша молчал.

— В тот момент, когда ты появился, у меня начался приступ артрита, и с тех самых пор боль не отпускает меня. Я принимаю лекарства, но от них мне еще хуже. Во сне мне кажется, что это Бог наказывает меня.

— Он может, — промолвил юноша.

— Я не в силах больше терпеть эти муки и скоро сведу счеты с жизнью. Но, прежде чем умереть, я хотела видеть тебя. Хоть раз глянуть на то, чему я помогла появиться на свет.

Юноша широко распростер руки и повернулся в профиль.

— Надеюсь, ты довольна?

Старуха встала в полный рост, и лицо ее оказалось вровень с лицом юноши.

— Не благословишь ли меня?

Молодой человек опустил руки на лоб старухи, и она прикрыла глаза.

— Я всю жизнь служила ему. Я помогла при твоём рождении и ради твоего отца убила младенца.

Пальцы юноши впились в ее кожу, и лицо исказилось гримасой негодования.

— Я присутствовала на том сборе, когда отец твой приказал перебить всех младенцев, родившихся в один день с Сыном Божиим. Я выполнила свой долг и всегда надеялась...

— На что же ты надеялась? — резко перебил ее юноша.

— Надеялась, что именно мне удастся уничтожить Божье Дитя.

— Так вот, твоя надежда умрет с тобой вместе. — Юноша сделал шаг назад, брезгливо вытирая о рубашку руки, будто они касались яда. — Вы предали его. Вы все предали его. Сын Божий до сих пор жив. День за днем изливает он на человечество свое снисходительное внимание, свою добренькую, лишнюю плотских радостей любовь. И влияние его час от часу возрастает. Он всегда настороже и ожидает меня. — Сын Дэмьена отступил назад, брызжа слюной прямо в лицо старой женщине. — Вы предали его и предаете меня.

Старуха беззвучно зарыдала, слезы струились по глубоким морщинам, собираясь в уголках рта. Она подняла скрюченную руку, чтобы утереть их. Тут юноша в упор глянул на нее.

— И ты полагаешь, будто твоя боль — это проделки Бога? — Он покачал головой. — Нет. Бог наказывает человечество за многие грехи. Мой же отец ни за что не карал. Только за предательство. Только этого он не прощал. Не простил и тебе.

— Но я все исполнила, что от меня требовали. Я ничего больше не могла сделать. Что же еще?..

Юноша отвернулся от старухи:

— Убирайся отсюда.

Она сделала шаг назад и рухнула в кресло-коляску.

— Пожалуйста, прости меня, — рыдая, просила старуха.

— Вы предали его. И пусть душа твоя навеки погрузится в мертвое море лицемерия.

Стон вырвался из старческой груди, и Бухер бросился к коляске.

— Оставь ее, — сухо приказал юноша. — Пусть катится отсюда.

Бухер застыл на месте, раздираемый желанием хоть как-то успокоить старую женщину и страхом перед силой юноши.

Старуха развернула коляску и медленно направилась к двери. В напряженной тишине раздавались поскрипывание колес и старушечьё всхлипывание. Затем дверь захлопнулась.

Поль взглянул на юношу:

— Тебе не кажется...

Оборвав Бухера на полуслове, сын Дэмьена стремительно прошел мимо него и покинул столовую.

Глава 3

Добравшись до такси, старуха уже вполне овладела собой. Она даже улыбнулась пару раз шоферу и всю дорогу болтала с ним о каких-то мелочах. Машина притормозила у ее дома. Старуха очутилась наконец в своей квартире. Она пересекла гостиную и направила кресло-коляску в святая святых — в спальню, куда

вход был строжайше заказан кому бы то ни было из посторонних.

Стены, потолок и пол в спальне были выкрашены в черный цвет. На стене висели два портрета: Дэмьена Торна и молодой женщины. Мебель составляли кровать, письменный стол и стул. И еще две книжные полки. На первой стояли библейские справочники и словари, на другой — порнография. Старуха протянула руку и коснулась корешков книг, затем внезапно схватила со стола пресс-папье и запустила им в фотографию Дэмьена Торна. Но силы покинули ее. Пресс-папье ударилось об пол, даже не задев портрета. Старуха чуть не задохнулась от отчаяния. Она с трудом выпрямилась в кресле, встала, сняла со стены другую фотографию и, как пришибленное насекомое, заковыляла к кровати. Лежа на постели, она не отрывала глаз от портрета, что держала в руках. На нем была запечатлена Мэри Ламонт за пару месяцев до того, как покинула отчий дом. Девушку сфотографировал отец. Мэри являла в тот момент классический образец идеальной девушки: скромная, наивная, недоступная. И это продолжалось до тех пор, пока она не встретила парня, который сам себя называл «искусителем».

На первых порах Мэри пыталась противостоять искушениям, однако, единожды переступив черту, она предалась соблазнам со всей страстью обращенной. В обществе ее приняли безоговорочно, ибо она работала медсестрой и имела доступ к самым сильным наркотикам.

Оргии длились месяцами, дни и ночи сливались воедино. Однажды утром Мэри очнулась от ночного кошмара, но оказалось, что это был не сон, а действительность. Ее заставили сношаться с огромным псом. Когда Мэри смывала со спины засохшую собачью слюну, она вдруг обнаружила на своем теле маленький шрам — три крошечных шестерки в виде клеверного листочка. А на стене кто-то нацарапал слова из «Откровения»:

*Кто имеет ум, тот сочти число зверя:
ибо это число человеческое. Число его
шестьсот шестьдесят шесть.*

Охваченная паникой, Мэри бросилась к родителям, умоляя простить ее. Она рассказала им всего лишь часть всей правды, но и этого оказалось достаточно, чтобы родители отвернулись от нее. И тогда на прощание ожесточенная Мэри выложила им грязную и страшную правду.

Когда она вернулась к своему «искусителю», ее восторженно приняли в обществе, ибо теперь знали наверняка, что она принадлежит им со всеми потрохами.

Старуха прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Она вспомнила, как, следуя указаниям Дэмьена, убила в инкубаторе младенца. Это оказалось просто! Мэри всего лишь на несколько секунд отключила кислород. Она даже помнила имя ребенка: Майкл Томас. Крошечное существо, помещенное в палату интенсивной терапии. Младенец только-только начал набирать вес, когда она отключила кислород.

Старуха закрыла глаза...

Расплывшись в белозубой улыбке, над ней склонился невысо-

кий мужчина в сутане. Рядом с ним застыла собака. От ее ошейника пахло почему-то мятой. Мэри взглянула на руки священника и заметила в них спичечный коробок. Мужчина вытянул спичку и зажег ее. Мэри была тогда совсем ребенком. Она наблюдала, как священник придвигается к ней все ближе и ближе. Мэри доверяла ему, ведь родители учили ее подчиняться священникам, ибо все они суть Божьи посланцы. Вспыхнувшее пламя ослепило девочку, и, все еще чувствуя запах мяты, она услышала прямо над ухом: «Ты только вкуси это, если грешна...» Мэри завизжала, когда пламя спички обожгло ей руку.

«Не отступай от пути Господнего, или душа твоя сгорит...»

Мэри опять вскрикнула от боли и открыла глаза. Лицо священника нависало над ней, губы его впились ей в щеку, а рука вцепилась в грудь Мэри.

«И вечная мука. И плоть стораает, но земля не принимает ее...»

Мэри ощутила на своем теле шарящие мужские руки, закричала и зажмурилась от ужаса глаза, а когда снова их открыла, то увидела перед собой красивого юношу. Мэри поняла, что это Майкл Томас. Юноша был прекрасен, его чудесная улыбка словно прощала Мэри. Рядом с юношей стоял еще кто-то: зыбкий силуэт, надвигающийся на девушку. Этот кто-то касался ее обожженной руки, и его успокаивающий голос повелевал Мэри довериться Богу, он напештывал ей, что в Царстве Божьем найдется место и для нее...

Мэри Ламонт очнулась и тупо уставилась на фотографию Дэмьена Торна, но вместо его портрета она различала лишь смутные очертания того неясного молодого лица. Слова из только что пережитого видения еще долетали до нее: «Покайся. Еще есть время».

Старуха поднялась с кровати и заковыляла к письменному столу. Достала ручку и бумагу. Крепко зажав в кулаке ручку, она с трудом выводила буквы: «Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...»

Старуха писала два часа подряд, и перо, будто само по себе, медленно скользило по бумаге. Закончив, Мэри Ламонт достала конверт и адресный справочник. «Отцу де Карло, — пометила она на конверте, — монастырь Сан-Бенедетто, Субиакко, Италия».

На земле не осталось другого существа, кому Мэри Ламонт могла бы признаться и покаяться. Де Карло был единственным человеком, который, возможно, понял бы ее и поверил всей этой страшной правде.

Старуха оглянулась. В комнату пробивались первые лучи рассвета. Она дотянулась до телефонной трубки и вызвала такси.

Машина мчалась на восток. Возвращаясь в памяти к своему детству, Мэри Ламонт размышляла, простит ли ее де Карло. А вдруг он решит, что ее раскаяние — это всего лишь отчаянная попытка застраховать себя от вечного адского огня? Старуха сжала под шалью письмо и почувствовала, как по щекам опять

заструились слезы. Она молча оплакивала себя, свою попусту растраченную, проклятую жизнь и того младенца, которого убила...

— Приехали, — прервал ее мысли водитель.

Старуха с трудом вернулась к действительности и тупо уставилась из окна на какую-то контору. Заметив почтовый ящик, она облегченно вздохнула.

— Я опуцу, опуцу, — с готовностью предложил шофер, но старуха уже выбиралась на костылях из такси.

— Ну сама, так сама, — согласился таксист, терпеливо ожидая ее.

— Вот теперь все отлично, — сообщила старуха, возвратившись в машину. — Второй поворот налево, пожалуйста.

Церковь все еще возвышалась на прежнем месте, хотя от нее остались одни руины: полуразрушенные стены с покосившейся табличкой «Церковь Святого Луки». Храм, где когда-то крестили Мэри Ламонт, а еще раньше — ее отца и деда.

Кое-как выбравшись из такси, старуха несколько минут стояла на тротуаре, который вибрировал под многочисленными отбойными молотками. На одной из церковных стен висела табличка: «На снос».

— Неужели на этой земле не останется ничего святого? — еле слышно прошептала старуха, с трудом пробираясь к главному входу. Вдруг она резко обернулась. Таксист захлопнул автомобильную дверцу и сидел, прикрыв глаза. Очевидно, он решил подремать до ее прихода.

Старуха вошла в церковь и подняла голову, разглядывая обвалившийся во многих местах потолок. Она зажала уши, пытаясь избавиться от оглушительного грохота отбойных молотков, но еще отчетливее ощущала их вибрацию. Скамеек не было и в помине, сохранились лишь алтарь и кафедра. Старуха медленно добрела до постамента рядом с кафедрой и подняла глаза на большую каменную статую, которую помнила еще с детских лет. Она застыла, вглядываясь в лицо Христа.

От статуи так и веяло покоем. Взгляд Христа, казалось, был устремлен на воображаемую паству, руки Спаситель скрестил в молитве на груди.

Старуха склонилась перед фигурой и начала бормотать молитву, слова которой едва помнила. Внезапно память прояснилась, и она запела псалом. Ее пение словно подхватили отбойные молотки, с новой силой вгрызаясь в церковное чрево.

Статуя покачнулась, лик Христа чуть не заволокло клубами пыли, поднявшимися с каменных плит. Старуха еле поднялась с колен и коснулась своей шеи. Знак — три крохотные шестерки — исчез.

Мэри Ламонт зарыдала. Но это уже были слезы счастья.

— Я прощена, — прошептала она.

Стена позади нее задрожала, и статуя зашаталась на постаменте. Старуха распрямилась и простерла руки к фигуре Христа:

— Прими меня, Господи, в Царство Твое.

Последнее, что она увидела, было лицо статуи, обрушившейся

на нее. Подбородок изваяния расколол череп Мэри Ламонт, а каменные персты пронзили ее изможденную грудь. Старуха успела вскрикнуть, вложив в этот предсмертный вопль всю samozабвенную радость.

Спустя несколько минут ее нашел рабочий. Ему почудилось, будто он услышал чей-то крик. Он взобрался на стену и разглядел оттуда погребенную под статуей старушку, обвинившую руками и ногами каменную статую Христа. Одна нога старушки еще подергивалась в предсмертных судорогах, из глаз струилась кровь, и этими кровавыми глазами она взирала через каменное плечо Христа на остолбеневшего рабочего. И тут ему, уже теряющему сознание, вдруг показалось, что старушка улыбается.

Глава 4

В одном из номеров римского отеля раздался телефонный звонок. Филипп Бреннан, зевая, отстранился от жены, потянулся к телефонной трубке и снял ее. Звонил его секретарь. Бреннан пробормотал что-то вроде «доброго утра».

— За ночь что-то изменилось в повестке?.. О'кей, пришлите депешу с утренним кофе, а я через полчаса спущусь.

Бреннан опустил трубку и выскользнул из постели. Маргарет даже не пошевелилась. Эта ночь вымотала их: за последнее время любовь превратилась для супругов просто в грубый, необузданный секс. Маргарет это нравилось все больше и больше, да и его, пожалуй, возбуждало, однако иногда все-таки хотелось нормальной человеческой теплоты и нежности. Под душем Филипп сморщился от боли, когда струя воды коснулась царапины на спине. Намыливая губку, он вдруг заметил следы укусов на своей груди. Супруги, конечно, мечтали, что все в Риме будет романтично, но эта сторона их отношений обернулась просто какой-то ненасытной страстью Маргарет.

Когда Бреннан оделся, пакет с документами уже ожидал его. Филипп медленно потягивал кофе и пробегал глазами последние сообщения разведки из Тель-Авива о передвижениях войск на Голанских высотах. Весь текст информационных бюллетеней, все это словоблудие он постиг еще с детства. Мало что изменилось с тех пор. Те же штампы, те же интонации. Пожалуй, значительно возросла только интенсивность событий. Мир словно наполнился страхом и напряжением с тех пор, как у ливийцев появилась бомба.

Бреннана радовало, что во время его нынешней поездки в Рим он выступал в роли наблюдателя; очередной его визит завершался, как правило, заключением какого-либо контракта. Пресса заинтересовывалась его приездом, предполагая, что нацелен он на нечто большее, нежели обычная посольская рутинa. Журналисты уже впрямую пытались выудить у него информацию о цели посещения. На все вопросы давался стандартный ответ: «Никаких комментариев». Пусть думают что хотят.

Покончив с кофе, Филипп чмокнул спящую жену и покинул

номер в прекрасном настроении. Он был готов во всеоружии встретить новый день.

Несколько позже основные стороны, принимавшие участие в переговорах, подписали совместное коммюнике о том, что дискуссии, проходившие в конструктивной обстановке, явились на редкость плодотворными. Представители прессы держали нос по ветру и умели прекрасно читать между строк. Таким образом, они очень скоро пришли к собственному выводу: никаких мало-мальски значимых результатов достигнуто не было. По-прежнему оставался нетронутым целый ворох проблем, не намечалось и проблесков надежды на то, что когда-нибудь воюющие стороны сядут наконец за стол переговоров.

Движение Палестинского фронта Освобождения сплошь и рядом состояло из дюжих молодцов, ветеранов сирийской и ливийской кампаний, и для них слово «компромисс» означало ругательство, да и кнессет с первой же бомбардировки перестал подаваться давлению извне.

Сложилась очередная тупиковая ситуация, и Бреннан, слушая одну заумную речь за другой, размышлял, сможет ли он сам, заняв пост госсекретаря, принести хоть какую-нибудь пользу. Выхода из сложившегося положения не было видно. Стоило очередному политику выйти с предложением, тут же находился его противник, отвергавший это самое предложение еще до того, как его начинали обсуждать.

190 Погруженный в собственные мысли после утренней встречи, Бреннан пересек фойе. Кто-то окликнул его, затем тронул за плечо. Филипп резко обернулся. Плотный, невысокий мужчина смотрел на него. В руках он сжимал большой кожаный кошель.

— Синьор Бреннан, моя фамилия Фасетти, я из службы безопасности при отеле. — Бреннан кивнул. — Извините за беспокойство, сэр, но вас тут дожидается один человек. Он говорит, что ему необходимо вас видеть.

— А не пошлете ли вы его...

— Он утверждает, будто он монах, сэр, — возразил Фасетти. — Но какой-то уж больно светский монах. — С этими словами Фасетти вручил Бреннану кошель. — Он принес вот это.

Филипп принял кошель и вытащил из него кинжал. У него перехватило дыхание при виде треугольного лезвия и рукоятки в форме распятия.

— При входе в отель монах поинтересовался, есть ли здесь охрана, — добавил Фасетти. — И когда один из сотрудников службы безопасности вышел к нему, заявил, что хотел бы видеть вас. А затем передал моему человеку этот кинжал. Он объяснил, что если бы этот кинжал нашли у него, то могли бы сделать неверные выводы.

— Точно, — согласился Бреннан. Он слегка провел пальцем по лезвию и тут же прикусил губу: на пальце появилась кровь.

— Монах хочет вам что-то объяснить по поводу этого кинжала. Конечно, мы не собирались беспокоить вас, но...

Бреннан сжал рукоятку и всмотрелся в охваченный агонией лик Христа. Он был заинтригован.

— Пришлите его ко мне наверх,— бросил он.— Интересно взглянуть на этого монашка, а вы позаботьтесь о стилете, ладно?

Поднимаясь к себе в номер, Бреннан до боли сжал руки, ставшие внезапно липкими от пота. Он дрожал всем телом. С самого детства Филипп боялся ножей. Одна только мысль о стальном клинке, входящем в плоть, повергала его в состояние шока. Он не мог представить себе эту боль. А что касается распятия... Филипп вздрогнул. Не впервые задумывался он о религии. К чему постоянно изображать Христа в состоянии жуткой агонии? Неудивительно, что многие последователи Спасителя были людьми, мягко говоря, странноватыми. Для самого Филиппа религия сводилась к еженедельному воскресному ритуалу, и не более. Он никогда глубоко не задумывался над ее сутью. Как-то так получилось, что к концу второго тысячелетия религия стала играть в общественной жизни далеко не самую ведущую роль.

Маргарет оставила на столе записку, где сообщала, что вернется только к обеду. Тут же лежала пара телексов. Пока Бреннан читал их, в дверь постучали. Открыв дверь, Филипп увидел на пороге Фасетти и молодого человека. Последний был в коричневой сутане и сандалиях. Лицо его освещалось юношеской красотой, с которой, однако, плохо сочеталось напряжение, присущее, как правило, более старшему поколению и сквозившее в каждом жесте молодого монаха.

Бреннан пригласил посетителей в комнату, затем пожал на прощание руку Фасетти, отступившему на шаг и заявившему, что его работа сводится всего-навсего к тому, чтобы охранять других.

— Ну, со мной-то все будет в порядке,— заверил Бреннан Фасетти.

Монах улыбнулся.

— Меня зовут брат Френсис,— представился он на прекрасном английском языке.— Из Субиако. Рад, что вы согласились встретиться.

— Времени у меня в обрез,— предупредил Бреннан, жестом указывая на стул.

— Едва ли вы поверите тому, что мне предстоит рассказать,— продолжал юноша.— Честно говоря, я не рассчитываю на это.— Он помолчал.— Надолго ли вы в Риме, мистер Бреннан?

— Завтра уезжаю.

Монах вздохнул.

— Прошу вас, отложите отъезд всего на несколько часов. Поедте со мной. Меня прислал священник по имени де Карло. Может быть, вы слышали о нем? — Последние слова звучали уже как мольба.

— Нет. Но я не могу...

— Отец де Карло просто не в состоянии путешествовать. Он очень стар. Послушайте, если я скажу, что вы должны помочь, потому что от вашей помощи зависит будущее человечества, то вы, конечно, сочтете все это за... как это называется?

— Мелодрама.

— Да, да. Но если я начну что-либо объяснять вам, то будет еще хуже: вы просто решите, что я сошел с ума. Единственное, о чем я вас прошу,— прочтите письмо.

Сколько Бреннан ни пытался противиться обаянию монаха, оно только сильнее и сильнее действовало на него.

— Вы религиозны, мистер Бреннан?

— Боюсь, что только по воскресеньям,— словно извиняясь, сообщил тот.

— Вы протестант?

— Да.

— Позвольте мне кое-что процитировать.— Монах сложил руки, словно в молитве.— «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его, потому что это дни отмщения; да исполнятся все написанное». Я цитирую Святого Луку.

Бреннан снова взглянул на часы.

— Да, да, но я боюсь...

Монах поднялся одновременно с Филиппом и направился к двери.

— Внемлите этим словам, хотя они и кажутся вам безумными. Отец де Карло приехал в Англию восемнадцать лет назад. Он был свидетелем Второго пришествия Христа. Он разрушил физическое тело Сатаны.

Бреннан вымученно улыбнулся и, взяв под руку молодого человека, направился с ним к двери.

— Но дух Антихриста продолжает жить, мистер Бреннан. Только кинжалы могут освободить от него человечество.

Бреннан распахнул дверь.

— Все, о чем я прошу,— это прочесть письмо. Пожалуйста, избавьтесь хоть ненадолго от скептицизма. Я позвоню вам завтра.

— Фасетти,— громко позвал Бреннан. Охранник тут же появился в дверях и, слегка потянув монаха за капюшон, увлек его за собой из номера.

— До свидания, брат Френсис,— пробормотал Бреннан.

— Дьявольское отродье до сих пор здравствует, мистер Бреннан. Оно должно быть уничтожено.

Филипп поморщился и прикрыл дверь, услышав последнюю фразу монаха: «Отрекитесь от своего неверия во имя Господа...»

Часом позже, сделав все необходимые звонки, Бреннан опустился в кресло и достал конверт. Зевая, он вскрыл его и вытащил шесть листков ксерокопий. Филипп поморщился: запах ксерокса каждый раз напоминал ему о забальзамированных трупах. К листкам прилагалась коротенькая записка: «То, о чем пишет эта женщина,— правда, да поможет Вам Господь. Пожалуйста, приезжайте...— И подпись:— Стец де Карло. Субиако».

Бреннан разложил письмо на столе и улыбнулся. Подобные писания попадались ему неоднократно. В самом начале своей дипломатической карьеры Бреннан получал кучу посланий — в стиле очевидцев НЛЮ, как однажды связал на этот счет его

помощник. Теперь подобные письма не путешествовали дальше столов его подчиненных.

«Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...» — Бреннан прочел первую страницу и, покачав головой, потянулся к бутылке шотландского виски.

— Господь Всемогущий, — только и произнес Бреннан, расхотавшись от души.

В этот вечер Бреннаны были приглашены на ужин.

Пригласил их Джеймс Ричард, высокий и элегантный мужчина, который говорил на том неподражаемом, свойственном лишь репортерам Би-би-си, наречии. Где бы он ни появлялся, из кармана его пиджака неизменно торчала гвоздика. У Ричарда имелся собственный взгляд на ремесло журналиста. Одно из основных профессиональных правил гласило: если какой-нибудь разговор не подлежал огласке, так тому и надлежало быть. Придерживаясь подобного положения вещей, Ричард очень скоро снискал к себе доверие многих политиков. Зато коллеги смотрели на него с некоторой опаской.

Ужинали в ресторане отеля. Пока Маргарет пробиралась к столу, взгляды присутствующих неизменно преследовали ее. Высокая и стройная, с копной огненно-рыжих волос, она была одета сегодня в простое черное платье. Бреннан гордился женой. Маргарет прекрасно знала, как себя вести в любой ситуации. Сегодня Филипп был абсолютно уверен в том, что она очарует Ричарда, но до флирта дело, конечно же, не дойдет. Оставшись как-то наедине с мужем, Маргарет заявила, что будущей «первой леди» необходимо вести себя идеально. В тот день Филипп отшутился, однако через некоторое время понял, что Маргарет говорила тогда совершенно серьезно.

Разговор за столиком переходил от сплетен к спорту, то и дело рассказывались забавные анекдоты. Болтал в основном Ричард, искусно сплетая, казалось бы, тривиальные случаи в невероятные истории. Рассказчиком он был прирожденным. Бреннаны же оказались великолепными слушателями.

И только когда очередь дошла до коньяка, Ричард, откинувшись на спинку стула, спросил:

— Я слышал, к вам сегодня заглядывал интересный визитер, из церковников.

Бреннана несколько не удивило, что Ричард знает о посещении монаха. Филиппу казалось, что журналисту известно обо всем, в том числе и о событиях, еще только предстоящих.

— Молодой человек из какого-то монастыря. Слегка двинутый, — сообщил Бреннан. И начал рассказывать о кинжале. Внезапно он почувствовал, что с ног до головы покрылся испариной. Ладони тут же взмокли.

— А чего он хотел, этот ненормальный монах? — поинтересовался Ричард.

Бреннан пожал плечами:

— Не стану докучать вам деталями. Но что вы скажете, к примеру, насчет этой фразочки: «Порождение дьявола живет и, прекрасно себя чувствуя, находится в Англии»?

— О Господи,— откинув голову, рассмеялся Ричард.

— Какая-то старуха написала в монастырь. Ее историю я не берусь рассказывать за ужином.

— Нет, нет, сделайте одолжение,— взмолился Ричард.— Вполне возможно, я пристрою ее в «Нэшл Инквайер».

— Вы не сделаете этого,— внезапно подала голос Маргарет. Ричард улыбнулся ей.

— Конечно, нет. Все это не для огласки. Даже «порождение дьявола» не для публики.

Официант принес кофе.

— Мне кажется,— заявила Маргарет,— нам не мешало бы сменить тему.

Так они и сделали.

Часом позже, уже в постели, Маргарет повернулась к мужу и спросила:

— А что это за история, которую ты отказался поведать нам за ужином?

— Пустая,— зевая, отозвался Филипп.

— Расскажи мне.

В ее интонации он угадал настойчивость и знакомые нотки. Какое-то время после свадьбы все эротические фантазии исходили от него, теперь же инициатива полностью перешла к Маргарет, и Филиппа то и дело поражало воображение жены.

— Ну давай же, рассказывай,— настаивала она.

Филиппу не терпелось выложить Маргарет, что ему нужен отдых, что он вымотался до предела, но он переборол себя.

— Это отвратительно,— начал Филипп, пока жена устраивалась рядом.— Если верить старухе, один из моих предшественников, Дэмьен Торн, влюбился в англичанку, работавшую на Би-би-си. Несколько месяцев спустя, после того как Торн умер от сердечного приступа, она родила,— Бреннан хмыкнул, раздумывая, как сформулировать фразу,— ну, не совсем обычным способом.

Он замолчал, ожидая, что жена либо скорчит гримасу, либо рассмеется, однако она словно воды в рот набрала. Чуть позже Маргарет прошептала:

— Дэмьен Торн был самым прекрасным мужчиной, которого я когда-либо встречала.

Филипп мельком глянул на жену:

— Ты его встречала? Я этого не знал.

— Я просто видела фотографию, а когда была школьницей, он мне снился.

Снова воцарилось молчание. Затем Маргарет отвернулась от мужа:

— Как звали эту женщину?

— Кейт,— ответил он,— Кейт Рейнолдс.

— Кейт,— шепотом повторила Маргарет.— Кейт, Катерина.— Ее голос походил на шорох, на дуновение ветра. Вдруг она обратилась к Филиппу с английским акцентом.— Кейт,— опять повторила она шепотом,— зови меня Кейт.

— Как? — переспросил Филипп.

— Кейт, — упираясь в подушку, Маргарет приподнялась на локте.

Филипп испытывал блаженство, наслаждаясь ее голосом с этим непривычным акцентом. Голос звал и манил, требуя делать то, что не поддавалось описанию. Она называла его Дэмьеном и стонала от боли, когда он глубоко проникал в ее плоть.

Когда Филипп случайно взглянул в окно, он вдруг понял, что свет играет с ним плохую шутку: поблескивая среди мерцания звезд, глаза Маргарет пылали желтым, незнакомым пламенем.

На следующее утро портье, дежуривший у стойки, заметил в вестибюле взволнованного молодого монаха.

— Меня зовут брат Френсис, — представился тот.

— Да, да, — закивал портье. — Здесь для вас пакет. — Он нагнулся и, достав конверт вместе с большим кошелем, вручил все это монаху. Конверт был заново заклеен скотчем. Монах вскрыл его и, заглянув внутрь, вздохнул.

— Можно ли мне переговорить с мистером Бреннаном из 34-го номера?

— Боюсь, что он уже выехал, сэр.

— Он не оставил мне какой-нибудь записки?

— К сожалению, нет, сэр. Только то, что вы держите в руках.

Монах прикрыл глаза, пытаясь сдержать слезы. Брат Френсис размышлял над тем, как сообщить святому отцу, что задание он не выполнил.

Глава 5

Спустя три дня Джеймс Ричард встретился с одним газетчиком. С утра пораньше они заказали себе по коктейлю и сидели теперь, потягивая этот «тонизирующий напиток», как окрестил его Ричард. Он поведал своему собеседнику историю о «таинственном монахе», и теперь мужчины то и дело подтрунивали над ней, называя все это абсурдом. Однако подсознательно приятель Ричарда испытывал что-то вроде тревоги, ибо точно знал, что однажды уже слышал об этих кинжалах.

Вернувшись в редакцию, он заглянул в кабинет к молодой журналистке и попросил ее зайти к нему.

Кэрол Уает стукнуло 22 года от роду, на Флит-стрит она работала всего два месяца, но уже успела завоевать себе определенное имя. Кэрол слыла среди коллег красоткой: миниатюрного сложения, с тонкими чертами лица, лебединой шеей и огромными карими глазами. Левый глаз чуть косил, отчего лицо ее казалось слегка удивленным. А уж стройные ноги Кэрол являлись предметом обсуждения многих мужчин. Да и женщины не могли простить Кэрол ее прекрасных ног, постоянно отпуская на их счет всевозможные колкости. Но даже самые отъявленные острословы не могли не признать, что деятельность этой журналистки в их штате имела головокружительный успех.

Кэрол успела доказать, что за хрупкой и чувствительной внешностью могут скрываться острый ум и натура весьма тще-

славная. Пожалуй, девушка допустила лишь единственную оплошность. Как-то раз она упомянула о том, что в школе ее называли «Бэмби», и это прозвище тут же пристало к ней.

— Итак, Билл, — улыбаясь, начала Кэрол и прикрыла за собой дверь в кабинет директора.

— Лето на дворе, — сообщил тот.

— Точное наблюдение, — заметила Кэрол.

— А это означает, что нам необходимы сюжеты, соответствующие жарким денечкам. Я только что трепался с этим коварным Джеймсом, и он напомнил мне об одной старой-старой сказке...

— Отличное начало, — вставила девушка.

— Да, да, — подхватил Билл, — лет пятнадцать—двадцать назад происходили невероятные истории с целой кучей трупов. И этими кинжалами. Ребята из Скотленд-ярда тогда крепко призадумались. Ты не подымешь наши архивы? Материалы шли под общим заглавием, что-то вроде «Казнь распятием». Всего около восьмисот слов. А мы напечатаем эти заметки под рубрикой «Нераскрытые преступления».

— Вы что, серьезно? — удивилась Кэрол.

Но начальник не обратил никакого внимания на ее последние слова. Он повернулся к девушке спиной, давая понять, что разговор окончен.

По дороге в библиотеку Кэрол ругалась про себя: «Чертовы заметки. Можно подумать, будто из всего этого выйдет что-либо путное! И вообще этот материал вряд ли появится на страницах. Билл дурью мается, не зная, чем заполнить газетные полосы в эти чудовищно жаркие дни, а она — только попробуй откажись!»

Кэрол выдали папку с газетными вырезками, и она направилась к письменному столу. Ей потребовалось не более получаса, чтобы найти все необходимые заметки. Некоторые вырезки уже пожелтели от времени, они разве что не рассыпались в руках у девушки. Журналистка поморщилась. Чем-то жутким повеяло от этих древних заметок, повествующих об убийствах давно минувших времен. Внезапно, заметив, что этими вырезками уже пользовались, девушка улыбнулась. Заголовок, длиной в целую полосу, гласил:

ТРАГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ. ПРОКЛЯТИЕ СЕМЕЙСТВА ТОРНОВ.

Кэрол пристально вгляделась в снимок, где явственно просматривался кинжал. Рукоятка его была вырезана в форме распятого на кресте Христа. Девушка вздрогнула и потянулась за ручкой.

Сама статья интересовала журналистку лишь постольку, поскольку автор рассказывал в ней историю семьи Торнов. Однако постепенно, по мере того как Кэрол вчитывалась в текст заметки, интерес ее начал возрастать.

«Безвременная смерть, наступившая вчера тридцатидвухлетнего американского посла в Британии Дэмьена Торна, явилась заключительной главой трагической истории династии Торнов, представители которой, все как один, страшно и внезапно гибли.

Дэ́мьен Торн скончался в своей постели от сердечного приступа. Эта трагедия сама по себе необычна».

Кэрол взглянула на портрет Дэ́мьена. Тут же помещался целый ряд фотографий поменьше, каждая с подписью. Роберт Торн, отец Дэ́мьена, застрелен на ступенях лондонской церкви, таинственного убийцу так и не нашли. Катарина, мать Дэ́мьена, разбилась насмерть, выпав из окна клиники, где находилась после выкидыша. Это несчастье произошло в Пирфорде. Ричард и Анна Торн, дядя и тетя Дэ́мьена, словно сквозь землю провалились с того самого дня, как сгорел их семейный музей. От кровоизлияния в мозг умер тринадцатилетний двоюродный брат Дэ́мьена Марк.

Статья делилась на два раздела. Один из них назывался «Пирфорд, особняк ужасов». Под снимком, где был сфотографирован дом, помещалась история о няне Дэ́мьена, которая повесилась прямо в оконном проеме. Здесь же, в Пирфорде, покалечилась и Катарина, что в конечном итоге привело ее к трагической гибели.

Другой раздел повествовал о смертных случаях за пределами Пирфорда. Исполнительный директор компании «Торн Индастриз» Ахертон утонул во время хоккейного турнира в чикагском поместье Торнов. Он провалился под лед в тот день, когда праздновали тринадцатилетие Дэ́мьена.

Другой исполнительный директор компании, Пасариан, погиб в своей лаборатории как раз в тот час, когда для Дэ́мьена и его одноклассников устроили экскурсию по заводу.

При жутких обстоятельствах скончалась и журналистка. И это после того, как она взяла у Ричарда Торна интервью. Кэрол Уэст инстинктивно перекрестилась, чем вызвала усмешки юных сосыльных, расположившихся напротив.

На железнодорожных путях погиб и директор музея Торнов. Несчастный случай. Но уже вечером того же дня дотла сгорел сам музей в Чикаго.

Казалось, список не имеет конца. Кэрол потеряла усталые глаза и продолжила чтение.

Эндрю Дойл, предшественник Дэ́мьена на посту американского посла в Лондоне, покончил жизнь самоубийством в своем кабинете. До причин так и не докопались...

Неизвестный сгорел в телевизионной студии, когда там находился Дэ́мьен, участвующий в передаче...

Два неопознанных трупа нашли в районе Корнуэлла, где охотился Дэ́мьен. В руке одного из погибших был зажат кинжал, другой, такой же, валялся возле второго тела...

Кэрол сделала пометку. Все эти случаи имели прямое отношение к тому, что ей необходимо было выяснить. Автор статьи не делал никаких выводов, подчеркивая лишь то, что трагедии проникали в семью Торнов, словно вирусные заболевания.

Кэрол сфотографировала все материалы, а затем позвонила пресс-атташе в Скотленд-ярде. Спустя полчаса она сидела в одном из пивных баров в компании сотрудника полиции.

Молодой человек всячески старался услужить Кэрол. Ему нечасто приходилось пить пиво с подобной женщиной. Обычно

на его долю выпадали репортеры из уголовной хроники, бывшие, как правило, чудовищными занудами.

Молодой человек взглянул на снимок и поморщился.

— Оружие нападения, — констатировал он.

— А в вашем музее есть такие?

— М-м. Пять штук.

Кэрл растерянно заморгала. Похоже, все это превосходило самые смелые ожидания.

Чуть позже они стояли перед застекленной витриной в небольшом зале Скотленд-ярда. Зал назывался «Черный музей». Каждый кинжал был пронумерован. Сквозь стекло к ним были обращены пять ликов Христа.

— Несколькими кинжалами закололи одного беднягу, которого тоже никто не смог опознать. В какой-то заброшенной часовне, — пояснил молодой человек, глядя в документы. — Тоже в Корнуэлле. Нас, ясное дело, пригласили для расследования, вот почему эти кинжалы здесь.

— Можно мне полистать дело?

Он протянул девушке документы:

— Один кинжал лежал у него в кармане, два других торчали в спине... Кстати, а как насчет того, чтобы перекусить?

— Нет, спасибо, — мило улыбаясь, отказалась Кэрл. — Мне пора возвращаться.

В редакции девушка напрямик бросилась к кабинету Джеймса Ричарда.

— Ричард на месте?

Секретарша Ричарда, внушительная особа, ревниво охранявшая своего босса, оцупала Кэрл взглядом:

— Вы откуда?

— Я просто репортер. А где он?

— В Эль-Вино. Но он там...

— Спасибо, — бросила Кэрл и захлопнула дверь.

Девушка без труда отыскала Ричарда в винном погребе. Он, казалось, с головой ушел в беседу. Вообще этот погребок был чисто мужским заведением, и женщин допускали туда весьма неохотно. Им не разрешалось, к примеру, торчать у стойки бара или даже просто заказывать спиртное.

Кэрл пробралась через толпу выпивох и нос к носу столкнулась с Ричардом. Здороваясь с ним, она обворожительно улыбнулась.

Ричард удивленно уставился на девушку.

— Кэрл Уает, — подсказала та. — Из отдела новостей. Мы как-то встречались. Можно вас на пару слов?

Ричард извинился и отошел с Кэрл в сторону.

— Извините, что вот так вторгаюсь... — начала девушка, — но я работаю над очерком и думаю, вы могли бы наставить меня на путь истинный.

— Ну, если вы так считаете. — Ричард был польщен.

— Билл рассказал мне, что вы как-то в Риме обедали с Филиппом Бреннаном...

Ричард насторожился, и Кэрл протянула ему ксерокопию статьи:

— Может, это именно тот кинжал, о котором говорил Бреннан?

— Думаю, да. Ведь Бреннан упоминал о рукоятке такой формы. Но, дорогая, я бы не советовал вам беспокоить его. Я не хочу, чтобы вы...

Но Кэрол уже проталкивалась к выходу, бросив на прощание «спасибо».

Кэрол быстренько накатала очерк о пяти кинжалах и тут же вцепилась в телефонную трубку. Пресс-атташе в американском посольстве долго и нудно объяснял ей, что если она хочет встретиться с послом, то необходимо действовать по официальным каналам. Это означало, что надо подать письменное прошение и обязательно указать круг вопросов, подлежащих обсуждению.

— Считайте, что это уже сделано, — бодро заверила посольского служащего Кэрол и потянулась к фирменным газетным бланкам.

Через полчаса экспедитор с письмом Кэрол уже мчался в сторону Гросвенор-Сквер.

На следующее утро Кэрол вскочила ни свет ни заря. У нее был выходной, и она точно знала, что будет делать.

Накануне девушка отыскала в справочнике «Английские особняки» все необходимые сведения о Пирфорде. Она выяснила, что Пирфорд являлся образцом грандиозного строения в сельской местности. Сооружен он был еще в XVII веке и располагался на участке парка в четыре сотни акров. Комнат в нем насчитывалось шестьдесят три. Два крыла. Пристройку соорудили, правда, в 1930 году, но спроектирована она была с большим вкусом и нисколько не нарушала общего вида особняка. Неподалеку от дома находился чудесный пруд, где обитала форель. И теннисные корты, и сад, и огород...

Кэрол потребовалось около часа, чтобы добраться из Лондона в эти места. Чем ближе подъезжала журналистка к усадьбе, тем добросовестней пыталась вообразить себе этакий замок с привидениями. Конечно, окажись особняк таковым в действительности, это могло бы отпугнуть Кэрол. Но она никак не могла сосредоточиться на чем-нибудь мрачном и устрашающем. Все кругом купалось в ярком солнечном свете, непрерывно заливались жаворонки. Посмеиваясь над собой, Кэрол подкатила к главным воротам.

Она затормозила, слегка подала машину назад, затем взглянула на ворота, внимательно осмотрела дорогу и нажала на газ. Девушка проехала милю, еще одну, и еще полмили, все время поднимаясь в гору. Наконец бросила машину у обочины и отправилась пешком через поле.

Кэрол долго любовалась особняком, размышляя над тем, сколько лет подряд понадобилось бы ей строчить статейки, вроде этого очерка про кинжалы, чтобы оплатить хотя бы месячное содержание подобного домика.

Стена достигала футов десяти в высоту, но камень уже кое-где

крошился. Она внимательно осмотрелась по сторонам и вдруг почувствовала острое желание бросить все и помчаться домой, подождать, пока ей разрешат проинтервьюировать посла, а уж там — как получится...

Но любопытство оказалось сильнее. Если ее обнаружат — так наверняка и случится, — она прикинется дурочкой и скажет, что подумала, будто это просто стена в парке — так, сама по себе.

Кэрол сунула ногу в выбоину, подтянулась и легко взобралась на стену.

Жужжание системы безопасности вывело юношу из оцепенения. Он нажал на кнопку телевизионного слежения. На экране возникла молодая женщина, сидящая на стене. Какое-то время она находилась в неподвижности, затем, соскользнув вниз, легко приземлилась на газон.

Юноша услышал, как пошевелилась собака. Она уставилась на монитор и, оскалив пасть, глухо рычала. При этом морда ее как-то нервночески подергивалась, обнажая клыки.

Юноша тронул собаку, она взглянула на него, словно ожидая приказа, затем снова уперлась взглядом в экран. Собака тяжело дышала, и слюна ее стекала прямо на ковер.

Юноша потянулся к монитору и увеличил изображение. Он напряженно вглядывался в экран, следя за женщиной, целенаправленно пересекавшей лужайку, будто она прекрасно знала, куда идти. Вот девушка пересекла внешнюю границу, и лицо ее теперь казалось расплывчатым. Она пробиралась сквозь густой кустарник. Задетая ветка хлестнула девушку по лицу, и она застыла на месте. Теперь он смог разглядеть даже слезы в ее глазах. Подбородок у девушки задрожал, и она поднесла к лицу руку.

Юношу охватили странные и не испытанные доселе чувства. Он внезапно ощутил, что ему безумно хочется смахнуть с лица этой девушки слезы и успокоить ее. Но собака в этот момент зарычала, и юноша на мгновение отпрянул от экрана, продолжая замороженно следить за девушкой. Он отрегулировал монитор и наблюдал теперь, как она высоко, словно балерина, поднимает колени, переступая через низкорослый кустарник.

Скоро она окажется в нескольких сотнях ярдов от особняка. Вскочив на ноги, юноша бросился вон из комнаты, устремился вдоль бесконечного коридора и сбежал вниз по лестнице. Собака мчалась по пятам. Не переводя дыхания, он достиг боковой двери, толкнул ее и выскочил во внутренний дворик, направляясь к лужайке.

Кэрол тем временем выбиралась из кустарника на подстриженную лужайку. Особняк ошеломлял своим видом, но человеческим духом здесь и не пахло. Девушке вдруг почудилось, что в этом дворце в полнолуние обязательно собираются мужчины во фраках и женщины в роскошных бальных платьях. Здесь любой мужчина мог выпить из женской туфельки шампанского и при этом ни в коей мере не прослыть дураком. Кэрол хмыкнула, коснулась пальцем того места, где ее опарала ветка, и провела рукой по своим прикрытым глазам. А когда вновь их открыла, то

увидела перед собой молодого человека. У Кэрол перехватило дыхание, и она зажала рот дрожащей ладонью.

Юноша этот был самым прекрасным существом, которого девушка когда-либо встречала в своей жизни.

— Привет,— как-то жалко пробормотала Кэрол.

Он кивнул в ответ и молча усталился не нее. Кэрол улыбнулась и шагнула ему навстречу.

— Кто вы? — поинтересовался юноша.

Его диалект не поддавался определению. Голос глубокий, такой называют среднеатлантическим.

— Меня зовут Кэрол, а вы кто?

— Что вы здесь делаете?

— Осматриваю парк.— Девушка широко улыбнулась, но юноша не мигая смотрел на нее. Обычно мужчины хоть как-то реагировали на ее улыбку, а этот даже не шелохнулся.

— Это не парк.

— Ну да! А я думала...

— Это частная собственность.

— Неужели?

Все внутри Кэрол напряжилось, она с минуты на минуту ожидала того, что ее вот-вот выгонят отсюда, объявив, что она забралась на запретную территорию. Но Кэрол была готова к этому и даже приберегла нужные фразы. В конце концов ни один мужчина, будь он самым что ни на есть раскрасавцем, не одерживал верх над Кэрол.

— А дом не хотите осмотреть?

— Спасибо, с удовольствием...— Приглашение прозвучало столь неожиданно, что девушка запнулась на полуслове и молча последовала за юношей. Когда они подошли к парадному входу, из-за угла показалась огромная собака. Девушка замерла на месте, уставясь в глаза чудовища. Животное зарычало, шерсть на нем взъерошилась. Юноша взглянул на собаку, и та тут же успокоилась.

Кэрол вздохнула:

— Никогда в жизни не встречала такую...

— Это овчарка, — перебил Кэрол юноша. — Когда-то такие собаки пасли стада. Но они могут и охотиться. У них огромная скорость. Конечно, они устают. Но стоит им вцепиться в когонибудь, хотя бы в оленя...— Он вдруг улыбнулся, а Кэрол отвернулась.

— Ненавижу кровавый спорт, — призналась она.

— Да уж, — согласился юноша, — вы-то наверняка ненавидите.

Они вошли в дом, собака бесшумно шла по пятам. Кэрол поморщилась от жуткого запаха псины. Оказавшись в центре холла, Кэрол внезапно застыла, приоткрыв от изумления рот. Она рассматривала корзины с цветами, высокую галерею и представляла, как оттуда падала Катарина Торн. Удивительно, что она осталась жива, рухнув на голые мраморные плиты.

— Можете сами все осмотреть, — бросил юноша мимоходом и устремился вверх по лестнице, оставив девушку наедине с собакой.

— Большое спасибо. — Кэрол слегка оторопела, затем обернулась и снова взглянула на странного пса, не сводившего с нее глаз.

«Так вот где все происходило», — подумала она, пересекая холм, и заглянула в гостиную, потом вновь обернулась назад и поискала глазами молодого человека. Тот будто сквозь землю провалился. Поначалу казалось, что очаровать юношу не составит труда. Тогда-то она и выспросит у него все необходимые сведения об этом доме.

Но таинственный молодой человек куда-то запропастился, и ей, похоже, выпал печальный удел осматривать этот роскошный особняк в одиночку.

Кэрол огляделась по сторонам. Она осталась совершенно одна. Собака тоже куда-то сгинула.

Юноша неподвижно стоял в часовне. Он вглядывался в отцовские глаза, и губы его двигались в немой молитве.

— Прости меня, отец, за мое недостойное поведение, — еле слышно проговорил молодой человек. Затем, отступив на шаг, оборотился к фигуре Христа. — Ты в который раз пытаешься надуть меня, — презрительно бросил он. — Теперь ты присылаешь мне мягкотелую соблазнительницу, как когда-то посылал такую же к моему отцу. Ты искушал его, а теперь искушаешь меня этими никчемными чувствами... Пытаешься слезами и дешевой похотью ослабить мой дух?

Юноша обошел крест и, взявшись руками за рукоятку кинжала, вонзил его в затрепавшее дерево.

— А вот тебе результат, — яростно воскликнул он, вырывая кинжал. Еще какое-то мгновение юноша смотрел на распятие, затем возвратился к забальзамированному трупу. Он нежно провел пальцами по спине отца. Под пятым позвонком зияла глубокая рана. Сын слегка коснулся ее дрожащими пальцами и снова взглянул на кинжал.

— Соблазнительница оказалась убийцей, — прошептал молодой человек. — Стоило только отцу повернуться спиной.

Юноша кинулся к распятию и, ударив кулаком прямо в лицо Христа, вонзил кинжал в позвоночник Спасителя. От усилия он чуть не задохнулся.

— И тебе кажется, что ты знаешь, как соблазнить? Ты уверен, что победил искусу, но, похоже, твои сорок дней и ночей ничему тебя не научили. Ведь ты подослал ко мне эту смазливую пигалицу, чтобы сбить меня с единственно верного пути и повести совершенно другой дорогой. Но эта дорога приведет меня только в болото, в тупик, где нет места ничему, кроме бесполовых устремлений и глупых амбиций. Но тебе это не удастся. Ты проиграешь. — Прикрыв лицо рукой, юноша прошептал: — Ты рожден девой, а я... — Не закончив фразы, он отвернулся. — Ты будешь вечно стоять за моей спиной, Назаретянин.

Впечатлений у нее накопилось предостаточно. Солнце уже закатилось, становилось прохладно.

Внезапно в нос Кэрол ударил трупный смрад, и она поморщи-

лась от этого жуткого запаха. Девушка повсюду ощущала присутствие собаки, но юноши нигде не было видно. Кэрол почувствовала озноб: тоненькая блузка и летняя юбочка практически не согревали. Кэрол захотелось бежать отсюда, из этого дома, забраться в свою машину и умчаться куда подальше.

Девушка распахнула дверь и выскочила на дорогу. Споткнувшись, она поняла, что сломала каблук. Кэрол сбросила туфли и босиком побежала по дороге, вздрагивая от шороха гравия под ногами.

Внезапно налетел ветер. Когда Кэрол выбралась на лужайку, ей вдруг показалось, что за ней наблюдают. Девушка огляделась по сторонам, ожидая увидеть собаку, но вокруг не было ни души. Сначала медленно, а затем убыстряя шаг, Кэрол направилась к темнеющей полоске кустов. Страшная вонь преследовала Кэрол. Этот запах вернул девушку к одному кошмарному воспоминанию. Она тогда вволю погуляла на своем восемнадцатилетии и здорово перебрала шампанского. Ее тошнило. Шел проливной дождь, а ей пешком пришлось добираться до дома из-за этих ужасных приступов тошноты. Сейчас ощущение было схожим. Чем дальше Кэрол убегала от дома, тем невыносимее становились запах и привкус во рту.

Кэрол продиралась сквозь кустарник, застревая в его ветвях. То и дело цеплялась она голыми ногами за корни, еле сохраняя равновесие.

Ночь упала внезапно, словно в тропиках. Кэрол продолжала двигаться, а ветки то и дело хлестали ее по лицу и попадали в глаза. Все это походило на какой-то ночной кошмар, где девушка убегала от преследования и просыпалась в холодном поту.

Она остановилась. Впереди, похоже, кустарник начинал редеть. А за ним растет трава, потом будет стена и, наконец, ее маленький автомобиль.

Кэрол бросилась к просвету, пробежала несколько метров и вновь остановилась, ткнувшись в густые заросли кустов. Обхватив себя руками, она наобум продиралась к открытому пространству. Если она будет идти, никуда не сворачивая, то рано или поздно выберется к стене. Какова площадь поместья? Четыре сотни акров? Да, рано или поздно она найдет стену и выкарабкается из Пирфорда.

А собака молча преследовала девушку, держась на расстоянии ярдов пятидесяти. Она замирала на месте, когда останавливалась Кэрол. Пса переполняла жгучая ненависть, и ему с трудом удавались эти задержки. Возле кустарников он уже почти нагнал девушку. Чудовище опять застыло, как изваяние, приносясь и наблюдая, как Кэрол бежит по жесткой траве. Затем собака резко рванула с места и галопом помчалась вперед...

Кэрол ничего не видела и не слышала. Она обернулась лишь в тот момент, когда собака прыгнула на нее, сбив с ног. Кэрол даже не успела крикнуть. Она попыталась вскочить на ноги, но собака вновь повалила ее на землю, вцепившись в лодыжку.

Сцепив челюсти, пес яростно мотал головой, и огромные клыки рвали сухожилия, вгрызаясь в кость.

Кэрол закричала. Собака отскочила в сторону и устроилась неподалеку от девушки. Животное не сводило с Кэрол глаз.

Крик замер в ее горле, она уткнулась лицом в траву, царапая пальцами землю и пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться, чтобы справиться с болью, пронизывавшей всю ее ногу от лодыжки до бедра. Кэрол стошнило, но это только усилило боль. Девушка попыталась подняться на здоровую ногу, но не смогла даже двинуться.

Она поползла, прикусив от боли губу. Ей бы только добраться до стены, а уж там кто-нибудь да поможет. Кто-нибудь обязательно ее обнаружит.

Битый час ползла Кэрол десяток ярдов. А сверху за ней наблюдали юноша и собака. Девушке казалось, что пролетела целая вечность, пока она звала на помощь. Не выдержав больше, она разрыдалась.

Но вскоре затихли и рыдания. Тогда юноша двинулся в ее сторону. Когда он приблизился, девушка снова шевельнулась и приподняла голову. Юноша застыл как вкопанный.

Начинало светать. Кэрол наконец затихла. Тогда юноша приблизился к ней вплотную.

Ей снились шакалы, гиены и грифы, разрывающие падаль. Тут же какие-то мужчины из недавно виденного ею фильма затягивали ремни на своих пленниках, чтобы те не могли бежать.

Кэрол открыла глаза и увидела влажную от своей слюны землю.

Раздранные ногти болели, нога онемела. Может быть, это и к лучшему. Кэрол приподняла голову, и тут резкая боль вновь пронзила девушку. Она обернулась и наткнулась на взгляд юноши. Тот был совершенно голый и стоял на четвереньках. Кэрол попыталась улыбнуться, заговорить, но не смогла издать ни звука. В глазах юноши светился желтоватый отблеск, дыхание его было таким же зловонным, как и у собаки.

Юноша склонился над телом Кэрол, и она жалобно захныкала, не понимая, что он собирается с ней сделать. Девушка еще успела почувствовать, как его острые зубы коснулись ее шеи, как будто щекотали, пытаясь что-то нащупать. Она широко раскрыла глаза и собралась крикнуть... Последнее, что она услышала, было довольное рычание в тот момент, когда его челюсти сомкнулись на ее сонной артерии. Больше для Кэрол ничего не существовало на этой земле.

Глава 6

Предчувствия не обманули Кэрол Уагет. Ее статья о кинжалах так и не вышла в газете, этот материал приберегли для другого случая, однако из отдела информации он разошелся по всему миру. Уже через неделю после гибели Кэрол статью прочитал

в Чикаго один старик. Просматривая журнал, он чуть было не выронил из дрожащих рук чашечку кофе.

Старик наскоро пробежал глазами всю статью и тут же бросился к телефону. Он позвонил священнику. Затем направился в свой кабинет и склонился над книгой. Найдя интересные его сведения, старик позвонил в журнал. Там ему сообщили искомый телефон в Лондоне. Положив трубку, старик испытал что-то вроде тщеславия. До чего же он смел и предприимчив, ну прямо настоящий частный детектив!

Несколько позже он связался с отделом информации.

— Меня зовут Майкл Финн,— представился старик.— Я из Чикаго. Не могу ли я переговорить с одним из ваших репортеров? С Кэрол Уаэт?

— И я бы этого хотел,— хмыкнул в ответ мужской голос,— она отсутствует уже целую неделю. А по какому поводу вы звоните?

Пока Финн объяснял по телефону цель своего звонка, в дверь постучали, и в комнату заглянул невысокий худощавый мужчина. Он был одет в серый костюм с церковным воротничком. Финн кивком пригласил его войти, указывая на стул. Закончив говорить по телефону, он протянул священнику руку и как-то уж больно драматично вручил ему журнал.

Священник неторопливо читал.

— Да,— протянул он наконец,— разве это не странно?

— Очень,— согласился Финн.

Они вспомнили тот день, когда Финн случайно наткнулся на аукционе на эти кинжалы. Священник увез их в Италию, в монастырь Субиако.

— Если бы мы только знали,— сокрушался священник,— нам следовало бы оставить их на прежнем месте.

— Вспомните хорошенько,— настаивал Финн,— ведь этот итальянец даже не объяснил, что он собирается с ними делать.

— Не объяснил,— согласился священник.

Финн покачал головой, не в силах отделаться от ощущения, что он каким-то образом несет ответственность за гибель людей, упомянутых в журнале.

— А вы не в курсе, этот де Карло еще жив?

Священник пожал плечами:

— Понятия не имею, но вы ведь можете позвонить в монастырь.

Финн кивнул, вновь ощутив непонятный внутренний прилив сил.

— А если он жив, вы поедете со мной?

— Зачем? Что это даст?

— Удовлетворит ваше любопытство.

Священник покачал головой:

— Ну, мое любопытство не столь велико. Кроме того, у меня есть определенные обязательства перед приходом.

— Да, конечно,— согласился Финн.— Но вот у меня как раз выпадает отпуск в ближайшее время, а что может быть летом лучше Рима?

— Действительно,— подхватил священник.

В свои шестьдесят лет Финн крайне редко выбирался за пределы родного города. Все, чем он жил и дышал, сводилось к чтению книг или изучению древней истории. Финн являлся признанным экспертом в своей области. Вдобавок во всей стране трудно было сыскать наиболее полную коллекцию библейских текстов. Пожалуй, ценнейшим экспонатом в ней можно было бы назвать один из фрагментов рукописи, найденной у Мертвого моря. Древний папирус хранился в кабинете, в специальном стеклянном сейфе, оберегавшем реликвию от дальнейшего разрушения. Финн пользовался среди коллег безусловным авторитетом, однако о нынешней жизни имел весьма смутное представление. И потому, пристегивая в самолете ремни, он вдруг испытал сильное волнение.

А как он ликовал в душе, упаковывая вещи, как радовался необъяснимому теснению в груди, прощаясь с женой! Конечно же, стремясь всеми силами разгадать тайну, Финн отдавал себе отчет и в том, насколько опасной может оказаться предстоящая авантюра.

Пока самолет набирал высоту, Финн вдруг ощутил себя снова молодым, будто с души его стряхнули накопившуюся пыль, а мозг освободили от затянувшей его паутины. И тогда он окончательно нарушил все свои заповеди, заказав у стюардессы коктейль.

Ученый ни минуты не потратил на осмотр римских достопримечательностей. Прямо в аэропорту он взял напрокат машину и отправился на восток, в сторону Субиако. Времени на экскурсию по Риму будет еще предостаточно. Но после того, как он встретится с де Карло.

Наступали сумерки, а он все петлял по дороге, сверяя маршрут с картой. И вот наконец Финн заметил монастырь на вершине холма — полуразрушенное здание из темного камня. Он невольно вздрогнул. Ученого охватило ощущение причастности к истории и к бесконечности.

Финн затормозил, выключил мотор и окунулся в абсолютную тишину. Поднимаясь по стертым каменным плитам к тяжелой дубовой двери, ученый беззвучно шевелил губами, произнося молитву. Всю жизнь он протирал штаны, закопавшись среди книг в своей библиотеке, а здесь впервые столкнулся с чем-то реальным. Сейчас Финн находился в таком месте, где знания накапливались веками. Он вдруг почувствовал собственную ничтожность, ощутив себя песчинкой. Приблизившись к входу, Финн уловил низкие, монотонные мужские голоса, читающие молитву. Ученый стукнул тяжелым металлическим молоточком в дверь, и этот удар разнесся по всему зданию. Монахи, похоже, даже не прервали молитву. Финн ждал еще очень долго, прежде чем дверь наконец открылась. Монах, чье лицо скрывал капюшон, молча смотрел на ученого. Финн представился, и монах пропустил его внутрь.

— Мы рады вашему приезду. — Монах говорил на чистейшем английском языке.

— Надеюсь, что не окажусь непрошеным гостем.

— Отец де Карло счастлив видеть вас. Его уже никто не навещает.

— Как он?

— Душа его в муках.

Финн последовал за монахом вниз по проходу и дальше вдоль узкого коридора. Пахло плесенью и таким страшным запустением, что ученый вздрогнул.

Монах остановился перед дверью и, постучав, толкнул ее. Финн вошел в крошечную каморку и увидел на узкой койке старика.

Дулан когда-то описывал мужчину крепкого сложения, с волевым лицом, высокими скулами и орлиным профилем. Финн был, конечно, готов увидеть перемены. Но он не предполагал, что время может оказать такое разрушительное воздействие.

Сморщенная кожа обтягивала голый череп, старик едва-едва ковылял, причем каждое движение доставляло ему чудовищную боль, особенно, когда он пытался сесть.

Финн никак не мог начать разговор.

— Простите, святой отец, вы себя, вероятно, не очень хорошо чувствуете...

— Я-то чувствую себя хорошо, — возразил де Карло. — Это весь мир болен.

— Да, конечно. — Финн слегка растерялся и, повернувшись, благодарно улыбнулся монаху, который поднес ему стул. Ученый присел на краешек и полез в карман за статьей Кэрл Уает.

— Вы получили мое письмо?

Священник кивнул:

— Когда вы обнаружили кинжалы, вы что-нибудь знали об их предназначении?

— Только то, что они идентичны рисункам, которые я когда-то встречал, и то, что они, возможно, из древнего города Мегиддо.

— Совершенно верно. Из подземного города близ Иерусалима, этот город раньше назывался Армагеддон.

— Еще мне показалось, что эти кинжалы имеют кое-какую историческую ценность, — продолжал Финн. — Может быть, ими даже пользовались при изгнании дьявола.

Де Карло улыбнулся:

— Нет-нет, все это детские игры. Эти кинжалы гораздо более значимы.

Финн протянул священнику статью:

— Я почти забыл о них, пока не наткнулся вот на это.

Де Карло прищурился и пробежал текст очерка. Когда он прочел статью, на его глазах выступили слезы. Священник смахнул их кончиком рукава и снова обратился к Финну:

— Я хочу, чтобы вы кое-что выслушали. Только, пожалуйста, не перебивайте меня.

Финн согласно кивнул, и священник начал свое повествование.

Де Карло рассказал, как в этой самой комнатенке, будучи еще только послушником, он присутствовал на предсмертной исповеди священника по фамилии Стилетто, который попал под сатанинское влияние и способствовал появлению дьявола, существа, родившегося от мерзкого союза сатаны и шакала. После появле-

ния на свет этого ублюдка, его подложили вместо новорожденно-го младенца — сына Роберта и Катарины Торнов. А Роберту Торну сказали, будто его ребенок умер при рождении, и Господь пожелал, чтобы Торн вырастил вместо своего сына другого младенца, оставшегося сиротой. До этого у Кэтрин Торн случались выкидыши, и этот шанс был, пожалуй, последним. Роберт согласился. Он сказал жене, что у них родился сын. Они назвали его Дэмьеном. Ребенок обладал колоссальной разрушительной силой. В конце концов Роберт Торн узнал правду. Он отправился в Мегиддо, и ему отдали семь кинжалов. Но он не успел уничтожить ребенка. Роберта убили.

Де Карло попросил монаха подать ему стакан воды, а затем принялся вновь рассказывать о том, как Дэмьен Торн стал во главе «Торн Корпорейшн», компании, контролировавшей питание большей части человечества, как это отродье окружило себя учениками, и как с каждым днем росли его сила и влияние...

— Но потом мои молитвы были услышаны, — усталым голосом произнес де Карло. — Вы обнаружили кинжалы. Ваш знакомый священник привез их мне. То была воля Божья. И вы действовали, как посланник Божий. С шестью святыми братьями мы отправились в Англию, чтобы уничтожить Дэмьена Торна. — Де Карло засунул руку под матрац и вытащил оттуда кинжал. Финн невольно отпрянул, пораженный холодно блеснувшей сталью клинка и необычной рукояткой.

Это был точно такой же кинжал, какой Финн уже однажды видел. И тут ему пришло в голову, что если этот сумасшедший священник все-таки говорит правду, то его, Финна, вполне могут обвинить в пособничестве убийству.

— И вы, священник, собирались убить человека? — недоумевая, спросил он де Карло.

— Дэмьен не был человеком, — возразил священник ровным голосом. — Он был Антихристом.

Де Карло протянул ученому кинжал. Финн приглушенно хмыкнул.

— Я понимаю, насколько трудно поверить во все это. Даже вам, человеку верующему. Но еще сложнее было понять и принять эту правду Роберту Торну, но в конце концов он поверил. Точно так же, как и Кейт Рейнолдс. Именно она вонзила этот кинжал в спину Дэмьена Торна. — Де Карло опустил оружие на колени Финна, и тот уставился на лик Христа. — Я думал, что нам удалось его уничтожить. Но надежды оказались тщетными. — Де Карло вздохнул и устало откинулся на спинку кровати.

Финн легонько тронул острие и тут же ощутил непонятное желание вскочить и броситься вон отсюда. Но силы покинули его.

— Вы, конечно, хорошо знаете тексты книги Откровений? — поинтересовался священник.

Финн кивнул.

— «И дано было ему вести войну со святыми, и победить их, и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем», — наизусть читал де Карло слова Откровения. — Сегодня на всей Земле нет ничего более могучего, чем «Торн Корпорейшн».

Финн в глубоком сомнении покачал головой.

— Можно ведь как угодно толковать Библию.

— Конечно,— согласился де Карло.— Последователи Антихриста именно этим и занимались. Они по-своему интерпретировали тексты. В свое время существовал священник по фамилии Тассоне, он помогал при рождении Антихриста. Потом этот Тассоне раскаялся, он-то и предупредил Роберта Торна, что время пришло. Евреи вернулись на землю обетованную. Голод распространился по всему миру. Политики зашли в тупик.— И де Карло вновь повторил пророчество Иоанна Богослова.— «Это суть бесовские духи, творящие знамение; они выходят к царям земли и всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя... И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон»...— Священник взглянул на Финна.— Вы знаете, как надо толковать Библию. Знаете и то, что Христос возродится и ему вновь предстоит очутиться лицом к лицу с Антихристом. Битва за Израиль состоится в Армагеддоне.

Финн кивнул.

— Христос уже родился,— заявил де Карло,— я сам видел Его.

Финн прикрыл ладонью лицо. Ему вновь нестерпимо захотелось убежать отсюда. Но он не в силах был даже шелохнуться и слушал как завороченный.

— Дэмьен Тори приказал своим ученикам перебить всех младенцев мужского пола, родившихся в один день с Христом. Ученики умертвили сотни детей. Христос же остался цел и невредим.

На глаза ученого набежали слезы. Де Карло нежно коснулся его плеча.

— Я знаю,— произнес священник,— человеку мучительно постичь это, особенно такому человеку, как вы. Ведь вся ваша жизнь сводилась к исследованиям и кропотливой работе в библиотеке. Но, пожалуйста, прочтите вот это послание и убедитесь сами.— Де Карло протянул руку к полке, висящей над кроватью, и вытащил два конверта, один из которых вручил Финну.— Сначала прочтите это письмо. Оно было написано мужественной женщиной незадолго до её гибели. Прочтите и поверьте.

По обратному адресу было ясно, что женщина эта проживала в северо-западной части Лондона. Финн перевернул последнюю страницу и взглянул на подпись. Имя ни о чем ему не говорило.

— Прочтите,— повторил де Карло.

На этот раз слова прозвучали как приказ.

Финн вернулся к началу послания и принялся молча читать: «Святой отец, на следующей неделе я ложусь в клинику на страшную операцию. Мне объявили, что лечение будет длительным и мучительным. Я не верю в положительный исход, в то, что останусь жива. Вы лучше других знаете, что я не драматизирую события и менее всего склонна к мелодрамам, так что вы вполне сумеете воспринять все нижесказанное не как бред сума-

спешней. Я смотрю на свое тело — измученное и страдающее — и чувствую ужасную, терзающую боль. Определенные выводы напрашиваются сами собой.

Вы единственный человек, кому я могу написать обо всем и поведать о своем ужасе. Боли мои начались вскоре после того, как вы покинули Англию. Сначала я толком и не обратила на них внимание. До тех пор, пока не обнаружила у себя опухоль. Врач направил меня к онкологу, который регулярно обследовал меня по мере того, как увеличивалась опухоль. Разумеется, он избегал слова «рак». Даже сейчас он не произносит этого слова. Врач уклончиво называет его «образованием», то и дело подсовывая мне рентгеновские снимки.

Однако я уверена, что это «разрастание» не совсем опухоль. Я убеждена в том, что это не мои рентгеновские снимки.

Святой отец, это проклятое «образование» шевелится во мне. Это какой-то ночной кошмар, ставший явью.

Я никогда не рассказывала вам, но, выражаясь вашим же языком, мы с Дэмьеном были последнее время «плотью единой». И если я не выйду из клиники живой, это письмо, полагаю, станет своего рода исповедью. И вы прочтете его в том случае, если я умру.

Я не верю в Бога, несмотря на все Ваши слова о Дэмьене. До сих пор я не в состоянии принять весь этот ужас. Все, что я знаю, состоит в следующем: человек по фамилии Дэмьен Торн попытался забрать у меня сына, он заколол мальчика, а я, в свою очередь, убила Дэмьена. До сих пор в моих ушах сохранился звук падающей крови и треск кости, когда я вытаскивала кинжал из спины моего Питера. И тот же звук, когда я всаживала кинжал в спину Дэмьена. Это все, что я знаю. Дэмьен для вас — Антихрист. А для меня он был очень привлекательным мужчиной со странным родимым пятном — и не более того.

Иногда по ночам меня одолевают смутные видения. Будто эта штукавина внутри — это... это... Но не буду продолжать. Ибо Вы человек, верующий в душу, в дьявола и еще Бог знает во что. Например, когда мне снятся хорошие сны, я знаю, что Вы наверняка сказали бы, будто это Сын Божий меня успокаивает. Может быть, может быть. Но мне надо идти в клинику.

Помолитесь же за меня, отец де Карло. В любом случае от Ваших молитв не случится ничего худого. А если я заблуждаюсь и мой скепсис — просто цинизм, Ваши молитвы, возможно, помогут и мне».

Финн взглянул на священника.

— Переверните страницу, — попросил тот.

Финн сделал это и прочел постскрипtum на обороте: «Я сношлась с дьяволом, святой отец. Моя грудь истерзана, а новая жизнь зародилась гнусным образом, не в утробе. Это чудовищный грех, святой отец. Помолитесь о моей душе. Пожалуйста».

Де Карло пояснил:

— Постскрипtum датирован утром того дня, когда Кейт Рейнолдс отправилась в клинику. На следующий день она умерла. Письмо было переправлено мне из нотариальной конторы ее адвокатом.

Финн мрачно покачал головой:

— Бедная женщина. Найдут ли когда-нибудь средство от рака?

— У нее был не рак, — еле слышно возразил де Карло.

Финн удивленно уставился на священника. Де Карло вновь заговорил:

— Она оказалась последней жертвой Дэмьена Торна. И она родила от него сына.

С этими словами он протянул Финну второе письмо. Финн молча взял его и, шевеля губами, углубился в чтение: «Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...»

Закончив читать, ученый посмотрел на священника. В лице его не осталось ни кровинки.

— Этого не может быть. Это бессмыслица.

Де Карло опустил голову:

— Зачем ей было лгать?

— Да при чем тут лгать? Это бред сумасшедшей.

— О нет. Подобный вывод — слишком одностороннее предположение, если хотите. Она не лгала. Она как раз впервые оказалась, так сказать, сама собой. С тех самых пор, как душой ее завладел дьявол.

Финн хотел было что-то возразить, но де Карло жестом велел ему молчать:

— В ту ужасную ночь я вместе с Кейт Рейнолдс похоронил ее несчастного сынишку, а тело Дэмьена Торна мы так и оставили на алтаре, чтобы оно распалось само по себе. Вместе с кинжалом я вынес тогда надежду, что наступит новая эра. Но надежда оказалась, увы, тщетной. Ученики нашли его тело. И объявили, что Дэмьен Торн скончался от сердечного приступа. Их врач подтвердил эту ложь. Предположительно, Дэмьена захоронили в чикагском семейном склепе.

— Я знаю, — как-то нервно перебил священника Финн. — Я видел это по телевизору.

Де Карло взял у него письмо. Священник медленно двигал пальцем по подчеркнутым строчкам: «И каждый кинжал необходимо вонзить по самую рукоятку. Кинжалы должны составить крест. Удар первого кинжала особенно важен. Он уничтожает жизнь физическую и образует центр креста. Следующие удары отнимут жизнь духовную. Все это должно быть совершенно на освященной земле. Нас, апостолов дьявола, учили, чтобы мы были как можно более убедительными. Чтобы мы не допустили этого».

Де Карло глубоко вздохнул и отложил письмо.

— Все, чего мы добились, это уничтожили тело Антихриста. Душа его осталась невредимой и воплотилась ныне в этом гнусном блюдке — его сыне. Когда его извлекли на свет Божий, я тут же почувствовал это. Мы не сумели исполнить наше предназначение. Все мои братья во Христе погибли, стало быть, напрасно. И только месяц назад я получил это письмо и понял свою ошибку. Мы не знали всего. Мы просто не знали.

Финн с трудом поднялся, колени его дрожали. Голова кружилась. Ему вдруг показалось, что он постарел лет на десять.

Де Карло открыл глаза и медленно произнес:

— Все, что я вам рассказал, записано на этих листах. Заберите их и письма и поезжайте в Лондон. Там обязательно повстречайтесь с американским послом. Он поможет.

— Почему? — удивился Финн. — С какой стати он должен мне помогать?

— Он человек мужественный. Кроме того, он обладает и властью, и влиянием. Ему нетрудно будет заполучить все кинжалы. Он сможет то, чего не сможете вы. А главное, он молод. А вы, как и я, стары и слабы. И хотя дух ваш, возможно, крепок, плоть ваша... — Де Карло не договорил, улыбнулся и, с трудом поднявшись с койки, потянулся к Библии. — Обещайте мне, — попросил он.

Финн пытался что-то сказать, но слова застревали в горле. Де Карло взял его ладонь и положил на Библию:

— Обещайте мне это во имя любви к Господу Богу.

Финн склонил голову:

— Обещаю.

— Тогда преклоните ваши колени.

В этой крошечной келье они читали молитву: отец де Карло произносил ее по-латыни, а Финн с трепетом повторял, почти не осознавая, что делает.

Поднявшись, священник положил свои руки на плечи Финну и вымолвил:

— Постарайтесь убедить посла. Когда он будет готов, я вышлю кинжал. — Тут он улыбнулся и добавил: — Христос укажет вам путь. Доверьтесь ему и молитесь. Он вновь ступит на Землю. Я это знаю. Я видел Его.

Собрав документы и письма, Финн направился к двери. Подойдя к ней, он вдруг вспомнил, что не задал еще один вопрос:

— А что случилось с первым, настоящим ребенком Катарины и Роберта Торнов?

— Он был убит, — бесцветным голосом произнес де Карло. — Первая жертва в длинном списке.

Финна охватила дрожь, не покидавшая его до тех пор, пока он не отъехал от монастыря на приличное расстояние.

И тут у него возникло жуткое сомнение.

Глава 7

Звонили из Рима. Сняв трубку, священник Томас Дулан терпеливо ожидал, пока установится связь. В голове внезапно мелькнула абсурдная мысль, будто звонят прямо из Ватикана. Услышав голос Майкла Финна, отец Дулан был слегка разочарован. А когда священник опустил трубку, он уже вовсе проклинал себя за проявленную слабость. Отец Дулан пристально разглядывал висевшее на стене распятие и никак не мог взять в толк, что же заставило его согласиться. Это же святотатство. По крайней мере нарушение закона.

Однако священник тут же принялся уговаривать себя, что Финн — истинный слуга Божий. Ведь благодаря стараниям Фин-

на церковный купол над головой Дулана был великолепно отреставрирован. А впереди еще предстоит восстановление органа, в котором вечно что-то ломалось или разваливалось на кусочки. Томас Дулан был человеком практичным и прекрасно понимал, чего стоит промысел Божий. Ибо для спасения души требовалась еще и финансовая поддержка. Ради нее он и пойдет на поступок, о котором его просил Финн.

Отец Дулан набрал только что записанный телефонный номер. Голос на другом конце провода был сама любезность. Знакомый Финн предлагал всяческую помощь.

Примерно час плутал священник в поисках нужного адреса. Наконец он нашел его и встретился со знакомым Финна. Тот вручил ему какой-то странный аппаратик, и отец Дулан помчался в сторону кладбища, расположенного в Северной части. Такси притормозило у ворот, и он заплатил по счетчику. Дулан вылез из автомобиля и принялся рассматривать аппаратик. Прибор обладал широким основанием, ручкой с набором цифр, как в телефоне, и маленьким экраном. Все это крепилось на трехфутовом стержне. Человек, вручивший отцу Дулану странный аппарат, с гордостью заявил, что на сегодняшний день эта штука является самым чувствительным и точным прибором на службе как профессиональных геологов, так и любителей-самоучек.

Священник набрал несколько цифр. Он настроил прибор на глубину шесть футов и включил его. Раздалось слабое жужжание, внезапно экран вспыхнул, и на нем возник фрагмент верхнего земельного слоя Чикаго. Дулан от изумления протер глаза, а затем взглянул на небо. Ночь стояла ясная, над головой ни единого облачка. Дулан поднял детектор и, направив его на звезды, снова взглянул на экран. Ровным счетом ничего. Прибор действовал только в радиусе пятидесяти футов. Жаль, подумалось Дулану. Вот если бы аппарат функционировал без ограничений, можно было бы, пожалуй, обнаружить обитель нашего Создателя.

Дулан отключил прибор и, отворив кладбищенские ворота, выставил перед собой детектор. Кладбище являло собой последнее прибежище всех богатых обитателей Чикаго. Здесь же висел и список лиц, настаивающих на перезахоронении своих близких.

Ирландская душа Томаса Дулана попыталась было взбунтоваться против подобных мероприятий, однако, с другой стороны, сам факт в значительной степени облегчал выполнение святоотеческой задачи.

Склеп Торнов располагался неподалеку от озера — округлое сооружение из гранита, разбрасывающее вокруг себя лунные блики. Двойные дубовые двери были закрыты, но они тут же распахнулись, стоило Дулану дотронуться до них.

Изнутри склеп не представлял собой ничего особенного. Круглый зал, сплошь уставленный обелисками с металлическими гравированными табличками. Зал освещался единственной свечой, стоящей в алькове. Дулан обратил внимание и на то, что на стенах склепа не виднелось ни одной надписи.

Священник обошел весь зал. Он с интересом рассматривал

металлические таблички. Здесь была увековечена память четырех поколений семейства Торнов. На самом крупном обелиске отчетливо виднелась гравировка: «Памяти Роберта и Кэтрин Торнов. Памяти Ричарда и Анны Торнов. Мир праху их, да упокоятся их души».

Дулан отступил на шаг, огляделся по сторонам и, заметив посреди зала большую мраморную плиту, так и впился в нее глазами. Надпись на плите гласила: «Дэмьен Торн, 1950—1982», ни слова больше. Но даже после смерти Дэмьен Торн занимал здесь главенствующее место. Дулан припомнил церемонию похорон. Он наблюдал ее по телевизору. Какие-то люди вносили в семейный склеп гроб, телевизионные камеры выхватывали то отдельные лица скорбящих, то двери склепа... В ушах священника до сих пор раздавался голос диктора, повествующего о трагической смерти Дэмьена Торна.

Дулан вновь включил прибор. Внезапно на священника нахлынула волна ужаса, и по его спине поползли мурашки. Не один раз присутствовал он при перезахоронениях, однако сейчас ему нестерпимо захотелось убежать отсюда. Вцепившись в ручку прибора, Дулан приказал себе не отступать. В конце концов это не займет много времени, и скоро он покинет наводящее ужас место.

Священник взглянул на экран, но ничего, кроме земли, не увидел. Тогда он настроил прибор на глубину пяти футов. В фокусе оказался глиняный пласт, напоминавший Дулану шоколадную плитку. Гладкий и нетронутый пласт, точь-в-точь такой, каким он был миллионы лет назад.

Дулан приблизил прибор к мраморному надгробью. Сам он стоял уже прямо над могилой на гравированной табличке. Священник вновь взглянул на экран. Структура почвы менялась. Земля казалась здесь более рыхлой, встречались камешки.

Дулан увеличил четкость изображения. Настроил прибор на глубину пять футов и один дюйм, затем пять футов и два дюйма.

И тут у него перехватило дыхание. На экране вспыхнуло изображение гроба из красного дерева. Дулан невольно перекрестился. В мозгу почему-то тут же промелькнула дурацкая мысль, что после смерти у покойника отрастают волосы и ногти, и Дулан уже приготовился к этому зрелищу. Зажмурившись, он дотронулся до циферблата на приборе и, собравшись с духом, открыл глаза.

На экране виднелись камни. Ровный слой каменных обломков. Нахмурившись, Дулан настроил прибор еще на пару дюймов вниз — и снова одни только камни. Еще глубже на четыре дюйма. Основание гроба. Вверх на восемь дюймов — экран опустел.

Дулан лихорадочно работал, передвигая прибор по всей плоскости надгробия, пока не осознал окончательно: кроме камней, в гробу Дэмьена Торна ничего не было. Гроб был пуст.

Священник наконец выключил прибор и тупо уставился на надгробную плиту. Потом с тем же бессмысленным выражением лица покачал головой и пробормотал: «Надо бы хлебнуть чего-нибудь крепкого. И порядочную дозу».

Далеко-далеко от этого места, в часовне, стоял на коленях юноша. Он вцепился в руки своего отца, и губы его двигались в безмолвной молитве. Пот струился по лицу и рукам юноши, отчего мертвые ладони Дэмьена Торна покрылись влагой. Лицо юноши напряглось, жилы на висках вздулись...

В этот момент внизу, в Пирфордском парке, огромная собака запрокинула массивную морду и, повернув ее на запад, испустила жуткий, леденящий вой...

Бармен в небольшой забегаловке неподалеку от Чикагского кладбища был человеком широким и терпимо относился к человеческим слабостям. Вот и на этот раз он не обратил ровным счетом никакого внимания на тщедушного человечка с какой-то металлической штуковиной в руках. Этот тип так неудержимо опрокидывал одну рюмку за другой, будто завтра собирались объявить сухой закон.

Прикончив очередную порцию, человек вышел. «Наверное, отправился звонить жене, — подумалось бармену, — сейчас будет плакаться, лепетать всякие извинения».

А Дулан в который раз набирал телефон междугородной:

— Пожалуйста, соедините меня с Римом.

— Минутку.

— Пожалуйста, постарайтесь, чтобы на этот раз линия была свободна.

Он непременно должен дозвониться, чтобы хоть кто-нибудь мог разделить с ним это потрясающее открытие. Дулан набрал номер и ждал.

— На проводе, сэр.

— Слава Богу, — пробормотал священник, барабанив пальцами на стене.

— Но, к сожалению, нужного вам человека нет сейчас на месте.

— Пожалуйста, попросите, чтобы его поискали.

— Минутку, сэр.

Минутка ожидания обернулась для Дулана вечностью. Наконец он услышал голос Финна. Внезапно за спиной священника нестройный хор пьяных голосов разом грянул какую-то песню, и Дулану пришлось заткнуть одно ухо. Он весьма сумбурно и бегло пересказал все, что успел выяснить. Когда Финн благодарил священника, тому совершенно отчетливо послышалось в его напряженном голосе крайнее волнение. Дулан в изнеможении привалился к стене. «Ладно, пропущу напоследок еще одну, и пора домой», — мелькнуло у него в голове.

— А, так вы — священник, — полюбопытствовал бармен. — Мне тоже частенько приходится выслушивать всякого рода исповеди, — добавил он.

— Неужели? — Дулан уставился в пустое рюмочное донце и раздумывал над очень серьезной проблемой. «Пойдет или не пойдет следующая? — прикидывал он в уме. — Да, здорово я сегодня набрался. Зато шок прошел».

Священник шагнул из дверей бара в ночь. И тут его снова охватила дрожь. Погода менялась. Поднявшийся ветер нагнал

на озеро рябь; облака, набегающие с востока, стремительно уплотнились и окутывали луну. Дулан распахнул кладбищенские ворота, намереваясь пересечь кладбище и дойти до ближайшей стоянки такси.

— Это самый короткий путь, — бросил напоследок бармен.

Спотыкаясь, Дулан брел по тропинке. Он прижимал детектор к груди, словно индеец свое заветное оружие. И вдруг почувствовал острый приступ тошноты. Да, не стоило ему пить столько виски, да еще добавок и пива. К таким дозам его организм просто не привык.

Дулан мельком глянул на усыпальницу Торнов, и ему почудилось, будто там что-то движется: какие-то желтые огоньки. Дрожая с ног до головы, он понял, что его вновь начинают мучить кошмары. Дулан ускорил шаг. Наклоняя голову и уворачиваясь от усилившихся порывов ветра, он перешел почти на бег. Священника охватило смтение при мысли о том, что он потерял дорогу. Ноги его были исколоты растущим по обеим сторонам тропинки кустарником. Споткнувшись о какую-то надгробную плиту, Дулан вздрогнул от неожиданности, услышав, как заработал детектор. Он попытался нащупать выключатель, но это ему не удалось, и тогда он бессмысленно уставился на экран. Прибор оказался сфокусирован на содержимом могилы, и Дулан разглядел череп. Этот череп ухмылялся и пялил на священника свои пустые глазницы. Дулан почувствовал, что теряет сознание. Повернувшись, он бросился бежать куда глаза глядят. Силы внезапно покинули его, ноги одеревенели, и Дулан привалился спиной к какому-то обелиску. Священник закашлялся, а когда поднял голову, увидел перед собой статую ангела. Он вздрогнул, и тут его осенило. Спазмы продолжались несколько минут. Застонав от боли и отвратительного запаха, Дулан вытер рот кончиком рукава. Прибор все еще работал, и на экране возникали цветные изображения.

Дулан заставил себя посмотреть на экран и на этот раз увидел скелет животного. Это был скелет собаки, скорее всего гены или шакала. Священник попытался подняться. Ему вдруг показалось, что кости зашевелились. Дулан как зачарованный смотрел на экран, не в силах отвести взгляд.

Воздух был пропитан зловонием, и Дулан полез в карман за носовым платком, чтобы прикрыть нос.

Священник с трудом отстранился от обелиска и двинулся по направлению к воротам. Пристально вглядываясь вдаль, он различал только бесконечные ряды надгробных плит. Бормоча молитву, Дулан пробирался вперед, выставив перед собой детектор, словно слепой — посох. Неожиданно прибор уперся в двойное надгробие, надпись на котором гласила:

**«ДЖОН И МАРТА КАРТРАЙТ
Мир праху их во веки веков».**

На экране возникли кости усопших Марты и Джона. Между ребрами скелетов ползали белые черви и какие-то личинки. И тогда из горла Дудана вырвался истошный вопль. Казалось,

этот вопль не мог принадлежать ему. Продолжая кричать, священник бросился прочь, не разбирая дороги. Споткнувшись, он разодрал бедро, но боли не почувствовал.

Он бежал и бежал, выкрикивая на ходу лишь одно слово: «Святотатство», — которое эхом отдавалось в высоких кронах деревьев.

Дулан не заметил свежeverытой могилы. И лишь когда его пронзила резкая боль, он понял, что упал в могилу. Дулан попробовал повернуть голову, но это ему не удалось. В рот набилась земля, а высоко над собой он разглядел насыпь по краям могилы. Жуткий, панический страх сжал его сердце, и Дулан с большим трудом поборол его, чтобы хоть как-то сосредоточиться.

«Онемение скоро пройдет, оно всего лишь следствие сотрясения и шока», — уговаривал сам себя Дулан. Скоро все ощущения вернутся к нему, и он почувствует наконец ноги. А пока краешком глаза он видел лишь свою неестественно вывернутую руку. Никогда раньше он не ломал ни руку, ни ногу. На какое-то мгновение его опять охватила паника, он прикрыл глаза и заборотал молитву, а открыв их, заметил в лунном свете смутную тень, чьи-то зыбкие очертание у края могилы.

Дулан прищурился. Он разглядел голову собаки. У той была массивная морда, а глаза, полыхающие желтоватым пламенем, словно буравили священника. И только теперь Дулан понял, почему возле склепа не выставлялась охрана: по ночам его стерегли эти псы.

218 Дулан уставился собаке прямо в глаза и истерично хохотнул. Он чувствовал себя, как альпинист, погребенный под снежной лавиной. Молитва подбодрила его. Однако в этот момент густой запах тления вновь ударил в нос, и резкий приступ тошноты в который раз одолел священника. Он попытался отвернуть голову от этого зловония, но мускулы тела уже не подчинялись мозгу.

Дулан увидел, что животное ткнулось мордой в насыпь, и едва успел зажмуриться, как на голову ему посыпались комья земли.

— Эй! — только и успел выкрикнуть он.

Собака продолжала разгребать рыхлую насыпь.

— Не... — Очередной крик оборвал кусочек глины, угодивший прямо в рот Дулану. Священник услышал рычание и заметил у края могилы очертания второй собаки, потом третьей. Их оскаленные морды виднелись на фоне темного неба. Облака набегали на созвездия и ушльхивали прочь, а земля из-под собачьих лап все сыпалась и сыпалась на Дулана.

Острый кусочек щебня больно полоснул священника по носу, и он почувствовал, как по губам заструилась кровь. В беззвучном вопле открылся рот, но в него тут же набилась глина. Дулан плотно зажмурил глаза, и на веки обрушился земельный град.

Ему оставалось только надеяться, что собакам понадобится какое-то время, чтобы закопать могилу. И он успеет исповедаться перед Богом. Ведь он не мог явиться перед Создателем, не совершив этого последнего обряда.

С губ священника начала срываться безмолвная латынь, кото-

рую он заучил еще с детства. Молитва возносилась к небу, стремительно исчезающему над растущим слоем земли.

В неясном и сумеречном свете раннего утра могильщику сначала почудилось, будто из свежевырытой могилы пророс тоненький стебелек. Протянув к нему руку, могильщик резко отпрянул. Он испуганно вскрикнул, когда, споткнувшись о рукоятку детектора, похожего на машинку для стрижки газонов, увидел перед собой небольшой экран. На нем явственно запечатлелось лицо Томаса Дулана, на веки вечные сомкнувшего свои глаза и губы.

Глава 8

Устроившись возле люка самолета, совершавшего прямой рейс Рим — Лондон, Майкл Финн прокручивал в памяти разговор со священником из Субиако. Он пытался собраться с мыслями.

Финн достал портфель и вновь пробежал глазами документы, врученные ему де Карло. Сознание не желало мириться с этим абсурдом, и у Финна возникло сильное желание взять бумажную кичу и спустить в унитаз, наблюдая, как потоки воды смывают страницу за страницей. Ученого с ног до головы захлестнуло искушение отделаться от этого кошмара и спокойно вернуться из Лондона домой.

Но ведь он поклялся на Библии. Финн вздохнул и в который раз уставился на два письма, лежащие в портфеле.

Ясно как день, что женщина по фамилии Ламонт не в своем уме. Вторая же — смертельно больна. А де Карло, похоже, просто впал в старческий маразм. Но ведь тела Дэмьена Торна все-таки не оказались в могиле. И одно это требует расследования.

Финн вытащил Библию и записную книжку. Всю свою жизнь он занимался толкованием Священного Писания, и для него не составляло труда в мгновение ока отыскать необходимые цитаты. Он листал страницы, подобно водителю, прослеживающему по карте знакомый ему маршрут.

Финн только досадовал на то, что женщина, сидевшая рядом, все время беспокойно ерзала в своем кресле, бросая на ученого странные взгляды.

Финн добрался наконец до Нового Завета: «И поклонились зверю, говоря: кто подобен сему зверю? и кто может сравниться с ним?.. Он действует предъ ним со всей властью первого зверя, и заставляет всю землю и живущих на ней поклониться первому зверю... И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю предъ людьми...»

Он отложил в сторону карандаш и, прикрыв глаза, с головой погрузился в воспоминания, мысленно возвращаясь в годы своей юности, когда для него существовали только религия, религиозная мораль и этика. Да и следующий этап его жизни сводился к чисто научным исследованиям. В Майкле Финне органично сочетались и глубокая вера, и неиссякаемое любопытство: два

качества, которые, как он считал, никогда не противоречили друг другу. И лишь иногда, по ночам, его преследовало наваждение, будто некоторые прорицатели, вроде Кассандры, могут оказаться правы, и библейские предсказания сбудутся.

Антихрист жив. А старый священник из Субиако видел родившегося Христа. Если де Карло не сумасшедший, дни до Армагеддона сочтены.

Во время паспортного и таможенного досмотра Финн старался сосредоточиться на разных мелочах, чтобы потом не тратить на них время: брать такси или же добираться на метро? В каком отеле остановиться? И кому позвонить в первую очередь?

Финн забрал багаж и вместе с толпой двинулся к выходу. Задержавшись возле газетного киоска, он принялся шарить в карманах, разыскивая мелочь.

Номера газеты «Интернэшнл Геральд Трибюн» лежали на самом виду. Финн всмотрелся в один из них и остолбенел. Он снял с полки газету и замер как вкопанный, загородив проход и не замечая ничего вокруг себя. Не слыша сердитых окриков, он бормотал: «Господи, Боже мой!»

Лейтенант полиции сообщал в уголовной хронике, что с таким убийством сталкивается впервые. Трудно себе представить человека, который мог бы живо закопать в могилу свою жертву. Эта жертва, как установил патологоанатом, во время падения сломала себе шею и была парализована.

— Господи, Боже мой, — шептал Финн и чувствовал, что земля уходит у него из-под ног, а колени начинают подкапываться. Тут он услышал, что люди вокруг встревоженно спрашивают, не позвать ли врача и не нуждается ли он в помощи.

Финн остановился в маленькой гостинице на Пикадилли. Он тут же связался по телефону со своей женой и настолько нежно ворковал с ней, что потом, положив трубку, задумался: а не придет ли жене в голову, будто он провинился перед ней? И уж когда вернется, он первым делом крепко обнимет жену и выложит, как много она для него значит. Он рвался домой, но сначала надо было выполнить свое обещание.

Финн решил пройтись по улочкам Лондона. Обычно встреча с новым городом волновала его, однако на этот раз он не мог ни на чем сосредоточиться. Лицо Томаса Дулана стояло перед его мысленным взором, в ушах до сих пор раздавался голос священника, с неохотой согласившегося оказать Финну услугу.

А потом, в тот последний вечер, странный телефонный разговор, какое-то невнятное бормотание, будто Дулан был вдребезги пьян.

Финн почувствовал, как по щекам заструились слезы, и даже не попытался вытереть их. Вина за гибель этого человека тяжелым камнем легла на плечи ученого. Финн смахнул слезы и огляделся по сторонам, пытаясь определить, в какой части Лондона он находится. Перед ним возвышалась небольшая церквушка, двери которой были распахнуты. Не колеблясь, Финн вошел туда.

Преклонив колени, он размышлял над тем, как ему выполнить данное де Карло обещание. В одиночку раздобыть кинжалы — подобная задача ему, конечно же, не по плечу. Вот если бы они находились в каком-нибудь музее или же в частной коллекции, то это было бы проще. Тогда у него имелся бы шанс. Но Скотленд-ярд... Да и вообще эти кинжалы могли уже покоиться на дне морском.

Старый ученый старался представить себе, что можно предпринять. Он прекрасно понимал, что для подобной затеи он далеко не самый лучший исполнитель. Это, конечно, знал и де Карло. Священнику следовало нанять какого-нибудь частного детектива. Финн в сомнении покачал головой и, устало прикрыв глаза, ощутил себя до мозга костей смертным. На ум пришли слова де Карло: «Христос укажет вам путь...»

Финн с жаром принялся молиться о душах бесследно исчезнувшей юной журналистки и Томаса Дулана, а также и за себя самого.

Он просил у Бога поддержки.

Покидая церковь, Финн твердо знал, что ему надо делать.

Бреннана разбудил громкий телефонный звонок. Посол проснулся с каким-то смутным ощущением вины. Шея и руки его онемели.

— Господин посол.

Бреннан вскочил с постели и нажал кнопку селектора. Он пробормотал что-то вроде утреннего приветствия.

— Бумаги с брифинга, сэр.

— Спасибо. Занесите их, пожалуйста. — Голос его был все еще сонным.

Бреннан зевнул и направился в ванную. Умываясь, он вдруг подумал о том, что вот уже трижды на этой неделе засыпал прямо за письменным столом. Это уж слишком. Надо что-то придумать относительно всевозрастающих сексуальных потребностей Маргарет.

— Сыпану-ка я ей в водку брома, — хмыкнул про себя Бреннан.

Чтение документов из госдепартамента, как всегда, не доставило особого удовольствия. Бреннан внимательно просмотрел их и отложил в сторону приглашение на переговоры в министерство иностранных дел. «Зато потом, — неспешно размышлял он, — можно будет взять парочку дней отпуска. Надо отдохнуть. Только вот где?»

Бреннан тяжело вздохнул. Похоже, весь мир сошел с ума. А последние новости заводили вообще в тупик, делая многие проблемы просто неразрешимыми.

«И если Господь действительно умер, — думал Бреннан, — то уж дьявол жив наверняка и подстраивает нам пакости на каждом шагу».

Посол выглянул в окно на Гросвенор-Сквер. И, как обычно, увидел кучу демонстрантов с какими-то транспарантами. Он не смог прочитать, к чему они призывали. Каждый день то одни, то другие протесты. Бреннан не мог припомнить дня, когда бы не

сталкивался с демонстрантами. Дипломаты постарше вспоминали, что не видели ничего подобного со времен вьетнамской войны. Но тогда это был целенаправленный и осмысленный протест против определенной акции. Теперь же выступали против всего подряд, пророча всеобщую гибель и выдавая самые что ни на есть мрачные прогнозы.

В этот раз демонстранты были облачены в черные одежды с нарисованными на них белыми люминесцирующими скелетами. Бреннану вдруг показалось, что один из этих «скелетов» уставился прямо на него и с расстояния сотни ярдов погрозил ему кулаком.

Вдохнув, Бреннан отступил от окна. Он чудовищно устал от всех этих причитаний и предсказаний и страстно желал лишь одного: услышать ободряющий, содержащий хоть толику оптимизма прогноз. Но в глубине души он понимал, что это невозможно. Ибо мир людей не являлся пристанищем, где обитала надежда и где, как неустанно повторяла Маргарет, можно было рожать на свет Божий младенцев.

Ох уж эта повседневная посольская рутина! Бреннан заглянул в свой еженедельник. Сегодня предстояла вечеринка в отеле «Хилтон», где соберутся представители англо-американской торговой ассоциации. Если повезет, он возвратится домой часам к девяти вечера.

Бреннан снова прошел в ванную и задернул занавеску душа. Пытаясь избавиться от плохого настроения, посол размышлял о том, что скажет бизнесменам. Он надеялся, что выдаст сегодня этакий добротный и бодрящий спич, насквозь пронизанный здоровым энтузиазмом.

Конференц-зал был украшен американскими и британскими флагами. То тут, то там виднелись плакаты с девизами ассоциаций.

Битых полчаса пришлось Бреннану пожимать руки и обмениваться приветствиями с гостями отеля. И когда к послу подходил очередной бизнесмен, наметанный глаз Бреннана тут же выхватывал с именной таблички на лацкане пиджака фамилию этого человека.

На вечеринке присутствовала исключительно мужская половина. Поначалу здесь царил сдержанная и чопорная атмосфера. «Любопытно, как все они изменятся через пару часов, — лениво размышлял про себя Бреннан, — когда принятые на грудь коктейли дадут о себе знать и когда с этих расслабившихся достойных мужей слетит весь официальный лоск».

Лица и голоса, как всегда, начали постепенно сливаться в общий фон, и скоро Бреннан очутился в одиночестве. Невесть откуда появился официант с подносом, на котором стояли бокалы. Посол взял один из них и, неторопливо потягивая коктейль, почувствовал вдруг, что за его спиной кто-то стоит. Он обернулся и увидел тщедушного человечка, неуверенно протягивающего ему руку для пожатия.

— Господин посол, можно вас... всего на пару слов, — попросил мужчина.

Бреннан обратил внимание на иллинойское произношение.

— Я Майкл Финн, — представился ученый, пожимая руку посла. В отличие от всех присутствующих незнакомец не назвал фирму, которую представлял. Он словно прочел мысли Бреннана и тут же добавил: — Я не имею к торговой ассоциации никакого отношения. Вообще-то я, конечно, не к месту. Меня пригласил сюда приятель моего друга. — Финн заметил промелькнувшую на лице посла тень и недовольную морщинку на его лбу. — Пожалуйста, не беспокойтесь, — поспешно продолжал ученый. — Я уверен, что служба безопасности досконально проверила мои данные. Я историк и специалист по древностям.

— А-а, — неопределенно протянул Бреннан.

— Я уже пытался встретиться с вами официально, но все мои просьбы об аудиенции куда-то канули.

— Извините, господин Финн, но если бы мне приходилось говорить с каждым, кто вот так...

— Господин посол, я понимаю, но, пожалуйста, только несколько секунд вашего внимания. — Финн взял Бреннана под руку и увлек его в глубь ниши. — У меня с собой пакет. Я собирался занести его вам домой. Все, о чем я прошу, — прочесть эти бумаги.

— Ну, конечно, — согласился Бреннан, даже не попытавшись скрыть зевок.

— Прочесть до конца. И не выбрасывать, если они покажутся вам поначалу абракадаброй.

Бреннан нахмурился. Какое-то воспоминание вдруг мелькнуло в его мозгу.

Финн продолжал:

— Львиная доля прочитанного может показаться вам безумием. Кто знает, возможно, так и есть на самом деле. Но я точно уверен, что два человека, вовлеченных... — Финн замолчал на мгновение, — ...в это дело, погибли. И один из них — мой знакомый священник из Чикаго.

— Да, но... — Бреннан попытался уйти, но старик цепко держал его за локоть.

— Этот священник обнаружил, господин посол, что могила одного из ваших предшественников пуста.

Бреннан криво усмехнулся и попробовал высвободить руку.

— И это проверенный факт, господин посол, — торопливо шептал Финн. — Я говорю о Дэмьене Торне.

Бреннан вырвал наконец свою руку. А Финн между тем перешел почти на скороговорку:

— Постарайтесь, пожалуйста, сами задать себе вопрос: почему в гробу вместо тела Дэмьена Торна лежит груда камней?

Бреннан отстранился от ученого, но Финн бежал за ним следом:

— Я не сумасшедший, господин посол. И не пытаюсь извлечь никакой выгоды для себя. Более того, я сам до смерти боюсь, я не из породы храбрецов.

Помощник Бреннана, заметив, что шеф попал в весьма затруднительное положение, тут же поспешил ему на помощь.

А Финн, торопливо семеня за послом, все говорил и говорил:

— Вы сделаете то, о чем я вас просил, господин Бреннан? Просто прочтите содержимое пакета...

Посол остановился и внимательно глянул в напряженное лицо ученого.

— Хорошо, — кивнул он.

Финн благодарно улыбнулся:

— Спасибо, господин посол. — И заспешил к выходу, счастливый и торжествующий, как будто страшный груз свалился наконец с его плеч.

Глава 9

Огромный «Боинг-777» оторвался от взлетной полосы лондонского аэропорта «Хитроу» и взял курс на запад. Майкл Финн, устроившись поудобнее в кресле, глубоко дышал, ликуя при мысли, что летит наконец домой. Но к чувству облегчения примешивалось неясное ощущение вины. Может быть, он все-таки мог сделать больше. Хотя вряд ли. Теперь-то Филипп Бреннан наверняка знает все. Ученый не сомневался, что посол должен заинтересоваться бумагами. Однако, тут же осек себя Финн, он равным образом может их выбросить. Но ведь он, Майкл Финн, сам засвидетельствовал тот факт, что тела Дэмьена Торна не оказалось в гробу. А это должно привлечь внимание посла.

Финн с нетерпением ожидал, когда правда выплывет наконец наружу. Какой-нибудь репортер из «Чикаго Трибюн» докопается до истины и выплеснет на страницы газет всю подноготную. Он и раньше stalkивался с газетчиками, имея достаточно ясные представления о том, как они добывают материал. После беседы с ним они, конечно же, кинутся обзванивать всю торновскую империю и задавать кучу вопросов. Вот тогда-то и выяснится, что страшная смерть Томаса Дулана не была случайностью.

Финн заказал «мартини». К нему подошла рыжеволосая стюардесса и протянула бокал. При этом она заявила, что ее зовут Дениз, и пожелала Финну приятного полета. Тот отметил про себя, что улыбка у стюардессы совсем не дежурная, а, наоборот, очень искренняя и теплая. Ему даже показалось, что, подавая бокал, девушка нарочито коснулась его плеча своим роскошным бюстом и как-то хитровато подмигнула при этом. Финн тут же оборвал полет своей фантазии, решив, что он просто старый идиот, у которого внезапно разыгралось воображение.

Однако, когда на экране засветились первые кадры фильма, стюардесса присела на свободное рядом с Финном кресло и заинтересовалась, как ему нравится полет и не может ли она чем-нибудь помочь джентльмену?

— Нет, спасибо, — шепотом поблагодарил Финн. — Все просто замечательно.

Так они и сидели рядышком, наблюдая за действием на экране. Какая-то лента из жизни полицейских Лос-Анджелеса. Однако Финн так и не смог сосредоточиться. Ему вновь и вновь казалось, что стюардесса пытается с ним познакомиться.

В этот момент на экране что-то взорвалось, и Дениз склонилась к нему, ласково спрашивая, не хочет ли он кофе. Почему бы им не заглянуть в служебное помещение, где она смешает коктейль и сварит кофе?

Дениз удалилась. А Финн подумал: «Действительно, почему бы и нет?»

Дениз скинула свой фирменный китель и кепочку и прислонилась к стенке. Она медленно потягивала какой-то крепкий напиток. При этом стюардесса невзначай обронила, что вообще-то на службе ей пить не полагается. Время от времени девушка высывалась за шторку и окидывала взглядом салон. Ничего, пусть пока за все попашет Кэнди, а ей самой не мешает чуточку расслабиться. Дениз поведала, что она родом из Денвера. А он откуда? Чем занимается? Что занесло его в Европу? Командировка? Или решил отдохнуть?

Отвечая на ее вопросы, Финн старался сохранить бесстрастность и не пялиться на красотку — он то и дело бросал взгляды в иллюминатор и посасывал «мартини» с таким видом, будто всю жизнь только этим и занимался.

— А вам нравится летать?

— Нет, — покачал головой Финн, — я, видимо, из той породы людей, которая до конца своих дней не в состоянии понять, что подобная махина из металла может не только взлететь, но и просто оторваться от земли.

— Ха, я тоже из этой породы! — улыбнулась Дениз.

— И потом, — продолжал Финн, — для чего надо непременно убирать шасси?

— Ах, какое милое заблуждение, — нежно пожурила его стюардесса, — но ведь с выпущенными шасси самолет просто не сможет лететь.

— Ну а если шасси застрянут? — не унимался Финн.

Девушка рассмеялась и, взяв его за руку, увлекла за собой в глубь подсобки.

Они оказались у крошечного лифта.

— Шасси всегда срабатывает, я вам сейчас продемонстрирую. Нам надо только спуститься на нижний этаж. Вот сюда. — Девушка шагнула вперед, и Финн охотно последовал за ней, не выпуская из рук бокала. Он вдруг вспомнил героев комиксов, которые всегда щипали себя за нос или за ухо, дабы убедиться, что происходящее им не снится.

Девушка легко пробиралась между кухонных электрических плит и сервировочных столиков. Финн, однако, тут же умудрился застрять между ними. Девушка, смеясь, подтолкнула его к тяжелой двери. Отхлебнув еще один глоток, Финн внезапно почувствовал, как участился его пульс. Девушка была совсем рядом, и Финн ощущал удары собственного сердца.

— Шасси вон там, в центральном люке. — Дениз взглянула вверх на лампочку, мерцающую красноватым светом. — Когда загорится зеленый свет, мы сможем войти туда.

— И сколько мы там пробудем? — пробормотал Финн, надеясь в душе, что это мгновение обернется вечностью.

— Уже можно,— объявила Дениз и толкнула дверь. Ученый последовал за ней в центральный люк и тут же вздрогнул от резкой смены температур. Одним махом он осушил свой бокал и вслед за стюардессой приблизился к гигантскому стальному контейнеру, занимавшему почти весь отсек.

— Поднимитесь сюда,— обратилась к нему девушка, взбираясь по лесенке на поверхность этого сооружения. Финн поднялся следом за ней и примостился наверху.

— Вот это и есть шасси,— объяснила стюардесса, отодвигая массивную задвижку,— видите?

Ученый просунул голову в образовавшееся отверстие и в нескольких дюймах от своего лица увидел огромные колеса.

— Их шестнадцать штук,— сообщила девушка.— По четыре колеса на каждом из четырех шасси. Пять футов высотой.

Финн хмыкнул, едва понимая то, что объяснила ему девушка.

— Одну минутку.— Девушка встала на колени.

Финн услышал шипение, когда люк в самолетном днище слегка подался. Порыв сильного ветра задрал его рубашку. У Финна перехватило дыхание.

— Вот видите, колесики выдвигаются, так что вам не следует беспокоиться.

В оглушительном реве моторов и свисте ветра ученый с трудом различал, что ему кричит стюардесса. Взглянув на шасси, он разглядел далеко внизу, на окраине Нью-Йорка, крошечные домишки.

Финн снова вздрогнул от холода. Держась за крышку люка, он начал потихоньку двигаться назад. И вдруг почувствовал на своих плечах ее руки. Ученый улыбнулся. Ну и местечко она выбрала...

И тут же сорвался вниз. Руки его беспомощно повисли в воздухе, он пытался схватиться за перекладки шасси. Ударившись лицом о твердую, как сталь, покрывку колеса, Финн закричал от страшной боли. В этот момент ему заклинило ногу. Вцепившись в огромную шину, ученый с трудом поднял голову. Он увидел, как стюардесса помахала ему рукой и захопнула крышку люка.

Финн соскальзывал вниз. Пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, он нащупал в резине глубокую трещину и тут же почувствовал резкий запах. «Обычное английское дерьмо,— промелькнула в его голове безумная мысль,— в которое шасси вляпалось на взлете».

Финн попытался подтянуться, но так и не смог высвободить из ловушки ногу. А тело, расплющенное огромным воздушным давлением по поверхности шасси, словно приклеилось к ним. И все-таки ученому удалось оторвать руки и приподнять их несколько выше. В лицо ему тут же ударили ошметки засохшей грязи, засорив глаза, из которых не переставая текли слезы.

Внизу замелькали строения аэропорта Кеннеди. Там его ждет жена. Она специально прилетела сюда, чтобы встретить мужа. Наверное, она стоит сейчас на смотровой площадке и наблюдает, как приземляются самолеты, выискивая глазами его машину.

Лицо Финна было плотно прижато к резине. Внезапно он вспомнил слова Дениз: иногда самолет с такой силой ударяется о посадочную полосу, что от шасси отлетают кусочки резины. Теперь он уже ясно различал перед собой посадочную полосу.

Из последних сил Финн оторвал от шины голову, приподнял ее и испустил душераздирающий вопль.

Прямо под крылом «Боинга» возле иллюминатора сидел маленький мальчик. Он вцепился в руку матери и тихонько плакал. К ним подошла стюардесса и поинтересовалась, в чем дело.

— Он первый раз летит, — объяснила мать.

— Вот опять, опять, — не унимался малыш, обращаясь к стюардессе, как бы ища у той поддержки.

— Он утверждает, что слышит крики, — извиняющимся голосом продолжала его мать, — а я ему возразила, что это всего-навсего свист ветра.

— Ну, конечно, — согласилась стюардесса, поглаживая малыша по руке. — Мы снижаемся со скоростью двести миль в час. Это просто сильный ветер.

Малыш прижался ухом к иллюминатору. Закрыв глаза и пальчиками заткнув уши, он словно ожидал, когда же прекратится этот ужасный крик. Затем он почувствовал толчок. Шасси заскрежетали, ударившись о бетонную полосу. Рев мотора начал затихать. Еще один плавный толчок, и самолет застыл.

Малыш не открывал глаз до полной остановки самолета. Наконец, выглянув в иллюминатор, он увидел под крылом механика.

Тот в полном оцепенении уставился на прилипшее к шасси кровавое месиво, бывшее когда-то Майклом Финном.

— Ну вот, теперь крики прекратились, — счастливо улыбаясь, сообщил матери малыш.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10

Спускаясь в лифте, Филипп Бреннан улыбнулся двум молодым сотрудникам и пробормотал обычное приветствие. Вначале он не пытался вникнуть в их беседу, занятый мыслями о предстоящей рутине. Глубоко вздохнув, он постарался избавиться от всей этой ерунды, чтобы, как повторяла Маргарет, по пути домой прочистить мозги и освободить их для болтовни за обеденным столом.

До посла вдруг долетел обрывок разговора: «Ты себе можешь такое представить? Вывалиться из этого растреклятого «Боинга?»»

Внутри у Бреннана что-то сжалось.

— Да, подобная весточка не для твоих слабых нервов.

— Его опознали только по списку. Когда просто посчитали всех пассажиров. Какой-то тип из Чикаго. Рылся в древностях или что-то в этом роде.

Бреннан резко обернулся.

— Простите, о чем вы только что говорили? — осведомился он. — Что это за тип из Чикаго?

— Бедняга вывалился из самолета, когда тот приземлялся в аэропорту Кеннеди, — объяснил один из молодых людей. — Передавали в сводке новостей.

— Его фамилия случайно не Финн?

— Да, точно. А вы его знали, сэр? — Молодой человек с любопытством уставился на Бреннана.

Двери лифта разошлись, посланец, покачивая головой, бросил на прощание «спасибо» и вышел из лифта. Направляясь следом за ним, молодые люди наблюдали, как он шел по коридору.

— Странно, — заметил один из них. — Похоже, он здорово перетруился. Однако ничего удивительного, если принять во внимание, как он пахнет, болтаясь между Вашингтоном и Лондоном, улаживая эту ближневосточную заваруху.

Они остановились перед дверью.

— Говорят, этого бедолагу при посадке расплющило о шасси, и он еще добрых пару миль поджаривался на пине.

— Кошмар. Может, пойдём, врежем по пиву?

Весь вечер напролет Бреннан пытался отделаться от воспоминаний об этом старике, но лицо Финна стояло у него перед глазами, а в ушах звучал умоляющий голос ученого. Посланец потерял аппетит и, невпопад отвечая на вопросы Маргарет, просто согласно кивал, когда она расписывала ему прелести их предстоящего отпуска.

— Как мило, — внезапно осекшись, Маргарет ткнула в мужа пальцем.

— Что такое?

— Я разговариваю с тобой, а ты то и дело смотришь на часы.

Бреннан извинился и включил телевизор. О жуткой кончине Финна сообщили только под конец новостей, уделив этому происшествию буквально пару секунд и заявив, что компания «Пан Америкэн» ведет расследование.

— Несчастный, — еле слышно пробормотал Бреннан.

— Наверное, напился до чертиков, — констатировала Маргарет, и Бреннан поразился ледяному безразличию в ее голосе. Жена улыбнулась ему, как ни в чем ни бывало, и уютно пристроилась рядышком.

Когда Бреннан резко отстранился от нее и, поднявшись, направился прочь из гостиной, Маргарет удивленно посмотрела ему вслед.

Пакет, врученный послу Финном, валялся в кабинете среди кучи других бумаг. Вскрыв его, Бреннан вытащил два конверта, какие-то документы и газетную вырезку. К первому листку была прикреплена записка с обратным адресом лондонского отеля.

Бреннан прочел ее.

«Уважаемый господин посланец, спасибо за проявленный интерес. Пожалуйста, прочтите бумаги и письма в том порядке, в каком они здесь сложены. Я прошу Вас дочитать их до конца. Скоро

я свяжусь с Вами. И тогда представлю Вам конкретные факты».

Подпись Финна была четкой и тщательно выведенной.

Бреннан потянулся к бутылке и плеснул себе виски в бокал. Маргарет, конечно, начала бы сейчас выступать, что он последнее время здорово закладывает, да черт с ней.

Посол развернул первое письмо.

«Святой отец, завтра я ложусь на операцию...»

Пододвинув настольную лампу, Бреннан внимательно читал письмо. Закончив, он потянулся за вторым.

«Простите, святой отец, ибо я согрешила...»

Застонав, Бреннан провел рукой по лбу, — только не это. Он откинулся на спинку кресла, смяв в ладони послание Мэри Ламонт. Всем своим существом он пытался избавиться от этого кошмара. Разорвать все это, вышвырнуть в мусорную корзину... Но любопытство победило. Затаив дыхание, Бреннан пробежал глазами и второе письмо. Затем, вложив его в конверт, взял в руки отпечатанные на машинке записки под названием «Монастырь Сан-Бенедетто».

Отец де Карло повествовал на этих страницах о событии, имевшем место восемнадцать лет назад. Рассказывал священник на редкость доступным и четким языком. Он возвращался к тому моменту, когда светила в созвездии Кассиопеи слились воедино, а он с горсткой монахов приехал в Англию, чтобы уничтожить Антихриста. Как они боролись с силами тьмы, и как все шестеро монахов отдали свои жизни в этой битве.

Бреннан нахмурился, отыскивая другие свидетельства или детали, однако в записках больше ничего не оказалось. Де Карло продолжал свое повествование рассказом о том, что слияние трех звезд возвестило о Втором пришествии Христа. Он утверждал, будто Антихриста в конечном итоге уничтожат.

Сам не замечая, как шевелит губами, Бреннан прошептал конечные слова записок: «Я полагал, будто это была последняя битва, но я ошибся. Бог направит следующего мужчину или женщину, ибо больше ошибок быть не может. Сын Божий ходит по земле. Жив и Антихрист. Они вот-вот должны встретиться».

Последнее письмо было от Майкла Финна. «Чтобы все это понять, вам потребуется Библия...»

Бреннан встал и, пошатываясь, направился к книжным полкам. Библию покрывал слой пыли. Бреннан попытался сдуть ее и закашлялся. Он старался припомнить, когда в последний раз открывал эту книгу.

Финн писал очень четко и аккуратно, поэтому Бреннану не составило особого труда отыскать нужную цитату в Святом писании.

«Ибо восстанет народ на народ и царство на царство... и будут грады, моры и землетрясения по местам». — Действительно, подобное происходило и в Италии, и в Китае, и в Японии. — «Претерпевший же до конца спасется». — Однако, замечал Финн, комментируя Новый Завет, это еще не конец: «...ибо надлежит всему тому быть; но это еще не конец». Далее он разъяснял: «Вторая мировая война, всемирный голод, бесконечные проблемы с Израилем — все это приметы времени. Как

и предсказано, наступят последние дни. И об этом — не только в Библии. На это указывали и Юстиниан, и Тертуллиан».

Голова у посла раскалывалась, и он снова потянулся к бутылке. «Дни уже сочтены,— читал он,— это восставший Антихрист и Второе пришествие Господа нашего, и последнее сражение за Израиль. Это задача с несколькими неизвестными, но стоит поставить их в ряд, тут же напрашивается вывод: речь идет об Армагеддоне, где состоится последняя битва между добром и злом».

Бреннан продолжал изучать письмо: «Но давайте же помолимся, чтобы пророчество сбылось и чтобы за этой битвой последовало Тысячелетие мира».

Хмыкнув, Бреннан отложил в сторону письмо и произнес:

— Хотел бы я знать, что это будет за мир? Планета мертвых?

Словно протестуя, он тряхнул головой и вновь взялся за бутылку, обнаружив, что наполовину осушил ее.

Бреннан достал последний документ — копию статьи Кэрл Уагет.

Уставившись на текст, он не мог разобрать отдельных слов. Силы оставили его.

— Безумие, безумие,— простонал посол и погасил настольную лампу. Пошатываясь, он направился к двери.

В глубине души Бреннан надеялся, что Маргарет уже спит. Впервые за годы супружества ему не хотелось слышать ее голос, чувствовать ее тело, ее настойчивые объятия.

Он тихонько скользнул под одеяло. Жена глубоко дышала и лишь слегка пошевелилась, когда он лег рядом. Бреннан закрыл глаза и тут же словно провалился...

...Он стоял возле купели, Маргарет находилась рядом. Она держала на руках младенца. Орган и хоральное пение звучали так громко, что просто оглушали его. Он склонил голову и поцеловал жену в щеку. Он гордился ею. Ведь она не хотела рожать и все-таки сделала это вопреки своим желаниям. Он взглянул на ребенка, завернутого в шаль. Тот улыбнулся ему беззубым ротиком и протянул крошечную, пухлую ручонку. Бреннан поцеловал малышу ладошку и почувствовал, как тот ухватился за его палец.

И тут до него наконец донесся сквозь громкое пение голос священника. Голос был высокий и до боли знакомый. Он словно умолял о чем-то. Бреннан нахмурился, пытаясь вспомнить, где он мог его слышать. И этот иллинойский акцент. Обернувшись, он нос к носу столкнулся с Майклом Финном, протягивающим руку к его ребенку.

— Нет,— вырвалось из его уст. Он пытался остановить Маргарет, которая собралась было передать священнику младенца. Но не смог сдвинуться с места. А Финн уже опускал в купель ручонку малыша.

— Нет,— снова закричал Бреннан, но никто не обратил на него внимания. Тогда он схватил ребенка, несмотря на сопротивление Маргарет. В это мгновение шаль слетела с плечиков младенца. Бреннан с ужасом увидел, что тело ребенка покрыто

густой жесткой шерстью. Младенец как будто хмыкнул и устался на Бреннана. Дыхание его отдавало зловонием, которое тут же заполнило всю церковь. Финн выхватил младенца из купели и что есть силы ударил его по голове. Но тот только рассмеялся и опять вцепился в руку Бреннана. Оглушительное хоровое пение не смолкало. Посол попытался оторвать взгляд от глаз ребенка и высвободить свою руку.

«...я прошел по долине смерти под ее крылами, но силы зла меня не испугают...» — Бреннан силился припомнить точные слова, но не смог. А маленькие пальчики уже тянулись к его глазам. Рядом ворковала Маргарет:

— Ну что ты, милый? Пусть малыш побалуется.

Бреннану нестерпимо хотелось сбежать из церкви, но ноги стали словно ватными, и он не мог сдвинуться с места. Тогда он крепко зажмурился и попытался перекричать хор. Но хохот ребенка заглушил все вокруг...

...Бреннан открыл глаза. Крик его эхом отдавался в спальне. Вцепившись одной рукой в простыню, а другой прикрывая глаза, он сидел в собственной постели. Сквозь пальцы Бреннан видел удивленное лицо Маргарет. В глазах застыли страх и изумление, а взгляд ясно говорил о том, что муж ее окончательно свихнулся.

Бреннан тряхнул головой, стараясь избавиться от остатков ночного кошмара. Он потянул руку к Маргарет, но та отстранилась, а он никак не мог услышать ее голос, хотя видел, что жена что-то говорит ему. В ушах его до сих пор стояли хохот ребенка и хоровое пение.

Прикрываясь простыней, Маргарет вскочила с постели и прислонилась к стене. Она не спускала с мужа глаз. Бреннан поднялся с кровати и тут же бросился в ванную. Жуткое зловоние, которое, как ему казалось, пропитало всю спальню, преследовало его. Захлопнув за собой дверь, Бреннан обессиленно привалился к ней, а губы его все еще продолжали шептать: «Мне снилось во сне, что я вижу неведомый город, Непобедимый, хотя б на него и напали все царства земли. Самым высоким там — качество было могучей любви, Выше — ничто, и за ней все идет остальное...»*

Бреннан тяжело вздохнул. И опять ему показалось, что изо рта доносится этот зловонный запах. Он провел пальцами по подбородку и ужаснулся. Тот был мягким и нежным на ощупь, как у ребенка. Дотронувшись рукой до головы, Бреннан похолодел. Под пальцами пульсировал неокостеневший родничок. Посол взглянул в зеркало.

Хохоча беззубым ртом, из зеркала на него уставился младенец, покрытый густой шерстью. С губ его стекала зловонная слюна.

Сегодня он явился в свой рабочий кабинет ни свет ни заря. Надо было подготовить какую-то очередную речь, однако сосре-

* Автор — американский поэт У. Уитмен. Перевод К. Бальмонта.

доточиться никак не удавалось. И чем усердней пытался он избавиться от ночного кошмара, тем более властно заполнял тот все его существо.

Все утро старался он раскидать накопившиеся мелкие делишки, выполняя их скорее чисто механически: он то и дело куда-то названивал, прикрикивая на оторопевшую секретаршу. Во время ленча он встретился с одним молодым дипломатом. Они оживленно обсуждали предстоящее совещание, и Бреннану оставалось лишь надеяться, что всю эту ахинею, которую он нес, молодой человек не воспримет близко к сердцу. Однако беспокойное выражение на лице последнего говорило о том, что посол был явно не в себе.

Вернувшись в свой кабинет, Бреннан вспомнил о пакете, лежащем на его рабочем столе. И тут в памяти всплыло одно имя. Он нажал кнопку селектора.

— Пожалуйста, отыщите Джима Грегори.

Спустя минуту из селектора донесся голос пресс-секретаря. Бреннан обратился к нему:

— Джим, мы ведь получали прошение от журналистки по фамилии Кэрол Уает? Мне кажется, совсем недавно.

— Минуточку, сэр.

Последовала пауза. Джим Грегори пробежал глазами списки.

— Да, сэр,— подтвердил он.— Вообще-то весьма странное прошение. Оно было связано с какими-то кинжалами или чем-то в этом роде.

— Сообщите ей, что я готов с ней встретиться.

— Но, господин посол, она ведь в самом конце списка. Мне кажется, что это не самое важное дело и что...

Бреннан осек пресс-секретаря.

— Найдите ее.

— Хорошо, господин посол.

Оглянувшись на герб США, посол подмигнул орлу: «Джим, похоже, решил, что у меня крыша поехала». Он зашагал из угла в угол.

За окнами, на площади, толпились демонстранты. Не мигая, Бреннан уставился на них. Услышав жужжание селектора, он вздрогнул.

— Простите, сэр. Это снова Грегори. Ваша журналистка, кажется, испарилась. Ее никто не видел с того самого дня, как она отправила прошение.

— О Господи! — Бреннан повалился в кресло.

— Что-то не так, сэр?

— Нет, все в порядке.

— Оставить ее в списке? Вдруг она объявится?

— Да, но только я думаю, что она не... — Голос его оборвался.

— Сэр?

— Да, да, оставьте ее в списке.

Еще одна, подумал посол, загибая пальцы: Рейнолдс, Ламонт, де Карло, Дулан, а теперь вот и Кэрол Уает — все мертвы, исчезли или просто обезумели.

Священник был последним, кто еще оставался в живых. Но он был явно чокнутый. Или Бреннан сам сошел с ума?

Снова зажуужал селектор. На проводе был Билл Джеффирс, его закадычный друг.

Когда-то они вместе учились в колледже, а теперь Билл управлял госдепартаментом. Джеффирс звонил по поводу совещания у министра иностранных дел.

— Будь повнимательней, — посоветовал Джеффирс.

— Но мне, кажется, за это и платят.

— Да, Филипп, тут до меня дошло, что ты в следующем месяце отбываешь в отпуск? Извини, дружище, но я вынужден сообщить, что тебе, похоже, придется повременить с отпуском. Сейчас не самое подходящее время.

— Да, конечно.

— Может, осенью.

— Конечно.

Бреннан уже собрался опустить трубку, как вдруг в голове мелькнула мысль. Джеффирс был хорошим человеком, но главное — на него можно было положиться. И он не станет задавать лишних вопросов.

— Билл, объясни, пожалуйста, как проходит эксгумация.

— Это зависит от того, кто эксгумируемый.

— Дэмьен Торн.

— Что? С тобой все в порядке, Филипп?

— Скажи, есть какой-нибудь способ проверить, находится ли тело Торна в могиле?

— О Господи! Филипп...

— Я знаю. Ты думаешь, что я сумасшедший. И все-таки, можно ли это проверить?

— Ну, я не знаю.

— Ты можешь выяснить все подробности официальной эксгумации? И так, чтобы в это дело никто не совал нос.

— Думаю, что да. Но зачем тебе это?

— Если я тебе обо всем расскажу... боюсь, что свяжу тебя по рукам и ногам.

И тут они рассмеялись, прекрасно понимая друг друга без лишних слов. Когда Бреннан опустил трубку, он почувствовал себя гораздо лучше, ибо смог хоть как-то разделить с другом тяжелое, страшное бремя.

В Вашингтоне Джеффирс звякнул своему секретарю:

— Соедините меня с «Торн Корпорейшн». Немедленно.

Глава 11

Поль Бухер был весьма обеспокоен своим здоровьем и настроением. Он то и дело ловил себя на мысли, что мечтает раскинуть палаточку где-нибудь на берегу озера, засесть там с рыболовной удочкой... или подремать в кресле-качалке. Нелишней оказалась бы у польхующего костра и бутылка хорошего вина. Словом, Бухер мечтал об отдыхе. И как бы старательно ни отгонял старик эту мысль, она все сильнее и сильнее завладевала им. За всю свою жизнь Бухер ни разу не брал отпуск. Это дело опасное, считал он. Уехал в отпуск, вернулся, а за твоим письменным столом хозяйничает уже кто-нибудь другой. В молодости он еще

мог позволить себе от случая к случаю взять пару деньков и отдохнуть. Но сейчас... Сейчас в его душе все неодолимым поднималось желание мира и покоя.

Еще вчера вечером он серьезно раздумывал над тем, что неплохо бы остаться дома, в Чикаго: что за нужда срываться и лететь в Лондон на это совещание? Ему обо всем могли доложить и по телефону. Битый час убеждал он себя, что лететь все-таки нужно. Это было совершенно очевидно. А он все оттягивал и оттягивал решение.

Было уже далеко за полночь, когда его огромный лимузин подкатил к Пирфорду. Джордж, как всегда, стоял на посту и приветливо улыбался.

— Как дела, Джордж? — спросил Бухер дворецкого, вручая тому свое пальто.

— Отлично, сэр, — отчеканил дворецкий, но в его взгляде мелькнула тень.

— Ты уверен?

— Вполне, сэр. — Джордж залился краской. Проводив Бухера в гостиную, дворецкий сообщил:

— Он сейчас спустится, сэр.

— Так он еще не спит?

— Нет, и хочет вас видеть.

Бухер смотрел вслед Джорджу, покидавшему гостиную. Истинно английский слуга, обладающий манерами, что сохранились со времен доброй, старой Англии. Джордж уже совсем старик, а держится молодцом. А будет ли он, Поль Бухер, выглядеть так же в возрасте Джорджа?

Бухер растянулся на софе и смежил веки. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой юношу. Тот не сводил с него пристального взгляда.

— Ты выглядишь усталым, — заявил юноша.

— Возраст, дружок, в конце концов одолевает всех людей.

— Н-да... Ты так устал, что не можешь даже рассказать мне о совещании?

— Могу, конечно.

Бухер поднялся, достал папку и, вытаскивая оттуда листок с докладом, передал его юноше. Тот внимательно прочитал доклад и поднял глаза на Бухера.

— Значит, Саймон намеревается блокировать любое другое предложение?

Бухер кивнул.

— И, значит, встреча откладывается?

— Ну да.

— Но в этом случае мы просто сохраняем статус кво.

Тон юноши был раздраженным.

— Да. — Во взгляде Бухера сквозило нескрываемое удивление. — Но ведь именно этого мы и хотели. Наша стратегия преследовала эту цель. Разделять и властвовать. Доводить хаос до предела, чтобы затем контролировать его. Таким образом, мы сохраняем все наши позиции в качестве...

Дэмиен-младший резко перебил его:

— Так мы не сдвинемся с мертвой точки!

— Простите, не сдвинемся куда?

— Туда, откуда начнется наконец разрушение всего мира.

Юноша швырнул листок с докладом прямо в лицо старику и, круто повернувшись, вышел из зала.

Бухер смотрел ему вслед. Он поймал себя на мысли, что с грустью вспоминает былые годы. Отец этого юноши никогда не позволял себе подобного тона и никогда не ставил Бухера в тупик. С Дэмьеном-старшим можно было работать.

Он проснулся рано. Сон его был беспокойным, перед глазами мелькали какие-то обрывки видений. Приняв душ, он переоделся, стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале. Глаза резало, изо рта доносился отвратительный запах. В сердцах выглеснув воду из стакана в раковину, он вышел из ванной, с трудом подавив зевоту.

Проходя мимо комнаты Дэмьена, он постучал в дверь. В ответ не донеслось ни звука. Даже привычного рычания собаки.

Бухер отворил дверь и заглянул в комнату. Постель была измята, подушка вообще валялась на полу. Взгляд Бухера упал на новый коллаж, размещенный на стене. Прищурившись, он попытался получше разглядеть его.

Рядом со снимком могилы Кейт Рейнолдс расположилась целая серия новых цветных репортажей. На первой был запечатлен труп обнаженной женщины, лежащей на полу черной часовни. Огромные карие глаза неподвижно уставились вверх. На втором снимке было сфотографировано то же тело, но уже на первой стадии разложения. Далее висела третья фотография, затем четвертая.

Дрожа как осиновый лист, Бухер привалился к стене, чтобы не упасть. Рука его потянулась к одной из фотографий, и та соскользнула на пол. Пошатываясь, Бухер вышел из комнаты, с трудом сдерживая приступ тошноты. Он прикрыл за собой дверь и двинулся вдоль коридора, пытаясь собраться с мыслями.

У дверей часовни лежала собака. Взглянув на Бухера, она неохотно отодвинулась, пропуская его. Бухер постучал в дверь. Ладони его покрылись липким потом, и он молился лишь об одном — выдержать то, что ему предстояло увидеть.

Но войти было необходимо. Он должен знать, что же происходит здесь, в этой не доступной лучам света комнате. Ни звука не доносилось изнутри. Легонько приоткрыв дверь, Бухер шагнул внутрь помещения. Через мгновение глаза его свыклись с темнотой, и прямо перед собой он разглядел юношу: искаженное гневом лицо с горящими ненавистью глазами и пальцы, вцепившиеся в руки отца. Пот струился по лицу юноши.

Пока Бухер оглядывал часовню, животный страх охватил его. Дыхание сперло, однако старик не заметил вокруг ничего необычного, никаких новых кошмарных экспонатов.

— Поль! — Голос юноши заставил старика оцепенеть. Этот голос походил скорее на отрывистый лай.

Бухер невольно отпрянул от двери.

— Оставь меня!

Бухер повиновался и, выйдя, притворил за собой дверь. В коридоре он с облегчением вздохнул.

Уже в гостиной Бухер плеснул в бокал виски и вызвал дворецкого. Старик тут же явился. Он вошел, склонив набок голову, словно побитый пес.

— Ты что-нибудь знаешь об этой посетительнице? Об этой молодой женщине?

Джордж насторожился. Переведя дух, он заговорил:

— Я знаю только, что сюда приезжала машина, сэр. Молодой господин попросил найти кого-нибудь и отогнать ее отсюда, чтобы невозможно было отыскать следы. В чем я точно уверен, так это в том, что машина принадлежала молодой леди.

— Но почему ты не сообщил об этом? Ты прекрасно знаешь, что обязан докладывать мне обо все необычном.

— Он не разрешил, сэр. И он непременно узнал бы, если бы я не повиновался. — Старик вздрогнул. — Он наверняка уже в курсе, что я вам тут сейчас наговорил. От него ничего не скроешь.

Бухер едва заметно кивнул и жестом велел Джорджу уйти. Но тот переминался с ноги на ногу.

— Надеюсь, он не рассердится, — вымолвил он наконец с заискивающей улыбкой на лице. — Мне немного осталось, и я всю свою жизнь верой и правдой служил ему. Он ведь не проклянет меня на муки вечного спасения?

Бухер скривился.

— Нет. Этого он сделать не может. Не в его силах. Успокойся, старик, твоя душа проклята вовеки веков.

— Да, сэр, — проясняясь в лице, подхватил дворецкий. — Я надеюсь.

Ожидая Дэмьена, Бухер в окно рассматривал лужайку перед особняком, лес и даль, открывающуюся за ним. Стояла полнейшая тишина. Воздух словно застыл, не ощущалось даже легкого дуновения. Внезапно Бухера пронзило острое желание оказаться там, на природе, подальше от этого дома, и ни от кого не зависеть.

Он не заметил, как вошел юноша. Услышав свое имя, старик вздрогнул и обернулся. Дэмьен-младший выглядел как обычно, лишь на лице проступали бледность и следы усталости.

— Ты не заболел? — встревожился Бухер.

Юноша отрицательно покачал головой.

— Нет. Это все из-за него. Я ощущаю Его повсюду. Его влияние. Его мощь. — Дэмьен без сил рухнул в кресло. Устремившись к нему, Бухер вдруг почувствовал необыкновенный прилив нежности и беспокойства за жизнь этого юноши. В конце концов он не выбирал себе судьбу. Приблизившись к Дэмьену, старик вспомнил, что собирался сообщить юноше нечто важное.

— Мы столкнулись с проблемой? — Дэмьен уставился на старика.

— Ты, кажется, слышал, я упоминал как-то о Филиппе Бреннана.

Юноша хмыкнул и отвернулся. Бухер продолжал:

— Похоже, что он...

Но Дэмьен не дал ему договорить.

— Все нормально, Поль.

Бухер настороженно взглянул на него. А Дэмьен бесстрастно объявил:

— Он сам себя уничтожит.

Разумеется, подумал Бухер, этого и следовало ожидать. Где бы ни возникала хоть малейшая угроза, Дэмьен был начеку и действовал наверняка. Так что его, Бухера, беспокоить за жизнь юноши было абсолютно излишним, даже неуместным. И вдруг старик вспомнил о фотографиях в комнате Дэмьена.

— Кто эта женщина? — спросил он. — Откуда у тебя снимки? Юношу перевернуло.

— Это Он подослал ее. Она была похожа на фавна.

— О Господи! — вырвалось у Бухера.

— Не кощунствуй! — оборвал его Дэмьен.

— А где тело? Где останки?

— У меня есть прекрасный способ отделяться от них. — На лице юноши блуждала странная улыбка. — В конце концов мне это положено по законам крови.

Ладони Бухера вспотели. Вскочив с кресла, он пристально посмотрел на сына Дэмьена.

— Но ведь это безумие, — выкрикнул старик, — это... — он силился подобрать нужное слово, но никак не мог найти его, — ... это... недостойно. Твой отец никогда не падал так низко. Ни разу не марал своих рук таким образом. — Лицо Бухера покрылось красными пятнами от внезапно охватившего его гнева. — Твой отец...

Дэмьен вскочил.

— Заткнись, — рявкнул он с такой силой, что Бухер, резко отпрянув, упал на софу.

— Никогда больше не заикайся о моем отце. Это приказ.

Бухер все еще пытался возражать:

— Никогда бы он не пошел на такое. Все его поступки служили определенной цели. Существовал метод. Вот ты все время говоришь о разрушении, а твой отец имел в виду контроль. И все было направлено на то, чтобы контролировать мир и владеть человеческими душами...

— Что-о? — яростно прорычал Дэмьен. — Ты еще смеешь утверждать, будто мой отец хоть на миг задумывался о ваших никчемных душонках? Ты смеешь считать, что они могли его интересоваться?

Бухер сорвал со своего пальца перстень и ткнул его юноше прямо в лицо, указывая на три шестерки. Затем твердо произнес:

— «И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их, или на чело их; И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет сие начертание, или имя зверя, или число имени его». — Бухер поднялся во весь рост. — Это из «Откровения», — разъяснил он. — Покупать или продавать. Контролировать. Вот на что мы отдали столько сил. Чтобы он смог...

— Заткнись же наконец,— с губ юноши стекала слюна.— И не цитируй мне эту чушь. Ты точно такой же кретин, как и все остальные. Восставший ангел был сброшен в бездну, и за этим может последовать только одно разрушение всего и вся. Только в этом истинная сладость мести.— Дэмьен улыбнулся.— И это будет моя месть!

Бухер остолбенел. А юноша ходил вокруг него, издеваясь и тыча пальцем прямо в лицо старику.

— Мой отец уверял, что двух тысяч лет с вас довольно. Ты болтаешь о каком-то контроле, а ваши философы чешут языки, прилетая сюда свободу выбора. В частности, свободу выбора между моим отцом и Назаретянином. Так вот, Поль, выбор уже сделан. А ты своим колебанием между выживанием и тотальным разрушением подсобил человечеству сделать его ставку. Ты помог подвести его к самому краю бездны и дать возможность заглянуть в пропасть.— Дэмьен ущипнул Бухера за щеку.— Всего один щелчок — и нет человечества...— Юноша улыбнулся и, не оглядываясь, покинул зал. Бухер услышал, как Дэмьен, рассмеявшись, кликнул собаку.

Шаги стихли. Старик медленно пересек холл и, поднявшись по лестнице, остановился возле комнаты Дэмьена. Он слышал, как тот слоняется из угла в угол, и чувствовал присутствие собаки.

Затаив дыхание, Бухер на цыпочках прокрался по коридору к часовне и тихонько вошел туда. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, затем приблизился к трупу. Встав на колени, старик сжал в ладонях мертвую руку Дэмьена-старшего.

— Дэмьен,— прошептал он,— с того самого момента, как ты меня призвал, я трудился ради твоего отца. Ради прихода его царства. Я уверовал в него и знал, что его победа неизбежна. Всю свою жизнь я служил тебе верой и правдой. Когда тебя лишили физического существования, я непрестанно молился твоему духу, и ты отвечал мне. Ты велел не отчаиваться, утверждая, что твое время еще не пришло, но оно грядет. Ты отвечал на все мои молитвы и уверял, что твое воскресение обязательно наступит. Ты обещал, что я всегда буду находиться по твою левую руку. И вот я снова перед тобой. Ради всего того, что мы успели сделать. Ведь это контроль, Дэмьен, а не разрушение?

Склонившись, старик застыл на коленях, как будто ожидал указаний. Услышав собачье рычание, он обернулся. Свет струился из открытой двери. В проеме стояли юноша и собака. Оба не сводили с Бухера глаз.

— Что тебе здесь надо? — с ледяным безразличием в голосе спросил Дэмьен.

— Жду, чтобы мне указали путь.

— Поищи для этого другое место. А меня оставь наконец наедине с моим отцом.

Бухер поднялся, колени его дрожали. Отстранившись, юноша пропустил его. Старик побрел прочь, понимая, что проиграл. Однако самым страшным открытием явилось то, что он оказывался на старости лет никому не нужным.

Они влились в многотысячный поток демонстрантов Лондона. Начиная с восточной части и Сити до Слун-Сквер в западной части, город был запружен толпами людей. Движение на Оксфорд-стрит по направлению к набережной было парализовано, и полиция, оставив попытки подсчитать точное количество демонстрантов, называлась первые попавшиеся цифры.

Но в отличие от прежних демонстраций, посвященных, к примеру, ядерному разоружению, над этими колоннами людей не витал дух праздничного возбуждения. Здесь невозможно было услышать ни одного рок-музыканта, да и любительские театральные труппы не решились прийти сюда. Все было как-то очень по-серьезному. Напряжение ощущалось повсюду. Толпа двигалась в сторону Трафальгарской площади, становясь все плотнее и плотнее. А полицейские — конные и пешие — молча наблюдали за ней.

Выступление должно было состояться в два часа дня.

Автомобиль Поля Бухера намертво застрял в Пимлико ровно в половине второго. Устроившись на заднем сиденье, он вместе с Дэмьеном рассматривал людей, бредущих мимо их машины. Многие из них были облачены в черные костюмы с нарисованными на них люминесцирующими скелетами. На других демонстрантах болталось нечто вроде саванов. В детскую коляску засунули восковую куклу, изображающую опаленного ядерным пламенем младенца.

Дэмьен скривился в усмешке. С его губ слетел звук, похожий на хмыканье.

Бухер нажал на кнопку селектора и осведомился:

— В чем дело?

Голос шофера эхом отозвался в салоне:

— Влипши, сэр. Полицейские сообщили по радио, что впереди движение парализовано.

— Черт! — вырвалось у Бухера. В который раз задавался он вопросом, чего ради юноше приспичило потащиться на эту демонстрацию. Это не было на него похоже. Что-то из ряда вон выходящее.

Никогда прежде Бухер не замечал за Дэмьеном проявлений такого жгучего любопытства.

— Ничего страшного, мы пройдемся пешком, — заявил Дэмьен-младший.

— Но это далеко, — попробовал было возразить Бухер.

Ничего не ответив, Дэмьен открыл дверцу и шагнул в толпу. Собака тут же последовала за ним.

Тяжело вздохнув, Бухер объяснил шоферу, где их ждать, и поспешил за юношей.

Вместе с толпой они медленно продвигались вперед. Немецкая овчарка, находящаяся в нескольких шагах от них, вдруг повернула морду и, замерев на месте, уставилась на Дэмьена. Затем, прижав уши, трусливо убежала прочь.

Денек выдался душный и на редкость влажный, с людей градом катился пот. Ноздри юноши задрагивали, он слегка тре-

пал пса за закрик. Бухер шел за ними, изредка поглядывая на часы. Вообще-то ему следовало находиться нынче в своем офисе: встреча в Уайт-холле непременно перерастет в пленарное заседание, и его сотрудникам предстоит отчитаться в ближайшие часы. Ему необходимо присутствовать там, а не здесь, на этом дурацком сборище. Бухер яростно огрызнулся, когда какой-то юнец задел его древком, на котором вместо полотнища болтались одни ключья.

— Разуй глаза, — рявкнул Бухер, и молодой человек резко отпрянул, изумленно захлопав ресницами. Агрессивная враждебность старика сбила его с толку. Разве не все они стремятся к единой цели, пытаясь спасти человечество?

— Идиот, — презрительно пробормотал Бухер и последовал за Дэмьеном по Молл-стрит к площади Виктории. До них уже доносились отдельные слова из громкоговорителя, и рев толпы, и аплодисменты — то стихающие, то нарастающие.

Добравшись наконец до площади, они уперлись в плотную и неподвижную массу людей. Однако Дэмьен с собакой непостижимым образом умудрялся продираться все глубже и глубже в толпу. Бухеру ничего не оставалось, как следовать вплотную за ним. Со всех сторон раздавались недовольные восклицания демонстрантов, которых они бесцеремонно расталкивали, но стоило только чудовищу у ног Дэмьена зарычать, как люди тут же умолкали.

Они протиснулись к подножию колонны Нельсона. Дэмьен без труда расчистил для себя и Бухера пространство возле одного из каменных львов. Их взгляды были обращены к деревянному помосту футов десяти высотой. С обеих сторон находились телевизионные камеры, а на встроенных мониторах крупным планом давалось лицо юного оратора. Толпе он был известен. Кроме всего прочего, молодой человек приходился внуком основателю этого движения. Чистый, звонкий голос, усиленный микрофоном, разносился над площадью, отдаваясь эхом.

— В Бонне, Париже, Гааге и Риме, во многих других городах мира проходят сейчас демонстрации протеста и консолидации.

Толпа откликнулась одобрительными возгласами. Юноша продолжал:

— Через пять часов начнется марш в Вашингтоне. А завтра наше движение всколыхнет население Азии и Австралии. Наши друзья в Москве, Праге, Будапеште и Варшаве поддерживают его и собирают силы для своих выступлений...

Бухер неприкрыто зевал.

— А сейчас выступит Джеймс Грэхем, — объявил молодой человек.

Оглушительный рев толпы ударил по барабанным перепонкам. Бухер невольно коснулся руками головы и взглянул на Дэмьена. Тот взобрался на основание колонны и внимательно рассматривал окружающих, выискивая, очевидно, кого-то в толпе. Наконец взгляд юноши застыл на высокой и худой фигуре седого старика, который как раз поднимался на помост. Рядом со стариком взбирался по ступенькам и его поводырь — лабрадор необычайно светлого окраса. Собака подвела старика к микро-

фону, уселась возле его ног и, подтолкнув мордой руку хозяина к микрофону, спокойно растянулась на помосте с чувством выполненного долга. Старик приподнял руки, и поводок на левом запястье скользнул вниз.

Бухер внимательно разглядывал толпу. Они, похоже, уже отбили себе ладони хлопками. Одни в восторге улюлюкали, другие свистели, и Бухер внезапно вспомнил Дэмьена-старшего. Его выступление перед учениками. Только нынешняя толпа была совсем другой: открытые лица присутствующих светились честностью и добротой. Эта мысль, как откровение, пронзила Бухера. «А смогли бы эти люди умереть за Джеймса Грэхема? — подумал он. — Более того, стали бы они убивать по его приказу? Нет, не стали бы».

Лицо старика крупным планом появилось на мониторе. Его темные очки, скрывающие слепые глаза, отражали свет юпитеров.

Об этом человеке ходили легенды. Его называли истинным последователем Бертрана Рассела, философа и гуманиста. Кроме того, Грэхем обладал великолепным ораторским даром, позволявшим собрать в одной аудитории и интеллектуалов, и людей из низов.

Бухер бросил взгляд на Дэмьена-младшего. Тот уставился на Грэхема, не замечая вокруг ничего: ни людей, ни телекамер. Его взгляд был прикован к старику. Бухер почувствовал, как собака у его ног зашевелилась. Она вытянула передние лапы, почти касаясь края помоста, и тоже, как в трансе, не сводила своих желтых немигающих глаз со старика.

Оратор опустил руки, и шум, словно по команде, моментально стих. Старик откашлялся, а лабрадор внимательно посмотрел на него, будто раздумывая, нужна ли хозяину помощь.

— Друзья, — негромко начал Грэхем. Голос его был глубоким и сильным. — Насколько я могу судить, это самая крупная демонстрация за все годы существования нашего огромного города.

Толпа одобритительно загудела, но старик жестом призвал ее к тишине.

— Однажды великий человек по фамилии Джеймс Камерон, стоявший у истоков нашего движения, так отозвался о нем: «Я бы желал, чтобы Господь Бог упразднил все кампании за ядерное разоружение. Чтобы ядерного оружия просто не существовало на этом свете».

Поднялась буря аплодисментов, а оратор, вперив невидящий взгляд в толпу, смущенно покачивал головой.

— Сегодня днем высокопоставленные особы соберутся для того, чтобы попытаться предотвратить кризис, вот уже на протяжении пятидесяти лет угрожающий мировому региону, известному нам, как Ближний Восток. Но в конечном итоге он угрожает всему человечеству. И потому мы желаем политикам проявить сегодня выдержку и мудрость, хотя одного этого пожелания, конечно же, недостаточно. То, чего я требую от них и от вас, — проще простого. Чтобы вы выбирали себе лидеров только из тех людей, что стоят под нашими знаменами...

Слова оратора потонули в громе аплодисментов.

— Вы все время забываете, что дело не в политике определенных партий, а в каждом из вас. Каждый из вас может и должен действовать во имя спасения человечества.

Над толпой повисла тишина. Слева от себя Бухер заметил нескольких полицейских, не сводящих глаз с помоста. Они также времени от времени аплодировали.

А Грэхем продолжал:

— Какие политические дебаты смогут иметь маломальское значение в выжженной пустыне?

— Никакие! — хором отвечала толпа.

— А какой смысл в дискуссиях о различных формах существования человечества, если планета превращена в свалку?

И снова толпа ответила:

— Никакого!

Старик приподнял руки, и лабрадор на поводке вскочил на лапы.

— Возможно, многие из вас знают, что я человек не религиозный, — объявил Грэхем. — Тем не менее я процитирую вам слова из Второго послания апостола Павла к Тимофею. — Старик откашлялся, а его собака принялась слегка царапать когтями деревянное покрытие.

Бухер увидел, как Дэмьен перевел свой немигающий взгляд на лабратора и уже не сводил с того глаз.

А Грэхем начал цитировать апостола Павла: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкия. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы».

Пока он говорил, собака-поводырь вскочила на задние лапы, а передними как-то странно замахала перед своей мордой. И тут же начала принюхиваться. Бухер видел, что взгляд лабратора прикован к глазам Дэмьена.

Грэхем тем временем продолжал:

— Я призываю всех верующих молиться своим богам, а тех, кто не верит, — как следует подумать, напрячь свой пылкий ум.

Происходящее на помосте фиксировалось телевизионными камерами и транслировалось на мониторах, так что все присутствующие могли наблюдать, как лабрадор все яростнее скребет когтями помост и шерсть на нем поднимается дыбом. Из осклизшей пасти собаки закапала слюна.

— То, о чем я здесь говорю, — заметил Грэхем, — старо как мир. Но сложившаяся ситуация требует от всех нас...

В этот момент мощная собака прыгнула на своего хозяина, и ее тяжелые челюсти сомкнулись на его лице. Старик повалился на спину, запутавшись ногой в микрофонном шнуре, и его сдавленный крик эхом разнесся над площадью.

Никто не успел и пошевелиться, а рабочие по обеим сторонам помоста словно ослобенели. Как пригвожденные к месту, стояли они, не в силах что-либо сделать.

А лабрадор отпрыгнул назад, увлекая за собой старика. Тот с трудом поднялся на ноги, так как ремешок, накинутый на запястье, тянул его.

— О Боже,— простонал еле слышно Грэхем и провел рукой по лицу. Те, кто стоял поближе к помосту, увидели, как по пальцам Грэхема заструилась кровь. Телеоператор, действуя автоматически, дал крупный план, и толпа ахнула, разгледев окровавленное, с обвисающими клочьями кожи, лицо Грэхема. Одна дужка очков зацепилась за ухо, и общему взору предстали пустые глазницы, которые старик пытался прикрыть непослушными пальцами.

Рабочие уже бежали к нему, но тут лабрадор снова отыскал глазами кого-то в толпе и мгновенно прыгнул к краю платформы, увлекая за собой старика.

В толпе раздался истерический женский крик. Но животное уже взлетело над помостом, и вслед за ним — Грэхем. Судорожно хватаясь за воздух, он рухнул на площадь возле помоста. Телекамеры продолжали работать, а включенный микрофон разносил над толпой его мучительные крики до тех пор, пока старик не затих. На экране монитора возникла разбитая голова старого ученого.

Толпа в ужасе всколыхнулась, затем снова воцарилась мертвая тишина, и только микрофонный провод, словно пуповина, связывал помост с телом Грэхема.

Первым шевельнулся Дэмьен. Резко обернувшись, он вперил свой взгляд в гнедую лошадь под полисменом, застывшую футак в тридцати от них. Это была самая крупная лошадь из десяти животных, что разделили толпу на две половины, образуя широкий проход прямо к Уайт-холлу.

Лошадь дернулась. Полицейский нахмурился и сильнее сдвинул ногами бока лошади. Но это не помогло, тогда он натянул поводья.

Животное безумными глазами уставилось на Дэмьена. Ноздри лошади раздувались, крупные зубы обнажились, и она тихонько заржала, словно призывая к себе стоящих поодаль животных. Те, как по команде, развернулись по направлению головной колонны, возле которой стоял Дэмьен.

Какое-то мгновение первая лошадь оставалась в неподвижности, и только глаза ее расширились и расширились от ужаса. Затем она лягнула воздух задней ногой и, передернувшись всем корпусом, рванула вперед, увлекая за собой остальных лошадей.

От неожиданности трое полисменов тут же оказались под конскими копытами, другим удалось удержаться в седле. Как ни пытались они натягивать поводья или кричать что есть мочи, ничего не помогало.

Первыми жертвами в толпе оказались парень и девушка с плакатами в руках. Их сдавленные крики слились с сочувственными возгласами людей, окруживших тело Грэхема.

Обезумевшие, растоптавшие своих седоков лошади во весь опор неслись на толпу. А удержавшиеся всадники напоминали средневековых рыцарей, боровшихся с чудовищами, в которых

вселился дьявол. Однако все усилия полисменов оказались напрасными. Бухер разглядел, как одна из лошадей, с ходу перемахнув через барьер, подмяла под себя несколько молодых людей. Копыта ее, словно снаряды, били без промаха.

Страшная паника охватила толпу. Волнение, казалось, распространялось от эпицентра и мгновенно достигало краев огромной площади. Люди в ужасе пытались бежать. Бухер увидел, как еще одна лошадь скинула седока, и в этот момент почувствовал прикосновение руки к своему плечу. Он оглянулся и увидел возбужденное лицо юноши, его сверкающие желтым огнем глаза и сухие от напряжения губы, которые он то и дело облизывал.

Телекамеры продолжали равнодушно стрекотать, и на экране возникали новые и новые искаженные ужасом, окровавленные лица и растоптанные тела. Бухер успел заметить, как молодая женщина, пытаясь спасти своего малыша, высоко подняла его над собой, но поток людей, подхватив ее, увлек в самую гущу, и ее крик смешался с воплями остальных несчастных. Бухер обернулся, услышав презрительно оброненные слова Дэмьена:

— Да воцарятся над миром полный хаос и анархия!

Внутри у Бухера все сжалось, он бессильно привалился к колонне. В какой-то момент достигнув апогея, крики в толпе неожиданно и разом оборвались. Наступила полнейшая тишина. Застыло и изображение на экране. Со стороны юго-востока не было ни одного заграждения, и люди ринулись в этом направлении к Уайт-холлу — пожалуй, единственному островочку, где они могли бы укрыться от взбесившихся лошадей.

Бухер спрыгнул с подножия колонны и осмотрелся по сторонам. В нескольких ярдах от него лежала мертвая лошадь. А под ней — раздавленный всадник. Бухер взглянул на каменного льва. Даже там в самых немыслимых позах застыли окровавленные, искалеченные люди, некоторые еще шевелились. Стоны раненых сменялись криками ужаса и боли.

К этому времени подоспели санитары с носилками. И уж, конечно, не обошлось без фоторепортеров, которые, словно грифы на падаль, тут же слетелись сюда.

Дэмьен взял Бухера под руку.

— Где нас ждет машина? — поинтересовался он.

Бухер шатался, словно пьяный. Он отрицательно покачал головой.

Дэмьен молча стоял у груды мертвых тел, собака у его ног чутко приняв хвостом. Затем юноша повернулся к Бухеру и с пафосом воскликнул:

— Да будут благословенны борцы за мир!

— Аминь! — присоединился к нему Бухер, и они стали пробираться сквозь быстро редющую толпу.

Глава 13

Смерть Джеймса Грэхема потрясла Бреннана. Он узнал об этом днем во время ленча. В новостях сообщалось также, что, по предварительным данным, число погибших достигало тридцати восьми, а раненых — более сотни человек.

Количество жертв поражало. Но известие о гибели Грэхема повергло Бреннана в состояние шока. Год от года крепло в нем восхищение этим человеком. Он встречался с Грэхемом всего дважды в жизни, наблюдая, как философ легко, с юмором кладет на лопатки любого доку по части политики, ибо политическое чутье его было безошибочным.

В глубине души Бреннан не раз признавался себе, что чтит Грэхема, как святого. Это был уникальный человек и — при всем при том — обладал прекрасным чувством юмора!

А теперь его нет в живых. Еще одна жертва в фантастическом списке. Бреннан позвонил Маргарет и попросил ее записать новости на видеоманитофон. При этом он сообщил жене, что несколько задержится.

Она встретила его на пороге:

— Ты что такой всклокоченный?

— Всклокоченный? Да, пожалуй.

Маргарет была в джинсах и маечке — этакий «подросток-переросток», как она сама себя называла. Яркий макияж на ее лице был сейчас совершенно не к месту. Филипп поцеловал жену и, почувствовав ее тепло, притянул Маргарет к себе, ощущая призывную податливость ее тела. Но не это было ему сейчас нужно. Участие и поддержка — вот в чем он сегодня нуждался. Бреннан мягко отстранился от жены, не замечая странного выражения ее лица.

— Ты смотрела новости?

— Да. Бедные лошадки.

Филипп резко обернулся и остолбенел.

— Бедненькие, с чего это их понесло, — лепетала жена.

— Господи, Маргарет... — Бреннан не мог продолжать, а она, пожав плечами, направилась в кухню.

— Я захвачу тебе к обеду пивка, — бросила через плечо Маргарет.

Бреннан посмотрел ей вслед, затем, поднявшись в кабинет, включил видеоманитофон. Хроника была смонтирована таким образом, чтобы передать весь масштаб трагедии. Перед глазами посла замелькали уже виденные кадры: лабрадор бросается на Грэхема, и дальше, дальше... Бреннан невольно зажмурил глаза. Он не мог вынести этого зрелища.

Комментатор заговорил о лошадях, заострив внимание на том, что подобное случилось впервые за всю историю существования полиции, ибо таких лошадей дрессируют долго и упорно. Однако, добавил комментатор, уже начато расследование.

Бреннан вновь и вновь запускал кассету, всматриваясь в экран. И вдруг он замер. Бреннан разглядел Поля Бухера, стоящего у колонны. Какого черта его туда занесло?

Бреннан еще раз прокрутил кадры и заметил, как какой-то юноша, спрыгнув с подножия колонны, тащит Бухера за руку. Бреннан остановил кадр и откинулся на спинку стула. Внезапно он понял, что видел лицо этого юноши. Чье же это лицо? И тут он вспомнил... Дэмьен Торн. Да, это было его лицо. Только в восемнадцатилетнем возрасте.

— Господи, Боже мой! — вырвалось у Бреннана. — Господи!..

Голос Маргарет прервал его мысли.

— Чем это ты занят?

Бреннан уловил жгучее любопытство в вопросе жёны. Он выключил телевизор и взглянул на Маргарет. Вот ей-то он как раз ничего и не скажет.

— Да так, кое-что решил просмотреть, — улыбнулся Филипп.

Никогда не сможет он раскрыть свою душу женщине, которая во всем этом кошмаре выказала жалость лишь к «бедным лошадам». Уж она-то точно сочтет его сумасшедшим.

Лучи послеполуденного солнца пробивались сквозь оконные занавеси в одном из кабинетов министерства иностранных дел, высвечивая облачко табачного дыма, поднимающегося над массивным, красного дерева, столом. Битый час в этом помещении шла оживленная дискуссия на ставшую уже почти крамольной тему Голанских высот.

С лица Питера Стивенсона прямо-таки не сходила улыбка. Сегодня ему приходилось туго. Стивенсон метался между представителями двух враждующих лагерей.

— Господа, господа, — постукивая пальцем по столу, пытался он урезонить двух сирийцев, говорящих хором, в то время как три представителя кнессета исподтишка буравили их взглядом.

— Господа, ну, пожалуйста.

Наступило наконец молчание. Арабы словно выбились из сил и теперь, с трудом переводя дыхание, набирали в легкие воздух для новой атаки.

И тут в полной тишине раздался спокойный и усталый голос американского посла:

— А не кажется ли вам, господа, что уже давно пора прекратить мышиную возню и серьезно, по-мужски посмотреть на это дело?

Все лица тут же обратились в сторону Бреннана. Выражение этих лиц было различным: и неприкрытое изумление, и откровенное непонимание, и страх. Собравшиеся здесь делегаты пытались понять, что может стоять за подобным заявлением.

Сирийцы вскочили со своих мест и, размахивая кулаками, начали неистово выкрикивать какие-то набившие оскомину лозунги.

— Господа, пожалуйста! — Стивенсон почти охрип от напряжения. Усилия его, похоже, были тщетными. Вот уже и израильтянин доказывал что-то с пеной у рта.

Стивенсон схватил молоточек и застучал им по столу.

— Объявляется часовой перерыв, — возвестил он, поднимаясь с кресла и собирая лежащие перед ним документы. Затем поспешно покинул кабинет. Стивенсон был раздражен. Но то, что причиной его раздражения стал посол, заметили единицы.

Прогуливаясь по коридору, один представитель английской делегации спросил другого:

— А он не любитель выпить, этот парень?

— О, я не удивлюсь, если это действительно так, — поддакнул его коллега.

Бреннан шел прямо за ними и прекрасно слышал, о чем они

судачат. Ему нестерпимо захотелось схватить их за головы и треснуть друг о друга лбами.

Бреннан как раз наливал в чашечку коричневый маслянистый напиток, когда к нему подошел невысокий израильтянин. Фамилия его была Саймон. В дипломатических кругах этот человек прославился как твердый, но одновременно изворотливый политик.

— Весьма своевременное заявление, — улыбаясь, заметил Саймон.

— Честно говоря, я сам не понимаю, что это на меня нашло, — так же вежливо улыбаясь, отозвался Бреннан.

Саймон пожал плечами.

— Да ладно, перерыв все равно был необходим. — Он поближе придвинулся к послу. — Я сегодня разговаривал с Полем Бухером. Он сказал, что вчера вечером вы его разыскивали.

Бреннан кивнул.

— Он просил передать извинения за то, что не ответил на ваш телефонный звонок. И еще он был бы рад пригласить вас к себе сегодня вечером часикам к семи, если вы не возражаете.

— Спасибо, — кивнув, поблагодарил Бреннан. А когда Саймон отошел, посол вдруг подумал: с какой такой стати этот тщедушный еврей передал ему приглашение от Бухера?

— Филипп, я так рад, что ты смог выбраться ко мне. — Рукопожатие Бухера было по-прежнему крепким, но в этот раз Бреннану бросилось в глаза, что цвет лица у старика очень нездоровый, да и во всем облике Бухера сквозили явные признаки усталости. Никакой лоск не в состоянии был скрыть эту перемену.

Мужчины выпили и заговорили о всяких пустяках. Бухер опять извинился за то, что не ответил на телефонный звонок.

— Ерунда, — отмахнулся Бреннан, — я просто видел тебя по телевизору и хотел выразить сожаление по поводу этого кошмара.

На лице Бухера мелькнула тень. Бреннан продолжал:

— Я хотел сказать, что действительно ужасно присутствовать при таком побоище и видеть весь этот хаос.

— И только поэтому ты позвонил? — удивился Бухер.

Бреннан кивнул.

— Ну да, как говорится, момент вынудил. Ужасно все это. Хотя... — Он заглянул в свой бокал с виски. — Хотя, конечно, не стоило беспокоить тебя по этому поводу.

Бухер улыбнулся.

— Ну, я рад видеть тебя по любому поводу.

И они опять перешли на мелочи. Обсудили дискуссию в министерстве иностранных дел, упомянули его, Бреннана, неожиданную реплику. Бухер предложил было еще одну порцию виски, но посол отказался, сославшись на то, что ему пора домой. На пороге он на мгновение замешкался.

— Скажи, пожалуйста, а что это за парень был на площади рядом с тобой?

Бухер нахмурился:

— Какой парень?

— Ну, по телевизору показывали. Ты вроде разговаривал с ним.

Бухер пожал плечами.

— Не знаю, — буркнул он, — наверное, один из демонстрантов. В таком хаосе невозможно кого-то запомнить. Сам знаешь, как бывает.

— Да уж. Спасибо за вечер и виски.

Бреннан вышел от Бухера в еще более подавленном состоянии, нежели днем. Он задавал себе вопросы и не находил на них ответов. Однако самым странным являлось то, что посол никак не мог объяснить собственное поведение. Взять хотя бы эту злосчастную реплику на совещании. Теперь уже, конечно, никто не скажет, что он, Бреннан, — классный дипломат, трезвый аналитик и т. п. Напротив, теперь при каждом удобном случае будут язвительно замечать, что посол иногда теряет над собой контроль. И если бы сейчас Бреннана попросили объяснить, чего ради сделал он такое сногшибательное заявление, он не нашел бы, что ответить.

В отличие от большинства своих коллег и друзей Бреннан не был склонен ко всякого рода самокопанию. Однако и равнодушным к собственному «я» его нельзя было назвать. А в последнее время посол обратил внимание на признаки какой-то внутренней нестабильности: то на него накатывали совершенно необъяснимые приступы гнева, то он прямо на ходу забывал элементарные вещи.

Даже на внешность Бреннана эти душевные срывы наложили отпечаток: под глазами набухли мешки, а в глубине зрачков затаился какой-то страх. Ему постоянно хотелось спать, он то и дело ловил себя на мысли о том, что веки его тяжелы, словно свинец.

Маргарет пока ни словом не обмолвилась о той перемене, что происходила на ее глазах. Это было не в ее правилах. Точно так же, как и не в правилах его сотрудников: они могли замечать все, что им заблагорассудится, но не имели права сказать ему об этом. Хотя ведь не дураки же они. Все видят и перешептываются между собой.

Вернувшись домой, Филипп напрямик поднялся в свой кабинет и включил телевизор. Запустив магнитофон, посол вновь увидел на экране Трафальгарскую площадь. Он нажимал кнопку за кнопкой, гоня пленку взад-вперед, пока не понял со всей очевидностью: юноша этот — живая копия Дэмьена Торна, и Бухер лгал, уверяя, что не знаком с ним.

Здесь крылась какая-то тайна. Бреннан протянул руку к бутылке виски. Посол вдруг подумал, что поступил абсолютно правильно, не задав Бухеру вопрос, из-за которого он и приходил сегодня к старику. О похоронах Дэмьена Торна.

Похоже, что здесь он выиграл очко.

Билли Харрис, начальник пресс-службы Би-би-си, был польщен и одновременно заинтригован неожиданным пригла-

шением в американское посольство. Сидя в такси, он по дороге в Гросвенор-Сквер то и дело задавался вопросом, чем это посол так интересовался. При этом Харрис поминутно теребил в кармане кассету.

Войдя в здание посольства, Харрис внезапно припомнил жуткий случай с предшественником Бреннана по фамилии Дойл. Бывший посол созвал тогда пресс-конференцию. И лишь затем, чтобы журналисты стали свидетелями чудовищной сцены. Как он из двустолки вышиб себе мозги.

Харрис был тогда еще неоперившимся, начинавшим карьеру репортером и прекрасно помнил, как все они ломали головы, пытаясь понять, зачем американскому послу понадобилось пойти на такое... Но никто не мог дать мало-мальски убедительного объяснения.

— Посол ждет вас, — объявили Харрису.

Он улыбнулся секретарше и вошел в кабинет. Бреннан протянул ему для приветствия руку. Харрис на мгновение задержал взгляд на гербе США. Когда-то он был забрызган мозгами Дойла. Харрис вспомнил фотографии, сделанные им в тот день, и снимки эти оказались столь жуткими, что вообще никогда не попадали на страницы прессы, а ходили только по рукам профессиональных газетчиков.

— Рад вашему приходу, — мягко произнес Бреннан.

— Мы всегда искренне рады оказать вам услугу, — приветливо заметил Харрис.

— Вы захватили видеопленку?

Харрис достал кассету. Кивнув на телевизор, Бреннан направился к журнальному столику, чтобы налить в чашки кофе.

Пока они устраивались в креслах, на экране засветилось изображение. Возникли слова: «МИР В ФОКУСЕ».

Затем появилась красивая улыбающаяся женщина.

— Да, Кейт была очень красива, — обронил Харрис.

— Вы ее знали?

— Совсем немножко. Трагично и грустно. Ведь она была совсем молодой.

— Мистер Харрис, вы человек религиозный? — неожиданно спросил посол.

Харрис смущенно заморгал:

— Боюсь, что нет, сэр.

— Насколько мне известно, она умерла от рака, — внимательно глядя в экран, заявил Бреннан.

— Да.

— А вы никогда не задумывались над тем, что люди заболевают раком по воле Божьей?

— Нет, такая мысль как-то не приходила мне в голову. Но тогда это скорее уж дьявольские козни.

— Пожалуй, — согласился Бреннан, а затем негромко воскликнул: — А, вот и Торн.

Они внимательно следили за тем, как профессионально вела интервью с Дэмьеном Торном журналистка Кейт Рейнолдс.

— Их беседа продлится всего пару минут, — пояснил Харрис. — Странная штука. Такое отличное начало. У этого Торна

были очень любопытные взгляды на жизнь да и вообще на мир.

Взоры мужчин были прикованы к экрану. И тут Харрис вскрикнул:

— Вот, сейчас!

Тори продолжал ораторствовать, а его собеседница внимательно и напряженно слушала. В этот момент камеры поймали ее взгляд, устремленный к потолку. На ее лице отразился ужас, когда сверху что-то рухнуло, а потом замелькало на экране. Это было охваченное пламенем человеческое тело, висевшее вверх ногами и раскачивающееся словно маятник.

— Жутко смотреть на это,— прошептал Харрис.— Бедняга свалился с верхней осветительной установки, его замотало в нейлоновый занавес. А тут еще взорвался прожектор, и несчастный сгорел, как свечка.

Экран был пуст. Бреннан тихо присвистнул. Затем обратился к Харрису:

— Вы не могли бы запустить кассету сначала?

Харрис перемотал пленку, и на экране вновь возник пылающий факел.

— Остановите, пожалуйста, здесь,— попросил Бреннан. Он подошел к телевизору и некоторое время пристально вглядывался во что-то на экране. Потом сказал: — Пожалуйста, прокрутите еще раз, если можно.

Харрис опять перемотал пленку.

— Стоп! — воскликнул Бреннан, впиваясь взглядом в экран, в человеческое лицо, сведенное судорогой.

— А что это такое, как вы думаете? — спросил он журналиста, указывая на какую-то металлическую полоску в самом углу экрана.

Харрис недоуменно пожал плечами:

— Не знаю. Может, болт откуда-нибудь вывалился.

— А это не похоже на нож?

— Нож? — тупо повторил Харрис.

— Там случайно не находили кинжал?

— Нет, сэр.

Бреннан взял из рук Харриса пульт дистанционного управления и еще раз внимательно просмотрел последние кадры. Харрис добавил:

— Знаете, никто так и не узнал, кто был этот человек и откуда он взялся. Абсолютная загадка. Но я точно знаю, что ни о каком ноже не было и речи.

Бреннан вытащил кассету и вернул владельцу:

— Спасибо большое, что смогли выбраться.

Уже в дверях, пожимая Харрису руку, посол попросил:

— Пожалуйста, никому не говорите о нашей встрече. Будем считать, что это обычное любопытство с моей стороны.

Расплывшись в улыбке, Харрис прижал палец к губам.

— И если я в чем-то смогу быть вам полезен,— продолжал Бреннан,— то...

— Знаете, господин посол, мы собирались снять целую серию социальных портретов...

— Конечно, конечно. Обратитесь к моей секретарше. Мы сделаем все, что в наших силах.

Харрис покинул здание посольства и, пока ловил такси, то и дело в мыслях возвращался к разговору с американским послом. Беседа не укладывалась в привычные рамки. От него, Харриса, ускользнуло что-то самое важное. «А может, Бреннан напал на чей-то след?» — подумалось ему.

Бреннан добросовестно отработал весь день и, дождавшись ухода секретарши, позвонил домой. Маргарет не оказалось на месте, чему он, честно говоря, обрадовался. Лгать ей он не хотел, а потому продиктовал на автоответчик, что отправился в гараж.

Около часа потребовалось Бреннану, чтобы пробраться сквозь вечерние пробки на лондонских дорогах. Он выехал на автомагистраль, ведущую в Беркшир. Пару раз Бреннан останавливался и сверялся с картой. Наконец он свернул налево, на узкую проселочную дорогу, заросшую по обеим сторонам густым кустарником. В нос ударил резкий запах навоза, и Бреннан закрыл окно. Дорога была пустынной, нигде ни одного фермерского домика. Бреннан еще раз заглянул в карту, а затем в записи де Карло. Да, уже совсем близко.

Дорога вильнула, и Филипп заметил впереди огоньки местного кабака. Он вырулил на крошечный дворик, служивший одновременно и стоянкой.

Выбравшись из автомобиля, он взглянул на небо. Его слегка завлакивали облака. Но Филипп должен увидеть эту звезду — символ и указатель места рождения.

Окошки светились так заманчиво, что Бреннан решил заглянуть в кабачок и выпить порцию виски.

Хозяин кабака представлял собой великолепный объект для зарисовки: добродушный, румяный, пузатый, с огромными пушистыми бакенбардами.

Бреннан заказал виски.

— Как в Америке, сэр? — поинтересовался хозяин.

— Нет, с содовой, пожалуйста.

Хозяин добавил тоника и рассмеялся:

— Я имел в виду вас, сэр. Вы-то ведь американец? Как там у вас?

— А...

Бреннан огляделся по сторонам. За столиками сидели несколько сельских жителей. Один из них подмигнул послу и отхлебнул из своей кружки. Бреннан улыбнулся в ответ и подумал, что вот сейчас он станет прекрасной мишенью для крестьянских насмешек. К счастью, к нему никто не пристал.

Хозяин между тем поведал послу, что дочь его живет в Лос-Анджелесе и что прошлой зимой он навещал ее...

После третьей порции виски посол почувствовал себя значительно уверенней и обратился к хозяину с вопросом.

— Да, здесь всегда останавливаются цыгане, — охотно ответил тот и добавил: — Грязные черти.

— А вы случайно не помните рассказов о каком-нибудь странном рождении младенца? Ну, скажем, лет двадцать назад?

Хозяин рассмеялся.

— Хе, сэр, у цыган все странно: и рождение, и жизнь, и смерть. А что именно вас интересует? Я не совсем понял.

— Ну, как вам сказать, просто до меня дошли обрывки необычных историй...

— А, так вы репортер, сэр?

— Нет. Я обычный турист.

Хозяин понимающе кивнул и отошел к другому посетителю. Бреннан же прикончил очередную порцию и поднялся, чтобы выйти отсюда. Он злился на себя за то, что потратил уйму времени. Какого черта его сюда занесло и что, собственно говоря, ожидал он* раскопать в этой глуши! Тем не менее Бреннан решил взглянуть на это самое место и потом сразу же вернуться домой.

Он покинул кабачок, пожелав всем на прощание спокойной ночи. Завсегдатаи кабачка уставились ему вслед, а хозяин направился к запасному выходу и, приоткрыв дверь, отодвинулся в сторону, выпуская огромную черную собаку.

Задрав морду, чудовище принюхалось и, взглянув на клубящиеся вдаль облака, побежало по следу.

Через некоторое время собака сбавила темп и уже спокойно и размеренно потрусила по проселочной дороге, не оставляя никаких отпечатков на влажной земле.

Бреннан стоял на голой поляне и чувствовал себя круглым дураком. Повсюду была грязь, да кое-где торчали кустики сухой травы. Ощущения, которые Бреннан испытывал на этом клочке земли, даже отдаленно не напоминали чувства, что пережил он тогда, переступив порог церкви; здесь не было ничего, кроме всеобъемлющей сырости, продирающей до костей.

Бреннан попытался глубоко вдохнуть здешний воздух, чтобы почувствовать хоть что-нибудь, но только раздраженно хмыкнул и принялся ругать себя на чем свет стоит за то, что поддался на эту авантюру и угробил целый вечер.

Бреннан повернулся, намереваясь возвратиться к машине, но почему-то не увидел горящих окошек, да и сам кабачок куда-то запропастился. Пройдя вперед несколько шагов, Бреннан различил очертания крыши: значит, они просто потушили свет. Он взглянул на часы. Но не могли же они закрыться так рано? Странно. Впрочем, какое ему до этого дело? Бреннан зашагал к машине, ежась от вечерней прохлады.

Внезапно налетел пронизывающий ветер...

Добравшись до автомобиля, Бреннан опять поморщился от резкого запаха навоза. Казалось, весь салон был пропитан вонью. Филипп завел мотор и попытался включить вентилятор, но тот не работал. Вместо него загорелась красная лампочка, известившая о том, что где-то в проводке произошло замыкание.

Выехав со двора, Филипп заметил, что на лобовом стекле полно насекомых. Он включил «дворники», но те тоже не работа-

ли. Запах в салоне становился невыносимым. Бреннан стал открывать окно, но оно не поддавалось. Филипп чертыхнулся. Вдруг он почувствовал, что по его ботинкам побежала вода. Филипп выглянул в окно и заметил собаку. Она мчалась рядом, глядя ему прямо в глаза. Он посмотрел в зеркальце заднего вида. Никого. Померещилось. Это все от виски. Филипп почувствовал тошноту, которая усилилась от этого жуткого запаха. Он постарался собраться с мыслями. Сколько же он вылакал виски? Только три порции. Нет, это просто смешно. От такой дозы его не могло тошнить.

Начавшийся ливень очистил лобовое стекло от насекомых. Филипп присматривался к указателям по обеим сторонам дороги. Наконец он заметил дорожный знак, указывающий направление на Лондон. Автострада была абсолютно пустынная, и Бреннан сбавил скорость. Внезапно он нажал на тормоза. С указательного знака свисал какой-то маленький розовый предмет. Бреннан дал задний ход и подъехал поближе к знаку. Игра света.

С указателя ничего не свисало. Филипп нажал на педаль газа, но машина не двинулась с места.

Он давил и давил на педаль, бросая взгляды по сторонам. Колеса буксовали.

Вдруг машина дернулась, и тут же за окнами спасительно замелькали придорожные кусты. Ни один механизм в автомобиле уже не подчинялся Бреннану.

Он судорожно нажимал на разные кнопки, до отказа давил на педали, но машина существовала теперь словно сама по себе. Невыносимый приступ тошноты захлестнул Филиппа, и, закапльившись, он взглянул в зеркальце над собой. Оттуда на него уставился младенец, заросший густой шерстью.

Беззубый рот ребенка кривился в гнусной ухмылке.

Закричав, Бреннан прикрыл руками глаза. В этот момент машина рухнула в кювет. Голова Бреннана врезалась в лобовое стекло.

Маргарет Бреннан рассеянно наблюдала за происходящим на экране. Время от времени она поглядывала на часы. Зазвонил телефон.

— Привет, — бодро поздоровалась Маргарет, а затем вежливо добавила: — Нет, он еще не вернулся. Я обязательно дам вам знать. — Она уютно устроилась на диване. Через полчаса вновь раздался телефонный звонок. Маргарет сняла трубку.

— Да, да, да, — трижды повторила она. — В каком госпитале? Где это находится? — приглушенно вскрикнув, Маргарет бросилась к двери.

Ребенок смотрел на него широко раскрытыми глазами. Его терзала мучительная боль, но младенец грустно улыбался. Бреннан протянул к нему руки, пытаясь снять его с деревянного креста, но не смог нащупать ладоней ребенка. Детское тельце уже начало холодеть, сбоку меж крошечных ребер зияла страшная рана. Бреннан попытался дотянуться до ручонки, которые

были закинута за голову мальчика и прибиты ладошками к кресту.

Бреннан закричал от ужаса, но вопль застрял в его горле. В отчаянии он старался выдрать огромный гвоздь из детских ладошек, но тело ребенка только вздрогнуло и опять поникло. Несмотря на предсмертную агонию, он улыбался Бреннану. Смирение и прощение, жалость и печаль сквозили в этой светлой, тихой улыбке. Над головой маленького страдальца виднелась надпись. Это была латынь, и Бреннан не понял ни слова.

Но должен ведь кто-то помочь!

Бреннан бросился прочь от креста. Его опять преследовало жуткое зловоние: теперь за ним гнался другой ребенок, с головы до ног покрытый густой шерстью. Из рта его доносился трупный смрад, а вместо ногтей чернели звериные когти.

Бреннан уже различал какие-то голоса, но по-прежнему ничего не видел. Прямо возле его уха незнакомый мужчина произнес:

— Он без конца твердит об одном и том же: сотня убиенных младенцев и какой-то распятый ребенок.

— Да! — воскликнул Бреннан. Где он, говорящий мужчина? Сейчас Бреннан ему все расскажет!

— Но в живых-то он останется? — донесся до Бреннана взволнованный женский голос. Он был ему знаком. Филипп попытался вспомнить имя своей жены, но не смог.

Он почувствовал прикосновение руки, затем легкий укол и опять провалился в тьму. И снова он звал кого-то на помощь, умолял подойти и снять младенца с креста...

На этот раз рука была нежной и мягкой; теплая женская рука, ласково гладившая его лоб. Он впился в нее, изо всех сил стараясь разомкнуть веки. Тщетно. Тогда он оцупал руку и обнаружил на пальце знакомый шрам, что-то вроде родимого пятна. Он услышал ее голос, внушавший ему, что все будет хорошо, и держался за ее палец, ощущая, как горит крохотная отметина. Он с силой сжал знакомую руку и услышал вскрик. Потом опять укол. И вновь тьма поглотила его.

Когда он проснулся, первое, что бросилось ему в глаза, были занавески на окнах его собственного дома. Он узнал их с первого взгляда. В висках стучало, но видения исчезли. Он заморгал, сился вспомнить, что же с ним стряслось, но память опять подвела его. Он дотронулся до своей забинтованной головы и, опираясь на подушку, попытался сесть, но тут же без сил рухнул на постель. Однако через некоторое время ему все-таки удалось опустить на пол ноги и дотянуться до зеркальца, лежащего на столике рядом с кроватью. Его охватила дрожь, когда он подумал, что может увидеть в зеркальце. И все-таки он взглянул в него. Это было его собственное лицо — небритое и помятое, но его.

— Филипп!

В дверях спальни стояла жена. Улыбнувшись, она направилась к постели и склонилась над мужем, тепло коснувшись губами его щеки.

Филипп засунул ноги под одеяло.

— Здорово тебя разукрасило! — весело заметила Маргарет.

— Расскажи мне все, пожалуйста.

— Рассказывать особенно нечего. Ты разбил машину. Тебя нашли в тот момент, когда ты, весь окровавленный, бродил и...

— А младенца спасли?

— И у тебя до сих пор продолжаются галлюцинации. — Маргарет улыбалась, как улыбаются обычно маленьким детишкам. — Голова твоя так сильно пострадала, что удивляться не приходится. Поспи лучше. Уже все хорошо.

И она вышла из спальни, виляя бедрами, словно уличная девка.

Филипп вдруг подумал, что она даже не поинтересовалась, как он себя чувствует. Будто ее это вообще не волновало. Бреннан закрыл глаза и, проваливаясь в сон, молил Бога, чтобы ребенка спасли.

Глава 15

Пожалуй, впервые за все годы секретарша посла не находила нужных слов. Наблюдая, как ее шеф собирает дорожную сумку, она переминалась с ноги на ногу и теребила волосы.

— Но почему именно в Рим? — решила спросить она. — И почему так внезапно?

— Пожалуйста, гляньте, положил ли я зубную пасту и бритву, — не слушая секретаршу, попросил посол.

— Но, господин посол, сегодня вас ждут в Уайт-холле. Вы же не можете вот так...

— Пусть едет Гарри. — Бреннан застегнул на сумке «молнию». — Извинитесь. Ведь именно для этого вы здесь и сидите. И отлично со всем справляетесь. Завтра к обеду я вернусь.

— Может быть, вы хотя бы скажете, куда и к кому летите?

— Если я скажу, что у меня назначена встреча с одним сумасшедшим монахом, вы поверите? — улыбнулся Бреннан.

А его секретарша подумала о том, что так оно все и есть на самом деле.

— До завтра, — бросил на прощание посол и вышел из кабинета. Через плечо у него болталась сумка, темные очки скрывали синяки под глазами, а на лбу была повязка.

Секретарша смотрела вслед Бреннану, затем мельком взглянула на герб Соединенных Штатов и, коснувшись рукой телефона, заметила вслух:

— Господи, Боже мой, я-то что из кожи вон лезу? Мне-то что до этого?

Она была всего-навсего прекрасным солдатом, выполняющим любой приказ своего генерала, и все тут. Спрос с нее невелик.

И секретарша посла вернулась к своему письменному столу, чтобы, как всегда, отвечать на телефонные звонки и усердно выполнять положенную работу.

Небольшой самолет взял курс на юго-восток через Францию. Сидя в салоне, Бреннан то и дело дотрагивался до повязки и даже мог нащупать хирургические швы на лбу. Врач заверил его, что, хотя небольшие шрамы останутся, они не обезобразят его лица. Но вот кто сотрет шрам, появившийся в его душе, хотел бы он знать.

В который раз перечитывал Бреннан помятую телеграмму, извлеченную из брючного кармана. Он не мог уловить в этом послании и намека на проявление эмоций. Здесь холодно сообщалось о том, что священник на смертном одре и пожелал увидеть его — Бреннана — по весьма важному делу. Посол еще раз прочел адрес госпиталя. Наверное, найти его можно будет без труда.

Бреннан выглянул в иллюминатор. Внезапно он поймал себя на мысли, что летит тем же маршрутом, которым следовали и его предшественники Роберт Торн, и Дулан, и Финн.

Он вызвал стюардессу и заказал виски.

— Ничего, я еще пока живехонек, — пробубнил он себе под нос.

— Сэр? — не поняла стюардесса.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Бреннан. — Решил испытать судьбу.

Самолет приземлился на одной из самых отдаленных посадочных полос, однако Бреннан очень быстро прошел таможенный контроль и прямым ходом направился к ожидавшему его такси. Секретарша заранее заказала машину и все устроила как надо. Единственное, что сейчас волновало Бреннана, — это отношение римских властей к его анонимному визиту. Скорее всего они не обратят на это никакого внимания. Ведь они по горло сыты своими собственными проблемами. А тут еще ворочать мозгами, с какого это перепугу дипломату приспичило заявиться частным порядком, то бишь инкогнито.

Поездка на восток заняла более двух часов. Наконец они добрались до той деревушки.

Больница располагалась в укромном уголке, подалеже от людских глаз.

Бреннан взглянул на вывеску и застонал. Боже, ему ведь и в голову не приходило, что это может оказаться госпиталь для душевнобольных. Он притормозил у ворот и, на мгновение откинувшись на спинку сиденья, глубоко и тяжело вздохнул. Похоже, он зря потратил время. Воображение рисовало ему совсем иную картину: вот он стоит возле постели умирающего, беседует с достойным и благородным стариком, и тот благословляет его. Тут же непременно должны стоять в вазах прекрасные итальянские букеты цветов. И, конечно же, нежный, ласковый ветерок, какой дует только в Италии. А вместо этого Бреннану предстояла встреча с выжившим из ума беднягой. О Господи!

Это было небольшое одноэтажное здание с крошечными окнами. Войдя внутрь, Бреннан внезапно почувствовал панический страх. Страх тем более сильный, что появился он неожиданно и без видимых причин. А что, если его, Бреннана, сейчас

повяжут здесь, в этом доме? Ведь никто никогда не найдет его. Ибо ни одна живая душа в Лондоне не ведала, где находится сейчас американский посол...

Бреннан отогнал прочь эти глупые мысли и, заметив за столом дежурного, заставил себя улыбнуться. Он представился и попросил о свидании со священником. Бреннану предложили чуточку подождать. Спустя минуту в одном из коридоров показался молодой человек. Посол сразу же узнал Френсиса. Вина перед этим монахом тяжким грузом легла на его плечи. Ведь если бы тогда, в Риме, Бреннан прислушался к его словам, несколько человеческих жизней были бы спасены...

— Спасибо, что приехали. — Молодой человек протянул для приветствия руку, затем вдруг прижал Бреннана к себе и обнял его за плечи. Только теперь посол увидел, что лицо Френсиса залито слезами.

— Как он? — нерешительно осведомился Бреннан.

— Скоро душа его освободится, — с достоинством сообщил брат Френсис. Протянув Бреннану руку, он увлек того вниз по коридору.

— Но почему он именно в этой больнице? Для... — Язык его не поворачивался произнести слова «для умалишенных».

— Почему в больнице для душевнобольных? — подсказал монах. — Говорят, что он довел себя до крайнего нервного истощения. Он постоянно твердил о конце света, то и дело повторяя, что нужно срочно послать кого-нибудь в ту самую английскую деревушку. Мы убеждали их, что сами сможем ухаживать за ним в монастыре, но они настояли...

Бреннану не терпелось узнать, кто такие «они», но он сдержался. Молча следовал он за монахом, всем своим нутром ощущая, что находится сейчас в совершенно ином измерении. В мире несчастных и обездоленных людей. Ему нестерпимо захотелось выбраться отсюда на волю, на воздух — в обычный и суетный мир. словно прочитав его мысли, монах еще крепче сжал руку Бреннана.

Они спустились по лестнице в полуподвальное помещение. Здесь было сумрачно и значительно прохладней, чем наверху. Как будто этот мир старались упрятать подальше от постороннего взгляда.

Френсис постучал в самую крайнюю дверь. Она распахнулась. На пороге стоял санитар в зеленом форменном халате. Он кивнул и пропустил их внутрь. В нос резко ударил запах карболки.

Они оказались в крошечной комнатенке, напоминавшей скорее келью. Мебель составляли одна-единственная железная койка, стул да умывальник, на котором стоял большой кувшин.

Бреннан невольно взглянул на оконце: нет, оно не было зарешеченным, однако величина окошка не позволяла протиснуться в него и ребенку.

Старик пошевелился на кровати, пытаясь приподнять руку.

— Господин Бреннан? — раздался немощный голос.

Филипп склонился над койкой и пожал худую старческую руку. В лице де Карло не было ни кровинки: кожа, как перга-

мент, обтягивала впалые щеки, рот ввалился. Прикоснувшись к ледяной руке де Карло, Бреннан вздрогнул. Перед ним лежал человек, пытавшийся спасти мир от гибели, несчастный безумец, добровольно взваливший на плечи свой крест. И вот награда — смерть в одиночестве. Да еще в сумасшедшем доме.

— Садитесь, господин посол.

Бреннан присел на краешек стула возле постели.

— Очень жаль, что вы не совсем здоровы, — промямлил Бреннан.

Мягко улыбнувшись, де Карло покачал головой.

— Спасибо, господин посол, но пусть вокруг да около ходит тот, кто в этом нуждается.

Несколько мгновений мужчины молча всматривались друг в друга.

Неожиданно де Карло прервал возникшую паузу:

— Вы ведь человек не религиозный, господин Бреннан?

Бреннан кивнул.

— Тогда зачем вы прилетели из Англии?

Посол слегка растерялся.

— Я прочел ваши записи и те два письма. Конечно, они лишены смысла...

Священник оборвал его:

— Мы здесь не для того, чтобы рассуждать о вещах привычных.

— Но, простите, — возразил Бреннан. — Я точно так же не верю ни в черта ни в дьявола.

— И все-таки вы здесь.

— Да, но сам не знаю почему.

Де Карло отрицательно покачал головой.

— А может, просто из любопытства.

Теперь де Карло улыбался. И Бреннан был вынужден признаться себе, что привело его сюда не только чувство сострадания. Здесь крылась какая-то непонятная и необъяснимая причина. Бреннан сидел, уставившись себе под ноги. Он не мог вымолвить ни слова.

И вдруг пошел напролом:

— Мне кажется, что я сошел с ума. — Произнеся эти слова, Бреннан почувствовал, будто тяжелая ноша свалилась с его плеч.

— Пожалуйста, посмотрите мне в глаза, — попросил его де Карло. Бреннан повиновался, и в голове у него мелькнула мысль о нелепости ситуации: он признается в безумии человеку из «психушки».

— Почему вы так думаете? — поинтересовался де Карло.

Боясь, что его прервут, Бреннан скороговоркой рассказал о своих ночных кошмарах, о ребенке на кресте, о другом младенце — мерзком и гнусно пахнущем. Когда посол закончил наконец свою исповедь, де Карло, преодолевая боль в разбитом теле, приподнялся в постели и с трудом оперся на локоть. Он ласково дотронулся до руки посла:

— Как по-английски называется ощущение, когда человеку кажется, будто его кошмары оживают?

— Галлюцинации, — подсказал Бреннан.

— Да, да, верно, — подхватил де Карло. — Власть злых сил безгранична. И расстояние для них не помеха. Зло разрушает человеческую способность к воображению. Сила Антихриста способна изуродовать человеческое сознание и ум. Антихрист имеет власть и над людьми, и над животными. Его сила сводит человека с ума. Вспомните вашего предшественника, посла Дойла.

— Да, — механически подтвердил Бреннан, — он сам себе вышиб мозги.

— Разумеется, Дэмьену Торну во что бы то ни стало надо было избавиться от этого человека. Вот он и добился своего: тот сам себя убил. И никто так и не узнал почему.

— Верно, — пробормотал Бреннан, — тех, кого богам угодно уничтожить, они просто сводят с ума.

Де Карло резко возразил:

— Нет, сын мой, не боги. Не боги.

На пороге появился молодой монах. Де Карло поднял дрожащую руку, которая почему-то напомнила Бреннану трепыхающиеся крылышки умирающей птицы. Священник кивнул монаху, и тот вытащил из-под сутаны потертый кожаный кошель. Де Карло извлек из него кинжал.

— Мне больше не позволяют держать их при себе, — пояснил он. — Теперь о них заботится брат Френсис.

Бреннан посмотрел на фигурку Христа на рукоятке.

— Вот этим кинжалом была уничтожена физическая жизнь Дэмьена Торна, — объяснил де Карло. — Необходимо вновь использовать его. — С этими словами старик протянул Бреннану кинжал, держа его за лезвие. Бреннан сжал рукоятку и почувствовал, как его вновь начинает одолевать мучительный страх.

— Держитесь за Христово тело, и Он поможет вам. — Зайдя в приступе кашля, де Карло упал на постель. Затем тихо продолжал: — Вы знаете, что надо делать. Времени осталось в обрез. Люди испокон веков уничтожали и уничтожают друг друга, но скоро этому наступит конец. — Де Карло прикрыл глаза и перешел на шепот. Бреннану пришлось склониться к самым губам священника, чтобы расслышать его слова: — В Откровении сказано: «И видел я выходящих из усть дракона, и из усть зверя, и из усть лжепророка трех духов нечистых... Это суть бесовские духи... они выходят к царям земли и всей вселенной, чтобы собрать их на брань...»

Де Карло открыл глаза.

— ... на брань... — еле слышно повторил он. — Вы, господин посол, положите этому конец. Набирайтесь силы от Христова тела в ваших руках...

Глаза де Карло затуманились, рукопожатие ослабло.

Бреннан поднялся со стула и, пошатываясь, побрел к двери.

— У меня нет такой веры, как у вас, святой отец, — пробормотал он. — Но я желаю вам мира.

— Теперь все в ваших руках.

Бреннан стоял уже на пороге.

— И помните, — вновь раздался слабый голос священника, — ваши ночные кошмары — это все происки дьявола. Но восстав-

ший Христос вам поможет. Доверьтесь Ему и положитесь на Него.

Бреннан покинул комнату и пошел следом за Френсисом. Дверь закрылась за ними, но еще долго из-за нее доносился сухой кашель старика.

Машина мчалась на север Италии. Сидя за рулем, Бреннан вдруг с любопытством обнаружил, что окончательно успокоился и страх наконец покинул его. Бреннан взглянул на кинжал, лежащий подле него на автомобильном сиденье. Один вид этого оружия странным образом успокаивал посла. Значит, он все-таки не свихнулся и его кошмары — происки нечистой силы. Все становилось на свои места. Во всем появлялся некий ранее скрытый от него, Бреннана, смысл. Он взглянул в зеркальце заднего вида и увидел свою улыбающуюся физиономию.

Глава 16

262 Точно так же, как ранее представитель Би-би-си, Кеннет Эванс, помощник начальника полицейского управления, был крайне заинтригован, получив из американского посольства приглашение на ленч. Сколько он ни прокручивал в мозгу все варианты, видимых причин для подобного приглашения, похоже, не находилось. Направляясь в посольство, Эванс размышлял о том, что как-то уже встречался с послом, но совершенно официально. Бреннан нравился Эвансу. Посол производил хорошее впечатление и если, подобно всем политикам, что-то и скрывал под маской «добропорядочного гражданина», то делал это весьма искусно.

Бреннан поднялся из-за массивного письменного стола и, поздоровавшись с Эвансом, извинился за свой довольно плачевный вид после автомобильной катастрофы.

— Ну, сэр, — нарочито строго пожурил его Кеннет, — если вы и в следующий раз не пристегнетесь ремнем...

— Ясно, — в тон ему подхватил Бреннан, — намек понял.

В кабинет вкатили сервировочный столик с закусками, и мужчины приступили к ленчу.

О чем они только не болтали: и о последних публичных выступлениях отдельных политиков, и об ужасной трагедии на Трафальгарской площади, и об американском футболе, по части которого Эванс был просто дока.

Полицейский уже начал было подумывать, зачем его вообще сюда пригласили, и тут Бреннан обратился к нему со своей просьбой.

Эванс нахмурился.

— Вы сказали, пять кинжалов?

— Да, совершенно одинаковых. Я полагаю, они хранятся в вашем так называемом музее Ужасов. Дело в том, что их обнаружили несколько лет назад в Чикаго, и наш чикагский музей с удовольствием бы выставил их на короткое время. Разумеется, по окончании срока мы их тут же вернем.

— Даже не знаю... — промямлил Эванс.

— Насколько я понимаю, вся информация, поступающая к вам, хранится в делах. Я имею в виду отпечатки пальцев и все такое.

Эванс кивнул.

— Значит, эти кинжалы могут понадобиться, если вдруг преступника опознают?

— Совершенно верно.

— Не хочу показаться назойливым, но, похоже, в ближайшее время это маловероятно, — с улыбкой заметил Бреннан.

— Согласен, — улыбнулся в ответ Кеннет.

— Так вот, в любой момент, как только вам понадобятся кинжалы, мы их вам тут же вернем.

— В таком случае я буду вынужден настаивать, чтобы кинжалы находились под надежной охраной.

— В этом можете не сомневаться.

— Ну, тогда не вижу причин, чтобы...

— Отлично! Спасибо. Огромное спасибо. Чикагский музей будет в восторге от этой новости.

Они снова перешли на тему об американском футболе, и Эванс просидел у посла еще минут двадцать. Где-то в глубине сознания полицейского затаилось любопытство: зачем все-таки американскому послу понадобились древние кинжалы?

Усаживаясь в автомобиль, Кеннет, не сдержавшись, произнес:

— В конце концов не наше собачье дело знать, на кой черт Бреннану эти штуковины.

И действительно, важен был результат: теперь посол США обязан Кеннету, а помощнику шефа Главного полицейского управления это рано или поздно пригодится.

Сегодня Кеннет Эванс был вполне доволен собой.

— Маргарет! — с порога окликнул жену Бреннан, хотя был почти уверен, что она еще бродит по магазинам.

Он плеснул в бокал виски, в который раз отмечая, что слишком зачастил с выпивкой, да черт с ней. Как только весь этот кошмар закончится, — если он вообще может закончиться, — дозы спиртного тоже сократятся.

— Ну, давай же побыстрее, где ты там запропастился, — сквозь зубы ругался Бреннан, думая о посыльном из полицейского управления, которого Эванс обещал прислать к шести часам.

Наконец раздался звонок. Бреннан бросился к двери. Посыльный вручил ему пакет и, попросив расписаться в получении, вежливо откланялся и направился к своему мотоциклу.

Закрыв дверь, Бреннан кинулся в свой кабинет. Пакет был прочно перевязан, и Бреннан, пытаясь развязать бечевку, обложил весь белый свет. Кипя от негодования, он схватил ножницы и перерезал шпагат. Из пакета выскользнули кинжалы, и один из них, падая, задел ладонь Бреннана. Он вскрикнул от боли. Из тонкого, прямого надреза заструилась кровь.

Кинжалы упали на пол, к каждому была прикреплена номерная бирка. Нож, поранивший руку Бреннана, вонзился острием

в паркет и теперь, слегка раскачиваясь, торчал в нем. Филипп протянул руку, чтобы собрать кинжалы, но кровь закапала прямо на рукоятку торчавшего в полу стилета. Чертыхнувшись, Бреннан поспешил в ванную, чтобы залепить ранку пластырем. Наклеивая пластырь на ладонь, он обратил внимание, что порез пришелся как раз на то место, которое хироманты называют линией жизни, и пересекал названную линию в точке, соответствующей примерно среднему возрасту. Бреннан невольно застоялся. Однако на этот раз он быстро справился с охватившим его страхом и вернулся в кабинет.

Нож все еще торчал в паркете. Рукоятка была обагрена его, Бреннана, кровью. Филипп вытащил из пола кинжал и попробовал стереть кровь салфеткой. Но она только размазалась по телу и лицу Христа. Бреннан возвратился в ванную, вымыл нож и, осторожно вытерев его полотенцем, снова поднялся в свой кабинет. Выдвинув ящик письменного стола, Филипп достал из него кинжал, врученный де Карло. Затем собрал все кинжалы вместе, расположив их в форме креста.

К нему были обращены шесть ликов Христа, искаженных агонией, шесть ликов, от которых он не в силах был оторвать взгляда. Он как будто смотрел на колеблющееся пламя костра — завораживающее, манящее и в то же время будоражащее неведомые глубины души.

Услышав скрип входной двери, Бреннан вздрогнул. Затем сдвинул кинжалы в кучу и спихнул их в ящик стола. В этот момент в кабинет вошла Маргарет.

Бреннан поздоровался с женой и задумался над тем, что он будет делать дальше.

Этот день был, пожалуй, самым жарким в году, к тому же и на редкость влажным. Бухер и Дэмьен неспешно прогуливались по Пирфордскому парку. Собака не отставала от них. В жужжание пчел влетало стрекотание кузнечиков, высоко в небе заливался жаворонок.

Презрительно хмыкнув, Дэмьен оборвал сентиментальное замечание Бухера насчет «оркестра природы». Юноша выглядел очень плохо: лицо — белое, как простыня, со следами чрезвычайной усталости. Подобная усталость не присуща молодости. Да и загар как будто вовсе не приставал к юноше. Кстати, в яркие, солнечные дни Дэмьен Торн-младший ощущал особую подавленность, под глазами появлялись синяки, а щеки словно вваливались.

— Ну что, подготовка к совещанию завершена? — осведомился юноша.

— Да, сделано все возможное. Почва подготовлена.

— Вот-вот. Именно почва подготовлена. Пришло время собирать урожай.

Бухер решил было уточнить, что Дэмьен имеет в виду, но не успел и рта раскрыть. Юноша остановился как вкопанный. Потом резко обернулся, всматриваясь вдаль, туда, где темнела полоска деревьев. Собака громко зарычала, шерсть на ее загривке встала дыбом.

— Он прислал за мной своего раба,— произнес Дэмьен.— Лакей Божьего Сына явился сюда, чтобы уничтожить меня.

Не успел он договорить, как собака рванулась с места и бросилась в сторону деревьев, залитых солнечным светом.

— Я чувствую Его присутствие повсюду,— продолжал юноша.— Он проникает мне в душу. Жалость Его пронизывает меня до мозга костей.

Бухер вздрогнул. Он прекрасно понимал, что имеет в виду Дэмьен. Он на собственной шкуре ощутил влияние Сына Божьего: если вдруг случалось, что Поль ложился спать недостаточно подготовленным, то всю ночь напролет чудился ему Его голос, исчезая лишь к утру и оставляя в памяти какие-то обрывки сновидений.

Собака тем временем скрылась в кустах, а юноша двинулся в сторону особняка. Он прошептал еле слышно:

— Молись за меня, Поль. Вели всем ученикам молиться за меня. Мне нужна сила и поддержка их всех.

Бухер еще раз взглянул на купающиеся в солнечном сиянии деревья и последовал за своим господином. Его пробирала дрожь, внутри все заледенело, несмотря на непривычный для Англии зной.

Опустив бинокль, Бреннан глубоко вздохнул. Его трясло как в лихорадке. Он свесил ноги с внутренней стороны стены и еще раз оглянулся на куст, под которым оставил кошель с пятью кинжалами. Шестой кинжал Филипп крепко сжимал в руке. В эти минуты он твердо знал: то, о чем просил его де Карло, Филипп никогда не сможет выполнить. Все это безумие, абсурд.

Бреннан чуть было не спрыгнул со стены, когда из кустарника выскочило чудовище — огромный пес с желтыми немигающими глазами. Он вцепился в стену и подобрал ноги, с трудом удерживая равновесие.

Собака, оскалив пасть и не издавая ни звука, бросалась на стену, пытаясь передними лапами достать Бреннана.

Филипп не сводил взгляда с ее желтых глаз. Собака отскочила и тут же с новой силой кинулась на стену. Филипп услышал клацанье зубов, оторвал взгляд от собаки и зажмурил глаза. Перед ним возникло видение распятого младенца. Филипп затряс головой, пытаясь отогнать это видение, и тут же в нос ударил невыносимо жуткий запах, исходящий от чудовища, зловоние, преследовавшее Бреннана в его кошмарных галлюцинациях.

Филипп с такой силой сжал рукоятку оружия, что фигурка Христа врезалась в его ладонь. Боль привела Филиппа в чувство, вернув к действительности. Пес внизу замер на месте, не сводя с Бреннана желтых глаз. Чудовище словно раздумывало, что ему делать дальше...

Тем временем Бреннан неторопливо спустился с другой стороны стены и, подхватив кошель с кинжалами, услышал чудовищный вой. Это был отчаянный вой зверя, упустившего добычу.

Питер Стивенсон наблюдал из окна за подкатывающими к зданию лимузинами. Репортеры плотным кольцом окружали людей, выходящих из автомобилей. Щелкали затворы фотоаппаратов.

Питер Стивенсон был вполне доволен собой. Что бы там ни произошло после совещания, имя его уже вписано в историю. Потому что исключительно благодаря его усилиям эта встреча состоится. В течение ближайшего часа ожидается подписание исторического коммюнике.

До сих пор все шло, как надо. Он даже в мыслях боялся представить, что может произойти, если сейчас где-нибудь случится сбой. Каждая арабская страна обладала ядерным запасом: и Ливия, и Сирия, и Ливан. Стало быть, любая из этих стран в пику другой может развязать новый Холокост*.

Однако соглашения уже подписаны, и то, что должно состояться нынче, это для публики.

Стивенсон снова выглянул в окно и увидел, как к зданию приближаются автомобили представителей Израиля. Репортеры у подъезда засуетились. Вдоль дороги выстроились многочисленные зеваки, глазающие на красочное зрелище. Впервые за последние месяцы в толпе не было видно ни лозунгов, ни транспарантов. Люди просто наблюдали «исторический момент», чтобы впоследствии рассказывать своим детям и внукам о том, что они лицезрели особ, сохранивших мир на планете. А демонстрантов потрясла трагедия на Трафальгарской площади. Они лишились своего лидера и до сих пор скорбели по нему.

Стивенсон вздохнул и отошел от окна. Глянув в зеркало, он одернул костюм и направился к лестнице встречать гостей. Через час весь мир заговорит о нем. Стивенсон — борец за подлинный мир на планете — добился желаемого.

В целях безопасности Филиппу Бреннану и госсекретарю полагалось ехать в разных автомобилях. Бреннан разглядывал толпу, ощущая каким-то шестым чувством, откуда из гущи зевак на него направлена видеокамера. Возможно, его белозубая улыбка будет сиять сегодня вечером на экранах миллионов телезрителей. Машина затормозила, и Бреннан шагнул в толпу журналистов.

— Господин посол, не могли бы вы прокомментировать слухи о том, что подаете в отставку по состоянию здоровья?

— Конечно, могу, — бросил на ходу Бреннан, проталкиваясь к дверям в окружении помощников и телохранителей. — Это не более чем слухи.

— Как вы себя чувствуете, господин посол?

— Отлично. — Посол прошел в конференц-зал и сел, как обычно, рядом с госсекретарем. Этот крупный мужчина приветливо кивнул Бреннану, но в его взгляде мелькнула какая-то тень. Филипп надеялся только на то, что тот не будет лезть в душу,

* Истребление евреев. (Прим. переводч.)

выпытывая, зачем Бреннан летал в Рим, покинув свой пост. Ведь оправданий у Бреннана не было.

Ладно, сейчас надо забыть обо всем. И Бреннан действительно стал вслушиваться в слова выступающих. Представители Сирии и Ливана сидели рядом. Сзади — русские. Лидеры из ОПЕК расположились вместе, а израильская верхушка находилась справа от американцев.

По мере того как Бреннан вслушивался, до него наконец начал доходить тот нехитрый факт, что это все и есть реальный мир, его настоящая, действительная жизнь — без сумасшедших священников, дьяволов и всяких там бесов.

Он услышал внушительный голос Питера Стивенсона:

— Предложения включают в себя обсуждение вопроса о районе Восточного Иерусалима. Позвольте мне представить вам членов сирийской делегации.

Тут же телекамера крупным планом дала сирийца, легонько постукивающего по микрофону и пробегающего взглядом свои записи.

Сириец заговорил на родном языке, и Бреннан вставил в ухо устройство, позволявшее слышать синхронный перевод. В зале стояла тишина. До того момента, пока выступавший не коснулся имени Арафата — старика, пережившего кучу покушений и до сих пор цеплявшегося за власть.

При одном только упоминании этой «легендарной» фамилии один из израильтян вскочил на ноги. Это был Саймон. Бреннан в изумлении уставился на него, пытаясь понять, что он там выкрикивает на иврите.

Поднялся со своего места и Стивенсон, словно рефери на боксерском ринге. Все заметили, что лицо его стало блее мела.

Саймон бросился в сторону сирийца. Кто-то пытался преградить ему путь, но было уже слишком поздно. В лучах прожекторов мелькнул какой-то предмет, и, когда израильтянин занес руку для удара, яркий свет юпитеров отразился на массивной ониксовой пепельнице в руке Саймона. Этой пепельницей он что есть силы ударил по губам сирийца. Из горла последнего вырвался не то стон, не то рычание, и, залитый кровью, он опрокинулся навзничь, теряя выбитые зубы. Тем временем Саймон навалился на свою жертву. При этом он истерически вопил. Прежде чем Саймона оттащили, ему удалось нанести сирийцу еще один удар.

Присутствующие в зале тупо наблюдали за дракой, как будто находились в состоянии шока. Потом началось такое, что ни один из участников не мог представить себе и в кошмарном сне: израильтяне кинулись к Саймону, сирийцы и ливанцы сгрудились возле поверженного. Спустя несколько секунд они яростно набросились друг на друга, с пеной у рта доказывая что-то противникам. В ход пошли кулаки. Стивенсон рухнул на стул, будто именно ему заехали по губам ониксовой пепельницей.

Русские собрали документы и покинули зал. Вслед за ними направился и госсекретарь США. Последним вышел Бреннан, за спиной которого продолжало свирепствовать это фантастическое или, точнее, мистическое безумие.

Сев в автомобиль, Бреннан услышал новости, передаваемые по радио. По всем каналам транслировалось сообщение о скандале. А когда посол добрался до своего кабинета, стол его оказался заваленным телексами. Телефоны надрывались. Часа три Бреннан только и занимался тем, что, отвечая на звонки, как попугай повторял одни и те же ничего не значащие фразы.

В кабинет заглянула секретарша:

— Господин посол, звонила ваша жена и просила передать, что сегодняшнее приглашение на ужин от господина Бухера остается в силе.

Бреннан оторопело уставился на секретаршу. Он и слыхом не слыхал ни о каком приглашении.

— На ужин, сэр, — повторила секретарша. — В Пирфорде. Вас ждут от восьми до восьми тридцати. Ваша жена сказала, что вы можете позабыть об этом, и просила напомнить.

Бреннан поблагодарил секретаршу. А та добавила:

— Еще ваша жена просила передать вам слова господина Бухера. Он дал ей ясно понять, что, судя по последнему происшествию, это может оказаться ваш последний ужин, господин посол.

— Потрясающе, — заметил Бреннан. Они посмотрели друг на друга: на губах у обоих играла ослепительная дежурная улыбка.

Глава 18

268

Бреннана неизменно возбуждала Маргарет, находящаяся перед зеркалом. Что бы она при этом ни делала: наносила ли на лицо макияж или же переодевалась, — Филипп всегда восхищался ею. Его самого удивляло, что с годами страсть нисколько не притупилась. И это после шести лет супружества. Даже сейчас, со всем кошмаром, свалившимся на его плечи, Бреннан поймал себя на мысли, что ему приятно наблюдать за плавными, грациозными движениями жены, расчесывающей волосы.

Филипп попытался сосредоточиться на делах. Новости сообщали о «нападении с пепельницей в руках». Комментатор добавил, что теперь русского посла, возможно, отзовут из Тель-Авива, ибо сирийцы направили письмо протеста в кнессет. Других новостей пока не было. Но Бреннан, который прочитал все до единого телексы, поступившие от различных дипломатических корпусов, и, кроме того, располагал донесениями службы безопасности, ясно осознал, что на самом-то деле ситуация куда более серьезная, что мир находится на грани катастрофы и что война на Ближнем Востоке неизбежна.

— Как ты думаешь, чем все это кончится? — Маргарет словно читала мысли мужа. Она покрутилась на стульчике и, повернувшись к Филиппу, уставилась на него своими огромными, широко раскрытыми глазами.

Бреннан молча глядел на жену, с трудом понимая, что она говорит. Никогда за всю их совместную жизнь желание обладать этой женщиной не захлестывало его с такой силой, как в эти минуты. Внезапно в мозгу вспыхнула странная мысль, что перед

лицом неотвратимой смерти заняться любовью — наиболее удачная затея.

— Все выглядит далеко не самым лучшим образом, — возвестил Филипп ровным голосом, приближаясь к жене. Он не желал посвящать ее в подробности: половина информации, что он утаивал от Маргарет, испугала бы ее до смерти. Бреннан нежно обнял жену, но та никак не отозвалась на ласку, что показалось Филиппу необычным. Маргарет повернулась к зеркалу и принялась красить губы.

Глубоко вздохнув, Бреннан спросил:

— Скажи, пожалуйста, а когда Поль прислал это приглашение?

— Я же говорила тебе: на прошлой неделе. Он оставил официальное приглашение. Ну я же тебе говорила. Ты тогда еще пробормотал в ответ что-то невразумительное.

Бреннан пожал плечами. Он никак не мог вспомнить тот разговор. Возможно, он просто позабыл о нем. Но если Маргарет говорит, что такой разговор состоялся, значит, так оно и было.

Какое-то время оба молчали. Затем Маргарет заинтересовалась:

— А как дела у президента?

— Думаю, «закручивает гайки». Где только можно.

Бреннан никак не мог сообщить ей, что президент в окружении военных советников уже давным-давно находится на важнейшем стратегическом объекте и держит руку чуть ли не на кнопке.

— Он еще не самый противный из них, — заметила Маргарет, — он просто не может позволить себе быть самым ужасным.

— Он слабовольный. А для американцев это катастрофа.

— Насколько я знаю, человек, к которому мы собрались сегодня в гости, поддерживал и продолжает поддерживать президента, не так ли? — В голосе Маргарет прозвучало едва уловимое презрение. — Как ты можешь идти на ужин к такому типу, как этот Поль Бухер, дорогой? К человеку, проложившему дорогу к нашей национальной катастрофе?

Бреннан слабо улыбнулся и, наклонившись, легонько чмокнул жену в щеку:

— Надо же знать и своих врагов.

Маргарет хмыкнула и отстранилась от мужа. Затем принялась облачаться в одно из лучших своих платьев. Переодеваясь, она заметила, как муж прикрепил к внутреннему карману пиджака крошечное пластиковое устройство.

— Все действительно так плохо, раз тебе ежесекундно надо торчать на связи? — изумилась Маргарет.

— Я обязан все время находиться на связи, — отрезал Бреннан. — Ну что, ты готова?

Она кивнула.

— Тогда я завожу машину.

Филипп покинул комнату, заметив краешком глаза, что жена не последовала за ним. Тогда он прошел в свой кабинет и, выдвинув ящик письменного стола, достал кожаный кошелек. Даже сквозь кожу чувствовал Филипп остроту клинков. Выйдя

из кабинета, он распахнул входную дверь, с наслаждением вдохнул влажный вечерний воздух и тут же зашелся в кашле: последствия аварии то и дело давали о себе знать. Филипп посмотрел на небо и увидел, что на востоке сгущаются тяжелые кучевые облака. Если бы его «старик» был еще жив, он непременно бы заявил, что «чувет приближение дождя».

Бреннан торопливо зашагал по скрипучей гальке к гаражу. В этот момент он, конечно же, не догадывался, что из-за портьеры за ним внимательно наблюдает Маргарет.

Забросив кожаный кошелек под водительское сиденье, Филипп завел машину. Хлопнула входная дверь: Маргарет бежала к машине, на ходу подбирая подол длинного платья. Первые дождевые капли уже падали ей на волосы. Филипп наклонился, чтобы открыть дверцу, и заметил, что одна из лямок кожаного мешочка зацепилась за рычаг коробки скоростей. Филипп принялся судорожно засовывать лямку под сиденье. В это мгновение Маргарет скользнула в машину.

— Что ты там возишься? — нетерпеливо полюбопытствовала она.

Бреннан ничего не ответил, просто еще раз коснулся губами ее щеки и заметил:

— Ты выглядишь сегодня просто потрясающе, обладать можно.

Маргарет засмеялась и глянула в зеркальце, небрежно приглаживая волосы.

Они мчались по пустынным улицам, слушая музыку, доносящуюся из двух небольших динамиков. Маргарет время от времени подпевала. Бреннан снова взглянул на жену. Да, действительно сегодня она выглядела не просто восхитительно, казалось, от нее исходило какое-то волшебное сияние.

Филиппу вдруг нестерпимо захотелось защитить ее от этого ужасного и жестокого мира, хотя в то же время он прекрасно понимал, что уж кто-кто, а Маргарет менее кого бы то ни было нуждалась в подобной защите, ибо не принадлежала к породе слабеньких.

Лента в магнитофоне кончилась, и Филипп задал наконец вертящийся у него на языке вопрос:

— Слушай, Маргарет, а если я на какое-то время исчезну с ужина, ты займешь Поля?

Она от души рассмеялась:

— Ну и дела. Что ты хочешь этим сказать? Чтобы я с ним немного «поразвлекалась», в смысле переспала?

— И ты считаешь, что я смог бы об этом заикнуться? — расхохотался Филипп, в свою очередь.

Маргарет поуютней устроилась на кресле и занялась магнитофоном. А Филипп облегченно вздохнул: она даже не подумала спросить, куда ему надо удалиться? Как будто это ее вообще не занимало. Интересно, если бы она все-таки спросила, что бы он ей тогда наплел?

Бреннан взглянул на часы, остановил магнитофон и включил программу новостей.

«...Угроза расширения конфликта на Ближнем Востоке возрос-

ла с того момента, как русские эвакуировали свое посольство в Тель-Авиве. Наш политический обозреватель сообщает, что...»

Бреннан слушал вполуха. Он поражался, что, имея такие факты, комментатор тем не менее оставался в рамках принятых условностей и не наводил на людей панику. Интересно, насколько этот комментатор вообще информирован? Филипп нащупал в кармане радиопередатчик. Хватит ли ему времени разыскать Торна-младшего? Вполне возможно, он ничего не успеет, и эта кошмарная миссия, выпавшая ему, отпадет сама по себе. Но ведь еще сегодня днем он твердо решил: пусть Бог, которому молится де Карло, действует его — Бреннана — руками, пусть Он руководит им. И пусть будет совершено то, что должно быть совершено: если действительно такова воля Божья.

Что же касается Филиппа Бреннана лично — так ему достаточно просто увидеть этого юношу, а остальное будет зависеть от Божьего промысла и Его вмешательства. Филипп сделает только то, что повелит ему Бог.

— Ты здесь бывал раньше? — Голос Маргарет вывел Филиппа из задумчивости.

Он покачал головой:

— Нет, а что?

— Судя по тому, как ты ведешь машину, ты наверняка знаешь, куда рулить.

— Да нет, я просто внимательно просмотрел карту.

Бреннан затормозил перед огромными воротами, опустил боковое стекло и, нажав на кнопку селектора, назвал свою фамилию. Ворота разошлись, и автомобиль покатил в сторону особняка.

У подъезда они заметили Бухера, махавшего им рукой.

Бреннан припарковал машину и, выходя, опять зацепился за лямку кожаного мешочка. Раздалось металлическое звяканье, но Маргарет как будто не обратила на него никакого внимания. Бухер церемонно чмокнул Маргарет в щеку и протянул Филиппу руку:

— Хорошо, что вы приехали. При сложившихся обстоятельствах я на это, честно говоря, не рассчитывал.

Бреннан постучал по передатчику, торчащему из внутреннего кармана:

— Надеюсь, эта штукавина не помешает нам спокойно отужинать.

Бухер взял Маргарет под руку, Бреннан последовал за ними. Он взглянул на небо. Похоже, они обогнали грозу. Вечер был словно создан для того, чтобы со вкусом поесть, пригубить отличных вин, насладиться приятной беседой, в довершение всего прогуляться по парку. Да, усмехнулся про себя Бреннан, все тут разложено по полочкам. Но настроение его тем не менее было превосходным, и он находил пребывание здесь на редкость удачным.

Они вошли в холл. Кивнув пожилому дворецкому, Бреннан бросил взгляд на лестницу в галерею. Он размышлял про себя, где может находиться Торн-младший.

Бухер подвел их к окнам. Играя роль гида, он указал на ярко

освященные дорожки и лужайку. Дворецкий тут же поднес вино в искрящихся фужерах. В гигантском камине потрескивали поленья. Маргарет сегодня была ослепительно хороша, и Бреннану подумалось вдруг, что вся эта сцена так и просится в рекламу.

— Я с удовольствием покажу вам сад, только чуть позже, — заверил Бухер.

— Да, да, — подхватил Бреннан, — если, конечно, успеете, потому что, похоже, надвигается гроза, а может быть, и вообще буря.

Бухер взглянул на Бреннана и нахмурил брови.

— Гром, молнии, ливень, — улыбнулся Филипп.

— А, конечно, — кивнул Бухер.

Пока Маргарет рассматривала портреты, Бухер подвинулся к Бреннану.

— Ну и насколько плохо обстоят дела?

Бреннан попытался изобразить на лице улыбку:

— А, лучше помолчать и постучать по дереву.

— Мм-м, — промычал Бухер.

В этот момент Филиппа окликнула жена. Она стояла под одним из портретов, надпись под которым гласила: «Дэ́мьен Торн — американский посол».

— Я же тебе говорила, что он был невероятно хорош собой. Помнишь? — прошептала Маргарет.

— Да, женщины души в нем не чаяли, — подтвердил подошедший Бухер.

— Странно, что у него не было детей, — задумался Филипп.

Маргарет удивленно уставилась на мужа:

— Почему ты об этом говоришь? Какая здесь связь?

— Странно, что он не подумал о продолжении рода Торнов, — продолжал Бреннан.

— Но ведь ему было всего тридцать два года, когда он скончался.

— Да-да, я помню похороны.

Наступила неловкая пауза. Внезапно ее прервал стук в дверь. На пороге стоял дворецкий. Он доложил, что ужин подан.

Бухер взял Маргарет под руку и повел ее к столу.

— Надеюсь, аппетит ваш не подкачает, — засмеялся он.

Стол был великолепно сервирован. Посередине стояли шесть канделябров с горящими свечами. Окна были распахнуты на лужайку, и в просвете между облаками виднелись яркие звездные россыпи.

Бреннану не терпелось спросить, по какому случаю их пригласили на ужин. Он прекрасно знал, что на такого рода вечеринках рядом с Бухером всегда присутствовала женщина. Конечно, Филиппу в какой-то мере льстило, что сейчас его жена исполняла роль хозяйки роскошного особняка — роль, разумеется, временную. Ибо на подобного рода скандалы Бухер никогда не шел — это Бреннан также знал наверняка. Но тогда почему стол был накрыт на троих?

В который раз за сегодняшний вечер Бреннан залюбовался своей женой и ощутил необходимость ее присутствия здесь,

рядом с ним. Филипп нетерпеливо заерзал на стуле, пытаясь послать жене улыбку. Тем временем дворецкий поднес Бухеру фужер с вином. Тот пригубил и одобрительно кивнул.

— Знаете, — вдруг подала голос Маргарет, — когда я была еще маленькой девочкой, папа взял меня с собой на обед в один из домов Род-Айленда. Хозяин слыл богачом. Кажется, он был французом. Когда его слуга принес вино, хозяин отослал его обратно. — Маргарет захихикала. — Своего слугу с вином из собственного погреба. Отослал назад!

Они без умолку болтали на довольно фривольные темы. Надвигавшиеся с востока тучи сгущали сумерки в зале. Неровное пламя свечей выхватывало из полумрака лица присутствующих, и в этих колеблющихся бликах Маргарет казалась сказочной феей. Щеки ее разурмянились. «Сегодня она пьет очень много, — с удивлением заметил Бреннан. — С чего бы это?»

Вечерний воздух словно уплотнился, стало душно, запахло приближающейся грозой. Бреннан ослабил галстук: дышать становилось все труднее и труднее. Подали какое-то рыбное блюдо, затем совершенно восхитительную телятину. Однако Бреннан ел через силу: у него внезапно пропал аппетит. Он заставлял себя поддерживать беседу; болтать ему тоже расхотелось, и он то и дело замолкал на полуслове.

Филипп стремился сейчас лишь к одному: попытаться найти Торна-младшего. И тут нежданно-негаданно появился повод выйти из-за стола. В кармане зажужжал передатчик, оборвав очередную реплику Бухера.

Бреннан поднялся:

— Простите, но я вынужден оставить вас на пару минут.

— Можете воспользоваться телефоном в гостиной, — предложил Бухер.

Бреннан поблагодарил и встал из-за стола. В дверях он невольно оглянулся на Маргарет и Бухера: застыв на месте, они пристально смотрели в глаза друг другу. У Бреннана возникло мимолетное подозрение, но оно тотчас же исчезло.

Филипп ждал повторного вызова и надеялся, что это будет ложная тревога или просто обычная проверка. Однако ладони его стали липкими от пота, когда он нажимал кнопку переговорного устройства.

— Бреннан, — отрывисто отозвался он и твердой походкой вернулся в зал.

Бухер и Маргарет сидели неподвижно, как и несколько минут назад, когда он покинул их. Бреннан подошел к столу и положил руку на плечо жены.

— Началось, — ровным голосом произнес он, — Тель-Авив и Иерусалим бомбили.

Они молча уставились на Бреннана. А он продолжал:

— Ядерные боеголовки были наведены с помощью спутников. Города разрушены до основания. О Бейруте сообщений пока не поступало, но, видимо, скоро они будут. Любое нападение на Израиль повлечет за собой немедленное возмездие, ответный удар.

— Око за око... — подала вдруг голос Маргарет.

Бреннан изумленно посмотрел на нее. Бретелька сползла с ее плеча, грудь почти обнажилась, но, казалось, Маргарет не обращает на это никакого внимания. Глаза ее лихорадочно блестели, и Бреннан подумал, что его жена здорово набралась.

Филипп попытался собраться с мыслями. Если Ближний Восток только что превратился в пылающий костер, то как скоро можно ожидать ядерных ударов по другим точкам планеты? Бреннан давно и почти наизусть знал все военные сценарии, но сейчас, когда это НАЧАЛОСЬ по-настоящему, подобное не могло уложиться ни в какие «сценарии».

Постукивая пальцем по фужеру с вином, Бухер поднялся из-за стола. Вино выплеснулось на паркет, но старик даже не взглянул на пол. Лишь одна фраза слетела с его губ:

— «И город великий распался на три части, и города языческие пали...»

Маргарет встала и подошла к Бухеру. Глядя старику прямо в глаза, она вторила ему:

— «И градъ, величиной въ талантъ, палъ съ неба на людей, и хулили люди Бога за язвы отъ града; потому что язва отъ него была весьма тяжкая».

— Маргарет! — Бреннан коснулся плеча жены и невольно отпрянул: кожа ее пылала, женщина дрожала с головы до ног как в лихорадке. Бреннан вспомнил эти слова из Откровения, столь знакомые ему с детства. Он поразился, откуда их так хорошо знает Маргарет.

Бухер и Маргарет, словно в трансе, продолжали в один голос цитировать библейские тексты: «... и сделалось великое землетрясение... Такое землетрясение! Такъ великое!...», «...я видель, что жена упоена была кровию святыхъ и кровию свидетелей Иисусовыхъ... и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ея...»

Шатаясь, Бреннан направился к двери. Он не отдавал себе отчета в том, что будет сейчас делать. Но он твердо знал: надо найти Торна-младшего и совершить то, что велит ему судьба.

Посол бросился к машине и, рванув из-под сиденья кожаный кошель, вспомнил слова де Карло: «Воскресший Христос поможет...» Бреннан снова и снова повторял эти слова, бегом возвращаясь назад, к лестнице. Пусть Он направит его руку, это теперь в Его власти, на Нем лежит вся ответственность, и Бреннан использует Его волю...

Возле лестницы Филипп увидел пса. Зверь взглянул на него и, повернувшись, тяжело затопал по коридору, словно указывая Бреннану путь. Филипп последовал за псом. Он больше ни о чем не думал, кроме того, что ему необходимо найти юношу.

В коридоре царил полумрак. В самом конце его Филипп заметил приоткрытую дверь. Собака подпустила к ней Бреннана. Тот распахнул дверь и остолбенел. Именно в этот миг Филипп понял, что все, о чем ему рассказывали, — правда.

Юноша был облачен в черную сутану. Он стоял на коленях перед трупом, его губы шевелились в беззвучной молитве. Бреннан сделал пару шагов в глубь комнаты, и кинжалы в кожаном

мешочке за его спиной громко звякнули. Но Торн-младший даже не обернулся. Он был словно в трансе.

Бреннан молча приблизился к распятому Христу, заглянул в лик Спасителя и заметил торчащий из Его спины кинжал. Все обстояло именно так, как ему рассказывали. Все было сущей правдой. А его собственный скептицизм оказался плохим советчиком. Бреннан вновь взглянул на лик Христа, потом повернулся к застывшему на пьедестале мертвену. Филиппа была сильная дрожь.

Он на минуту смежил веки и помолился, взывая к помощи. Открыв глаза, Филипп уже твердо знал, что ему делать, однако не был уверен, хватит ли на это сил. Его так и подмывало схватить за руку Маргарет и опрометью бежать прочь отсюда куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого кошмара. Но Филипп стоял как прикованный, не сводя взгляда с лика Христа, будто тот был живой.

Бреннан подошел вплотную к распятию и вытащил из дерева кинжал, который легко поддался. Пламя свечи отразилось на клинке. В сознании внезапно вспыхнули слова молитвы, той самой, что он проговаривал еще в детстве, примостившись у матери на коленях, слова, которые, как ему казалось, он уже давным-давно забыл. Филипп снова посмотрел в очи Христа и внезапно изумился: почему выбрали именно его, ведь уже много лет назад вера умерла в нем? Прикоснувшись к терновому венцу, Филипп дотронулся до гвоздей, вбитых в ладони. Затем положил на пол кошель и вытащил из него все стилеты.

Юноша не шелохнулся. А Бреннан, взявшись за рукоятку кинжала, извлеченного из деревянного тела Христа, пробормотал:

— Первый кинжал лишает жизни физической.

Филипп взглянул на хрупкую юношескую коленопреклоненную фигуру, на позвоночник, проступающий сквозь тонкую черную сутану, и понял, что не сможет нанести удар в спину. Филипп должен посмотреть ему в глаза, даже если они окажутся такими же мертвыми, как и у Дэмьена-старшего.

— Прости меня, — прошептал Бреннан и, прикоснувшись к плечу юноши, заставил того обернуться.

Улыбаясь, юноша взглянул на Филиппа. Лицо его было белее мела, в желтых глазах полыхало пламя. Занеся для удара кинжал, Бреннан заставил себя взглянуть в эти желтые глаза. Он успел почувствовать зловонное дыхание...

И тут дверь распахнулась, сноп света ворвался в комнату. В тот же момент Бреннан был сбит с ног, нож выскользнул из его рук. Чудовище попыталось вцепиться в его горло. Бреннан дотянулся рукой до страшной морды, упираясь локтями в мощную собачью грудь и стараясь отпихнуть пасть от своей шеи. Зверь качнул головой, зубы его впились в руку Бреннана. Филипп закричал от дикой боли, и животное вновь набросилось на него. Бреннан плюнул прямо в желтые глаза, и на секунду мертвая хватка ослабла. Этого оказалось достаточно, чтобы Филипп свободной рукой дотянулся до кинжала. Собака рванула зубами плечо Бреннана, стараясь свернуть ему голову. Рука его

перестала ощущать боль. Она онемела и была словно чужая. Но другой рукой Бреннану удалось нанести удар по чудовищу. Потом еще один. И еще. Собака жутко завывала и отползла от Бреннана. Но не успел тот подтянуть колени, как животное вновь накинулось на него, зубы опять заклацали возле его горла. Собачья слюна перемешалась с кровью.

И вдруг Бреннан почувствовал жалость к этому раненому зверю. У него возникло безумное желание схватить огромную морду и, притянув ее к себе, зарыться с головой в густую, мохнатую шерсть. Но вместо этого он нанес еще один удар. И промахнулся. Животное набросилось на него с новыми силами. Филипп уже ничего не видел...

Внезапно он услышал глухой удар. Собака еще раз страшно завывала, и Бреннан почувствовал, как кровь ее стекает прямо ему на лицо. Он отпихнул животное и обернулся, разглядев упавшую и разбившуюся фигуру Христа. Бреннан попытался привстать. Он заметил, что юноша, продолжая улыбаться, двинулся в его сторону. И тогда он все понял. Он ясно осознал, для чего Бухер заманил его сюда. Они решили от него отделаться и одновременно заполучить все кинжалы. Чтобы вот этому убудку, стоящему сейчас перед ним, ничего больше не угрожало.

Бреннан все-таки поднялся на колени. Одна рука его беспомощно болталась. Он не мог пошевелить пальцами. Филиппу вновь захотелось бежать отсюда без оглядки. Он прикрыл глаза.

Торн-младший наблюдал за Бреннаном, когда в дверном проеме возник женский силуэт. Филипп узнал Маргарет. Ему вдруг показалось, что жена совершенно нагая. Он обрадовался ей и протянул здоровую руку, чтобы Маргарет помогла ему встать. Но она направилась к юноше. Бреннан тряхнул головой. Наверное, это опять галлюцинации, о которых упоминал де Карло. Ведь такое не могло происходить в действительности: его колено-преклоненная и обнаженная жена ласкала Дэмьена-младшего.

Филипп не верил своим глазам, когда женщина выдернула кинжал из животного и, взявшись за него обеими руками, двинулась в сторону мужа.

Он поднял руку, пытаясь защититься, но было уже поздно. Филипп даже не осознал, что эта пожирающая боль — его собственная. Что рукоятка раскачивающегося перед его глазами стилета торчит из его шеи. И что кровь, фонтаном бьющая из перерезанной сонной артерии, — ЕГО кровь. Последнее, что увидел Филипп в этом мире, был лик Христа на рукоятке кинжала, в металлическом зеркале которого отражалась агония Бреннана.

Она отпрянула от тела, бьющегося в конвульсиях, и посмотрела на свои залитые кровью руки. Юноша взял ее за локоть и подвел к трупку своего отца.

— Преклони колени, — приказал он, и Маргарет подчинилась. Дэмьен-старший улыбался ей, словно благословляя женщину за то, что совершенное.

— Дух его живет во мне, — признался Дэмьен-младший. — И теперь пробил час разрушения.

— Аминь, — прошептала Маргарет.

— Уверуй в его силу, — потребовал юноша.

Маргарет обняла мертвеца и заметила, что юноша подошел к поверженной фигуре Христа. Затем она услышала его слова:

— Ну что, Назаретянин? Ты проиграл! И где же ты теперь, ты, требовавший от человечества вкушать твою кровь и плоть? — Он ткнул пальцем в сторону Маргарет: — Это ее ты спасал, когда тебя распинали на кресте? А ведь эта тварь создана по образу и подобию твоего Отца. Так посмотри на нее! С ног до головы залитая кровью собственного мужа, она жаждет МОЕГО отца. Так стоило ли ради этого идти на муки, Назаретянин?

Дэ́мьен-младший вцепился в терновый венок:

— Мир в предсмертной агонии, а блудница восседает на спине зверя. Похоже, пророчества сбываются. Скоро наступит конец.

Юноша поднялся во весь рост, и в часовне воцарилась тишина. Лишь невнятное бормотание женщины да еле слышное рычание животного нарушали эту тишину.

Глава 19

Поль Бухер насухо вытер свой бокал и выглянул в окно. Он залюбовался ночным небом, представляя себе, как на востоке начнет разгораться сияние. Да, скоро все случится на самом деле, никакой нужды тревожить воображение больше нет. Ибо сценарий всего происходящего был написан еще в незапамятные времена. А для воплощения этого сценария требовались лишь необходимые актеры да точная последовательность событий. Человечество выбрало для себя уничтожение. Ирония судьбы состояла в том, что уничтожение это началось с обыкновенной пепельницы, которую в качестве оружия пустили в ход, дабы «вмазать» одному идиоту.

Бухер поднялся из-за стола, прошел в зал. Огонь в камине погас. Старик включил радио и плеснул в свой бокал виски.

«...подтверждают сообщения о том, что ядерным ударам подверглись Иерусалим, Тель-Авив и Бейрут. Из Вашингтона сообщают, что Белый дом и Пентагон отказались подтвердить, будто Президент покинул город. Наш корреспондент в Москве ничего не смог сообщить, ибо все линии связи с этим регионом вышли из строя. Премьер-министр с минуты на минуту собирается выступить с заявлением, но уже известно, что послы всех стран НАТО придут в течение ближайшего часа на Даунинг-стрит, 10...»

Бухер выключил радио. Тяжесть прожитых лет внезапно легла на его плечи. Он уже старик, пора и в могилу. «Трижды по двадцать плюс десять», — пробормотал Бухер. Повернувшись, он медленно зашагал прочь из зала. В коридоре стоял дворецкий. Они молча взглянули друг на друга, пожав плечами, словно любые слова были излишними. Тяжело ступая, Бухер устало поднялся вверх по деревянной лестнице и по коридору направился в сторону часовни. Мимоходом он задался вопросом, куда подевалась Маргарет.

Внезапно до него донеслось собачье поскуливание. Дверь в часовню была настежь распахнута, но комната казалась погружен-

ной во мрак. И лишь несколько секунд спустя Бухер смог различить в сумеречном свете силуэты. Он не поверил собственным глазам. Пол был залит кровью Филиппа Бреннана. А возле труп Дэмьена-старшего на коленях стояли женщина и юноша. Они в неистовстве шептали какую-то молитву.

Бухер приблизился к телу Бреннана и взгляделся в остекленевшие глаза посла. Коснувшись рукоятки кинжала, торчащего в горле Бреннана, старик вытер с нее кровь и, уперевшись ногой в грудь посла, с натугой выдернул кинжал. Затем собрал остальные стилеты и взглянул на Дэмьена-младшего. Тот холодно проронил:

— Он явился, чтобы уничтожить меня, Поль. И нашел свою смерть.

Перекинув кошель с кинжалами за плечо, Бухер кивнул.

— Я положу этому конец раз и навсегда, — возвестил он.

Но Дэмьен уже не слушал его. Бухер вновь всмотрелся в мертвое лицо Бреннана. Наивный простака, но какой мужественный! Они пытались свести его с ума. Не удалось. Тогда просто заманили в западню. Бухер посмотрел на Маргарет. Та словно почувствовала взгляд старика. Она обернулась, облизывая губы, захихикала и призывно схватила Бухера за руку.

Бухер вспомнил, как Маргарет впервые появилась среди них два года тому назад. Классический вариант. В памяти возникли многочисленные отчеты учеников о ней. Все они в один голос сообщали, что Маргарет яростно сопротивлялась многочисленным соблазнам. И однажды, уступив и вкусив греха, она превратилась в ученицу, схватывающую все буквально на лету: секс заменил ей все. Блудница. Да, дьявольское перевоплощение Маргарет Бреннан явилось, пожалуй, одной из самых грандиозных удач. Бухер прикрыл глаза. Насколько же предсказуемы и падки на любой соблазн человеческие существа!

Вспомнилась и детская фотокарточка Маргарет, приколотая к «делу»: прелестный ребенок с невинным, сияющим личиком. Огромные глазенки, в которых застыло любопытство.

Женщина пощекотала ладонь Бухера, но он не откликнулся на призыв. Перешагнув через собаку, поднявшую на него помутневший взгляд, старик склонился возле забальзамированного тела. Труп поддерживался тонкой стальной рамой, прикрепленной к полу. Бухер принялся отвинчивать болты, удерживающие тело в раме.

— Поль? — Юноша вопросительно уставился на старика.

— Его последняя просьба, — объяснил Бухер. — В канун Армагеддона.

Юноша нахмурился:

— Я ни разу не слышал...

— Потому что я никогда не заикался об этом. Дэмьен пожелал стоять в самый последний миг на земле врага своего. Чтобы окончательно добить его. И развенчать.

Во взгляде юноши сквозило сомнение.

— Возьми крест и следуй за мной! — Тон Бухера пресекал любое возражение, и юноша, кивнув, беспрекословно подчинился.

Старик отвинтил последний болт, и тело рухнуло ему прямо на руки. Оно не было тяжелым, но и у Бухера сил оставалось немного. Он чуть не упал. Маргарет тут же подбежала к Бухеру

и помогла ему вынести труп из часовни. На пороге старик оглянулся на юношу. Тот поднял распятие и взвалил его на плечо. Колени его подогнулись под тяжестью деревянной фигуры на кресте, но он устоял, а собака заковыляла следом, опустив морду. Кровь сочилась из ран на ее теле.

Они медленно двинулись вдоль коридора и спустились вниз по лестнице, оставляя позади себя полосу пыли.

Юноша одной рукой касался перил, другой — поддерживал распятие, но на полпути выронил его и вскрикнул от боли, когда шпиль венца при падении впились в его плечо. Он проклинал все на свете. По спине струилась кровь.

Они вышли на улицу. Стустившиеся грозовые тучи висели прямо над ними, и первые тяжелые капли дождя упали на них, как только процессия ступила на гравийную дорожку. Позади западного крыла особняка, за кустарником, возвышалась на пригорке маленькая полуразвалившаяся церквушка. Бухер вспомнил вдруг, как, будучи еще ребенком, Дэмьен пожелал однажды, чтобы эту церковь разрушили. И как его уговорили сохранить этот памятник христианству, уже изрядно потерявшему свое бывшее влияние. Позднее Дэмьен силой заставил себя войти в церковь. Он победил свой страх и рассчитывал, что к моменту полной зрелости сможет безбоязненно ступить на священную землю.

А вот Дэмьен-младший никогда даже и не пытался войти сюда. Отцовского мужества ему явно не доставало. Он не смел приблизиться к церквушке на расстояние и пятидесяти ярдов.

Пока они взбирались на пригорок, все вокруг словно оцепенело. Природа замерла: ни птичьих трелей, ни стрекота насекомых не было слышно. Ни один листочек на деревьях или кустарниках не шелхнулся. Будто всякая живая тварь и растения выжидали — но чего?

Когда они приблизились к церкви, юноша что-то прокричал, призывая всех остановиться, но Бухер даже не оглянулся. Маргарет с трудом переводила дух, пот катился по ее телу, струйками смывая с него кровь мужа. Обращаясь к Бухеру, женщина грязно выругалась. Но тот не обратил на нее внимания и продолжал тащить мертвеца на холм. Сердце его бешено колотилось, дыхание то и дело перехватывало.

— Поль! — надрывно крикнул юноша.

Бухер застыл у церковных ворот. Дэмьен с тяжелым распятием на плече еле тащился в гору.

— Поставь Его вон там, — приказал Бухер, указывая на стену. — Пусть они стоят рядом — победитель и побежденный.

И вновь Дэмьен-младший повиновался старику. Он отошел подальше, широко раскрыв от страха глаза, взгляд его был прикован к церкви.

— Такова была воля твоего отца, — снова заговорил Бухер, поглядывая на восток. — Пора, — вымолвил он, пока юноша удалялся прочь от церкви, затем встал на колени.

— Иди за ним и поддержи его своей силой. Помолись с ним вместе, — перейдя на шепот, обратился Бухер к Маргарет.

Какое-то время он наблюдал, как Маргарет и Дэмьен склонили головы в молитве. Собака проковыляла мимо Бухера и улеглась на траву рядом с женщиной и юношей. Старик набрал в легкие побольше воздуха, обеими руками обхватил забальзами-

рованный труп и поволок его дальше, за ворота, к самой церкви. Над воротами висела табличка: ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ СЯТОГО ИОАННА.

Споткнувшись, Бухер услышал сзади громкий и тревожный оклик Дэмьена. Обернувшись, он увидел, как тот что есть мочи несется к церковным воротам.

С трудом переводя дыхание, Бухер подтащил свою ношу к воротам, в глубине души молясь лишь об одном: чтобы они оказались не заперты. Он толкнул ногой тяжелую дубовую дверь, и она отворилась, протяжно заскрипев на ржавых петлях. Оглянувшись, старик заметил, что Дэмьен как вкопанный застыл у ворот. Страх сковал юношу, он не мог сделать ни шагу вперед. Бухер втащил тело в церковь и захлопнул за собой дверь.

— Пожалуйста,— шепотом бормотал старик, шаря в поисках дверного засова. Наконец он нашел его. Однако тот так проржавел, что не сдвигался.

— Пожалуйста, Господи! — воскликнул Бухер, наваливаясь на задвижку с такой силой, что содрал с ладони добрый кусок кожи. Засов подался как раз в тот момент, когда Бухер услышал Дэмьена. Он мчался по тропинке к церкви и яростно рычал, словно зверь. Всем своим весом Дэмьен налег на дверь, и от этого толчка труп его отца упал на церковный пол. Бухер подхватил его и поволок к алтарю.

— Бухер! — Исступленный вопль юноши прорезал церковные стены, эхом отражаясь от полуразвалившегося свода. Бухер слышал, как Дэмьен обегал вокруг церкви, как он колотил по ее стенам, царапая их.

Старик перевернул тело на спину. При падении лицо трупа разбилось и было теперь неузнаваемо. Бухер затащил тело на алтарь и разложил на церковном полу все кинжалы. Взяв в руки первый стилет, Бухер склонился над трупом того, кто некогда был его божеством, кому он отдал бы и душу свою, и тело. Затем старик еле слышно прошептал:

— Ты обещал контроль, Дэмьен, а принес разрушение и гибель. Ты явился лживым пророком...

Бухер занес над головой кинжал и, крепко зажмурив глаза, вонзил его в труп. Кожа лопнула со звуком выстрела. И тут же за стеной раздался дикий вопль юноши. Из отверстия вырвался зловонный газ, и Бухер отшатнулся от трупа. Затем схватил второй кинжал и, заставив себя не отводить взгляда, нанес еще один удар. Потом третий, четвертый...

За стеной вопль перешел в страшный визг, превратившийся в вой шакала.

Оставался последний кинжал. Бухер всмотрелся в лик Христа на рукоятке и внезапно осенил себя крестным знамением. Как же звали того молодого человека, что шестьдесят лет назад поддался дьявольскому искушению? Старик никак не мог припомнить его имя. Он забыл самого себя. И теперь со всей жуткой очевидностью понимал, что жизнь его была кошмарной ошибкой, цепью страшных заблуждений, ибо сам он оказался обманут и предан.

Последний кинжал вонзился в труп. Дэмьен Торн как будто испустил дух, воздух с шипением вырвался из его груди. Обессиленный и поникший, Бухер рухнул на колени. Он в неистовстве шептал слова молитвы. Он забыл о времени.

Поднявшись наконец с колен, Бухер остолбенел. Перед ним среди костей шакала валялись кинжалы. Тело Дэмьена Торна сгнуло, остался лишь распавшийся скелет зверя.

Бухер медленно повернулся и, с трудом волоча ноги, направился к выходу. Отодвинул засов и вышел на воздух. Юноша стоял на четвереньках, уставясь на Бухера бессмысленным и застывшим взглядом. Затем он вздрогнул и пополз вниз по траве. Собака неподвижно лежала у порога. «Сдохла», — подумал вдруг Бухер.

Возле ворот стояла Маргарет. В ужасе вглядывалась она в свои руки, пытаясь стереть с них кровь. Она словно очнулась от кошмарного сна.

— Прикрой свою наготу, женщина, — повелел Бухер.

Она посмотрела на него, не узнавая. Затем натянула на себя остатки платья.

— Все, дело сделано, — обернулся к Маргарет Бухер.

Рука об руку зашагали они к дому. Небо прояснилось, и в просветах начинали вспыхивать ослепительные звезды...

«И увидель я Ангела, исходящего съ неба, который имел ключь от бездны и большую цепь въ руке своей. Онъ взялъ дракона, змея древняго, который есть диавол и сатана, и сковаль его на тысячу летъ, и низвергъ его въ бездну, и заключилъ его, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщаль уже народы, доколе не окончится тысяча летъ; после же сего ему должно быть освобожденнымъ на малое время».

ОТКРОВЕНИЕ СВЯТОГО ИОАННА, 20: 1—3.

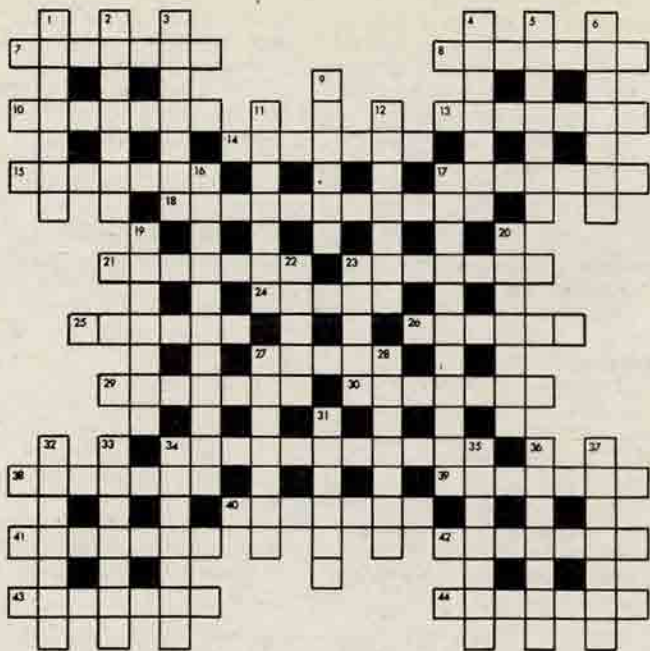
Перевод с английского
МАРИНЫ ЯКОВЛЕВОЙ и ВАЛЕНТИНЫ ВОЛОСТНИКОВОЙ.

281

Уважаемые читатели!

Подписка на 1993 год скоро заканчивается. Если Вы еще не успели подписаться на «Смену», то Вы рискуете лишиться себя удовольствия прочитать в следующем году великолепные детективы Эксбрайя «Бесполезное путешествие», Э. Уоллеса «Мститель», А. Кристи «Часы» и Э. Стенли Гарднера «Капкан для наследницы».

В портфеле редакции фантастические романы Р. Хейнлайна «Пятница» и К. Уилсона «Мир пауков», а также мистические бестселлеры: У. Блэтти «Изгоняющий дьявола» (ч. 2-я) и Э. Макклоя «Удар наносят из Зазеркалья».

КРОССВОРД
Составил
А. Белик,
Макееева
Донецкой
области

По горизонтали:

7. ... легких — максимальный объем воздуха, который можно выдохнуть после максимального вдоха. 8. Советский актер. Знаменитым его сделала роль царя Федора в трагедии А. К. Толстого, поставленной в день открытия МХТ. 10. Пушной зверек, у которого шерсть на животе значительно гуще, чем на спине. 13. Народная игра. 14. Популярная сказка К. Чуковского. 15. Процесс переработки нефти. 17. Хлопчатобумажная ткань. 18. Вид искусства, историю которого интересно написал выдающийся русский искусствовед Н. Врангель. 21. Полуфабрикат прядильного производства. 23. Специально обработанная парусина. 24. Город в Южной Корее. 25. Сто чилийских сентисимо. 26. Ремесленник, специализирующийся на изготовлении сбруи. 27. Степень родства. 29. Застежка к рубашке. 30. Строй боевых кораблей в несколько линий. 34. Наводка оптического прибора на нужную точку удаленного объекта. 38. Принцип равного представительства сторон. 39. Часть спектакля. 40. Птица, гнездовой конкурент галок в Тригорском парке близ Михайловского. 41. Пролив, разделяющий Албанию и Италию. 42. Разиня, рассеянный человек. 43. Созвездие южного неба. 44. Головная повязка или обруч, знак жреческого или царского достоинства.

По вертикали:

1. Озеро на Кольском полуострове. 2. Молодой стручок гороха. 3. Древность. 4. Горная вершина в Карпатах, объект туризма. 5. Государство, граничащее с Россией. 6. Южный родственник наших вишни, сливы, черемухи. 9. Горная форма рельефа. 11. Жители столицы самой населенной страны мира. 12. Музыкальное произведение, само название которого заво-

раживает. 16. Горная порода, облицовочный камень. 17. Раздел языкознания, изучающий словосочетания. 19. Подъемный механизм. 20. Провинция на юго-западе Китая. 22. «Кукурузный» штат США. 23. Другое название осота. 27. Неразлучная подруга Никколо Паганини. 28. Комсомольский вожак, жертва сталинских репрессий. 31. Нижняя часть здания. 32. Расширяющаяся часть тромбона. 33. Горы, где одиннадцать вершин выше восьми тысяч метров. 34. Клапан в духовых музыкальных инструментах. 35. Металл, поглотитель нейтронов в ядерных реакторах. 36. Дверной запор. 37. Задача, перед которой стоял буриданов осел.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8**

По горизонтали:

6. Бокун. 9. Серсо. 11. Лукан. 13. Фанатюк. 15. Ледоруб. 17. ...талан... 18. Реквием. 19. Калла. 20. Никелин. 21. Шевалье. 22. Самопал. 25. Адепт. 28. Якоби. 31. Стена. 32. Экман. 35. ...врата... 37. Кирсанова. 38. Бонанг. 39. Килим. 40. Джинал. 41. Анемометр. 42. Пуату. 45. «Ровер». 46. Авиго. 49. Гроза. 51. Этика. 52. Стайрон. 56. Веданта. 58. Остолоп. 61. Манор. 62. Опахало. 63. Кария. 64. Дискант. 65. Иркутск. 66. Нитка. 67. Ионит. 68. Рукав.

По вертикали:

1. Фофан. 2. Кунак. 3. Бревно. 4. Хурал. 5. Рабле. 7. ...халифат. 8. Манекен. 9. Сцена. 10. Олеша. 11. Локатор. 12. Кульбит. 14. Юрист. 16. ...Емеля... 23. Максимова. 24. Планиметр. 26. Делавар. 27. Пакгауз. 29. Квадрат. 30. Базилик. 31. Столп. 32. Эркер. 33. Малов. 34. Номер. 36. Араго. 43. Угленит. 44. Товарка. 47. Винокур. 48. Загорск. 50. Астон. 51. Энсор. 53. Тапти. 54. Иохани. 55. Оолит. 56. Вадим. 57. Доска. 59. Латук. 60. Пикап.

**ОТВЕТЫ
НА
«ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8**

По горизонтали:

1. Парча. 6. Рифма. 10. Аскет. 12. Выборщик. 13. Мюнхен («деревня-миллионер») 14. Дибай. 16. Хоспис. 17. Выкройка. 18. Потир. 20. Алг. 23. Гоя (в Аргентине). 25. Каррьер. 26. Штормовка. 28. ...единение. 30. Рябость. 32. Лев. 34. Нюх. 37. «Опыты» (М. Монтеня). 40. Ерошенко. 41. Поклон... 42. Октет. 44. Фрегат. 45. Лабрюйер. 46. Жавер («Отверженные»). 47. Страх. 48. Отеть.

По вертикали:

2. Асбест. 3. Черчилль. 4. Эскимос. 5. Ненависть. 7. Изюбрь. 8. Михайлов. 9. Сваха. 10. Аид. 11. Униат. 15. Йыр. 19. Факел. 20. Архив. 21. Гевея. 22. Юрьян. 23. Горох. 24. Якуты. 27. Гипократ. 29. Депонент. 31. Бюрократ. 33. Стрелец. 35. Верфь. 36. Зевака. 37. ...око. 38. Клейст. 39. Цнори. 43. Тар.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера

ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Наши читатели принимают активное участие в конкурсе решения задач, публикуемых в разделе. Сегодня вместе с ответами на задачи первых двух номеров «Смены» мы приводим фамилии решателей, быстрее других приславших нам правильные ответы: **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Корнеев** (г. Мирный Архангельской обл.), **И. Некрасов** (Архангельск), **Ю. Лялюшкин** (Екатеринбург), **Р. Сабиров** (Ижевск), **В. Станке-**

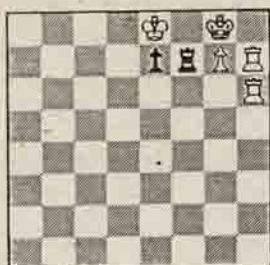
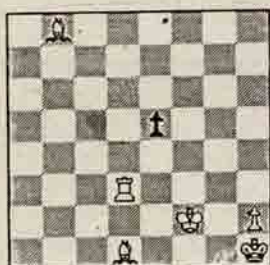
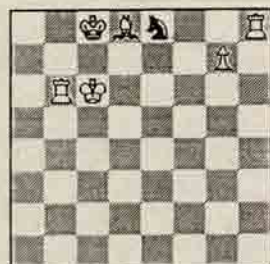
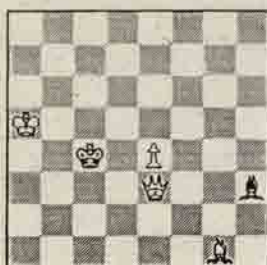
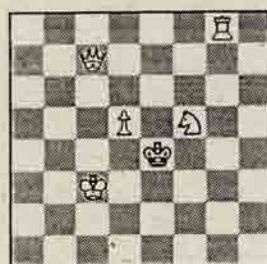
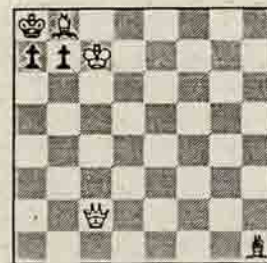
вич (Челябинск), **А. Суходольский** (Одесса), **В. Турчанинов** (Самара), **А. Шуматбаев** (Нефтекамск), **Н. Чистяков** (Омск).

Решения задач «Смена» № 1, 1992

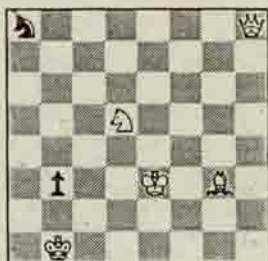
1. В. Соловьев. 1. Ле7.
2. В. Самило. 1. Ла1.
3. С. Николаев. 1. Фh5.
4. А. Зарх. а) 1. Сb8 Крb7 2. Сb5;
б) 1. Крc7 Кре7 2. Сd6.
5. С. Захаров. 1. g8Ф! Крh5 2. Кh6.
1. g8Ф? Крh5!
6. В. Марковций. 1. d7 Крh5 2. d8Л,
1...h5 2. d8К.
7. С. Демидюк и В. Кожакин. 1. Крb4~
2. Сg7, 1...Лg8 2. Сd4, 1...Лf5 2. Сf4, 1...Ле5
2. Фg6.
8. В. Щербина. 1. f6 Кe8 2. Фc3, 1...Кe6
2. Се6, 1...Кf5 2. Фg4.
9. В. Антипов. 1. Се3! c3 2. Сc5,
1...Кра4 2. Кc3; 1. Ch6? c3!

«Смена» № 2—3, 1992

10. С. Цырулик. 1. Ла3; 1. Лh8? a2!
11. О. Грицына. 1. Кd7!; 1. Кd5? Кc4!;
1. Фb6? Ле6!
12. В. Марковций. 1. Ке8!; 1. Ке4?
Лс7!
13. А. Буланов. 1. Фc6!
14. Д. Комаров и С. Шедей. 1. Ла1! Ка1
2. Лb1!
15. В. Гаврилов. 1. Фh5! Крc2 2. Фd1!,
1...c2 2. Фg6.
16. В. Кожакин. 1. Крf6! Крh8 2. Крg6,
1...e4 2. Сc3; 1. Сc3? e4 2. Крf6, 1...Крh8!
17. В. Антипов. 1. Ке6! ba 2. b4 Кра4
3. Кc5x, 1...Кра4 2. Кc5 Кра5 3. abx, 1...b3
2. Кc7.
18. М. Марандюк. 1. Крc3 Крh2 2. Лh3
Крg1 3. Крd2 Крf2 4. Лf3 Крg1 5. b4 Кoh2
6. Лh3 Крg1 7. b5 Крf2 8. Лf3 Крg1 9. b6 Крh2
10. b7 Крg1 11. b8Л! Крh2 12. Лh3 Крg1
13. Лb1. Побочное решение: 5. Кре2 Крh2
6. Лh3 Крg1 7. Лg3 Крh2 8. Крf2 g1Ф 9. Лg1
Са8 10. Лg3 Сg2 11. Лg2 Крh1 12. Лg3 Крh2
13. Лh3x.

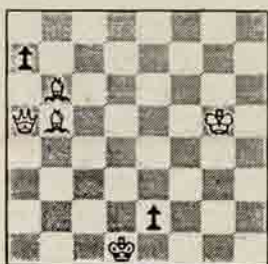
52. В. МЕЛЬНИЧЕНКО*г. Котовск Одесской обл.***Мат в 2 хода****53. В. ЖЕЛТОНОЖКО***Екатеринбург***Мат в 2 хода****54. В. ЩЕРБИНА***Донецк***Мат в 2 хода****55. Д. ГИЖКО***Чернигов***Мат в 3 хода****56. В. ИВАНОВ и Н. ШИШКИН***Карелия***Мат в 3 хода****57. Ан. КУЗНЕЦОВ***г. Реутов Московской обл.***Мат в 3 хода**

58. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

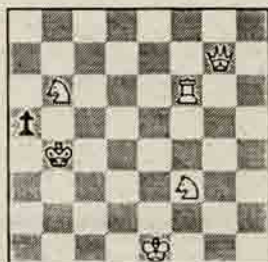
Мат в 3 хода

59. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица Черновицкой обл.

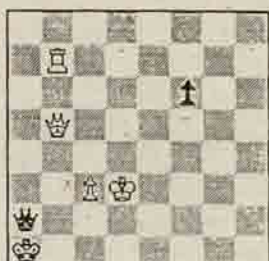
Мат в 3 хода

60. М. ВЛАСОВ
г. Кудымкар Пермской обл.

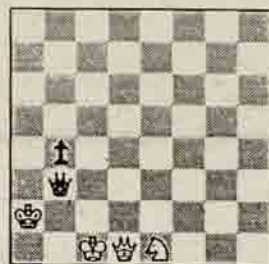
Мат в 3 хода

61. В. КОЖАКИН (Магадан)
В. ЩЕРБИНА (Донецк)

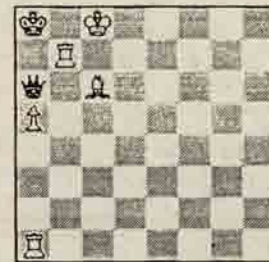
Мат в 4 хода
Близнец: п. f6 — e7

62. В. ГРЕБЕШКОВ
п. Середка Псковской обл.

Мат в 6 ходов

63. Б. АНТИПОВ
г. Боровичи Новгородской обл.

Мат в 7 ходов

«СМЕНА»-93

это — произведения лучших мастеров классического детектива, мистической прозы и фантастики,

это — встреча с неутомимым Львом Туровым в новом романе Николая Леонова,

это — романы Роберта Блоха «ПСИХОПАТ» (2-я часть), Френсиса Вильсона «ЗАСТАВА», Трегори Макдональда «ФЛЕТЧ», С. Пола Рида «НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ» и другие.

СП-I

Министерство связи СССР
„Союзпечать“

АБОНЕМЕНТ на	70820										
«СМЕНА»	журнал (индекс издания)										
	Количество комплектов I										
на 1993 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому											
(фамилия, инициалы)											

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
						70820					
ПВ	место	ли-тер	на журнал			(индекс издания)					
«СМЕНА»											
Стои-мость	подписи пере-адресовки	руб.	коп.	руб.	коп.	Количество комплек-тов	I				
на 1993 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
уда											
(почтовый индекс)			(адрес)								
ому											
(фамилия, инициалы)											

«СМЕНА»-93

Это 39 рублей за один номер, 117 рублей — за три. Полугодовая подписка — 234 рубля. Принимается она без ограничений всеми отделениями связи, но, если Вы хотите получить журнал с января, постарайтесь оформить подписку до 30 сентября.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

ЮРИЙ ПАНИН. Жертвам репрессий.

Весна.

(Читайте стр. 126).

Реквием.

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

«Мотли Крю»

ИНДЕКС 70820